1906.
Н 379.
ВНУЗИС

25 марта.

Отклики Современности

№ 1.

180433

СОДЕРЖАНІЕ:

1. *Л. М.* Созывъ Думы.
2. *П-усъ.* Политика правительства.
3. *Ф. Д.* Къ оцѣнкѣ пережитыхъ событій.
4. *Ю. Ларинъ.* Будущее русской революціи.
5. *Д. Кольцовъ.* Реалистич. и идеалист. либерализмъ въ раб. вопросѣ.
6. *М. Б-овъ.* Партія „чистой" буржуазіи.
7. *В. Воробьевъ.* О казакахъ.
8. *А. Бушевичъ.* Корреспонденція изъ латышскаго края.

СКЛАДЪ
при
книгоиздательствѣ
„Донская Рѣчь".

Отъ редакціи

Настоящій номеръ, законченный составленіемъ въ началѣ марта, по случайнымъ обстоятельствамъ запоздалъ своимъ выходомъ въ свѣтъ.

Въ ближайшемъ номерѣ будутъ помѣщены въ числѣ прочихъ статьи, посвященныя выборамъ въ Государственную Думу.

Типо-лит. „Энергія“, Загородный, 17.

Созывъ Думы

и политическія партіи.

Самый мрачный пессимистъ не рѣшился бы предсказать ту „странную“ обстановку, въ которой будетъ происходить назначенный на 27 апрѣля созывъ „Государственной Думы“.

Половина страны на военномъ положеніи, большинство остальныхъ мѣстностей—подъ режимомъ усиленной и чрезвычайной охраны. Всѣ законы—до-и послѣоктябрскіе—фактически отмѣнены министрами, генералъ-губернаторами и губернаторами. Военно-полевые и простые военные суды превратились въ регулярнодѣйствующіе аппараты по искорененію политическихъ враговъ существующаго порядка. Возстановлена административная ссылка и примѣняется съ щедростью, неизвѣстной даже во времена Плеве. Возстановлена розга, какъ необходимое средство „успокоенія“ народныхъ массъ. Этого мало: возстанавливается пытка, какъ основной пріемъ слѣдственнаго процесса въ дѣлахъ политическихъ; возстановлено сожженіе городовъ и деревень, какъ средство понужденія населенія къ выдачѣ „зачинщиковъ“. Тюрьмы переполнены выше всякой мѣры и въ ихъ наполненіи замѣчается явная тенденція упрятать подъ замокъ, просто на просто, всю, сколько нибудь опредѣлившуюся, оппозицію. Вслѣдъ за возможными партійными кандидатами въ самую Думу, въ тюремные замки и въ отдаленныя губерніи слѣдуютъ кандидаты въ выборщики, а за ними—сами избиратели.

Въ то же время пресса разгромлена сотнями процессовъ на основаніи извѣстныхъ временныхъ правилъ о „свободѣ печати“ и безчисленными репрессіями на основаніи беззаконныхъ распоряженій. На время собственно-предвыборной компаніи вводятся еще болѣе драконовы правила, имѣющія окончательно „обуздать“ печать.

Большинство политическихъ и всякихъ иныхъ союзовъ закрыто; политическія собранія не допускаются. Болѣе того: газеты уже отмѣчаютъ факты прямого *наказанія* избирателей за то, что они... воспользовались правами, полученными ими по закону 11-го Октября. Крестьяне села Станиславскаго, перевыбравшіе, на основаніи этого закона, волостной сходъ, были за это *высѣчены* администраціей. Это славное дѣяніе херсонскихъ агентовъ «конституціоннаго» правительства, какъ нельзя лучше, символизируетъ всю его политику по созыву Думы.

Созывъ Думы, такимъ образомъ, *конкретной* своей обстановкой разрушаетъ послѣднюю *иллюзію* „безболѣзненнаго“ перехода самодержавія къ конституціонализму. Лучше всякой агитаціи, избирательная кампанія кабинета Витте разъясняетъ обывателю революціонный характеръ того процесса, которымъ совершается эта смѣна государственной формы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, безжалостно рушится та идеологическая постройка, которую создали въ своихъ политическихъ программахъ такъ называемыя „центральныя“ партіи, во главѣ съ „Союзомъ 17-го октября“.

Эти партіи объявили, что октябрскій манифестъ прекратилъ борьбу „общества“ съ властью. Онѣ стали формироваться въ *правительственныя* партіи, стремясь въ тоже время сплотить вокругъ себя общественныя силы подъ знаменемъ „свободы и порядка“. Сколько нибудь „европейская“ обстановка выборовъ являлась именно для этихъ партій необходимымъ условіемъ политическаго

успѣха, такъ какъ только въ такой обстановкѣ имъ удалось бы собрать вокругъ себя общественные элементы, которымъ *можно* удовлетвориться революціонными завоеваніями октябрскихъ дней. Съ удивленіемъ замѣчаютъ онѣ теперь, что самодержавіе, въ его конкретно-осязательной, исторически сложившейся формѣ—въ видѣ безудержнаго произвола и абсолютнаго отрицанія гражданственности — осталось неупраздненнымъ, несмотря на октябрскій манифестъ. Съ ужасомъ онѣ констатируютъ, что то пораженіе революціонеровъ, которому они вчера рукоплескали, содѣйствовало возвращенію правительства на его прежнія, до-октябрскія позиціи.

И партіи „центра“ снова пытаются занять оппозиціонное положеніе. Представленные ими имущіе классы ощущаютъ живую потребность податься влѣво. Но сами партіи за время, протекшее послѣ 17-го октября, успѣли уже поглотить нѣкоторые, завѣдомо и прочнореакціонные элементы. Интересы имущихъ классовъ, требовавшіе борьбы противъ дальнѣйшаго развитія революціи, подсказали идеологамъ програмные лозунги, стянувшіе подъ знамя „центральныхъ“ партій самыя разношерстныя группы. Слегка фрондирующій—въ глубинѣ души совершенно реакціонный—чиновникъ; отсталый провинціальный обыватель, неудачно конкуррирующій на различныхъ поприщахъ съ „интеллигентами“ и „жидами“; дикій помѣщикъ и старозавѣтный купецъ, примкнувшіе къ Гучковымъ и Шиповымъ, какъ къ противовѣсу противъ кадетовъ; наконецъ, та общественная накипь, которая представляетъ собой на окраинахъ „угнетенныхъ инородцами русскихъ людей“,—всѣ эти, по существу реакціонные элементы, собрались подъ знаменемъ „17 октября“ и теперь не даютъ „центральнымъ“ партіямъ вернуться на либеральную позицію прежняго, „земскаго меньшинства“. Это противорѣчіе разлагаетъ всѣ „центральныя“ партіи. Оно уже заставило отдѣлиться отъ „правового порядка“ первоначальныхъ его ос-

нователей, послѣ чего пресловутая партія окончательно превратилась въ полу-полицейское учрежденіе. Партія торговопромышленная (партія „конституціонная“!) не рѣшилась поставить рокового для всѣхъ „центральныхъ“ партій вопроса: стала ли Россія конституціоннымъ государствомъ послѣ того акта 17-го октября, который написанъ на конституціонномъ знамени этихъ партій. „Союзъ 17-го октября“ на своемъ съѣздѣ подтвердилъ свои конституціонныя требованія и въ рѣчахъ его лидеровъ много говорилось о недовѣріи къ „правительству 17 октября“ и о необходимости дальнѣйшей борьбы за конституцію. Но отмѣченное выше заполненіе этой умѣренно-дворянской партіи явно „черносотенными“ элементами сдѣлало то, что съѣздъ не могъ вынести даже резолюціи съ требованіемъ немедленнаго избавленія Россіи отъ военнаго и „военно-полевого“ положенія. „Ташкенцы“ съ окраинъ, составляющіе единственную опору партіи въ тѣхъ не-русскихъ провинціяхъ, порабощеніе которыхъ во имя „государственнаго единства“ является высшимъ идеалистическимъ цвѣткомъ партійной программы,—эти ташкенцы *не могутъ* протестовать противъ режима военнаго положенія, подъ сѣнью котораго они только и могутъ вести свою „національную“ борьбу. Не могли искренно протестовать противъ этого режима и дикіе помѣщики, поправляющіе свои разстроенныя дѣлишки, пользуясь экспедиціонными отрядами. Не даромъ одинъ изъ ораторовъ на съѣздѣ заявилъ, что нельзя партіи клеймить военное положеніе и чрезвычайную охрану, ибо именно со времени ихъ распространенія на всю Россію партія 17 октября окрѣпла и развилась. Золотыя слова! Горе только въ томъ, что это укрѣпленіе и это развитіе, совершаясь при условіи дарованной „Союзу“ гг. Витте и Дурново монополіи свободной политической дѣятельности, не могло прочно сплотить вокругъ „Союза“ жизнеспособные общественные элементы, а внѣ этого партія не можетъ

притязать на хотя бы временное представительство интересовъ борющагося за свободу буржуазнаго общества. Между тѣмъ, двусмысленное и половинчатое отношеніе къ такого рода вопросамъ, какъ прекращеніе военныхъ прогулокъ г.г. Римановъ, будетъ и впредь тѣмъ сильнѣе разлагать „центральныя“ партіи, чѣмъ больше, подъ вліяніемъ событій, уловляемый и частью уловленный въ ихъ сѣти обыватель будетъ убѣждаться въ необходимости дѣйствительными мѣрами обезвредить правящую камарилью.

Вотъ почему, хотя „центральныя“ партіи—и впереди ихъ, „союзъ 17-го октября“—и имѣютъ много шансовъ провести въ Думу многочисленныхъ своихъ представителей—все же онѣ не станутъ въ самомъ ходѣ выборной компаніи той политической силой, которая могла бы взять на себя руководство „общенаціональнымъ“ движеніемъ буржуазныхъ классовъ, направленнымъ къ обновленію общественнаго и политическаго строя Россіи и концентрирующимся въ Государственной Думѣ. Входящіе въ эти партіи элементы, пропитанные гнилыми соками существующаго режима, быстро и легко смѣшаются въ выборной компаніи и въ самой Думѣ съ забубенными реакціонерами, которые будутъ выбирать и выбираться подъ прямымъ покровительствомъ губернаторовъ, предводителей и земскихъ начальниковъ. Всѣ прочіе элементы, плетущіеся за „умѣренными“ партіями, если во время выборовъ еще не отдѣлятся отъ нихъ, то въ самой Думѣ, несомнѣнно, впервые начнутъ опредѣляться политически и, въ силу своей общественной природы и подъ вліяніемъ обостряющихся противорѣчій русской революціи, необходимо должны будутъ опредѣлиться въ сторону мелкобуржуазной и крестьянской демократической *оппозиціи*. Съ полнымъ основаніемъ г-нъ П. Струве говоритъ („Полярная Звѣзда“, № 10), что выбранные съ помощью „Союза 17 окт.“ крестьяне въ самой Думѣ отдѣлятся отъ этой партіи. И не одни только крестьяне.

Выросшая, благодаря благодѣяніямъ военнаго положенія, и обязанная, скрѣпя сердце, бороться съ этимъ положеніемъ, наша партія центра не сможетъ, какъ я старался показать, сыграть крупной прогрессивной роли въ томъ процессѣ сплоченія и дифференціаціи политическихъ силъ, какимъ несомнѣнно будетъ періодъ выборовъ и первыхъ работъ Гос. Думы (буде она соберется). А этотъ процессъ, несомнѣнно, явится важнымъ факторомъ дальнѣйшаго революціоннаго развитія, и партія, которая сыграла бы въ немъ передовую роль, тѣмъ самымъ пріобрѣла-бы прочную позицію для дальнѣйшаго отстаиванія своихъ политическихъ задачъ.

Партіи имущихъ par excellence идутъ въ бой не готовыми къ такой роли. И именно потому она, можно сказать, напрашивается партіямъ неимущихъ, партіямъ крайнимъ—и въ глазахъ ихъ соціалъ-демократіи. Если партіи „центра“ хирѣютъ подъ огнемъ исключительныхъ законовъ, то партіи революціонныя, благодаря этимъ самымъ законамъ, выдвигаются въ сознаніи массъ на первое мѣсто (когда стихійное революціонированіе массъ еще продолжается). Если умѣренные, по мѣрѣ обостренія избирательной компаніи и связаннаго съ нимъ роста правительственнаго давленія на выборы, должны будутъ быстро терять кредитъ въ народѣ, то къ крайнимъ, напротивъ, въ силу этого обостренія, должны будутъ, въ ходѣ избирательной борьбы, притекать симпатіи новыхъ и новыхъ массъ. Если въ самой Думѣ организованное ядро сторонниковъ умѣренной свободы и неумѣреннаго „порядка“ должно будетъ таять—путемъ отлива случайно примкнувшихъ элементовъ,—послѣ каждаго новаго столкновенія общественнаго представительства, какъ таковаго, съ бюрократіей, какъ таковой,—то за счетъ этихъ элементовъ должны будутъ въ концѣ концовъ расти крайнія группы. Короче: чѣмъ менѣе буржуазія (городская и земельная) смогла стать къ моменту выборовъ во главѣ общеосвободительнаго

движенія, въ которомъ все больше принимаютъ активное участіе широкія массы народа,—тѣмъ успѣшнѣе эта роль могла бы быть сыграна тѣми „крайними“ партіями отстаивающими послѣдовательно интересы пролетаріата и крестьянства, которыя поставили бы себѣ задачу организовать народныя массы въ выборной кампаніи на почвѣ борьбы съ явно-противународнымн кандидатурами буржуазныхъ рыцарей „порядка“.

Для потерпѣвшихъ пораженіе въ декабрскіе дни крайнихъ партій активное участіе въ избирательной кампаніи является лучшимъ способомъ реализовать въ свою пользу и въ пользу революціи плоды той революціонной агитаціи, которую усиленно велъ послѣднее время въ доселѣ индифферентныхъ массахъ населенія „конституціонный“ кабинетъ. Закрѣпить эти впервые пробудившіяся массы за революціей, связавъ ихъ съ собою, такова задача „крайнихъ“ партій въ эти переходные дни, когда стихія революціи дѣлаетъ передышку, чтобы воспрянуть съ новой силой. По отношенію къ пролетаріату, обогнавшему въ своей политической сознательности всю націю, это значитъ—воспользоваться выборами для возстановленія на новомъ, болѣе широкомъ и прочномъ, базисѣ его политической организаціи, разбитой въ декабрѣ, для внесенія въ его среду того духа *партійности*, которымъ особенно отличается пролетаріатъ германскій и который всего вѣрнѣе развивается участіемъ въ избирательной борьбѣ, требующей высшаго единства дѣйствій и высшей политической дисциплины. По отношенію къ болѣе отсталымъ массамъ крестьянства и городского мѣщанства, это значитъ вовлечь ихъ впервые въ *организованную* и планомѣрную политическую борьбу, не дать буржуазнымъ партіямъ собрать подъ свои знамена эти массы, инстиктивно ищущія политическаго руководства.

Активное вмѣшательство „крайнихъ“ партій въ выборы должно радикальнымъ образомъ измѣнить самое

политическое значеніе выборной кампаніи, нарочито съуживаемое правительственной политикой. Только при такомъ ихъ участіи передъ массами избирателей встанутъ во весь ростъ тѣ соціальные вопросы—и прежде всего вопросъ „о землѣ“,—которые буржуазными партіями такъ тщательно маскируются въ туманныхъ формулахъ ихъ практическихъ программъ. И только такое обнаженіе этихъ соціальныхъ вопросовъ можетъ связать въ представленіи массъ осязаемыя ими конкретныя ихъ нужды съ революціонными лозунгами партій. Чѣмъ болѣе укрѣплялась бы такая связь, тѣмъ менѣе въ ходѣ выборной кампаніи правительство могло бы удержать ту „тишь да гладь“, которая нужна для полнаго успѣха дѣла фальсификаціи представительства. Кто хочетъ „сорвать Думу“ въ томъ—единственно серьезномъ—смыслѣ, чтобы революціонное развитіе не дало Виттевской „конституціи“ стать длительнымъ этапомъ революціи, тотъ долженъ активно участвовать въ избирательной борьбѣ.

Къ сожалѣнію, „крайнія“ партіи далеки отъ пониманія этого. „Партія соціалистовъ-революціонеровъ“ высказалась за бойкотъ, упустивъ представившійся ей, быть можетъ, въ послѣдній разъ случай стать сколько нибудь похожей на народную крестьянскую партію. Она предпочитаетъ оставаться группой революціонныхъ интеллигентовъ.

Менѣе единодушно становится на путь „бойкота“ соціалъ-демократія. Внутри ея еще ведутъ борьбу сторонники двухъ тактическихъ методовъ. Тѣмъ не менѣе, уже и теперь можно сказать, что многія соц. дем. организаціи будутъ агитировать за бойкотъ. Въ Польшѣ, Прибалтійск. краѣ, Литвѣ—бойкотъ принятъ всѣми соціалъ-демократами.

Въ Петербургѣ с. д. организація тоже высказалась за него (правда, небольшимъ большинствомъ при

референдумъ среди 2.000 организованныхъ рабочихъ *). Тоже и въ Москвѣ. Изъ мѣстностей, въ которыхъ принята соціалъ-демократами другая тактика,—тактика партійнаго участія въ выборахъ, можно упомянуть Закавказье и Сѣвер. Кавказъ, Крымъ, Донецкій бассейнъ, Кіевъ, Полтаву, Смоленскъ, повидимому, также Саратовъ, Иваново-Вознесенскъ и подмосковный округъ. Въ прочихъ мѣстахъ еще не выяснилось отношеніе с.-д. партіи. Во всякомъ случаѣ, если бы въ остальныхъ мѣстахъ и принята была тактика участія въ выборахъ, это, конечно, могло бы лишь смягчить, но не вовсе устранить тѣ послѣдствія, къ которымъ приведетъ воздержаніе отъ участія въ избирательной борьбѣ с.-д. партіи, какъ цѣлаго. Эпизодическое участіе отдѣльныхъ мѣстныхъ организацій имѣетъ важное принципіальное значеніе, практически же оно не можетъ существенно измѣнить политической обстановки всей выборной компаніи.

Я не могу здѣсь останавливаться подробно на разборѣ тѣхъ аргументовъ, которыми сторонники „бойкота“ подкрѣпляютъ свою, на мой взглядъ, совершенно ошибочную и всего менѣе дѣйственно-революціонную тактику. Замѣчу только, что въ корнѣ ошибочна ихъ мысль, будто бы отвергаемое ими участіе въ выборахъ предполагаетъ, для своего оправданія, обстановку „мирнаго легальнаго развитія“ и совсѣмъ не годится для переживаемаго нами періода лишь временно стихшихъ революціонныхъ бурь. Кто разсуждаетъ такъ, тотъ впадаетъ въ первородный грѣхъ русскаго утопическаго соціализма — въ метафизическое противопоставленіе „парламентскихъ“ и „революціонныхъ“ методовъ политической борьбы. Послѣ сорокалѣтняго почти существованія германской соціалъ-демократіи такое противопоставленіе достойно только безнадежныхъ бернштейні-

*) Цифры были приведены въ „Нашей жизни“.

анцевъ и безтолковыхъ анархистовъ — послѣдователю научнаго соціализма нечего съ нимъ дѣлать.

Тотъ же аргументъ часто принимаетъ характеръ апелляціи къ настроенію самихъ народныхъ массъ. Говорятъ, что въ періодъ разгорающейся революціонной борьбы, въ которой непосредственно участвуютъ массы, послѣднія не склонны пользоваться такимъ средствомъ сѣрыхъ будней, какъ политическіе выборы въ кущый quasi—парламентъ. Разсужденію этому достаточно противопоставить слѣдующія слова Фридриха Энгельса:

„Въ спокойныя времена, когда пролетаріатъ заранѣе знаетъ, что въ лучшемъ случаѣ онъ проведетъ въ парламентъ лишь небольшое число представителей и что для достиженія парламентскаго большинства ему отрѣзана возможность,—въ такія времена можно еще кое гдѣ убѣдить рабочихъ, что они совершатъ великій революціонный подвигъ, если во время выборовъ будутъ сидѣть дома... Это, дѣйствительно, великолѣпный способъ дѣйствовать революціонно для людей, у которыхъ душа легко въ пятки уходитъ... Но *какъ только сами событія выдвигаютъ пролетаріатъ на передній планъ* (курсивъ нашъ), нелѣпость воздержанія становится очевидной, дѣятельное вмѣшательство рабочаго класса является *неотвратимой необходимостью*“.

Энгельсъ, такимъ образомъ, устанавливаетъ прямо противоположное отношеніе между „бойкотнымъ“ настроеніемъ массъ и „спокойнымъ“ характеромъ событій. А писалъ онъ эти строки именно по поводу тактики соціалистовъ въ *революціонное* время, во время революціи 1873 г. въ Испаніи [1]). Утверждая, что въ такое время рабочій классъ „съ неотвратимой необходимостью“ приметъ участіе въ выборахъ, Энгельсъ указываетъ, что, если соціалистическая партія не придастъ этому участію

[1]) См. „Бакунисты за работой“, изд. „Новый міръ“, стр. 5—6.

организованный характеръ, оно неизбѣжно выродится въ *поддержку рабочими болѣе радикальныхъ изъ своихъ классовыхъ противниковъ*. Испанскіе рабочіе, говоритъ онъ, „*какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ*“ (курс. нашъ), голосовали за людей, въ данный моментъ наиболѣе радикальныхъ, вслѣдствіе этого, считали себя болѣе или менѣе отвѣтственными за послѣдующіе шаги своихъ выборныхъ и связали себя съ ними“.

Приложите сказанное Энгельсомъ не только къ русскому пролетаріату, но и къ русскому крестьянству, переживающему процессъ революціоннаго самоопредѣленія, и вы можете предсказать, что должно получиться, если основной тактикой соціалистовъ станетъ „бойкотъ“. Значительная часть массы—особенно крестьянской—выбирать будетъ. Элементарное революціонное чутье подскажетъ имъ голосовать за „наиболѣе радикальныхъ въ данный моментъ людей“, выступающихъ на выборахъ. Такими людьми явятся, при воздержаніи „крайнихъ“, съ одной стороны, „кадеты“, съ другой—всевозможныя прогрессивно-настроенныя одиночки, частью изъ рабочей и крестьянской среды. Обиліе такихъ не партійныхъ кандидатуръ обезпечивается всей созданной и Дурново, и Витте обстановкой выборовъ.

Воздержаніе „крайнихъ“ партій неизбѣжно позволитъ „партіи Народной Свободы“—кадетамъ—сыграть видную роль во время выборовъ и — еще болѣе — въ самой Думѣ.

Между тѣмъ, событія, наступившія за 17-мъ октября, позволяли надѣяться, что эта межеумочная партія быстро сойдетъ со сцены, уступивъ мѣсто новымъ политическимъ образованіямъ. Октябрскіе дни порвали связь партіи съ основной массой аграріевъ и промышленниковъ, требовавшихъ рѣзко-опредѣленной позиціи противъ соціально-революціонныхъ движеній въ народѣ. „Кадеты“ оказались достаточно плохими демократами, чтобы не пожелать угодить гг. собственникамъ

непристойными нападками на тактику соціалистовъ, на требованія пролетаріата, на „захваты“ крестьянства, на всеобщія стачки и на баррикады. Въ качествѣ людей тонкаго воспитанія, они взяли на себя особенно благородную роль идеологическихъ поборниковъ законности собственности и „мирнаго развитія“. Реакціи и собственникамъ они оказали немалую услугу, вытащивъ во время призракъ „диктатуры пролетаріата“, клеймя пролетарскія забастовки и принявъ участіе въ травлѣ практикуемаго крестьянской демократіей „захватнаго права“. Но всѣмъ этимъ они отнюдь не могли удержать крупную буржуазію въ своихъ рядахъ: благодарная идеологическимъ защитникамъ своихъ интересовъ буржуазія, однако, предпочитаетъ передать политическое представительство своего класса людямъ, готовымъ для охраны этихъ интересовъ вступить въ соглашеніе съ государственной властью, *какъ она есть*. За то контръ-революціонная кампанія „кадетовъ“ поставила ихъ въ рѣзко-антагонистическое отношеніе къ пролетаріату, крестьянству и разночинной интеллигенціи. Еслибъ соціалистическія партіи рѣшительно выступили на выборахъ, партія кадетовъ была бы политически раздавлена между ними и партіями „центра“.

Теперь, благодаря „бойкоту“ соціалистовъ, „кадеты“ получаютъ шансы привлечь къ себѣ народныхъ избирателей всюду, гдѣ ихъ къ тому будетъ толкать антагонизмъ къ „Союзу 17 окт.“, торгово-промышленной партіи и къ „правовому порядку“. Въ газетахъ сообщалось уже о многочисленныхъ присоединеніяхъ къ „кадетамъ“ *прикащичьяго* пролетаріата, отдѣляющагося отъ патроновъ, которые группируются и насильно тащатъ своихъ наемныхъ рабовъ въ „торгово-промышленную“ партію. Нѣтъ сомнѣнія, что часть крестьянства тоже будетъ голосовать за „кадетовъ“. Угнетенныя національности, вѣроятно, отдадутъ имъ много голосовъ. Какъ ни старается правительство, „кадеты“ попадутъ

въ Госуд. Думу, а разъ попавъ въ нее, они на первыхъ порахъ станутъ популярной политической партіей.

Прежде всего, они станутъ въ Думѣ естественнымъ центромъ для тѣхъ „дикихъ“ одиночекъ, о которыхъ я говорилъ выше и которыхъ пошлетъ въ Думу политически неорганизованный обыватель, главнымъ образомъ крестьянинъ. Они станутъ такимъ центромъ, потому что дадутъ этимъ „дикимъ“ какую ни на есть программу, какую ни на есть тактику парламентской оппозиціи. Во-вторыхъ, по самому положенію Госуд. Думы въ общей системѣ нынѣшнихъ государственныхъ учрежденій, основнымъ вопросомъ, который будетъ занимать ее, должна будетъ стать борьба за ея собственную самостоятельность, а въ этой борьбѣ лидерами явятся, конечно, „кадеты“, какъ единственная изъ идущихъ въ Думу партій, имѣющая сколько-нибудь твердое конституціоналистское credo. Да и самое самоустраненіе „крайнихъ“ отъ избирательной борьбы будетъ способствовать тому, чтобы „лѣвая“ въ Думѣ могла возможно дольше отсрочивать прямую борьбу за рѣшеніе основныхъ соціальныхъ вопросовъ, волнующихъ массу: въ интересахъ самосохраненія, буржуазные либералы и демократы не будутъ спѣшить съ постановкой этихъ вопросовъ, имѣющихъ печальное свойство „разъединять націю“.

Публицистъ „кадетской“ партіи увѣренно учитываетъ выпадающую на ея долю роль въ Думѣ. Выше приведено справедливое мнѣніе г-на Струве о томъ, что подъ какимъ флагомъ ни выбирались бы крестьянскіе депутаты, они въ Думѣ станутъ противъ помѣщичьихъ партій. Г-нъ Струве говоритъ, что всѣ они „будутъ въ Думѣ, Божіей милостію (!) членами к.-д. партіи народной свободы, ибо эта партія есть единственная въ Россіи большая парламентская партія, твердо и въ полномъ своемъ составѣ (!) отстаивающая

коренную земельную реформу въ пользу крестьянства". („Пол. Звѣзда" № 10).

Увы! Предшествующія этому мѣсту строки достаточно убѣдительно говорятъ о преждевременности ликованія г. Струве. Предсказывая „союзу 17-го октября" отпаденіе примкнувшихъ къ нему крестьянъ, г. Струве замѣчаетъ: „Соединеніе такихъ соціально-враждебныхъ слоевъ, какъ помѣщики и крестьяне... въ одной партіи въ высшей степени непрочно и обрекаетъ партію на близкій распадъ... Объединеніе этихъ двухъ элементовъ, какъ соціальныхъ слоевъ, въ одной политической партіи есть явленіе противоестественное и, если оно не вскроется до созыва Думы, то въ Думѣ, разъ въ нее будутъ выбраны, при помощи союза 17-го октября, настоящіе крестьяне, оно должно обнаружиться съ рѣжущей ясностью".

Очень хорошо. Но не припомнитъ ли г-нъ Струве, что еще очень недавно онъ самъ отстаивалъ *для своей партіи* это самое „объединеніе такихъ соціально-враждебныхъ слоевъ, какъ помѣщики и крестьяне", что онъ самъ настаивалъ на необходимости связать въ этой партіи „барина"—„хозяина" съ „разночинцемъ", дабы черезъ посредство послѣдняго спаять перваго съ мужикомъ? Не припомнитъ ли онъ, что еще совсѣмъ недавно онъ велъ генеалогію своей партіи отъ „большинства земскихъ съѣздовъ", то-есть, отъ временной политической организаціи помѣщиковъ? Предвкушеніе возможнаго пораженія „кадетовъ" въ избирательной куріи землевладѣльцевъ (въ пользу „Союза 17-го октября") побуждаетъ безпринципнаго публициста искать raison d'être „кадетской" партіи въ соціальномъ антагонизмѣ крестьянина и помѣщика. Но революціонныя фразы партійныхъ публицистовъ не дѣлаютъ партіи революціонной. „Кадеты", по-прежнему, остаются партіей, по преимуществу, помѣщичьей, и недавніе дебаты ихъ съѣзда лишній разъ подтвердили это. Да и самъ г-нъ

Струве слишкомъ опредѣленно высказывался противъ классовой борьбы и за соціальный миръ, чтобы можно было повѣрить хотя бы только искренности его утвержденій о „противоестественности“ объединенія мужиковъ съ помѣщиками. Подобно союзу 17-го октября, „партія народной свободы“ держится (или старается держаться) на этомъ объединеніи и, подобно ей, распадется, благодаря этому своему основанію.

Воздержаніе „крайнихъ“ отъ выборовъ позволитъ „кадетамъ“ только отсрочить моментъ этого распаденія. Выдвинутые революціонизирующимся крестьянствомъ элементы будутъ въ теченіе нѣкотораго времени группироваться около этой „преимущественно парламентской“, какъ любятъ говорить о себѣ кадеты, то-есть, антиреволюціонной партіи. Это обстоятельство будетъ задерживать процессъ образованія той дѣйствительно революціонно-демократической партіи, безъ которой, быть можетъ, уже невозможны дальнѣйшіе успѣхи революціи. Но образованіе ея, въ концѣ концовъ, будетъ стимулироваться тѣмъ горькимъ опытомъ, который пріобрѣтутъ крестьяне отъ совмѣстнаго пребыванія въ одной партіи съ либеральными помѣщиками.

Сама по себѣ, Дума, въ которой крайней лѣвой будутъ „кадеты“, заранѣе явится неспособной сыграть роль политическаго центра русской революціи. Но *отражать* ея развитіе она будетъ во всякомъ случаѣ. Болѣе того: чѣмъ болѣе она будетъ политически безпомощна, въ силу отсутствія въ ней революціоннаго большинства, тѣмъ болѣе она будетъ играть преимущественно „отрицательную“—съ точки зрѣнія консерваторовъ—роль, тѣмъ болѣе ея спеціальной задачей станетъ обличеніе и разоблаченіе преступленій бюрократіи. Борьба самодержавія съ этимъ представительствомъ имущихъ классовъ и внутренняя борьба между послѣдними будутъ вносить много горючаго матерьяла въ жизнь страны. Но, чтобы использовать этотъ матерьялъ для дѣйстви-

тельнаго завоеванія свободы, народъ долженъ будетъ создать свои собственные политическіе центры, болѣе пригодные къ руководству стихіей революціей, чѣмъ Дума. Участіе народныхъ партій въ нынѣшнихъ выборахъ подготовило бы созданіе такихъ центровъ. Рѣшеніе тактическаго вопроса въ пользу „бойкота“ отодвигаетъ, но не устраняетъ этой задачи.

Л. М.

Политика правительства.

Реакція и бюрократическій либерализмъ.

Реакція концентрировала силы правительства, но ей не удалось устранить двойственность его политики. Въ своемъ стремленіи обуздать народъ, она не знаетъ предѣловъ и границъ. Тутъ она проявляетъ твердую волю и рѣшимость. Тутъ она оставила позади себя всѣ сомнѣнія и колебанія, не ставитъ ни во что общественное мнѣніе и смѣется надъ всѣми соображеніями гуманности и культуры. Нѣтъ для нея больше революціи, а есть только еще старая крамола, которую нужно уничтожить силой, выжечь огнемъ, разстрѣлять пулеметами. „Бей—руби—стрѣляй!“ Эти дикіе возгласы жандармовъ, съ которыми они набросились на Спиридонову послѣ ея выстрѣловъ, варварскій крикъ, полный жестокости и вмѣстѣ съ тѣмъ животнаго страха—вотъ, если не лозунгъ, то, во всякомъ случаѣ, наилучшая иллюстрація работы умиротворенія страны, происходящей на нашихъ глазахъ. Руби! Стрѣляй! Жги! Насилуй! Надругайся надъ тѣломъ, надъ душой, надъ личностью! „Пусть они сгинутъ на нашемъ веселіи“—гоготали казаки, издѣваясь надъ дѣвушкой, которая, убивая, сама шла на смерть и съ твердостью духа, какую даетъ только высшая нравственная чистота, переносила муки ада. Передъ нами не просто насильственное „водвореніе порядка“, передъ нами бѣшеный разгулъ реакціонныхъ силъ и страстей. Я не стану вникать въ то, насколько реакція выполняетъ, такимъ образомъ, ту задачу, которую она поставила себѣ передъ

правительствомъ. Была революціонная агитація, и бурный гнѣвъ народный подымался сердитыми волнами— революціонная агитація не прекратилась, но теперь стонъ стоитъ по всей Россіи. Реакція полагаетъ, что такъ лучше, безопаснѣе для государства. Пусть такъ! Хотя опричина Іоанна Грознаго, по примѣру которой она работаетъ, какъ извѣстно, привела не къ успокоенію страны, а къ смутѣ и разложенію государства. Межъ тѣмъ тогда еще были времена варварскія, нравы жестокіе, и народъ не такъ еще глубоко и болѣзненно воспринималъ насиліе, какъ въ наши времена общаго культурнаго подъема личности и сознанія своего гражданскаго достоинства. Хотя не нужно даже быть особенно тонкимъ политическимъ наблюдателемъ, чтобы замѣтить, что не только ахи, охи и вздохи стоятъ надъ русской землей, но что въ стонѣ народномъ слышенъ скрежетъ зубовный, чтобы усмотрѣть въ искаженныхъ страданіемъ лицахъ судороги злости и въ кровавомъ блескѣ глазъ рѣшимость, доходящую до самоотреченія и самозабвенія. Хотя огненнымъ языкомъ говорятъ факты, хотя пугливый и робкій россійскій обыватель, всю жизнь свою трусившій смерти и потому боявшійся жить и не рѣшавшійся бороться, подъ вліяніемъ кровавыхъ расправъ, давно уже потерялъ страхъ передъ смертью и хотя правительство на военномъ примѣрѣ японцевъ, казалось бы, достаточно убѣдилось, какой могучій нравственный факторъ борьбы составляетъ эта небоязнь смерти... Но пусть всего этого нѣтъ, и реакціи, дѣйствительно, удалось устрашить народъ и этимъ смирить революцію. Что же дальше? Какова политика правительства? Какъ оно будетъ руководить судьбами государства? Тутъ, не въ области полицейскихъ мѣръ, жандармскихъ сысковъ и карательныхъ экспедицій, а въ области тѣхъ задачъ, которыя исторія ставитъ нашей родинѣ, мы на сторонѣ правительства видимъ лишь двойственность и растерянность.

То направленіе, которое стремится къ возстановленію стараго порядка, несомнѣнно усилилось съ торжествомъ реакціи. Концентрація правительственной власти, характеризующая всякую реакцію, придаетъ этому направленію обаяніе силы. Обаяніе это тѣмъ болѣе велико, что либеральный режимъ показалъ себя совершенно безпомощнымъ. Не трудно съ той же точки зрѣнія прикроить и исторію.

Крымская кампанія сдѣлала необходимыми политическія реформы, создавшаяся въ связи съ этимъ либеральная эра 60-ыхъ годовъ ослабила правительство, а послѣдовавшая реакція его усилила. Русско-турецкая война опять таки сильно потрясла государство, но затѣмъ послѣдовательная реакція царствованія Александра III возстановила силу правительства. Почему же не повториться тому же самому и теперь? Значитъ, важно только проявить достаточную твердость духа и переждать, пока волненія, созданныя необычными потрясеніями неудачной войны, улягутся. Правда, на тоже политическое развитіе можно посмотрѣть и съ другой стороны. Тогда получится совершенно иная картина. Окажется, что уже Крымская кампанія заставила самодержавіе порвать съ крѣпостнымъ порядкомъ, съ которымъ оно срослось политически. Но правительство остановилось на полпути. Лишившись своей старой, общественной опоры, оно не пріобрѣло новой. Но такъ какъ реформы 60-ыхъ годовъ, по крайней мѣрѣ, дали правительству возможность создать армію на европейскій образецъ, то революціонное движеніе встрѣтило со стороны правительства противодѣйствіе, какого оно не находило въ другихъ странахъ въ соотвѣтствующую эпоху политическаго развитія, напр., во Франціи при Людовикѣ XVI. Но армія, пригодная къ усмиренію внутренняго врага, была въ военномъ отношеніи слаба, благодаря отсутствію въ ней идейной связи съ народомъ. Это показала русско-турецкая война 1877—78 гг.

Правительство, при Александрѣ II, старавшееся сохранить связь съ дворянствомъ, а вначалѣ царствованія Александра III, пытавшееся опереться на мужика, потеряло, наконецъ, всякую связь съ народомъ и обществомъ и существовало только еще, какъ оголенная государственная власть, какъ военная сила, командующая завоеванной страной. Такъ создалась та новая, пореформенная бюрократія, съ которой намъ до сихъ поръ приходится считаться. Она—дѣтище новыхъ дней, хотя и родственна по духу дореформенному чиновничеству. Экономическое развитіе за это время значительно преобразовало страну и повело ее на путь капиталистическихъ государствъ, однако правительство увидѣло въ этомъ только новый источникъ государственныхъ доходовъ, или вѣрнѣе—новыя возможности заключать государственные займы заграницей. Но капиталистическое развитіе неразрывно связано съ политическимъ господствомъ буржуазіи, а послѣднее съ парламентаризмомъ и политической свободой. Такъ какъ правительство не давало ходу ни тому, ни другому, то въ Россіи не могло образоваться богатаго и финансами, и арміей буржуазнаго государства, какъ въ Западной Европѣ, и въ результатѣ страна только оказалась подчиненной иностранному капиталу. Правительство израсходовало иностранные милліарды, но сила его не увеличилась,—напротивъ, уменьшилась. Оно построило стратегическія желѣзныя дороги, пріобрѣло пушки, ружья, броненосцы, но въ рѣшительный моментъ у него не оказалось арміи. Такимъ образомъ, противодѣйствуя политическому развитію страны, реакція въ концѣ концовъ подорвала основу своего собственнаго существованія—армію, способную поддержать могущество и престижъ государства. Она создала военныя пораженія и послѣдовавшія за ними бури революціи. Такова послѣдовательность явленій, если смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія ихъ внутренней связи. Но такой взглядъ чуждъ

реакціи. Она знаетъ только преемственность фактовъ. И такъ какъ до сихъ поръ послѣднее слово всегда оставалось за ней, то она слѣпо идетъ по тому же пути, что и раньше.

Преисполненная вѣры въ себя, реакція, однако, не находитъ вѣры у другихъ. Это ей нипочемъ, поскольку рѣчь идетъ о собственной странѣ. Она не ищетъ довѣрія у народа. Но дѣло принимаетъ другой оборотъ, такъ какъ довѣріе къ ней потеряла также иностранная биржа, на средства которой въ значительной мѣрѣ живетъ россійское государство. Иностранный капиталъ не вѣритъ больше въ возможность возстановленія и сохраненія самодержавія. Съ политическимъ банкротомъ биржа не хочетъ входить въ фальшивыя сдѣлки. Напрасно реакція воздымаетъ горы труповъ и торжествующе указываетъ на нихъ своимъ заграничнымъ заимодавцамъ. „Вы господствуете надъ мертвыми, мы это знаемъ—ей отвѣчаютъ иностранцы—но вы намъ покажите, что вы въ состояніи управлять живыми". Денегъ не даютъ. Нечѣмъ оплатить займы. Скоро не будетъ чѣмъ оплатить армію. Какъ же быть? Возникаютъ чудовищные планы: заложить желѣзныя дороги, отдать иностранцамъ въ откупъ налоги, продать на срубъ лѣса. Это значило бы конецъ государства россійскаго и превращеніе страны въ капиталистическую колонію. Передъ такими неожиданностями столбенѣетъ разнузданная фантазія государственныхъ людей реакціи, и они, подобно щедринскому помпадуру-органчику, въ состояніи только еще, свирѣпо ворочая зрачками, произносить нечленораздѣльные звуки — „000", „383"! Нововременскіе литераторы переводятъ это на языкъ обывателя словами: „бей жидовъ!"

На сцену выдвигается фрондирующій правительственный либерализмъ.

Правительственный либерализмъ выросъ изъ бюрократической оппозиціи. Эта оппозиція всегда сущест-

вовала. Когда одна группа чиновниковъ у власти, другая, стремящаяся стать на ея мѣсто, должна же чѣмъ нибудь оправдать свои вожделѣнія и показать свою государственную необходимость? Поэтому она фрондируетъ—она критикуетъ, недовольна и выставляетъ свои собственные государственные планы. Направленіе государственной мысли этой оппозиціи, ея либеральный или реакціонный характеръ, въ былое время исключительно опредѣлялись сообщеніями придворныхъ лакеевъ. По мѣрѣ того какъ въ странѣ выдвигались впередъ интересы капиталистической индустріи, а съ ними вліятельныя группы финансистовъ и промышленниковъ, въ особенности же съ развитіемъ финансовой зависимости государства отъ европейской биржи, стало возможнымъ производить на правительство давленіе извнѣ, помимо дворцовыхъ вліяній. Наконецъ революція выдвинула, какъ политическій факторъ, съ которымъ приходится считаться, общественное мнѣніе и рабочую мысль. И вотъ, наряду съ общенародной борьбой противъ правительства, борьба за власть въ правительственныхъ кругахъ принимаетъ особый характеръ, опираясь на элементы, чуждые правительству. Вліяніе революціи проникаетъ въ самыя правительственныя сферы. Здѣсь борьба принимаетъ характеръ биржевой игры: одни спекулируютъ на самодержавіе, другіе на революцію.

Манифестъ 17-го октября знаменуетъ бюрократическую революцію. Его невѣрно истолковали, какъ побѣду народной революціи. Бюрократическая революція, правда, въ значительной степени опиралась на народную революцію, но ея главной опорой была иностранная биржа.

Послѣ военныхъ побѣдъ японцевъ, государство наше капитулировало предъ биржей въ Портсмутѣ. Закулисная сторона портсмутскихъ переговоровъ не скоро еще будетъ раскрыта. Ясно, однако, что Японія не иначе, какъ въ силу полной невозможности получить контри-

буцію, отказалась отъ нея. Невозможность эта заключалась не въ томъ, конечно, что ген. Линевичъ, какъ онъ это только что снова торжественно засвидѣтельствовалъ, готовилъ японцамъ рѣшительное пораженіе, а въ томъ, что вопросъ уплаты контрибуціи вопросъ биржи. Межъ тѣмъ какъ пресса печатала горделивыя оффиціальныя заявленія нашихъ представителей, что Россія никогда не согласится на контрибуцію, на самомъ дѣлѣ имъ, очевидно, пришлось смиренно признать, что у насъ нѣтъ средствъ уплатить контрибуцію, а биржа отказалась гарантировать ея уплату въ формѣ займа. Поэтому пришлось согласиться на условія мира, можетъ быть менѣе выгодныя для Японіи, но болѣе позорныя для Россіи. Биржа признала обѣ борющіяся стороны, а по отношенію къ Россіи заговорила тономъ верховнаго правителя. Въ Портсмутѣ представителямъ банковъ и биржи былъ отданъ приказъ Витте создать въ Россіи конституціонную монархію.

Но этого одного было недостаточно. Витте пришлось публично стать во главѣ либеральной оппозиціи и опереться на революціонное движеніе. Такимъ образомъ, подъ давленіемъ биржи и при помощи всеобщей забастовки, былъ созданъ министерскій кабинетъ Витте и провозглашенъ манифестъ 17-го Октября.

Каковъ же былъ планъ бюрократическаго либерализма и его главы Витте? Онъ хотѣлъ правительственную власть освободить отъ дворцовыхъ вліяній, но отнюдь не думалъ подчинить ее парламенту. Правительство министровъ—такова его основная идея. Витте самъ позировалъ въ роли диктатора всея Россіи. „Вы не довѣряете больше самодержавію, вы правы, но довѣрьтесь мнѣ, я все устрою“, вотъ формула его государственной мудрости. Отъ него ждали немедленнаго созыва дѣйствительнаго народнаго представительства, какъ естественнаго вывода изъ конституціоннаго принципа. Если бы онъ это сдѣлалъ, то создалъ бы

политическій оплотъ либерализма, который врядъ ли возможно было бы разрушить. Но вмѣсто того, чтобы рѣшительно дѣйствовать, онъ медлилъ, просилъ подождать и слезливо жаловался на отсутствіе довѣрія къ нему. Правда, демократія не входила въ его планы, но именно поэтому онъ отсталъ отъ однихъ и не пристадъ къ другимъ. Онъ искалъ со всѣми связей, чтобы всѣхъ обмануть. Онъ поддерживалъ реакціонныя мѣры министерства внутреннихъ дѣлъ, репрессіи военнаго положенія и организацію черносотенныхъ набѣговъ, и въ то же время въ союзѣ съ земцами и либералами составлялъ имъ оппозицію. Онъ организовывалъ фабрикантовъ и заводчиковъ съ цѣлью усмирить голодомъ рабочихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ конспирировалъ съ Гапономъ и давалъ деньги на устройство рабочихъ организацій. Въ результатѣ онъ достигъ того, что реакціонеры его ненавидѣли, а революціонеры презирали.

Помимо полной противорѣчій политики нашего премьера министровъ, скоро сказалась общая шаткость либерализма, которая увеличила политическую сумятицу. Между реакціей и либерализмомъ основная разница пріемовъ государственнаго управленія. Реакція опирается на штыки. Значитъ, если армія вѣрна правительству, то большаго ему повидимому не нужно. Либерализмъ же ищетъ опереться на общественныя силы, при помощи которыхъ онъ могъ бы вести государство по опредѣленной политической равнодѣйствующей. Либерализмъ, значитъ, прежде всего долженъ считаться съ политической борьбой, какъ она опредѣляется классовыми отношеніями государства. Борьба эта даже тамъ, гдѣ ясно выражено преобладаніе одного класса надъ другимъ, очень измѣнчива въ своихъ перипетіяхъ. Поэтому политика либерализма, вездѣ, даже въ развитыхъ парламентарныхъ странахъ, отличается своей шаткостью и нерѣшительностью. А при той путаницѣ борющихся между собой общественныхъ

силъ, какая существуетъ въ настоящій моментъ въ Россіи, либерализмъ тѣмъ менѣе въ состояніи найти политическій исходъ или выходъ. Реальное политическое содержаніе образованія самостоятельнаго кабинета министровъ и манифеста 17-го Октября было ничтожно, но ихъ революціонный эффектъ громаденъ. Узы реакціи были расторгнуты, и все то, что было ими сравнено, бурнымъ порывомъ выступило наружу. Оказалось, что реакція только сдавливала и съуживала проявленія революціоннаго процесса, который, такимъ образомъ, достигъ наивысшаго напряженія.

События, разыгравшіяся послѣ 17-го Октября, доказали одно съ чрезвычайной ясностью: что *революція произошла бы и безъ войны*. Оказалось, что ничего не забыто, ничто не прошло даромъ, сказались всѣ упущенія въ прошломъ и вся ломка, происходящая подъ вліяніемъ капиталистическаго развитія въ настоящемъ. Пролетаріатъ, конечно, уже и раньше достаточно показалъ свою революціонную энергію, но все же не ждали, что онъ проявитъ столько классоваго сознанія и такую политическую самостоятельность. Но еще большей неожиданностью была политическая активность, которую проявило крестьянство, и въ связи съ этимъ жгучесть земельнаго вопроса. Послѣднее превзошло даже всѣ наши ожиданія. Что реформы 61-го года поставили крестьянство въ безвыходное положеніе, давно было извѣстно. Но такъ какъ крестьянство только стонало и умирало съ голоду, то правительство думало, что съ этой стороны ему бояться нечего. Оказалось на провѣрку, что наряду съ новыми политическими задачами, которыя выдвигаютъ буржуазія и пролетаріатъ, приходится еще разрѣшить старый крестьянскій вопросъ.

Разыгралась буря революціи. Манифестъ 17-го Октября ничтожнымъ листкомъ несся по вѣтру, а кабинетъ министровъ, скучившись въ лоханки, управляемой Витте, безпомощно метался въ пучинѣ водъ.

Страхъ охватилъ при этомъ зрѣлищѣ и правительство и правящіе классы. Либерализмъ земцевъ сразу потерялъ всю свою краску, дворянство завопило тономъ крѣпостниковъ, сонная помѣщичья среда затревожилась и стала требовать устраненія, тѣмъ или другимъ путемъ, общественной анархіи, защиты частной собственности или выкупа на государственныя средства ихъ заложенныхъ и обезцѣненныхъ земель. Еще болѣе того перетревожился классъ промышленниковъ. Только что, добровольно оплачивавшіе изъ своего кошелька политическую забастовку рабочихъ, фабриканты и заводчики стали требовать сильной правительственной руки и кровавой бани для рабочихъ, которыхъ они въ октябрѣ посылали на революціонную борьбу.

Съ неменьшимъ энтузіазмомъ проповѣдовала контръреволюцію буржуазная пресса Западной Европы. Этого только и нужно было реакціи, которая, какъ загнанный звѣрь, притаилась и, оскаливъ зубы, ждала случая къ новому нападенію.

Бюрократическій либерализмъ сознательно уступилъ ей мѣсто и вотъ проявленія революціоннаго возбужденія снова задушены, но тотъ процессъ общественнаго разложенія, который подготовлялъ внутренній кризисъ съ неменьшей закономѣрностью, чѣмъ кризисъ военный, разумѣется, этимъ не уничтоженъ.

Реакція уперлась въ тупой уголъ безденежья. Первый вопросъ правительственнаго либерализма, готовящагося выступить ей на смѣну, все тотъ же: какъ бы достать денегъ?

Мы въ слѣдующей статьѣ разсмотримъ, какъ правительство думаетъ раздобыть денегъ и возможно ли при помощи русскихъ пуль и иностраннаго золота и дальше еще и надолго править россійскимъ государствомъ.

П—усъ.

Къ оцѣнкѣ пережитыхъ событій.

X

I.

Послѣ освѣжающей, бурной атмосферы недолгихъ дней „захватной“ свободы,—удушливый мракъ неслыханнаго произвола и насилія. Всѣ ужасы варфоломеевской ночи, все доморощенное кнутобойство стараго самодержавія блѣднѣютъ передъ той чингисханщиной, которая безъ всякаго удержу разливается по новой „конституціонной“ Россіи, оставляя за собою кровавый слѣдъ въ видѣ тысячъ труповъ, изнасилованныхъ женщинъ, разбитыхъ существованій, разрушенныхъ и обгорѣлыхъ пепелищъ. Выяснить источникъ этой реакціи, ея корни представляется настоятельно необходимымъ. Только такого рода анализъ можетъ дать путеводную нить для дальнѣйшей борьбы. И задача заключается, конечно, не въ томъ, чтобы просто констатировать чьи бы то ни было ошибки, если таковыя были въ прошломъ сдѣланы, а въ томъ, чтобы выяснить исторически-необходимые корни всего хода событій, въ томъ числѣ и ошибокъ.

Нельзя понять того, что нынѣ совершается передъ нашими глазами, безъ отчетливаго представленія объ историческихъ особенностяхъ россійской буржуазной революціи. Уже много разъ было указано, что одна изъ главнѣйшихъ особенностей этой революціи—возникновеніе ея въ такую эпоху, когда значительное распространеніе въ странѣ получило технически весьма высокое промышленное капиталистическое производ-

ство. Этотъ фактъ наложилъ неизгладимую печать на все развитіе русской революціи. Онъ далъ въ руки абсолютизму огромный техническій аппаратъ—въ видѣ желѣзныхъ дорогъ, почтъ, телеграфовъ, усовершенствованнаго оружія—и далъ ему, сосредоточившему въ своихъ рукахъ центральные узлы торговаго и денежнаго оборота, огромную экономическую силу. Онъ создалъ въ эпоху, когда еще всему буржуазному обществу въ цѣломъ предстояло бороться за свое освобожденіе, многочисленный и сплоченный классъ пролетаріевъ и, сдѣлавъ его передовымъ борцомъ за буржуазную политическую свободу, въ то же время отдѣлилъ его пропастью рѣзко выраженнаго классоваго антагонизма отъ той самой буржуазіи, ради неограниченнаго господства которой предстояло ему бороться. Этимъ самымъ политическое движеніе самой буржуазіи было обречено на вялость и нерѣшительность: за ея спиной на каждомъ шагу ея борьбы уже стоялъ заклятый врагъ ея.

Внесеніе классоваго антагонизма въ борьбу буржуазнаго общества съ крѣпостническимъ абсолютизмомъ, несомнѣнно, разрушало тѣ иллюзіи, на почвѣ которыхъ возможно было бы „общенаціональное“ движеніе такого типа, какъ въ начальный періодъ Великой Французской Революціи, и лишало русскую буржуазію возможности брать на себя роль „общенаціональнаго“ вождя. Въ періодъ послѣ 60-хъ годовъ русская буржуазія не могла играть такой роли потому, что промышленное развитіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и значеніе буржуазіи, было слишкомъ слабо въ „крестьянской“ Россіи; когда же промышленное развитіе усилилось, буржуазія не могла играть такой роли въ конечномъ счетѣ потому, что промышленность развивалась въ своихъ самыхъ совершенныхъ капиталистическихъ формахъ. Въ наличной исторической обстановкѣ эти формы осуждали крупную буржуазію на исканіе опоры

въ правительствѣ, держали мелкую буржуазію въ политическомъ мракѣ и ничтожествѣ и выдвигали на авансцену рабочій классъ.

При такихъ условіяхъ движущей силой русской буржуазной революціи явился пролетаріатъ. Въ высшей степени знаменательно, что отправнымъ пунктомъ той революціи, острые моменты которой мы теперь переживаемъ, нельзя не считать петербургской стачки 1896 года. И еще болѣе знаменательно, что почти всѣ выдающіяся революціонныя точки этого десятилѣтія связаны такъ или иначе съ рабочими забастовками. Экономической борьбой рабочихъ противъ буржуазіи отличаются этапы русской буржуазной революціи—таково противорѣчивое положеніе, созданное историческими условіями.

Не являясь такимъ общенаціональнымъ вождемъ, какимъ буржуазія являлась въ періоды буржуазныхъ революцій въ Европѣ, русская буржуазія шла въ политическую борьбу, стоя „межъ двухъ огней“. Наше „третье сословіе“ тоже пыталось сказать про себя, какъ говорило французское, что оно—„все“. Но слова, звучавшія гордо въ устахъ Сіэйса, прозвучали совершенно нелѣпо въ устахъ россійскаго купца.

Это отнюдь не значитъ, что въ данную эпоху русской исторіи буржуазія у насъ, дѣйствительно, не „все“. Нѣтъ, и у насъ она занимаетъ безусловно господствующее положеніе; и у насъ результаты совершающейся революціи пойдутъ на пользу, прежде всего, буржуазіи, создадутъ ея классовую диктатуру. Но у насъ этотъ процессъ совершается не такъ, какъ во Франціи, гдѣ буржуазія шла явно и открыто, съ развернутыми знаменами во главѣ общенаціональнаго движенія, была неоспоримымъ и общепризнаннымъ вождемъ его. У насъ господствующее положеніе буржуазіи выражается въ томъ, что она безъ шума, въ сторонѣ отъ самыхъ боевыхъ позицій, какъ бухгалтеръ

въ тихомъ кабинетѣ, далекомъ отъ шумнаго торжища, учитываетъ въ свою пользу результаты кровавыхъ битвъ, которыя ведутся не подъ ея знаменами. И вотъ почему, хотя у насъ буржуазія тоже—„все“, но она не можетъ громко говорить объ этомъ.

Намѣченною только что основною особенностью русской революціи объясняется многое въ исторіи буржуазной оппозиціи. Ею объясняется, напр., тотъ фактъ, что либеральной интеллигенціи такъ трудно дается сліяніе съ тѣми соціальными слоями, интересы которыхъ она выражаетъ своей идеологіей. Этотъ процессъ сліянія только еще начинается на нашихъ глазахъ; буржуазная интеллигенція всѣхъ оттѣнковъ только еще нащупываетъ свою „публику“. Въ свою очередь это долговременное отсутствіе настоящей „публики“, долговременное пребываніе въ „безпочвенномъ“ состояніи дало возможность либеральной интеллигенціи украсить свою идеологію кое-какими утопическими соціальными „мечтаніями“, но это ея „преимущество“ еще больше затрудняло дѣйствительное сліяніе ея съ движеніемъ тѣхъ твердо-практическихъ слоевъ, которые только и могли предъявлять „спросъ“ на ея услуги.

Изъ той-же особенности русской революціи вытекалъ и тотъ фактъ, что, поскольку буржуазія напоромъ съ двухъ фронтовъ вталкивалась въ политическую борьбу, первую скрипку въ буржуазномъ оркестрѣ играли не торгово-промышленные элементы—непосредственные эксплуататоры и антагонисты пролетаріата, а элементы дворянско-землевладѣльческіе; къ нимъ, а не къ купцамъ прислонялась въ своей идеологіи и либеральная интеллигенція. Они, конечно, тоже не были чужды эксплуататорскимъ подвигамъ; но они эксплуатировали не рабочаго, а крестьянина, эксплуатировали его не столько въ формѣ открытаго, непосредственнаго пользованія наемнымъ трудомъ,

сколько окольнымъ путемъ выжиманія прибавочной стоимости и ренты при посредствѣ аренды, отработковъ и пр. и пр. Поскольку крестьянское движеніе не стало еще такимъ національнымъ, всероссійскимъ политическимъ движеніемъ, какъ движеніе пролетаріата, поскольку оно оставалось еще „мѣстнымъ“ дѣломъ каждой деревни, каждаго уѣзда и каждой губерніи, постольку либеральное дворянское землевладѣніе могло оскаливать свои эксплуататорскіе зубы преимущественно въ тихихъ закоулкахъ всякихъ „мѣстныхъ“ совѣщаній и комиссій, вплоть до уѣздныхъ земствъ, на общенаціональной аренѣ ему было легче, чѣмъ торгово-промышленному капиталу, фигурировать въ роли передового элемента буржуазіи.

Но лишь только отдѣльные „мѣстные“ ручьи крестьянскаго движенія стали сливаться въ русло національной борьбы крестьянства за землю и волю, помѣщичій либерализмъ быстро началъ испытывать эволюцію, вдвигающую его въ общія рамки буржуазной оппозиціи въ Россіи. И онъ утрачиваетъ одну за другой всѣ черты такъ или иначе борющейся оппозиціи, превращаясь въ оппозицію, лишь учитывающую результаты крушенія стараго режима. Но на этомъ поприщѣ помѣщичье землевладѣніе несомнѣнно будетъ побито торгово-промышленнымъ капиталомъ.

Еще одинъ замѣчательный фактъ наблюдается въ политической борьбѣ русской буржуазіи въ связи съ тѣмъ своеобразіемъ ея историческаго положенія, на которое мы указали выше. Русская буржуазія группируется въ политическія партіи не столько въ процессѣ политической борьбы съ самодержавіемъ, сколько въ процессѣ использованія результатовъ той борьбы, которую ведутъ пролетарскія массы. До сихъ поръ не столько завоеваніе тѣхъ или другихъ партій, соотвѣтствующихъ интересамъ буржуазіи, сколько дѣлежъ добычи служилъ стимуломъ для возникновенія пар-

тійныхъ группировокъ въ средѣ буржуазіи. Каждый ударъ, наносимый пролетаріатомъ правительству, заставлялъ жадно настороживаться каждый слой, каждую группку въ верхахъ буржуазіи. Отсюда то внезапное появленіе безконечнаго количества „партій“, которое мы наблюдаемъ, и, особенно, появленіе партій торгово-промышленнаго капитала. Лишь только въ воздухѣ запахло политическимъ барышомъ, капиталъ предъявляетъ свои притязанія на этотъ продуктъ чужого труда; онъ съ такимъ-же сознаніемъ своей силы требуетъ себѣ политической прибавочной стоимости, какъ и прибавочной стоимости экономической. И нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ присвоитъ ее себѣ въ полной мѣрѣ. Экономическое господство буржуазіи даетъ ей огромную политическую силу, когда дѣло доходитъ до дѣлежа политической добычи.

Такое положеніе, естественно, влечетъ за собою почти полное отсутствіе творческаго идеалистическаго порыва въ движеніи русской буржуазіи. Мертвенный „идеализмъ“ г. Струве и его присныхъ есть ничто иное, какъ попытка „потусторонней“ фразеологіей скрасить низменность своего дѣйствительнаго движенія. Какъ безконечно отличенъ этотъ аккуратный „идеализмъ“ отъ дѣйственнаго героическаго идеализма идеологовъ французской буржуазіи конца XVIII вѣка, идеализма, заражавшаго оптимистической вѣрой, способной двигать горами! Между этими двумя видами „идеализма“ такая же пропасть, какъ между реализмомъ философовъ Великой Революціи, во всеоружіи современнаго имъ знанія, безтрепетной рукой вскрывавшихъ всѣ основы существовавшаго тогда порядка, и трезвеннымъ реализмомъ „кадетовъ“ изъ „Полярной Звѣзды“; кадетскій реализмъ полагаетъ всю свою премудрость въ томъ, чтобы усердно ковыряться въ поверхностномъ слоѣ историческихъ явленій, старательно избѣгая заглядывать вглубь ихъ.

То, что въ области идеологіи сказывается въ затхлости буржуазнаго идеализма и реализма, то въ области политической выражается въ отсутствіи широкаго размаха государственной мысли, въ отсутствіи широкихъ „плановъ", въ отсутствіи принципіальности. Успѣхи политической борьбы буржуазія стремится прежде всего использовать, не для воплощенія въ жизнь основныхъ „принциповъ", обезпечивающихъ существованіе и свободное развитіе буржуазнаго общества, а непосредственно-практически. Французская буржуазія начинаетъ съ „декларацiи правъ", русская даже не думаетъ о ней: она по-просту пользуется представившимися эмпирическими „возможностями". 17 октября явилась возможность устраивать союзы, собранія, говорить и писать болѣе или менѣе свободно; чего-же еще? Надо эту возможность использовать и незачѣмъ „прать на рожонъ", добиваясь немедленнаго уничтоженія всѣхъ властей, учрежденій и отношеній, принципіально противорѣчащихъ возвѣщеннымъ „свободамъ". Можно поговорить, конечно, о необходимости такого уничтоженія, но дѣлать изъ этого очередную задачу дня, полагать, что послѣ 17 октября и долженъ начаться періодъ самой острой борьбы за закрѣпленіе завоеванныхъ правъ—это могутъ дѣлать, конечно, только неисправимые и необузданные „фанатики".

А что выходитъ, когда присяжные философы россійской буржуазіи „по долгу службы" принимаются все таки за сочиненіе „проекта декларацiи правъ", о томъ свидѣтельствуетъ твореніе г. С. Франка („Полярная звѣзда" № 4). Г. Франкъ съ самаго начала сознается, что, по нынѣшнимъ временамъ, „было бы безконечно трудно пытаться, на манеръ прежнихъ „декларацій", охватить въ подобномъ актѣ цѣликомъ основные принципы господствующаго правосознанія". „Мы должны считаться съ трезвымъ и суровымъ настроеніемъ времени, требующимъ не словъ—хотя бы искреннихъ и содержательныхъ—а *серьезнаго практическаго дѣла*" (курсивъ нашъ).

Современной буржуазіи „безконечно трудно“ изложить „цѣликомъ“ свои „основные принципы“, ибо классовая борьба пролетаріата лишила ее дѣвственной цѣлостности міросозерцанія, вбила въ него клинъ, создала въ буржуазной душѣ два ряда совершенно различныхъ „основныхъ принциповъ“, двѣ мѣры вещей: одну для самой буржуазіи, другую для пролетаріата. „Практичный“ философъ „Полярной звѣзды“ приступаетъ къ начертанію своей „декларації“, косясь глазами, съ одной стороны, на соціалдемократію, провозглашающую „самодержавіе народа“ и, по признанію г. Франка, „поступающую по крайней мѣрѣ логично“, съ другой — на существующія власти предержащія. Понятно, почему „кадетская“ декларація „можетъ имѣть лишь одну задачу: опредѣленіе отношенія между государственною властью и правами личности, обезпеченіе правъ личности путемъ отграниченія отъ законныхъ правъ власти“. Далекая отъ того, чтобы возвѣщать міру новый, принципіально-отличный отъ существующаго, строй государственныхъ отношеній и дать самой „власти“ принципіально-новую основу, россійская буржуазія въ своихъ мечтаніяхъ о „декларації“ можетъ дойти только до созданія нѣкоего прикрытія для грѣшнаго обывательскаго тѣла отъ воздѣйствія „законныхъ правъ власти“. Трудно, кажется, ярче иллюстрировать тотъ исторически сложившійся „практицизмъ“ россійской буржуазіи, о которомъ мы говорили выше.

Но стремленіе сосредоточиться на „трезвомъ практическомъ дѣлѣ“ политическаго пищеваренія имѣетъ свою оборотную сторону.

Восхищенная свыше мѣры „обѣщаніями“ 17 Октября, буржуазія считала излишнимъ „фанатизмомъ“ напряженіе всѣхъ боевыхъ силъ съ цѣлью заставить облечь „обѣщанія“ въ форму положительныхъ нормъ.

Не былъ отмѣненъ ни одинъ изъ тѣхъ „каторжныхъ“ законовъ, на которые опирался старый режимъ. Ни

военное положеніе, ни положеніе чрезвычайной и усиленной охраны не были вычеркнуты не только изъ дѣйствующаго законодательства, но и изъ жизни. Правительственная власть оставалась въ тѣхъ-же рукахъ, которыя кнутобойничали до 17 октября. Административное усмотрѣніе и исключительный законъ противъ инородцевъ оставались въ силѣ. Незачѣмъ, конечно, говорить, что не „недостатокъ времени“ былъ тому причиной. Для уничтоженія всѣхъ этихъ до-конституціонныхъ скорпіоновъ достаточно было одного росчерка пера. Но для этого росчерка нуженъ былъ ультиматумъ со стороны буржуазіи. Она этого ультиматума не поставила и не мечтаа о томъ, чтобы взять власть цѣликомъ въ свои руки, сочла высшимъ подвигомъ гражданской добродѣтели свой отказъ „раздѣлить“ власть съ портсмутскимъ кудесникомъ.

При такихъ условіяхъ упомянутое политическое пищевареніе основывалось, въ сущности, на томъ самомъ „захватномъ правѣ“, которое такъ любятъ хаять буржуазные публицисты. Но „захватное право“ можетъ опираться только на силу. „Проектъ декларацiи правъ“, сочиненный г. Франкомъ, къ сожалѣнію, не обязателенъ для власти, „законнымъ правамъ“ которой онъ стремится воздвигнуть барьеръ. Нужна была другая, болѣе дѣйствительная сила для того, чтобы сдѣлать, выражаясь словами того-же г. Франка, „минимумъ правъ гражданъ“ „неприкосновеннымъ для государственной власти“. Буржуазія отказалась посвятить этой задачѣ свои силы; на посту, и то на время, остались лишь кое-какіе, сами по себѣ безсильные, интеллигентскіе элементы ея.

Это значило, что буржуазія измѣняла своимъ собственнымъ революціоннымъ задачамъ. На передовой позиціи остался одинъ пролетаріатъ. Измѣна буржуазіи возложила на его плечи задачу: обезпечить буржуазіи безпрепятственное пользованіе „захватными“ свободами.

И поскольку пролетаріатъ выполнялъ эту задачу, буржуазія привѣтствовала его рукоплесканіями. Союзъ типографскихъ рабочихъ, своимъ рѣшеніемъ вводившій фактическую свободу печати, Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, вводившій свободу слова и собраній, привѣтствовались въ началѣ своей дѣятельности единодушными одобреніями.

Но та же измѣна буржуазіи и историческія условія эпохи, выдвинувъ оставшійся въ одиночествѣ рабочій классъ на передовой постъ, возложили на него и другую задачу: *одному, исключительно своими силами* попытаться добиться закрѣпленія уже достигнутыхъ успѣховъ буржуазной революціи и двинуть ее впередъ. Пролетаріатъ, со всей энергіей революціоннаго класса, взялся за эту задачу; но это противорѣчивое историческое положеніе толкало его на путь, на которомъ неизбѣжны были зигзаги и ошибки. Безъ такихъ зигзаговъ и ошибокъ исторически немыслимо было для пролетаріата занимать тотъ постъ, на которомъ его покинула измѣна буржуазіи. Нужно изучать эти зигзаги и ошибки, нужно указывать на нихъ, чтобы избѣгнуть ихъ, по возможности, въ будущемъ. Но указывать на эти „ошибки", какъ на первопричину всѣхъ современныхъ золъ, вопіять о томъ, что эти „ошибки" „погубили дѣло свободы"—значитъ забывать о томъ положительномъ дѣлѣ, которое сдѣлано пролетаріатомъ вопреки всѣмъ „ошибкамъ", дѣлѣ, безъ котораго и степень „свободы", находившаяся, хотя бы временно, въ пользованіи „общества", была бы немыслима. И менѣе всего приличествуютъ такіе вопли идеологамъ того класса, измѣна котораго и возложила непосильное бремя на плечи пролетаріата.

Въ слѣдующей статьѣ мы попытаемся показать, какъ справлялся съ этимъ бременемъ рабочій классъ.

Ф. Д.

Будущее русской революціи *).

Засѣданія Исполнительнаго Комитета 6 декабря я никогда не забуду. Горячо и рѣшительно стоялъ я тамъ за объявленіе всероссійской забастовки.

Значеніе провокаторской политики Витте, казалось, намъ было ясно.

Если бы правительство стояло на высотѣ задачи защиты интересовъ командующихъ классовъ и охраны возможно бо̀льшей доли своей власти,—оно, конечно, избрало бы путь *политическаго ослабленія* революціоннаго напора. Сохранивъ рѣшающій голосъ за собой, опираясь и въ дальнѣйшемъ, по германскому образцу, на силу арміи и чиновничества, оно вмѣстѣ съ тѣмъ дало бы буржуазіи серьезныя гарантіи дѣйствительнаго вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ, оно бы создало серьезныя уступки крестьянству. Буржуазія была бы рѣшительно переведена въ лагерь противниковъ дальнѣйшаго развитія революціи, крестьянское движеніе потеряло бы характеръ общероссійскій, раскаты его, во всякомъ случаѣ, замедлились бы.

Правда, обезпечить за собой и за крѣпостническимъ землевладѣніемъ прежнее положеніе правительство не было бы въ силахъ и тогда, компромиссы имѣли бы лишь временный характеръ, но оно сдѣлало бы переворотъ менѣе чувствительнымъ для представляе-

*) Печатаемъ эти замѣтки, какъ интересный матеріалъ для пониманія недавнихъ событій. Мы считаемъ очень полезнымъ обмѣнъ мыслей о затронутыхъ въ статьѣ вопросахъ. (Ред.)

мыхъ имъ соціальныхъ группъ, замедлило бы его. Изолированный пролетаріатъ поддавался бы тогда „обузданію“ гораздо легче и самое это обузданіе не было бы такимъ преходящимъ, лишь болѣе разжигающимъ борьбу, какъ теперь.

Но правительство графа Витте изъ двухъ возможныхъ способовъ борьбы съ революціей выбрало освященный западноевропейскимъ шаблономъ пріемъ механическаго подавленія.

Въ октябрскіе и ноябрскіе дни, послѣ взрыва октябрскихъ погромовъ, оно отчасти въ силу растерянности, отчасти преднамѣренно не ставило, хотя и могло, почти никакихъ серьезныхъ препятствій даже самой рѣзкой критикѣ—на собраніяхъ и въ литературѣ—вплоть до проповѣди вооруженнаго возстанія.

Съ одной стороны, оно пугало различные слои буржуазнаго общества перспективой открытаго возстанія, которое неизвѣстно еще какъ далеко зайдетъ. Съ другой, оно манило его обѣщаніями конституціонныхъ формъ и самое свое „непротивленіе“ революціонной пропагандѣ выставляло доказательствомъ своей искренности. Буржуазное общество начинало тосковать по спокойствію, буржуазное общество, даже не получивъ еще ничего, уже отшатнулось отъ продолженія борьбы и начало становиться въ оппозицію „увлеченіямъ пролетаріата“.

Въ главныхъ центрахъ русской жизни господствовала своего рода мирная анархія. Раздражая пролетаріатъ свободой критики и въ тоже время не дѣлая никакихъ шаговъ навстрѣчу дѣйствительному удовлетворенію требованій широкихъ народныхъ массъ, правительство ясно сознавало грозящую ему опасность отъ продолженія такого режима.

Армія распадалась. Освободительное движеніе захватывало ее все болѣе, часть за частью собирали митинги, обсуждали политическіе вопросы, принимали

резолюціи. Еще нѣсколько мѣсяцевъ, и въ распоряженіи правительства не осталось бы достаточно внушительной военной силы, на повиновеніе которой можно бы положиться. А между тѣмъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ правительство опасалось рѣшительнаго присоединенія къ движенію многомилліоннаго крестьянства, уже начинавшаго раскачиваться.

И потому оно рѣшило: „общество“ уже достаточно охлаждено, октябрскаго единодушія уже нѣтъ, общаго крестьянскаго подъема еще нѣтъ, главная масса арміи еще вѣрна—самое подходящее время вызвать изолированный пролетаріатъ на несвоевременный открытый бой и временно раздавить его. Напечатанныя въ „Нашей Жизни“ признанія адмирала Дубасова о томъ, что правительство преднамѣренно, по его словамъ, выждало въ бездѣйствіи московскую революцію, служатъ, такъ сказать, оффиціальнымъ подтвержденіемъ именно такого рѣшенія правительства *).

Начались попытки провоцировать движеніе. Правительство полагало, что послѣ періода сравнительной свободы новыя крутыя мѣры неизбѣжно заставятъ рабочихъ возстать. Разсчеты его, какъ извѣстно оправдались, и въ этомъ сказалось господство стихійности въ русской революціи.

Сначала уволили десятки тысячъ рабочихъ за требованіе 8 часового дня. Призыва къ всероссійской забастовкѣ не послѣдовало. Рабочіе депутаты въ Петербургскомъ Совѣтѣ и Исполнительномъ Комитетѣ Р. Д. сильно настаивали было на ней, но Соц. Дем. Партія оказала рѣшительное противодѣйствіе. Соціальдемократы указывали, что забастовка при данныхъ условіяхъ неизбѣжно перейдетъ въ возстаніе, что слѣдуетъ объявить ее значительно, на нѣсколько мѣсяцевъ позже, когда

*) Сюда же относится оффиціальная статья „Рус. Гос.“ о расколѣ освоб. движ. въ результатѣ манифеста 17 окт.

сложатся благопріятныя условія. Еще раньше была произнесена знаменитая фраза „пролетаріатъ приметъ бой, когда это будетъ выгодно ему, а не правительству“ и Петербурскій Совѣтъ Депутатовъ сдѣлалъ ее своимъ лозунгомъ. Провинціальные Совѣты Депутатовъ и организаціи засвидѣтельствовали предъ посланными изъ Петербурга делегатами солидарность со столицей и выразили готовность слѣдовать призывамъ петербургскаго пролетаріата.

Въ какой степени отсутствовало намѣреніе торопиться съ общимъ выступленіемъ, можно судить хотя бы по тѣмъ инструкціямъ, которыя получили оба отправленные Исполнительнымъ Комитетомъ въ ноябрѣ послѣ исторіи съ 8 часовымъ рабочимъ днемъ делегата. Когда они, какъ соціалдемократы, пришли за разрѣшеніемъ отправиться на собраніе Спб. Группы Рос. С. Д. Раб. Партіи, Группа поручила имъ, проповѣдуя образованіе въ провинціи Совѣтовъ Депутатовъ, вести, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторые переговоры на предметъ подготовки общерусскаго съѣзда представителей Совѣтовъ Депутатовъ, который не могъ бы состояться ранѣе конца декабря, начала января. На этомъ собраніи Петербургской Группы предполагалось, что съѣздъ сможетъ обсудить вопросъ объ общерусскомъ чествованіи 9 января и о всероссійской забастовкѣ, и что на него можетъ быть прислано по 1 представителю на 20—30 тысячъ представленныхъ въ Совѣтахъ рабочихъ.

Но событія развивались быстрѣе, правительство торопилось. Послѣ неудачи провокаціи съ увольненіемъ изъ-за 8 часового дня, послѣдовали разныя стѣсненія, завершившіяся арестомъ Хрусталева 26 ноября. Что преслѣдовали цѣль не уничтожить Совѣтъ, а именно раздражить массу и вызвать на улицу, видно было изъ самой обстановки ареста. Происходившее здѣсь собраніе почт.-телегр. служащихъ не обыскали

и не задержали. Занимающимся въ Коммиссіи сказали остаться, но когда всѣ ушли вплоть до кассирши, никого не остановили. Даже больше: мы съ однимъ товарищемъ прошли по лѣстницѣ прямо сквозь строй полиціи и почти послѣдними, съ денежнымъ ящикомъ и съ грудой бумагъ, адресовъ и переписки Совѣта и насъ спокойно пропустили. Очевидно, никакой непосредственной практической цѣли арестомъ Хрусталева не преслѣдовали, хотѣли лишь взбудоражить массу. Съ цѣлью помочь ей забастовать допустили, по обыкновенію безъ полиціи, собраніе Совѣта Депутатовъ въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ, въ то время какъ передъ тѣмъ разогнали тамъ даже частное собраніе конторщиковъ.

Въ Совѣтѣ, дѣйствительно, раздались очень настойчивыя требованія забастовки, но опять соціальдемократамъ удалось поддержать прежнюю директиву соціалдемократической партіи: не устраивать преждевременнаго выступленія пролетаріата и продолжать политическую подготовку условій для рѣшительной борьбы.

Но правительству необходимо было вызвать рабочихъ на единоборство съ пулеметами, пока было еще кому стрѣлять изъ нихъ. Послѣдовали изумительные законы о свободѣ... объявлять военное положеніе, гдѣ есть желѣзныя дороги, о драконовскихъ карахъ за стачки въ важныхъ правительственныхъ предпріятіяхъ, закрытіе сразу 8 газетъ въ Петербургѣ, циркуляръ Дурново отъ 30 ноября произвести немедля по всей Россіи массовые аресты и высылки безъ суда и слѣдствія и наконецъ—арестъ всего Петербургскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ въ Вол.-Экон. общ. въ составѣ двухъ третей его членовъ.

Цѣль была достигнута. 6 декабря собрался Исполнительный Комитетъ и единогласно постановилъ забастовку. Извѣстіе объ ея подготовкѣ было передано въ Москву по телефону еще въ понедѣльникъ 5-го, на

основаніи преждевременнаго газетнаго извѣстія, и тамошній Совѣтъ объявилъ забастовку съ 7-го.

Надо отдать справедливость центральнымъ учрежденіямъ Р. С. Д. Р. П. Ихъ представитель заявилъ тогда же отъ имени Партіи, что они, высказываясь принципіально за необходимость забастовки въ отвѣтъ на растущую реакцію, въ то же время не призываютъ къ немедленному выступленію и предоставляютъ опредѣлить время его Исполнительному Комитету. Нельзя не пожалѣть, что Центральныя Учрежденія не высказались болѣе опредѣленно и энергично за отсрочку всего дѣла.

Теперь, заднимъ числомъ, мнѣ ясно, какъ мы должны были бы вести себя, если бы были сознательной политической силой, планомѣрно направляющей свою дѣятельность. Никоимъ образомъ не надо было принимать бой въ невыгодныхъ условіяхъ. Правда, это не устранило и не установило бы правительственной реакціи, пассивность пролетаріата развязала бы ей руки и она разыгралась бы во всю. Но пусть были бы разгромлены наши легальныя организаціи, какъ они разгромлены теперь, пусть пошли бы въ тюрьмы тысячи товарищей, какъ пошли теперь, пусть были бы закрыты газеты, союзы, взяты обратно всѣ обѣщанія 17 окт., какъ они взяты сейчасъ. Пусть—ростъ правительственной реакціи былъ намъ выгоденъ, онъ вновь уничтожалъ „блестящую изолированность“ пролетаріата, вновь ставилъ его во главѣ общенаціональнаго движенія.

То буржуазное общество, которое въ декабрѣ отрицательно, съ осужденіемъ, отнеслось къ движенію пролетаріата, при усиленіи реакціи и нашей пассивности стало бы прямо мечтать о новомъ подъемѣ. Оно смотрѣло бы на пролетаріатъ, какъ на главнаго возможнаго спасителя положенія, оно примкнуло бы къ его выступленію съ такимъ же воодушевленіемъ, какъ сдѣлало это въ октябрскіе дни.

Въ арміи шелъ бы тотъ же процессъ разложенія. Теперь значительная часть ея пролила народную кровь, видѣла кровь свою и до извѣстной степени спаяна ею во враждебную населенію силу. Правда, пережитыя событія вліяютъ на многихъ солдатъ и противоположнымъ образомъ, раскрываютъ глаза, и приливъ новобранцевъ, взятыхъ чуть не подъ угрозой пулеметовъ, еще усилитъ это настроеніе. Но все же нельзя не учесть ростъ кровавыхъ воспоминаній.

Наконецъ, самое главное, прямо нельзя было бы такъ разгромить пролетаріатъ, какъ это стало возможно, когда вооруженныя возстанія охватили столько мѣстъ, отъ Ростова и Бахмута до Красноярска и Читы. Арестовать можно бы было, но прямо психологически нельзя было бы приказать солдатамъ перестрѣлять тѣ тысячи и тысячи товарищей, которые погибли на Кавказѣ и въ Прибалтійскомъ краѣ, въ Москвѣ и десяткахъ другихъ мѣстъ. А разъ погибать все равно неизбѣжно, то слѣдуетъ дѣлать это тогда, когда условія благопріятны для побѣды, когда въ бой вступаютъ не съ сомнѣніемъ, что изъ него выйдетъ, а съ увѣренностью въ торжествѣ.

Организаціи были бы разбиты, но сравнительно мало затронутыми оказались бы широкія пролетарскія массы, и ихъ сосредоточенное выжиданіе все это время грознымъ предзнаменованіемъ, могучей неизвѣстностью, стояло бы передъ правительствомъ. И въ самомъ пролетаріатѣ не было бы той подавленности, того гнетущаго чувства понесеннаго пораженія, которое господствовало въ его рядахъ въ декабрѣ — январѣ. Что же касается организацій передовыхъ с. д. слоевъ—моментъ, конечно, важный,—то мы видимъ, какъ быстро онѣ возстановлены даже послѣ пережитаго разгрома, стоило лишь рабочимъ нѣсколько оправиться и вновь начать подымать голову.

Но, какъ бы то ни было—русскій пролетаріатъ ока-

зался недостаточно сознательной политической силой для того, чтобы быть въ силахъ удержаться отъ того взрыва, на который его толкали естественныя чувства негодованія и злобы за обманутыя ожиданія. Въ этомъ и проявился ярко стихійный ходъ русской революціи. Пролетаріатъ былъ—и остается ею и сейчасъ—крупнѣйшей активной величиной революціи и этимъ и объясняется непропорціонально громадное для страны съ нашимъ уровнемъ развитія капитализма вліяніе и значеніе соціалдемократіи, принужденной выступать выразительницей общенаціональныхъ задачъ. Но эта крупнѣйшая сила оказывается не въ состояніи управлять собой планомѣрно. И не мудрено: въ атмосферѣ политическаго безправія, гдѣ организованная борьба классовъ между собой почти не имѣетъ мѣста, неоткуда было развиться въ широкихъ массахъ пролетаріата правильному пониманію взаимоотношенія общественныхъ классовъ, не могли сложиться основы планомѣрной классовой тактики.

И вотъ пролетаріатъ плыветъ по волнамъ революціи, куда несетъ его революціонный вѣтеръ, подчиняясь чувствамъ и настроеніямъ, а не сознательному политическому расчету, а съ нимъ вмѣстѣ плоть отъ плоти и кость отъ кости его—соціалдемократія. Поскольку соціалдемократія является носительницей сознательныхъ элементовъ пролетарскаго движенія, она пытается замѣнить стихійное движеніе, въ которое рабочіе выступаютъ, какъ простая составная, хотя и самая вліятельная часть всей демократической массы,—планомѣрнымъ руководствомъ, которое приводило бы къ сплоченію пролетарскихъ силъ въ связи съ ростомъ классоваго сознанія и обособленія. До поры до времени вліянія соціалдемократіи оказывалось достаточно, чтобы сдерживать поднимавшійся стихійный взрывъ. Неоднократныя отсрочки рѣшительнаго выступленія въ ноябрѣ служатъ свидѣтельствомъ побѣды созна-

тельности надъ стихійностью и въ этомъ смыслѣ могутъ внушать нѣкоторыя надежды на будущее. Но тамъ, гдѣ правильные тактическіе шаги принимаются массой не въ силу накопленнаго въ ней жизнью политическаго опыта и пониманія, а такъ сказать изъ довѣрія къ своимъ вождямъ—тамъ, наконецъ, долженъ наступить моментъ, когда движущія силы наростаютъ настолько, что опрокидываютъ всякія задерживающія нормы и увлекаютъ за собой даже болѣе сознательныхъ участниковъ борьбы.

„Меня гнететъ сознаніе крупной политической ошибки", писалъ мнѣ изъ тюрьмы одинъ изъ арестованныхъ 3 декабря членовъ Исполнительнаго Комитета въ отвѣтъ на вѣсти о забастовкѣ... Никоимъ образомъ не надо было допускать этого, этакъ можно дойти до пораженія революціи—приблизительно такъ пишетъ изъ другой тюрьмы второй членъ Исполнительнаго Комитета. Я уже упомянулъ, какъ сдержанно высказывался представитель Центральныхъ учрежденій Партіи. Но мы рядовые соціальдемократы, составлявшіе подавляющее большинство Исполнительнаго Комитета, мы были уже увлечены стихійнымъ потокомъ. Принадлежность и близость къ массѣ при отсутствіи въ массѣ выработаннаго классоваго сознанія наложила на насъ печать. По мѣрѣ того, какъ революція будетъ воспитывать въ пролетаріатѣ сознаніе и пониманіе его классовой позиціи—и мы, его передніе ряды, лучше сможемъ продумывать и выдерживать тактику, основанную на дѣйствительномъ анализѣ соотношенія общественныхъ силъ. Намъ, участникамъ соціалдемократическихъ организацій, нечего скрывать, замалчивать свои ошибки, потому что намъ не передъ кѣмъ дискредитировать себя и жаль, что декабрскія событія не вызвали почти отклика въ соціалдемократической литературѣ. Ошибки партіи—ошибки пролетаріата, она не противополагаетъ себя ему, она лишь болѣе сознатель-

ная часть его, которую, вмѣстѣ со всей его массой, учитъ опытъ революціи, которая живетъ той же жизнью, что и онъ. Пролетаріатъ—не лавочникъ, и Рабочая партія—не приказчикъ, котораго хозяинъ можетъ прогнать за плохое веденіе дѣлъ. Рабочая партія—это сознательная часть пролетаріата, которая, неизбѣжно, все равно должна стоять во главѣ его движенія и ея дѣло послѣ пораженія въ одной изъ битвъ—постараться дать себѣ отчетъ, понять его причины, а не провозглашать изъ совсѣмъ не идущей къ намъ мѣщанской ложной стыдливости: „все обстоитъ благополучно, все къ лучшему въ лучшемъ изъ міровъ". Конечно, революція неизбѣжно должна побѣдить, и скоро побѣдитъ, потому что это основное условіе для возможности хозяйственнаго развитія страны. Господа либералы могутъ быть спокойны (и они таки очень спокойны). Но далеко не все равно для партіи пролетаріата, что и какъ выноситъ изъ революціи пролетаріатъ.

Въ Исполнительномъ Комитетѣ соціальдемократы говорили: правительство твердо рѣшило вызвать рабочихъ на бой. При теперешнемъ уровнѣ сознательности и политическаго развитія массы ему это удастся, если не сейчасъ, то черезъ недѣлю, черезъ нѣсколько дней. И въ дѣйствительности, въ Одессѣ, въ Москвѣ, въ Петербургѣ—всюду нѣкоторые заводы и фабрики бросали работы, не дождавшись рѣшенія. Въ Москвѣ даже больше: руководители рѣшили перевести забастовку въ возстаніе только при наличности активнаго присоединенія части гарнизона. Пѣхота сидѣла разоружненая подъ стражей въ казармахъ, а обыватели и рабочая масса стали строить для защиты отъ набѣговъ лихой конницы баррикады, и организація должна была послѣдовать за ними и ввести въ дѣло свои боевыя дружины. Извѣстно, что послѣ разгрома баррикадныхъ бойницъ, изъ настоящихъ дружинниковъ, благодаря осторожному отношенію организаціи, собственно, мало кто и пострадалъ.

Если стихійный взрывъ забастовки все равно неизбѣженъ, думалъ я въ Исполнительномъ Комитетѣ, то намъ не остается выбора. Ужъ если бастовать, то организованно, пока еще не переарестованы всѣ депутаты, всѣ выдвинувшіеся въ періодъ свободы товарищи изъ рабочихъ, словомъ, цока еще не наступило полнаго разброда и растерянности.

Въ насъ жила еще надежда, что, можетъ быть, наткнувшись на отпоръ, реакція отступитъ. Печатавшіяся въ газетахъ извѣстія о томъ, что почти половина Совѣта Министровъ высказалась за всеобщее избирательное право и т. п. служили къ поддержанію такихъ ожиданій. — Затѣмъ постоянные бунты и волненія въ арміи и флотѣ давали намъ основаніе надѣяться до нѣкоторой степени, если не на содѣйствіе, то хоть на благожелательный или выжидательный нейтралитетъ войскъ. Резолюціи союза союзовъ о присоединеніи побуждали думать, что хоть часть буржуазнаго общества поддержитъ насъ. Всѣмъ извѣстно, насколько оправдались эти ожиданія. Разъ провокація правительства и стихійный ходъ вещей, опираясь на классовую невыработанность пролетаріата, волей-неволей втягиваетъ его во всероссійскую забастовку, мы обязаны, думалось въ Исполнительномъ Комитетѣ, всѣми своими силами принять въ ней участіе. Пока не разбита организація, все же больше шансовъ на успѣхъ, чѣмъ когда не будетъ и ея, а забастовка останется неизбѣжной. И Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія мобилизовала большую часть своихъ силъ, приняла вызовъ и... была разбита.

Не недостатками организаціи или техники надо объяснять прежде всего пораженіе, а политическимъ положеніемъ, „блестящей изолированностью“ пролетаріата. Трагизмъ положенія соціальдемократовъ, которые пытались осмыслить для себя прошедшія предъ нами событія,—не во временномъ торжествѣ реакціи

(это—залогъ новаго, еще болѣе, крупнаго взрыва), но въ томъ, что окончательно и наглядно выяснилась та тенденція, развитіе которой они не столько наблюдали, сколько, скорѣе, теоретически предчувствовали раньше. Именно послѣдній періодъ русской революціи показалъ, что нашему пролетаріату пониманіе своего классоваго положенія и классовой тактики приходится покупать такъ же, какъ это имѣло мѣсто и въ зап.-европ. революціяхъ: путемъ ошибокъ, цѣной крови. На ограничительныхъ замѣчаніяхъ о противодѣйствующихъ этой тенденціи явленіяхъ остановимся ниже. Пока же вѣрно, что событія у насъ развиваются, хотя и въ другихъ, гораздо болѣе запутанныхъ формахъ, но по тому же шаблону (въ смыслѣ роли пролетаріата), какъ въ свое время въ Европѣ.

Ю. Ларинъ.

Реалистическій и идеалистическій либерализмъ въ рабочемъ вопросѣ.

I.

Бельгійскій либеральный ученый и публицистъ, Эмиль де-Лавеле, въ свое время съ большимъ умиленіемъ остановился надъ извѣстной фразой въ уставѣ Международнаго Общества Рабочихъ. „Освобожденіе рабочаго класса должны быть дѣломъ самихъ рабочихъ". Не онъ ли, защитникъ буржуазнаго laisser faire проповѣдывалъ то же самое бельгійскимъ рабочимъ? Не онъ ли говорилъ имъ: „будьте трезвы, будьте бережливы и вы спасете себя и своихъ присныхъ отъ ужасовъ нищеты"? Но чѣмъ далѣе онъ вчитывался и вдумывался въ истинный смыслъ марксовской формулы, тѣмъ яснѣе ему становилось, какая глубокая пропасть лежитъ между марксовой теоріей классовой борьбы и его проповѣдью индивидуальной самодѣятельности и самоограниченія.

Съ тѣхъ поръ много воды утекло. Въ самой Бельгіи какъ и во всѣхъ другихъ цивилизованныхъ странахъ, выросло и окрѣпло могучее революціонное движеніе, движеніе рабочаго класса, стремящагося къ своему освобожденію. Вышеприведенный тезисъ изъ устава Международнаго Общества Рабочихъ сталъ жизненнымъ фактомъ, воплотившимся въ массѣ крупныхъ и мелкихъ явленій современной общественной жизни. Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ, но рабочихъ становящихся классомъ, организующихся

въ классовую политическую партію и ведущихъ классовую борьбу на всѣхъ поприщахъ общественно-политической жизни и со всѣми враждебными ему классами. Марксъ не только далъ формулу, но въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“ далъ классическое описаніе того, какъ это дѣлается, какъ постепенно въ борьбѣ вырабатываются болѣе высокія формы сознанія и организаціи, которыя въ свою очередь вліяютъ на усовершенствованіе формъ самой борьбы. Такимъ образомъ формула избѣгаетъ двухъ крайностей: она не выкидываетъ со счетовъ стихіи, но не приноситъ ей въ жертву сознанія.

Однако, въ каждую данную минуту мы имѣемъ дѣло съ опредѣленной формой движенія и съ извѣстнымъ уровнемъ сознательности. Съ особенной любовью выдвигаемый безпринципными вожаками на первый планъ тезисъ—„освобожденіе рабочихъ (причемъ упорно забываютъ, что Марксъ писалъ для „рабочаго класса“) должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ“—въ ихъ устахъ чаще всего означаетъ стремленіе къ увѣковѣченію достигнутой въ данный моментъ степени организованности и сознанія. Въ устахъ этихъ безпринципныхъ вожаковъ правильный въ общемъ принципъ активнаго участія рабочихъ массъ въ политическомъ и соціальномъ творчествѣ превращается въ принципъ политическаго абсентеизма или политическаго прислужничества. Прислушайтесь къ пропагандѣ гапоновцевъ послѣдней формаціи, разныхъ господъ Архангельскихъ и Ушаковыхъ, создателей независимыхъ рабочихъ партій, партій труда и т. д. Поскольку они не продались сознательно реакціи, они не идутъ дальше умѣренно-либеральнаго тредъюніонизма.

Не будемъ голословны. Возьмемъ фактъ самаго послѣдняго времени: опубликованное въ „Руси“ письмо одного изъ бывшихъ вожаковъ гапоновскихъ рабочихъ организацій, Петрова, объ интимныхъ отношеніяхъ св.

Гапона къ Витте. Насъ въ данномъ случаѣ интересуетъ какъ самый фактъ, такъ и отношеніе къ нему либеральнаго тредъ-юніониста. Вся бѣда, по мнѣнію. г. Петрова, въ томъ, что Гапонъ не рабочій, что онъ не работаетъ съ рабочими за однимъ станкомъ и слѣдовательно(?) имѣетъ свои особыя цѣли. Выводъ болѣе, чѣмъ жалкій. Неужели подобныя вещи не могли случаться и не случались съ людьми, работавшими за станкомъ? Даже наше молодое еще рабочее движеніе можетъ назвать не одного рабочаго, снюхивавшагося съ Зубатовымъ и тому подобными господами, намѣревавшимися эксплуатировать рабочее движеніе въ реакціонныхъ цѣляхъ. Очевидно, вся суть именно въ этой возможности эксплуатировать движеніе, т. е. заставить его служить цѣлямъ, ему чуждымъ и навязаннымъ ему извнѣ. Демократическая организація, широкое участіе всѣхъ членовъ въ обсужденіи всѣхъ вопросовъ, касающихся организаціи, а главное, ея широкое участіе въ кипящей вокругъ нея общественной борьбѣ, казалось бы, единственныя средства противъ подобной эксплуатаціи. Но либеральный тредъ-юніонизмъ врагъ анализа, врагъ всякаго обобщенія. Онъ эмпирикъ по существу. Понятіе класса, борющагося за свое освобожденіе, въ процессѣ борьбы измѣняющаго свою собственную психологію и всасывающаго революціоные элементы изъ другихъ классовъ,—это понятіе ему чуждо. Онъ знаетъ борьбу рабочихъ—индивидовъ, въ лучшемъ случаѣ слагающихся въ союзъ. Это для него осязательно, съ этимъ онъ считается. Все, пришедшее со стороны, не годится потому, что пришло не отъ станка. Понятно, что такой взглядъ ведетъ или къ демагогіи, или къ полнѣйшему отрицанію всякихъ принциповъ.

Отсюда замѣчающаяся въ нѣкоторыхъ рабочихъ листкахъ отрыжка стараго экономизма.

Надъ петербургскими рабочими нависла страшная бѣда—безработица. Всякому безпристрастному наблю-

дателю ясно, что безработица явилась не только результатомъ свирѣпствующаго въ странѣ кризиса, но въ значительной степени провокаторскаго поведенія правительства Витте-Дурново. Что гроза разразилась спеціально надъ Петербургомъ — это только случайность; общая же тактика была направлена на то, чтобы взять рабочихъ измором. Понятно, что не преминули воспользоваться бѣдственнымъ положеніемъ рабочихъ и господа капиталисты, чтобы потуже затянуть петлю надъ рабочимъ. Но ясно, что иниціаторомъ и главнымъ виновникомъ было и есть правительство репрессій, правительство беззаконія, правительство голода. Тредъюньонистъ, однако, видитъ, главнымъ образомъ, непосредственную причину, т. е. фабриканта, съ которымъ его сталкиваетъ ежедневная практика здѣсь въ Петербургѣ, или въ Москвѣ, или въ любомъ углу нашего отечества. Вмѣсто борьбы съ политической реакціей, на первый планъ выдвигаются почти безплодныя въ данный моментъ отдѣльныя схватки съ предпринимателями.

Въ той же мѣрѣ чуждо либеральному тредъ-юніонизму пониманіе обобщающей роли революціонной борьбы; чуждо пониманіе того, что частныя завоеванія являются необходимымъ результатомъ борьбы за великую, все воодушевляющую цѣль, тогда какъ чѣмъ больше группа или партія съуживаетъ поле своей борьбы, тѣмъ больше отъ нихъ ускользаетъ возможность добиться и тѣхъ узкихъ цѣлей, которыя они себѣ ставятъ. Это сказалось, между прочимъ, на отношеніи къ вопросу о выборахъ въ Государственную Думу. Тредъ-юніонистъ рѣшаетъ вопросъ очень просто: такъ какъ въ Думѣ будетъ разбираться „рабочій вопросъ“, то надо, чтобы тамъ были рабочіе. А дальше, конечно, уже все равно, какъ заполучить этихъ рабочихъ въ Думу, путемъ ли сдѣлки съ прогрессивно-экономической, торгово-промышленной или к.-д. партіей. Разъ

дѣятельность будущихъ рабочихъ депутатовъ должна сосредоточиться, главнымъ образомъ, въ спеціальной сферѣ „рабочаго вопроса“, то не все ли равно, какъ попадутъ эти депутаты въ будущій россійскій парламентъ? Къ чему тогда предвыборная агитація, выясненіе рабочимъ политическаго и экономическаго положенія страны? Къ чему столкновенія съ другими партіями, борьба, отстаиваніе опредѣленной программы и опредѣленнаго міросозерцанія? Весь вопросъ рѣшается просто путемъ переговоровъ какого нибудь центральнаго комитета, скажемъ, независимой рабочей партіи съ центральнымъ комитетомъ торгово-промышленной партіи, и сводится къ столкновенію господъ М. и Н. съ господами Х. и У., т. е. въ концѣ концовъ къ той же гапоновщинѣ. Но все это будетъ дѣлаться подъ гордымъ девизомъ: „освобожденіе рабочихъ — дѣло самихъ рабочихъ“.

Но и самое проведеніе рабочихъ депутатовъ подъ эгидой торгово-промышленной или другой буржуазной партіи при такой тактикѣ является весьма и весьма проблематичнымъ. Пока въ рабочей средѣ былъ крѣпокъ духъ солидарности и твердо отстаивались интересы всего класса, каждой партіи было лестно отколоть отъ рабочей партіи часть рабочихъ тѣми или иными заманчивыми обѣщаніями. Но какъ только рабочіе пошли на эту удочку и тѣмъ обнаружили свою собственную слабость и нежеланіе или невозможность продолжать революціонную борьбу, они теряютъ свой интересъ и ихъ акціи начинаютъ очень дешево котироваться на политической биржѣ.

Таковы результаты всякой тредъ-юніонисткой политики, сосредоточенной на мелкихъ интересахъ даннаго дня и не умѣющей связать своей повседневной борьбы съ борьбой за великую соціальную цѣль!

II.

Таковъ либеральный тредъ-юніонизмъ или реалистическій либерализмъ. Реалистична въ немъ связь съ той массой, именемъ которой онъ оперируетъ; либеральна вся его общественно-политическая концепція и вся его политическая дѣятельность въ духѣ „реальной“ политики нашихъ „кадетовъ“. Въ реализмѣ была бы его сила, еслибъ по условіямъ русской дѣйствительности и по свойству своей либеральной тактики онъ часто не попадалъ въ объятія полиціи.

Идеалистическій либерализмъ совершенно оторванъ и отъ этой возможной силы. Само собою разумѣется, мы говоримъ о либерализмѣ новѣйшей формаціи. Чистыхъ манчестерцевъ, людей, вѣрующихъ во всеисцѣляющую силу свободы, нынче приходится искать съ огнемъ. Современный либералъ уже не приравниваетъ роли государства къ роли ночного сторожа, а въ той или иной степени принужденъ мириться съ регулирующей ролью соціальной политики.

Новѣйшій либерализмъ отказался отъ механическаго ученія объ обществѣ, согласно которому это послѣднее состоитъ изъ свободныхъ людей-атомовъ, свободно двигающихся и свободно сочетающихся между собой для установленія необходимой гармоніи. Новѣйшій либерализмъ видитъ скорѣе въ обществѣ нѣкій организмъ, развивающійся по опредѣленнымъ органическимъ законамъ, ведущимъ это общество къ необходимому усовершенствованію. И тамъ, гдѣ старые либералы апеллировали къ принципамъ свободы и равенства, новѣйшій либерализмъ въ большинствѣ случаевъ выдвигаетъ законы эволюціи, морали, права и т. п.

Но при этомъ въ Россіи дѣло значительно осложнилось. Если вообще современные соціальные конфликты задаютъ либерализму задачу, разрѣшеніе которой ему не по силамъ, то тѣмъ труднѣе его положеніе въ ре-

волюціонной Россіи. Если въ мирное время еще можно укрываться за законами эволюціи, за вновь возникающими въ обществѣ моральными и правовыми понятіями, то какъ толковать объ органическомъ развитіи тамъ, гдѣ цѣлаго совсѣмъ не видать, гдѣ различные органы какъ будто расползаются въ разныя стороны? И кто не можетъ найти обобщающей идеи въ анализѣ общественныхъ отношеній,—а современный либерализмъ очень мало склоненъ къ такому анализу,—тотъ принужденъ заимствовать эту идею извнѣ, изъ абстрактныхъ ученій религіи, морали, права и т. д.

Такимъ спасительнымъ дѣломъ занялся въ № 3 „Полярной Звѣзды“ г. П. Новгородцевъ. Принципъ, имъ предложенный и неизвѣстно у какого будды заимствованный, гласитъ: „право каждаго на достойное человѣческое существованіе“. На первый разъ г. П. Новгородцевъ хочетъ намъ показать, какъ этотъ идеальный принципъ примѣняется къ рѣшенію рабочаго вопроса. Послѣдуемъ за нимъ.

Но на первыхъ же шагахъ насъ ждетъ—увы! не послѣднее—разочарованіе. „Конечно, понятіе о достойной человѣческой жизни открываетъ просторъ для безконечныхъ требованій и предположеній во всю мѣру безконечнаго человѣческаго идеала. Но когда говорятъ о *правѣ* на достойное человѣческое существованіе, то подъ этимъ слѣдуетъ разумѣть не положительное содержаніе человѣческаго идеала, а только отрицаніе тѣхъ условій, которыя совершенно исключаютъ возможность достойной человѣческой жизни“ *). Какъ видите, подъ перомъ г. Новгородцева его принципъ сразу значительно потускнѣлъ и потерпѣлъ почти такое же превращеніе, какъ конституція 17 октября въ ловкихъ рукахъ г. Витте. Только что у насъ было право, настоящее право на достойное человѣческое существованіе,

*) „Пол. Звѣзда“, № 3, стр. 215.

и вдругъ оказалось, что мы имѣемъ только право отрицать тѣ условія, которыя совершенно исключаютъ возможность достойной человѣческой жизни. Жаль, конечно, потерять пріобрѣтенное уже право, но по пословицѣ: „лучше синицу въ руки, чѣмъ журавля въ небѣ“, мы миримся съ ухудшеннымъ изданіемъ новаго закона о правахъ и ждемъ отъ нашего законодателя дальнѣйшихъ соотвѣтствующихъ мѣропріятій.

Конечно, первое мѣропріятіе должно состоять въ точномъ истолкованіи смысла закона, ибо не всѣ будутъ согласны въ опредѣленіи „тѣхъ условій, которыя совершенно исключаютъ возможность достойной человѣческой жизни“. Авторъ любезно приходитъ намъ на помощь. „Конечно, потребности человѣка разнообразны и субъективны, и опредѣлить точно, гдѣ начинается образъ жизни, достойный человѣка, нельзя. Однако, изъ этого не слѣдуетъ, что праву здѣсь нечего дѣлать и нечего опредѣлять... Можно спорить о восьми или девяти часомъ рабочемъ днѣ, но совершенно очевидно, что пятнадцать или восемнадцать часовъ работы есть безсовѣстная эксплоатація. Можно спорить о возможныхъ размѣрахъ жилища въ сторону отклоненія вверхъ отъ минимальной нормы; но безспорно, что темные и сырые подвалы противорѣчатъ всякимъ нормамъ допустимаго и возможнаго“.*) Теперь мы отчасти освѣдомлены: образъ жизни, достойный человѣка, невозможенъ при 15-ти или 18-ти часахъ работы и въ темныхъ и сырыхъ подвалахъ!?

Таковы отрицательные признаки. Перейдемъ къ положительнымъ. „Но одного провозглашенія общаго принципа, конечно, недостаточно. Для того, чтобы этотъ принципъ не остался только нравственнымъ пожеланіемъ, необходимо, чтобы изъ него вытекали конкретныя юридическія слѣдствія. Одно изъ этихъ слѣдствій

*) L. c. стр. 218.

мы уже упомянули: это—законодательство о рабочихъ. Оно можетъ выражаться какъ въ общей охранѣ интересовъ трудящихся, при помощи объективнаго права, напримѣръ, путемъ регулированія санитарныхъ условій труда, такъ и въ признаніи за каждымъ трудящимся особыхъ субъективныхъ правъ, вытекающихъ изъ общаго понятія о правахъ человѣческой личности. Такой характеръ имѣетъ, напримѣръ, право на обезпеченіе на случай болѣзни, неспособности къ труду и старости. Это право признано теперь во многихъ законодательствахъ, но несомнѣнно, что будущее должно осуществить въ этомъ направленіи цѣлый рядъ подобныхъ правъ. Въ особенности здѣсь имѣетъ коренное и принципіальное значеніе такъ называемое право на трудъ, которое еще со времени Великой французской революціи пытались въ той или иной формѣ ввести въ текстъ декларацій правъ... До послѣдняго времени право на трудъ все еще считалось утопіей и даже извращеніемъ понятія о правѣ. Но какъ разъ въ наши дни эта утопія становится практическимъ лозунгомъ передовыхъ русскихъ партій. Что такое, какъ не признаніе права на трудъ лежитъ въ основѣ той реформы, которая требуетъ увеличенія площади землепользованія населенія, *обрабатывающаго землю личнымъ трудомъ*. Для огромной массы трудящагося населенія Россіи признается, такимъ образомъ, право на приложеніе своего труда, и, когда этотъ принципъ будетъ осуществленъ, это будетъ фактомъ огромнаго всемірно-историческаго значенія. Вся эта реформа въ программѣ конституціонно-демократической партіи ставится на почву права и производится съ должнымъ уваженіемъ отчуждаемыхъ правъ землевладѣльцевъ собственниковъ“ *). Итакъ первый абзацъ положительной программы для проведенія въ жизнь „права на достойное человѣческое

*) L. c. стр. 219—20.

существованіе“ изложенъ съ необходимой полнотой. Онъ состоитъ изъ слѣдующихъ пунктовъ: 1) „право на обезпеченіе на случай болѣзни, неспособности къ труду и старости“, признанное „теперь во многихъ (Какихъ? Правъ на обезпеченіе не признаетъ ни одно, право на жалкую милостыню очень многія. Д. К.) государствахъ“; 2) утопическое „право на трудъ“ въ формѣ народнической утопіи „увеличенія площади землепользованія населенія, обрабатывающаго землю личнымъ трудомъ“; 3) „должное уваженіе отчуждаемыхъ правъ землевладѣльцевъ собственниковъ“, и 4) комплиментъ программѣ конституціонно-демократической партіи.

„Второе важное слѣдствіе изъ признанія права на достойное человѣческое существованіе есть широкое допущеніе профессіональныхъ союзовъ... Но и въ наше время право профессіональныхъ союзовъ на существованіе иногда представляется спорнымъ: здѣсь возникаетъ задача огромной сложности—примирить свободу профессіональныхъ союзовъ съ государственнымъ интересомъ. На почвѣ свободы союзовъ создаются такія могущественныя организаціи, которыя при извѣстныхъ условіяхъ могутъ угрожать правильному теченію государственной жизни и приводить въ разстройство самыя основы общественнаго строя. Здѣсь необходимо найти извѣстную линію примиренія...“ *) Второй абзацъ программы, очевидно, можетъ быть формулированъ очень кратко: „Допущеніе профессіональныхъ союзовъ“, поскольку они не угрожаютъ „правильному теченію государственной жизни“ и не „приводятъ въ разстройство самыя основы, общественнаго строя“. Въ высшей степени демократичный пунктъ!

„Третье конкретное слѣдствіе, которое вытекаетъ изъ общаго принципа, есть обязательное общественное и государственное призрѣніе лицъ безпомощныхъ

*) L. c. стр. 220—21.

и неспособныхъ къ труду, проистекаетъ ли эта безпомощность отъ юнаго или старческаго возраста, болѣзни или же изъ другихъ источниковъ. Поскольку забота о бѣдныхъ изъ добровольной благотворительности превращается въ законную обязанность, она пріобрѣтаетъ юридическій характеръ и становится подъ санкцію права" *). Третій абзацъ... Но есть ли надобность формулировать еще разъ отдѣльно третій абзацъ?

И это все. Пусть читатель сравнитъ всю эту въ высшей степени тощую программу съ первоначальнымъ девизомъ: „право на достойное человѣческое существованіе", и пусть попробуетъ рѣшить такую задачу: въ какихъ дозахъ должны быть смѣшаны идеализмъ съ либерализмомъ, чтобы въ столь высокомъ стилѣ наговорить столько пустыхъ словъ?

Практика—лучшій критикъ всякихъ абстрактныхъ формулъ. Мы не пристаемъ къ г. Новгородцеву съ вопросами: кто будетъ проводить его формулу въ жизнь и кто займется детальнымъ опредѣленіемъ ея содержанія. Не задаемъ этихъ вопросовъ потому, что напередъ знаемъ, что отвѣтъ выльется въ мало содержательной, но за то весьма громко звучащей фразѣ. Но мы все таки не можемъ не вспомнить, что г. Новгородцевъ брался рѣшать „рабочій вопросъ". А когда дѣло идетъ о рѣшеніи этого вопроса, у насъ всегда есть отличный реактивъ для распознанія всякой соціально-политической программы. Этотъ реактивъ есть отношеніе программы къ самому жгучему вопросу рабочей жизни, къ вопросу о безработицѣ. Тредъ-юніонизмъ рѣшаетъ этотъ вопросъ до чрезвычайности просто: для него безработица есть болѣе или менѣе случайный фактъ на рынкѣ труда и онъ старается своими средствами устранить вытекающія отсюда неудобства, т. е. поддержать безработнаго товарища до тѣхъ поръ,

*) L. c. стр. 221—222.

пока онъ дѣйствительно остается товарищемъ, т. е. до тѣхъ поръ, пока долговременная безработица не превратила его въ оборванца и пропойцу. Либеральный соціальный политикъ не можетъ на этомъ остановиться потому что факты жизни не даютъ ему закрывать глаза на существованіе пропоицъ и оборванцевъ. Онъ не можетъ не видѣть, что безработица есть постоянный факторъ современной экономической жизни, и тутъ наступаетъ его банкротство. Г. Новгородцевъ терпитъ тутъ такое же фіаско, какъ и его европейскіе единомышленники, съ той только разницей, что какъ „идеалистъ", онъ еще прячется за формулой, давно оставленной всѣми европейцами,—формулой: право на трудъ. Не правильнѣе ли было сказать: право на каторгу?

Дѣйствительная жизнь смѣется и надъ идеалистическими формулами и надъ реалистической практикой и проходитъ мимо нихъ.

Д. Кольцовъ.

Партія „чистой буржуазіи“ *).

X

Что бы ни говорили хулители россійской революціи, они должны признать, что она и имъ послужила на пользу. Помимо того, что революція приблизила ихъ къ власти, дала имъ возможность противопоставлять себя правительству и готовиться къ „парламентской“ битвѣ, никто иной, какъ революція, вызвала ихъ къ жизни, открыла предъ ними—и только для нихъ—широкій путь къ реальной, а потому и активной политической группировкѣ. Маскарадъ россійскихъ „политическихъ партій“ былъ революціей разстроенъ; съ однихъ плохо привязанныя маски сами спали, съ другихъ онѣ были сорваны,—и политическая физіономія буржуазныхъ партій постепенно приняла свой настоящій обликъ.

Всѣмъ памятенъ тотъ волшебный способъ, какимъ въ до-революціонное время или, вѣрнѣе, наканунѣ революціи, происходила политическая группировка. Наскоро сколачивалась „политическая платформа“, по возможности настолько общая, чтобы подъ ея покровомъ могли найти пріютъ представители различныхъ прогрессивныхъ теченій; соціальная часть платформы, по тѣмъ же соображеніямъ, отчасти совсѣмъ игнорировалась, отчасти окрашивалась въ столь ярко-красный цвѣтъ, что заранѣе обрекалась на исключительно декоративное значеніе и—таково должно было быть общее сознаніе—никого и ни къ чему не обязывала, все это закрѣплялось ненавистью къ самодержавному режиму—и политическая организація была готова. Не будемъ спорить: быть мо-

---

*) Помѣщая статью М. Б—ва, мы считаемъ необходимымъ оговорить, что далеко не во всемъ раздѣляемъ точку зрѣнія автора на союзъ 17-го октября. Авторъ статьи, мы думаемъ, ошибается, принимая переходную формацію переходнаго времени за что-то сложившееся и законченное, за опредѣлившуюся „партію чистой буржуазіи“, на манеръ германскихъ національ-либераловъ.

Онъ упускаетъ также изъ виду, что союзъ 17-го октября не только по своему происхожденію, но и по своему нынѣшнему соціальному составу есть организація не столько промышленной, сколько земельной буржуазіи и части бюрократіи и протекающіе въ настоящее время выборы въ Государственную Думу являются наилучшимъ тому подтвержденіемъ.

Ред.

жетъ, эта организація, созданная въ интересахъ минуты сыграла свою роль,—преданіе о великихъ дняхъ еще слишкомъ свѣжо, чтобы можно было съ увѣренностью однимъ поставить плюсъ, другимъ—минусъ. Но когда первый шагъ этой революціи былъ пройденъ и политически организованныя силы поставлены были лицомъ къ лицу съ властными запросами жизни, сразу обнаружилась ихъ полная непригодность. На развалинахъ стараго режима съ новою силою должна разгорѣться классовая борьба; черезъ огромную брешь, пробитую въ этомъ режимѣ, виденъ путь къ власти, къ которой протягиваются руки, не израненныя въ борьбѣ. Чтобы получить эту власть или съ нею бороться не достаточно безпочвенной демократической фразеологіи. Если классовая борьба не можетъ не быть борьбой политической, то и наоборотъ—политическая борьба питается силою классовой борьбы и внѣ ея обречена на печальный жребій Донъ-Кихота, трагическій или комическій, смотря по общей исторической ситуаціи. Бутафорская политическая группировка, построенная на отвлеченно-политической идеологіи, смѣняется политической дифференціаціей, происходящей подъ знакомъ реально-классовыхъ интересовъ.

Именно при такой дифференціаціи мы теперь присутствуемъ. По всему лицу земли русской съ лихорадочной поспѣшностью организуются политическія партіи. Эта поспѣшность иногда граничитъ съ юмористикой: въ какомъ нибудь захолустьи возникаетъ самостоятельная партія, съ собственной программой, съ собственными тактическими „средствами"; авторитетные въ этой области статистики насчитываютъ на Руси до 30 политическихъ партій. Но въ общемъ и цѣломъ, курьезныя отступленія нисколько не измѣняютъ основной тенденціи. Подъ грохотъ революціи одна часть буржуазіи проснулась и спѣшно мобилизуетъ свои силы для защиты „порядка" и борьбы съ „анархіей", подъ тотъ же грохотъ другая часть приспособляетъ свою организацію къ новымъ условіямъ жизни и новымъ ея задачамъ.

Среди множества этихъ партій наибольшій интересъ, по практическому значенію и „самобытности" процесса образованія, представляетъ „чистая" буржуазія, чистая въ смыслѣ отсутствія въ ней примѣси и вліянія мнимо демократическихъ теченій. Тучные представители „земли и капитала", крупно-владѣльческіе представители земельной и промышленной буржуазіи также проснулись отъ долгой спячки и довольно энергично подготовляются къ выступленію на историческую арену. Сонъ ихъ былъ продолжителенъ и крѣпокъ и потому они осторожно ступаютъ, внимательно осматриваясь и заранѣе намѣчая твердую почву. Подъ крылышкомъ полицейскаго государства „чистой" буржуазіи жилось спокойно и привольно. Ей приносилось въ жертву народное благосостояніе, для нея создавались таможно-тарифныя стѣны, на счетъ роста ея капитала изъ года въ годъ повышались ксевенные налоги, проводи-

лись новыя желѣзныя дороги, непосредственно къ ней въ карманъ переходили народныя деньги въ видѣ субсидій, „поощреній", выкупа въ казну дутыхъ предпріятій и т. д. Исконныя основы самодержавнаго строя цѣликомъ переносились на фабрику и въ деревню. Рабочій закрѣплялся за фабрикантомъ, и крестьяне—за помѣщикомъ. Аракчеевскіе фабричные законы, ежовыя рукавицы полицейскаго надзора отдавали въ полную кабалу рабочаго капиталу. Земельная политика, непосредственно направленная къ росту частнаго землевладѣнія (дворянскаго и купеческаго) за счетъ крестьянскаго, полицейскія функціи дворянства въ земствѣ и администраціи, правовое безправіе „сельскихъ обывателей"—воскрешало, или точнѣе, не прерывало крѣпостной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ. Земельный и промышленный капиталъ процвѣталъ, — объ этомъ много интереснаго могъ бы повѣдать гр. Витте, когда то насаждавшій „народное благосостояніе", теперь насаждающій „народную конституцію",—этотъ, поистинѣ, крестный отецъ экономическаго и политическаго господства буржуазіи. Бывало, конечно, раздавались недовольные вопли объ оскудѣніи, но они тотчасъ-же прекращались новыми льготами и новыми щедротами. Буржуазія, благодарная и преданная буржуазія горой стояла за самодержавіе. Въ земствахъ она была центромъ реакціонной оппозиціи либерализму кающихся дворянъ, поддерживавшихъ и развивавшихъ „земскія традиціи", въ думахъ и купеческихъ обществахъ она безраздѣльно царила.

Имѣя за спиною такую силу, и самодержавіе считало свое положеніе прочнымъ. Оно съ жестокостью отвергало политическія требованія пролетаріата, поддерживаемыя демократической интеллигенціей; экономическія требованія рабочихъ оно иногда вынуждено было удовлетворять, но по возможности всегда обращало свои уступки на пользу капитала. Однако сила историческихъ событій подломила этотъ союзъ. Манджурская авантюра обезсилила и дискредитировала самодержавіе; изсякъ рогъ изобилія, щедро изливавшій свои блага на главу капитала и не было надежды, чтобы онъ пополнился вновь; ростъ пролетарскаго и крестьянскаго движенія нажималъ одновременно въ обѣ стороны—заставлялъ отступать полицейскихъ властителей и угрожалъ священнымъ принципамъ частной собственности. Сгущался кризисъ, приближался крахъ для однихъ, воскресеніе для другихъ. Черноземный, атрофированный въ политической активности нѣжною опекой капиталъ остановился въ раздумьи. Пойти направо—значитъ возвратиться къ униженному и разбитому покровителю-союзнику, пойти налѣво—значитъ броситься въ пропасть революціи, анархіи, ломки политическаго строя, пожалуй, опасной для земельной и капитальной цѣнностей. Не нами революція начата, не нами кончится—резонно рѣшилъ капиталъ и занялся политическимъ самоопредѣленіемъ, центральнымъ пунктомъ котораго стало сохраненіе обычной (и привычной) нормы прибыли, что, въ переводѣ на политически-евро-

пейскій языкъ, означало, историческая преемственность", отрицаніе „рѣзкаго" перехода отъ стараго строя къ новому „обновленіе" русской жизни. На земско-городскихъ съѣздахъ „чистый" капиталъ составляетъ оппозицію земско-либеральному конституціонализму; онъ развиваетъ славянофильскую идею, говоритъ о „единеніи царя съ народомъ", объ исцѣленіи бѣдствій разумнымъ совѣтомъ „людей земли", обладающихъ лишь „силой мнѣнія". Такимъ способомъ можетъ быть обезпечена преемственность, т. е. спасено самодержавіе и вмѣстѣ съ нимъ спасенъ капиталъ. Подъ ударами событій—одна Цусима способна дать хорошій урокъ—„чистая" буржуазія туго идетъ, но все же идетъ на уступки; она внимательнѣе прислушивается къ тому, о чемъ раньше слушать не хотѣла, вникаетъ въ рѣчи конституціоналистовъ, но возстаетъ противъ „крайняго" либерализма: автономія окраинъ, всеобщее избирательное право, однопалатная система рѣшительно отвергаются. Въ тоже время промышленный капиталъ, это второе лико Януса, подогрѣваемый все растущимъ рабочимъ движеніемъ, растерявшій свои прибыли отъ войны и забастовокъ, готовъ отвернуться отъ самодержавія, если оно такъ или иначе не положитъ конца „анархіи". Истинныхъ интересовъ и подлинной цѣнности своихъ политическихъ вождѣленій капиталъ не скрываетъ Въ нѣкоторомъ родѣ историческая записка „крупнѣйшихъ фабрикантовъ и заводчиковъ Москвы и московскаго района", глухо упомянувъ о необходимости *„участія* въ выработкѣ законодательныхъ нормъ и *обсужденій* бюджета представителей всѣхъ классовъ населенія", пространно трактуетъ о бюрократическомъ гнетѣ, какъ источникѣ рабочихъ волненій, и подчеркиваетъ „невозможность (въ Россіи) законныхъ спокойныхъ формъ соціальной борьбы, формъ но только не препятствующихъ, какъ показалъ примѣръ Европы и Америки, промышленному прогрессу, но наоборотъ являющихся его условіемъ". Основной тонъ этихъ ламентацій совпадаетъ съ славянофильскими мечтаніями „земскаго меньшинства". Если бы самодержавіе умѣло прислушиваться къ разумному голосу „людей земли"! Если бы самодержавіе могло дать „законныя и спокойныя формы соціальной борьбы"! Вотъ ужъ подлинно, все кончилось бы по хорошему: и честь можно было бы соблюсти, и капиталъ пріобрѣсти, и „историческую преемственность" осуществить во всѣхъ подробностяхъ.

Но нельзя совмѣстить несовмѣстимое. Революція развивалась съ логической стихійностью. Она же разрѣшила задачу: актъ 17 октября признанъ конституціонныя требованія. „Чистая" буржуазія вздохнула съ облегченіемъ. Если самодержавіе—такъ казалось и кажется буржуазіи — само себя упразднило, то ужъ, конечно, поддерживать его не приходится. Нужно строить зданіе на новомъ фундаментѣ, строить его прочно, сохраняя отъ стараго матеріала все полезное и выгодное. Отъ „преемственности" чистая буржуазія никогда не откажется; ея корни слиш-

комъ глубоко уходятъ въ старое, съ нею связано столько надеждъ на будущее и увѣренности въ прочности настоящаго, что безповоротно отказаться отъ него было бы дѣломъ рискованнаго коммерческаго разсчета. Къ тому-же октябрьскіе, ноябрьскіе и декабрьскіе дни показали буржуазіи, что ея опасенія и предположенія исторически правильны. Неостановившійся ростъ революціи (вплоть до установленія революціоннымъ путемъ 8-ми часоваго рабочаго дня), ясныя, какъ кристаллъ, политическія требованія пролетаріата, его самоотверженная готовность къ защитѣ завоеванныхъ позицій въ связи съ все болѣе организующимся аграрнымъ движеніемъ—все это поставило предъ буржуазіей красный призракъ побѣдоносной демократіи, готовой нанести ударъ его господству. Предъ этимъ призракомъ поблѣднѣли политическія вольности и какъ-то естественно связались съ „твердою властью", которая должна спасти „единство и могущество" Россіи, а съ ними, конечно, первѣе всего священную собственность со всѣми ея соціальными привиллегіями. „Историческая преемственность", помимо своего историческаго обоснованія, пріобрѣла жгучую цѣнность злобы дня, почувствовалась необходимость не только поддерживать старый режимъ, но и искать у него защиты. Этотъ страхъ предъ революціей, и ненависть къ ней составляетъ неотъемлемую принадлежность „чистой" буржуазіи въ отличіе ея отъ другихъ ея элементовъ—мелко и демократически буржуазныхъ. Въ то время, какъ послѣднія подъ вліяніемъ революціи расширяли свои политеческіе горизонты и склонны хулить революцію за ея „ошибки", „чистая" буржуазія всегда и во всемъ оставалась и остается врагомъ революціи. Паническій страхъ ея предъ революціей смѣшивается съ органической ненавистью къ ней, съ готовностью сочетать конституціонный либерализмъ съ реакціей, смотря по тому, каковы шансы революціи и барометрическій показатель государственно-буржуазной „безопасности".

При такомъ общемъ положеніи вещей крупно-владѣльческая „чистая" буржуазія, сознавъ всю опасность дальнѣйшаго пребыванія на потерпѣвшемъ аварію государственномъ кораблѣ, принялась за политическую самоорганизацію. Элементы послѣдней намѣчены прошлымъ буржуазіи и доселѣ жалкой ея исторической ролью, это—сохраненіе занятой позиціи господствующаго класса, прочное сочетаніе стараго строя съ „конституціоннымъ" режимомъ, какъ наиболѣе вѣрная гарантія этого сохраненія, стремленіе къ власти и союзу съ монархіей, какъ его осуществленіе, и безпощадная борьба съ революціей, готовой разрушить всѣ планы буржуазіи. На фигуральномъ языкѣ политики это звучитъ: конституціонная монархія, какъ воплощеніе исторической преемственности, единство и недѣлимость Россіи, какъ символъ „твердой" государственной власти, гражданская свобода и равенство, какъ залогъ „правового порядка", одинаково отрицающаго произволъ реакціи и „анархію" революціи.

На такой именно политической тріадѣ построена программа „Союза 17 октября"—партіи „чистой" буржуазіи. Присмотримся къ ней поближе.

Политическіе идеалы Союза точны и опредѣленны: манифестъ 17 октября. Октябристы (будемъ, вслѣдъ за другими, такъ называть для краткости Союзъ 17 окт.) на происходившемъ въ февралѣ ихъ первомъ съѣздѣ неоднократно говорили: „ни шагу вправо, ни шагу влѣво" отъ признанныхъ манифестомъ основъ „конституціоннаго строя". Въ точномъ исполненіи правительствомъ манифеста 17 октября заключаются всѣ основы нашихъ задачъ, дѣятельности и пропаганды" — заявилъ на съѣздѣ въ своей надѣлавшей шума рѣчи М. А. Стаховичъ. Программа Союза ставитъ задачей „развитіе и укрѣпленіе конституціонной монархіи съ народнымъ представительствомъ, основаннымъ на общемъ избирательномъ правѣ". Октябристы являются, поэтому, принципіальными монархистами. „Монархическое начало, заявляетъ ихъ программа, отнынѣ получаетъ новую историческую миссію величайшей важности. Возвышаясь надъ безчисленными частными и мѣстными интересами, надъ односторонними цѣлями различныхъ классовъ, сословій, національностей, партій, монархія именно при настоящихъ условіяхъ призвана осуществить свое предназначеніе—явиться умиротворяющимъ началомъ въ той рѣзкой борьбѣ, борьбѣ политической, національной, соціальной, для которой открывается нынѣ широкій просторъ провозглашеніемъ политической и гражданской свободы. Укрѣпленіе въ русской политической жизни этихъ началъ, противодѣйствіе всякому посягательству, откуда бы оно ни шло, на права монарха и на права народнаго представительства, какъ эти права опредѣляются на почвѣ манифеста 17 октября, должно входить въ задачи Союза". Обоснованіе монархическаго начала не оставляетъ желать ничего лучшаго по своей опредѣленности: монархія должна быть умиротворителемъ рѣзкой борьбы политической, національной, соціальной, и такое умиротворяющее воздѣйствіе ея въ особенности необходимо теперь, когда съ воцареніемъ политической свободы борьба обострится. Самодержавіе этой роли выполнить уже не можетъ. „Мы убѣждены, пишетъ одинъ изъ комментаторовъ программы Союза *)—, что нынѣшнее самодержавіе, составлявшее нѣкогда живую творческую государственную силу, уже исполнило свою историческую миссію, потеряло жизнеспособность и подлежитъ поэтому полному упраздненію, какъ пережитокъ старины, мѣшающій дальнѣйшему развитію политической, культурной и экономической жизни нашего отечества". „Историческую миссію" должна теперь продолжать монархія вмѣстѣ съ буржуазіей, т. е. народнымъ представительствомъ

*) „Союзъ 17 октября, его задачи и цѣли, его положеніе среди другихъ полит. партій". М. 1906. стр. 7.

въ предѣлахъ, предуказанныхъ ему манифестомъ 17 октября. Новый государственный строй Россіи рисуется союзу въ строгихъ рамкахъ того же манифеста на базѣ „твердаго правового порядка“: наслѣдственная конституціонная, но отнюдь не парламентарная, монархія съ законодательной думой, избираемой на началахъ всеобщаго, но не прямого избирательнаго права *). Въ этомъ грубо очерченномъ „основномъ законѣ“, предусмотрѣно все, что обезпечиваетъ господство за буржуазіей: наслѣдственная монархія, оказывающая воздѣйствіе на соціальную борьбу, дума, избираемая всеобщимъ, но не прямымъ голосованіемъ, открывающимъ исключительно для буржуазіи путь къ народному представительству и, стало быть, къ власти, конституціонная, но не парламентарная монархія, тормозящая разрѣшеніе политическихъ и соціальныхъ проблемъ.

Второй китъ, на которомъ покоится политическая программа Союза,— „единство и нераздѣльность Россіи“. Объ этой высоко-патріотической матеріи октябристы говорятъ не иначе какъ, съ гнѣвнымъ пафосомъ древне-классическихъ риторовъ. „Русь рушится“, „Русь терзаютъ на части“, пугаютъ они и безъ того запуганнаго обывателя. „Жизненнымъ условіемъ для укрѣпленія внѣшней мощи Россіи и для ея внутренняго процвѣтанія“, гласитъ программа союза, является огражденіе единства ея политическаго тѣла, сохраненіе за ея государственнымъ строемъ сложившагося унитарнаго характера. Вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе это обязываетъ противодѣйствовать всякимъ предположеніямъ, направленнымъ прямо или косвенно къ расчлененію имперіи и къ замѣнѣ единаго государства союзнымъ или союзомъ государства“. Въ число „всякихъ предположеній“ входитъ автономія окраинъ, которую Союзъ, вслѣдъ за извѣстнымъ правительственнымъ сообщеніемъ, считаетъ первымъ шагомъ къ окончательному отпаденію отъ Россіи, и потому ни подъ какимъ видомъ и ни при какихъ условіяхъ на нее не соглашается. Автономія Финляндіи, какъ это выяснилъ на съѣздѣ А. Гучковъ, признается только какъ res judicata, какъ фактъ существующій, принципіально же съѣздъ предоставилъ членамъ партіи полную свободу воззрѣній на финляндскія дѣла,—вплоть, вѣроятно, до посылки на территорію Финляндіи лейбъ-

*) См. у того-же Петрова-Соловьева. „мы стремимся къ конституціонно-монархическому устройству русскаго государства съ законодательной думой, избираемой на началахъ всеобщаго, но не прямого голосованія и съ наслѣдственнымъ монархомъ во главѣ. Монархъ долженъ не только царствовать, но и управлять государствомъ при посредствѣ отвѣтственныхъ предъ государственной палатой, но имъ свободно назначаемыхъ министровъ и на основаніи твердыхъ законовъ, выработанныхъ палатой и имъ утвержденныхъ“. О „степенности“ выборовъ и верхней палатѣ какъ программа, такъ и комментаторъ ея ничего не говорятъ.

гвардіи семеновскаго полка. Особенно страстно трактуется октябристами вопросъ объ автономіи примѣнительно къ Польшѣ. „Русскіе люди", окраинные делегаты на съѣздѣ рисовали положеніе дѣлъ въ Польшѣ самыми мрачными красками. Русская народность подавлена и преслѣдуется, въ Польшѣ всѣ только и думаютъ объ отдѣленіи отъ Россіи. Тощій трактатъ союза „объ автономіи Польши" размышляетъ: „въ началѣ XIX вѣка воплощеніемъ и руководителемъ польскаго народа была его старинная, богатая, европейско-образованная аристократія. Тогда не было ни широко развившейся промышленности, ни интересовъ капитализма, ни фабричныхъ рабочихъ, ни могущества печати, ни соціализма, ни динамита... Въ настоящій моментъ всѣ дружно стоятъ противъ общаго, традиціоннаго врага, невзирая на различіе взглядовъ и интересовъ, теперь кипятъ страсти и совершаются преступленія противъ блюстителей ненавистнаго чужого порядка вещей. Но тѣ же страсти и преступленія грозятъ и новому порядку. Автономія не искоренитъ прадѣдовскаго „непозволямъ". Автономія не уничтожитъ анархію новѣйшей формаціи!" *)

Въ чемъ корни этой ненависти къ автономіи и всякимъ проявленіямъ національнаго самоопредѣленія? Здѣсь сказался несложный комплексъ буржуазныхъ вождѣленій. Стремленіе буржуазіи къ „государственному" господству не знаетъ предѣловъ, оно находитъ для себя границу только въ сопротивленіи чужеземной буржуазіи, и потому направляется по линіи наименьшаго сопротивленія, которая, конечно, лежитъ ближе всего на территоріи даннаго государства. Отсюда,—надлежитъ, прежде всего, охранять цѣлостность и единство государства, отсюда-же культъ „мощи" единаго политическаго тѣла. „Мы не космополиты, мы сторонники государственности", заявилъ на съѣздѣ Чистяковъ при одобреніи всего собранія. „Все для государства" предложилъ онъ-же другой тезисъ и при этомъ создалъ оригинальный критерій для оцѣнки всяческихъ притязаній: онъ предлагалъ всякому, обращающемуся къ государству съ какимъ-либо требованіемъ, сказать такое слово: „а соотвѣтствуетъ ли то, чего ты требуешь, интересамъ государства? Если нѣтъ—пошелъ прочь!" Формула, дѣйствительно, чрезвычайно удобная, съ ея помощью можно отвергнуть всяческія притязанія и національныя, и соціальныя, кромѣ, понятно, притязаній буржуазіи, ибо они-то именно и совпадаютъ съ интересами государства. Въ дальнѣйшемъ культъ „мощи" единаго государства пріобрѣтаетъ конкретное содержаніе, которое, между прочимъ, раскрылъ на съѣздѣ г. Енакіевъ, докладчикъ окраинной комиссіи и одинъ изъ составителей программы Союза. Онъ доказывалъ, что „единство Россіи" требуется, прежде всего, общностью экономическихъ интересовъ народовъ, населяющихъ Россію. Россія—„самое большое

*) „Объ автономіи", изданіе Союза. М. 1906.

въ мірѣ кооперативное хозяйство", центръ производитъ земледѣльческіе продукты, на окраинахъ развита промышленность; по-скольку будущее — въ развитіи промышленности, постольку центру нужны окраины. „Единство" требуется также общностью политическихъ интересовъ—задачей пробиться къ незамерзающему морю; „эта задача, сказалъ Енакіевъ, еще не выполнена, борьба еще впереди и участіе въ ней должны принять всѣ граждане". Въ этомъ заявленіи громко прозвучала нота „реальныхъ" побужденій и имперіалистическихъ замысловъ окрѣпшей буржуазіи. Россія должна быть едина, потому что этого требуетъ развитіе промышленности, нормальное обращеніе капитала. Россія должна быть едина, потому что этого требуетъ великая задача—пробиться къ незамерзающему морю, быть можетъ, покорить Китай и Индію, задача, которая можетъ быть подъ силу только всѣмъ „русскимъ гражданамъ, т. е. всѣмъ народностямъ, живущимъ подъ скипетромъ россійской державы. Неудивительно, что въ сложности всѣ эти мотивы—культъ государственности, теорія, „кооперативнаго хозяйства", идеалъ имперіализма—создаютъ ревущій концертъ національнаго шовинизма, котораго не прикрыть программными фразами о равноправіи всѣхъ національностей. Да, равенство, какъ и свобода, всегда входила въ катехизисъ буржуазіи, когда она боролась за политическую свободу или завладѣвала ею на трупахъ пролетаріата. Но гдѣ предѣлъ этого равенства? Конечно, тамъ гдѣ предѣльность интересовъ буржуазіи. Не даромъ программа Союза не отказываетъ „въ признаніи за отдѣльными національностями самаго широкаго права на удовлетвореніе и защиту своихъ культурныхъ правъ *въ предѣлахъ допустимыхъ идеей государственности и интересами другихъ національностей*. Смыслъ и содержаніе „идеи государственности" въ устахъ буржуазіи вполнѣ реаленъ, реальнымъ становится и допускаемая ею національная равноправность. Автономія Финляндіи признается какъ res judicata и ставится въ зависимость отъ „внутренняго равновѣсія", отъ того, „убережется-ли (она) отъ внутренней борьбы партій и революціонной агитаціи соціализма" *). А Кавказу бросается упрекъ: „всѣмъ извѣстны *права* (курсивъ подлинника) и обычаи кавказскихъ племенъ до водворенія русскаго владычества—разбой и грабежи, религіозный фанатизмъ и взаимное истребленіе расъ" **), какъ будто октябристамъ неизвѣстно благосклонное участіе русскаго правительства во „взаимномъ истребленіи расъ". Въ протестѣ противъ окраинныхъ инородцевъ ораторы на съѣздѣ (за немногими исключеніями) возвышались до истинно черносотеннаго пафоса.

Такъ обстоитъ дѣло съ равенствомъ. Декларація о свободѣ прошла

*) „Объ автономіи Польши", стр. 4.

**) „Чего же хочетъ конст.-демократическая партія?" Изданіе Союза М. 1906.

на съѣздѣ единодушно. Какъ извѣстно, съѣздъ повернулся нѣсколько спиною къ правительству Витте и принялъ резолюцію, порицающую дѣйствія „конституціоннаго“ премьера. Но что это за жалкая „оппозиція его сіятельству“! Предложеніе бюро Союза о включеніи въ резолюцію отмѣны повсемѣстно усиленной и чрезвычайной охраны встрѣтило сильный отпоръ и едва не послужило поводомъ къ расколу, такъ какъ именно благодаря этому предложенію вся резолюція была принята въ первомъ голосованіи *большинствомъ* всего двухъ голосовъ (142 противъ 140). И только послѣ наставительныхъ разъясненій Шипова о томъ, что отмѣна исключительныхъ положеній можетъ послѣдовать только одновременно съ изданіемъ законовъ о свободахъ, что эти законы должны не только обезпечить свободу, но и „оградить отъ злоупотребленія ею“, что, наконецъ, „не бѣда, если эти законы и предоставятъ нѣкоторый просторъ администраціи“ только послѣ этихъ разъясненій резолюція была принята *единогласно*. Еще бы! „Мы только и заговорили при военномъ положеніи“, откровенно сознался нѣкій делегатъ. „Меня лично, заявилъ гр. Гейденъ, не столько пугаютъ усиленная и чрезвычайная охрана, сколько произволъ тѣхъ, которые примѣняютъ ихъ“. При такомъ органическомъ родствѣ съ исключительными законами можно было рискнуть на отмѣну ихъ только послѣ авторитетныхъ разъясненій Шипова. Идеалы гр. Гейдена будутъ осуществлены, ибо все пойдетъ какъ слѣдуетъ, „по закону“, а тѣ, кто заговорилъ лишь тогда, когда другимъ заткнулъ ротъ, смогутъ и впредь свободно разглагольствовать. „Законы о свободахъ“ сохранятъ все цѣнное, что имѣется въ положеніяхъ о чрезвычайной и усиленной охранахъ, они принесутъ свободу и спокойствіе буржуазіи, а затѣмъ сданы будутъ въ лету. И все это сопровождалось комплиментами по адресу военнаго положенія (при немъ-же военная власть поставлена въ рамкѣ закона) и такого сорта совѣтами правительству: „исключительные случаи требуютъ, конечно, *исключительныхъ* мѣръ, на революціонныя насилія, на вооруженныя возстанія правительство обязано отвѣтить энергичнымъ подавленіемъ, оно можетъ даже ввести на срокъ военное положеніе“; или: „введеніе военнаго положенія можетъ быть вызвано только вооруженнымъ возстаніемъ, или приготовленіемъ къ нему и должно быть отмѣнено, какъ только минуетъ крайняя въ немъ необходимость“. Правительство *обязано* не только подавлять, но *энергично* подавлять „*революціонныя насилія*“, введеніе военнаго положенія можетъ быть вызвано не только вооруженнымъ возстаніемъ, но даже приготовленіемъ къ нему, при чемъ—кто и когда „приготовляется“,—объ этомъ будетъ судить понятно правительство!

Изъ затруднительнаго положенія олтябристы вышли „съ честью“. Они прямо заявляли, что одобряли дѣйствія Витте—Дурново, пока репрессіи были направлены къ подавленію революціи. А разъ такъ, то слѣдуетъ принять „мѣры пресѣченія“, объяснивъ вмѣстѣ съ тѣмъ войну

всѣмъ „крайнимъ революціоннымъ партіямъ". „Мы должны признать всѣ эти партіи, комментируетъ г. Петрово-Соловово, нашими самыми рѣшительными противниками, бороться съ ними и въ выборной компаніи и въ думѣ со всею энергіею, на которую мы только способны, и всѣми тѣми средствами, которыя мы признаемъ съ нашей точки зрѣнія допустимыми". Октябристы и борятся съ помощью исключительныхъ законовъ—это вполнѣ понятно. Заслуживаетъ большаго вниманія, что къ числу своихъ рѣшительныхъ враговъ они причисляютъ и „ка-детовъ", ибо въ этомъ проглядываетъ острый антагонизмъ между „чистой" буржурзіей и буржуазной демократіей съ различными ея оттѣнками. „Крайнія революціонныя партіи", конечно враги, потому что они подрываютъ „основы" и стремятся ввести „соціальный строй" (такъ еще по безграмотности выражаются наши буржуа)—и противъ нихъ слѣдуетъ направить пулеметы. Но такой-же врагъ, если въ нѣкоторомъ отношеніе не большій, буржуазная демократія, которая находится здѣсь, можно сказать, подъ бокомъ и стремится къ такой-же власти, къ которой уже добирается „чистая" буржуазія. Съ „крайними революціонными партіями" можно справиться пулеметами: онѣ „отрицаютъ все" и носятъ въ себѣ „разрушительное" начало. Буржуазная демократія многое „признаетъ", она не выходитъ изъ предѣловъ буржуазнаго строя, ея тенденціи ближе соотвѣтствуютъ процессу капиталистическаго развитія—и потому опасность ея болѣе осязательна и ненависть къ ней не менѣе прочна. Характерно, что внутреннія разнорѣчія партіи „Ка-де" сказались и на отношеніи къ ней октябристовъ. Родственные элементы взаимно притягивались, враждебные отталкивались—все умѣренное въ программѣ „ка-де" одобрялось, все, напоминающее о демократизмѣ, рѣзко порицалось. Въ блаженномъ (или, быть можетъ, сознательномъ) невѣдѣніи октябристы все еще утверждаютъ, что „ка-деты" требуютъ созыва учредительнаго собранія и сторонники республики, хотя на послѣднемъ ихъ съѣздѣ опредѣленно выяснилось, что политическія требованія ка-де не идутъ дальше конституціонно-парламентарной монархіи, а подъ учредительнымъ собраніемъ разумѣется дума съ весьма ограниченными учредительными функціями. Но октябристы съ пѣной у рта клеймятъ „каде" измѣнниками родины, республиканцами, революціонерами — и все это за автономію, учредительное собраніе и „республику". Въ тайникахъ души своей они, вѣроятно, надѣятся, что „мудро" и въ интересахъ „государства" разрѣшенные ими вопросы конституціонализма и политической свободы отведутъ далеко отъ источника власти не только „крайнихъ лѣвыхъ", но и такихъ „лѣвыхъ", какъ „ка-деты".

„Соціальная платформа" октябристовъ... Въ нее цѣликомъ уложились громадные аппетиты „чистой" буржуазіи. „Мы партія *демократическая*" (курсивъ подлинника), провозглашаетъ въ своей брошюрѣ г. Петрово-Соловово. „Мы наравнѣ съ лѣвыми партіями одинаково пони-

маемъ, что будущее Россіи заключается въ широкихъ демократическихъ реформахъ", заявилъ на съѣздѣ Д. Н. Шиповъ. Однако, „демократизмъ" не помѣшалъ стремленію съѣзда уклониться отъ подробнаго отвѣта на рабочій и крестьянскій вопросы, и только настоянія нѣкоторыхъ членовъ, въ особенности „рабочихъ" и „крестьянъ", заставили съѣздъ заняться этимъ вопросомъ *).

„Демократизмъ" Союза въ рабочемъ вопросѣ сказался, конечно, въ исключительномъ отстаиваніи интересовъ капитала, подмасленномъ „попечительнымъ" отношеніемъ „добраго хозяина" къ своей собакѣ. Девять пунктовъ „рабочей программы", принятой съѣздомъ, одинъ другого лучше. Пунктъ первый признаетъ желательнымъ провести въ жизнь представительство рабочихъ въ думѣ отъ тѣхъ губерній, гдѣ промышленность играетъ замѣтную роль; принятіе этого пункта понятно, ибо, вѣдь и „ка-деты" признали за „честь" провести въ думу нѣсколькихъ рабочихъ! Пунктъ второй признаетъ незаконными забастовки въ предпріятіяхъ, имѣющихъ общественно-государственное значеніе, не только рабочихъ, но и предпринимателей—актъ высшей „справедливости", ибо когда тамъ предприниматели устроятъ стачку, да еще въ такихъ сочныхъ предпріятіяхъ, какъ общественныя и казенныя! Къ сему пунктъ 6 находитъ желательнымъ немедленную заботу о профессіональныхъ и экономическихъ интересахъ рабочихъ тѣхъ предпріятій, стачки въ которыхъ запрещены—снова актъ высшей „справедливости", тѣмъ болѣе, что рѣчь идетъ, главнымъ образомъ, о почтово-телеграфныхъ служащихъ и улучшеніи ихъ положенія за счетъ государства! Пунктъ третій беретъ „подъ охрану закона" работу не только фабричныхъ рабочихъ, но и „всѣ виды наемнаго труда", причемъ ни слова не говорится о томъ, что это за „охрана закона", кого и какъ она будетъ охранять. По вопросу о сокращеніи продолжительности рабочаго времени въ литературѣ Союза имѣются нѣсколько болѣе опредѣленныя указанія. „Нашъ союзъ, пишетъ г. Петрово-Соловово, конечно, будетъ привѣтствовать *возможное* сокращеніе рабочаго дня, *поскольку оно допустимо безъ ущерба промышленности и торговли*"... *„Лишь въ интересахъ народной гигіены,* говоритъ онъ же въ другомъ мѣстѣ, мы высказываемся въ нашей программѣ за сокращеніе рабочаго времени въ особенно вредныхъ для здоровья производствахъ и во всѣхъ прочихъ для женщинъ и дѣтей". Стало быть, „ущербъ промышленности и торговли" опредѣлитъ содержаніе „охраны закона". Пунктъ четвертый

*) Между прочимъ, „рабочій" неосторожно обмолвился: „если бы намъ кредитъ, мы бы стали на ноги", чѣмъ обнаружилъ свою причастность къ мелкимъ производителямъ-собственникамъ. А „крестьянинъ" сообщилъ въ своей наивности съѣзду, что у него „земля въ двухъ губерніяхъ и домъ въ Калугѣ!"

рекомендуетъ всѣми законными средствами содѣйствовать образованію рабочихъ союзовъ на почвѣ экономическихъ и профессіональныхъ интересовъ, такъ какъ такимъ путемъ рабочіе могутъ не только повысить свою заработную плату, но и содѣйствовать правильному разрѣшенію вопроса объ устройствѣ школъ, больницъ, пріютовъ и вообще объ удовлетвореніи своихъ культурныхъ потребностей. При столь обширныхъ задачахъ, возлагаемыхъ на „самодѣятельность“ рабочаго класса и тѣмъ самымъ снимаемыхъ съ фабрикантовъ, предложеніе это встрѣтило у съѣзда весьма сочувственный пріемъ. Мимолетное сомнѣніе вызванное умолчаніемъ резолюціи о правѣ рабочихъ образовывать политическіе союзы, было разсѣяно разъясненіемъ, что, конечно, такое право рабочіе имѣютъ, какъ „граждане“, въ особенности, если они объединятся въ „самостоятельную русскую политическую партію“. Пунктъ пятый упоминаетъ о страхованіи рабочихъ и служащихъ во всѣхъ его видахъ, оставляя въ тѣни подробности (формы страхованія), болѣе существенныя, чѣмъ голый принципъ страхованія. Пунктъ седьмой настаиваетъ на болѣе широкой постановкѣ профессіональнаго образованія, чтобы подготовить рабочаго къ его будущей дѣятельности, т. е. сдѣлать изъ него хорошую рабочую машину. Пунктъ восьмой говоритъ о реорганазаціи фабричной инспекціи на началахъ спеціальной технической подготовки инспекторовъ, т. е. въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ инспекція можетъ быть полезна фабриканту. Наконецъ, девятый пунктъ, въ видѣ заключительнаго аккорда, провозглашаетъ, что всѣ усилія къ улучшенію положенія рабочихъ будутъ тщетны, если рядомъ съ ними не осуществится справедливое покровительство промышленности. Съ этимъ пунктомъ на съѣздѣ приключился курьезъ. Въ словахъ „покровительство промышленности“ представители земельнаго капитала усмотрѣли указаніе на протекціонизмъ, столь имъ ненавистный, почему и отвергли девятый пунктъ. Но въ слѣдующемъ засѣданіи бюро съѣзда снова внесло его на обсужденіе, при чемъ г. Шиповъ пояснилъ, что нужно поддержать промышленность, ибо если не будетъ фабрикъ, то и рабочимъ негдѣ будетъ работать. Послѣ сего девятый пунктъ принимается въ такой редакціи: „рабочій вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ удовлетворительно въ интересахъ самихъ рабочихъ безъ улучшенія условій, обезпечивающихъ процвѣтаніе промышленности“. Сведя, такимъ образомъ, рабочій вопросъ къ процвѣтанію промышленности, октябристамъ не остается ничего другого, какъ отождествить успѣхи союза 17 окт. съ успѣхами рабочаго дѣла. Это положеніе развилъ на съѣздѣ г. Четвериковъ въ слѣдующей характерной рѣчи: „московскій биржевой комитетъ собралъ свѣдѣнія о стачкахъ въ Россіи. Они не дѣлаютъ чести нашему національному самолюбію (какіе скверные „патріоты эти рабочіе!). Въ то время, какъ на Западѣ стачкѣ предшествуютъ недѣли переговоровъ съ предпринимателями, у насъ стачка начинается, а здѣсь

рабочіе три дня ходятъ и придумываютъ мотивы. И это потому, что рабочіе находятся подъ вліяніемъ соціалъ-демократіи, которая сослужила рабочимъ дурную службу". Четверикову пришлось бесѣдовать съ однимъ соціалъ-демократомъ по такому поводу: задумали московскіе фабриканты распространять среди рабочихъ популярныя брошюры умиротворяющаго содержанія. Г. Четвериковъ спрашиваетъ у соціалъ-демократа, что вы думаете объ этой затѣѣ, а тотъ и отвѣтилъ: „такія брошюры должны повлечь за собою удовлетвореніе, удовлетвореніе приведетъ къ спокойствію, спокойствіе—смерть, а для насъ жизнь—борьба". Такіе взгляды, замѣчаетъ г. Четвериковъ, къ добру повести не могутъ. Рабочіе скажутъ соціалдемократіи, какъ Христосъ дьяволу: „отойди отъ меня сатана". Рабочіе должны образовать самостоятельную политическую партію, а пока они должны придти къ намъ!" А другой видный октябристъ, пресловутый Демчинскій, прямо взываетъ къ рабочимъ: „идите за Гапономъ!"— ибо онъ „*несомнѣнный*" (курсивъ подлинника) другъ рабочихъ" *). Итакъ, получивъ отъ октябристовъ всѣ блага, которыя полагаются рабочей машинѣ на капиталистической землѣ, рабочіе должны отвернуться отъ соціалъ-демократіи, образовать свою русскую партію, идти за Гапономъ, примкнуть къ союзу 17 октября—такова „рабочая программа".

Въ аграрной „программѣ" „демократизмъ" выразился, конечно, въ старательномъ кружении вокругъ да около вопроса и во всяческомъ отстаиваніи священныхъ устоевъ частной собственности. Съѣздъ оставилъ разсмотрѣніе аграрной программы до ближайшаго будущаго, но комиссія, работавшая во время съѣзда, намѣтила основы аграрной реформы. Больше всего, конечно, удѣлено вниманія переселеніямъ, разселеніямъ, крестьянскому банку, организаціи землеустроительныхъ комиссій и прочимъ „мѣрамъ", которыя снимаютъ съ очереди радикальную постановку вопроса; въ частности, община должна быть пересоздана „въ учрежденіе гражданскаго права", т. е. общинное владѣніе землей должно быть приравнено ко всякому общему владѣнію, откуда проистекаютъ два послѣдствія въ любой моментъ общинная земля можетъ быть раздѣлена на началахъ частной собственности и общинное владѣніе независимо отъ общиннаго самоуправленія. Расширеніе крестьянскаго землевладѣнія должно произойти, главнымъ образомъ, за счетъ государственныхъ и удѣльныхъ земель, которыя признаются „фондомъ для удовлетворенія земельной нужды бывшихъ крестьянъ и другихъ разрядовъ мелкихъ землевладѣльцевъ", т. е. напр., малоземельныхъ дворянъ. Допускается, на основаніи изданнаго думой закона, обязательное отчужденіе „отрѣзковъ" частно-владѣльческой земли, но лишь въ томъ случаѣ, если они не составляютъ отдѣльнаго хозяйства, а сдаются въ

*) Н. А. Демчинскій. „Чего хотятъ люди, которые ходятъ съ красными флагами". Вып. II. Рабочая программа. Спб., 1906, стр. 14 и 12.

аренду крестьянамъ. При недостаточности всѣхъ прочихъ мѣръ, комиссія допускаетъ принудительное отчужденіе частно-владѣльческой земли, „на справедливыхъ условіяхъ вознагражденія", для надѣленія крестьянъ, получившихъ дарственный надѣлъ, обнищавшихъ, безземельныхъ, необезпеченныхъ землею, но занимающихся хозяйствомъ, если „отчуждаемыя земли сдаются имъ въ аренду и для землевладѣльца не представляютъ необходимаго условія для веденія культурнаго хозяйства". Такимъ образомъ, отчужденіе частно-владѣльческой земли, въ томъ числѣ даже для „отрѣзковъ", допускается только въ отношеніи арендуемой земли и притомъ арендуемой тѣми крестьянами, которымъ она должна быть отчуждена. Если „обнищавшій" крестьянинъ не арендуетъ или земля нужна ея владѣльцу для „веденія культурнаго хозяйства", то и отъ признаннаго принципа отчужденія остается мифъ. Зато переселяйся, разселяйся, покупай землю съ помощью крестьянскаго банка—сколько угодно! „Благо собственности, торжественно комментируетъ программу союза г. Петрово-Соловово, отъ котораго навѣрно не откажется никто, должно быть доступно всему русскому крестьянству; въ этомъ заключается истинное равенство всѣхъ предъ закономъ, которое должно быть положено въ основу русской конституціи". „Благо собственности" въ программѣ Союза прекрасно сочетается съ „истиннымъ равенствомъ"! Кажется, говорить на эту тему болѣе подробно было бы скучно...

„Чистая" буржуазія заканчиваетъ свою политическую организацію. Основы ея политическаго идеала твердо установлены, соціальныя тенденціи ясно намѣчены, сила ея—въ классовой силѣ крупнаго промышленнаго и земледѣльческаго капитала. Незавершившійся процессъ организаціи даетъ многимъ поводъ приравнивать Союзъ 17 октября къ германской націоналъ-либеральной партіи, да и сами октябристы не прочь формально превратиться въ націоналъ-либераловъ, хотя и называютъ себя теперь „партіей центра" *). Весьма возможно, что Союзъ оформится въ націоналъ-либеральную партію — всѣ элементы для этого имѣются. Отличія Союза отъ германскихъ націоналъ-либераловъ относятся больше къ прошлому. Наша „чистая" буржуазія въ ходѣ революціи не играла даже декоративнаго значенія и потому ей чуждо „героическое" пониманіе политической свободы; теперь оно чуждои германскимъ націоналъ-либераламъ. Продолжительная соціальная борьба бросила германскихъ націоналъ-либераловъ въ объятія реакціи; наша буржуазія, благодаря инымъ историческимъ условіямъ, совершаетъ этотъ

*) См. статью въ „Нов. Вр." (отъ 18 февр. с. г.) члена союза проф. Филевича: „въ союзѣ, думается, пишетъ онъ, сгруппируется національно либеральная партія".

прыжокъ сразу, безъ постепенныхъ переходовъ. Сближеніе между націоналъ-либералами и аграріями въ Германіи было естественнымъ сближеніемъ предъ угрозой наступающаго пролетаріата: у насъ это сближеніе кладется въ основу политическаго объединенія буржуазіи. Упрековъ въ какой-то „измѣнѣ“ эволюціи наши націоналъ-либералы не заслужатъ: они сразу начинаютъ съ того, чѣмъ германскіе націоналъ-либералы кончаютъ.

М. В—овъ.

О КАЗАКАХЪ *).

(Знаменіе времени).

I.

Внимая ужасамъ «усмиреній», направляемыхъ въ настоящее время русскимъ правительствомъ противъ революціоннаго народа, неизбѣжно встрѣчаешься съ однимъ и тѣмъ же постояннымъ и непремѣннымъ героемъ этихъ «усмиреній», звѣрскіе подвиги котораго вызываютъ одновременно чувства самаго глубокаго отвращенія, содраганія и ненависти. Верхомъ на сытой лошади, съ винтовкой за плечами, съ нагайкой—позорнымъ символомъ рабства—въ рукѣ—казакъ (мы говоримъ о немъ) производитъ впечатлѣніе существа, совершенно не обладающаго человѣческими свойствами. Когда пробѣгаешь газетныя страницы, каждый день пестрѣющія описаніями звѣрствъ, творимыхъ этими «усмирителями»,—убѣждаешься какъ будто, что это не люди, тебѣ подобные,—а особыя хитроумныя избивательныя машины—

---

*) Когда статья была уже набрана, въ „Вечернемъ голосѣ“ 2-го марта получилась телеграмма, въ которой говорилось, что среди казаковъ на Дону наблюдается спльное броженіе, причемъ власти опасаются даже выходить; въ вечернемъ же выпускѣ „Биржев. Вѣд.“ за 3 марта находится уже сообщеніе, что на Донъ отправляется 60 „пулеметовъ“.

до того успѣшно сумѣла самодержавная бюрократія вѣковымъ воспитаніемъ вытравить все человѣческое изъ этихъ «людей»...

И, однако, если отживающій режимъ еще имѣетъ въ своемъ распоряженіи десятки тысячъ этихъ «машинъ», то этотъ же режимъ создалъ и условія, которыя неуклонно и неизбѣжно ведутъ къ тому, что и эти машины перестанутъ быть его защитниками. Объ этомъ мы и хотимъ побесѣдовать съ читателемъ, встрѣтивъ недавно въ газетахъ два промелькнувшихъ одно за другимъ сообщенія—недлинныхъ, правда,—но весьма и весьма знаменательныхъ для казачества.

Въ серединѣ февраля одинъ изъ атамановъ войска донского, отвѣчая на царскую благодарность казакамъ за службу на войнѣ съ Японіей и по „усмиренію внутренней смуты,“—заявилъ царскому послу, кн. Голицыну, отъ имени всѣхъ представителей Дона, что воинскія обязанности казаковъ сопряжены съ тяжелыми расходами изъ собственныхъ средствъ казаковъ, что единственный источникъ казачьихъ доходовъ—земля—находится въ распоряженіи помѣщиковъ и переходитъ въ руки не-казаковъ, и что все донское казачество проситъ о выкупѣ этихъ земель на казенный счетъ.

На пятый день послѣ этого заявленія донцовъ царскому послу въ Государственномъ Совѣтѣ уже слушался докладъ военнаго министра г.-л. Редигера, ходатайствовавшаго передъ Совѣтомъ „объ отпускѣ изъ казны *семи съ половиною* ($7^1/_2$) милліоновъ рублей на поддержаніе хозяйствъ казаковъ, такъ какъ около $17^0/_0$ (113,377 человѣкъ) *всего мужского населенія рабочаго возраста* казаковъ находится въ настоящее время на дѣйствительной службѣ.“ „Нельзя не обратить вниманія,—писалъ въ своемъ докладѣ г. военный министръ,—на замѣчаемое броженіе даже среди казаковъ, жаждущихъ роспуска по домамъ или обезпеченія ихъ семействъ такимъ же пособіемъ, какое положено семьямъ казаковъ, призванныхъ на войну.“ Государственный Совѣтъ по существу при-

зналъ необходимымъ поддержать ходатайство военнаго министра, но нашелъ сумму ассигнованія «нѣсколько преувеличенною»—и рѣшилъ отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства въ распоряженіе военнаго министра на оказаніе пособія семействамъ казаковъ $5^1/_2$ милл. рубл.

Такимъ образомъ не успѣли донцы и попросить, какъ уже кое-что получили, и не только они, а и все казачество. Правда, донцы просили не этого; правда и то, что тотъ милліонъ съ небольшимъ рублей, который приходится на ихъ долю изъ ассигнованной суммы,—будетъ буквально каплей въ цѣломъ морѣ ихъ бѣдъ и нуждъ, которая въ немъ и растворится безъ всякаго остатка. И все таки любопытна и въ высшей степени знаменательна та поспѣшность, съ которою правительство пришло на помощь казакамъ, едва услышавъ твердо заявленную просьбу. Объясняется, однако, это явленіе очень просто.

Дѣло въ томъ, что весьма существенная опора самодержавной бюрократіи—казачество—переживаетъ въ настоящее время періодъ полнаго экономическаго упадка. Безъ всякаго преувеличенія, опираясь на данныя большей частью оффиціальнаго или оффиціознаго происхожденія мы можемъ сказать, что большая половина казачества—наканунѣ раззоренія, въ силу двухъ огромной важности экономическихъ факторовъ современной казачьей жизни:

1) Непосильныхъ и разорительныхъ для казачьяго хозяйства расходовъ по снаряженію на военную службу, а также и непроизводительной для хозяйства траты времени, которое уходитъ на эту службу и подготовленіе къ ней.

и 2) Возрастающаго съ каждымъ годомъ въ угрожающей прогрессіи малоземелья казачества.

Въ настоящее же время, когда правительство вызвало для «усмиреній» уже три очереди и въ печати носятся слухи о вызовѣ даже *четвертой очереди*, — служба казаковъ дѣлается почти непрерывной, и казачье хозяйство, и безъ того еле державшееся, разваливается окончательно.

Но чтобы не быть голословными, бросимъ общій взглядъ на историческое и современное экономическое положеніе казачьяго населенія обширной «Области Войска Донского».

II.

Въ первой половинѣ XVII столѣтія — «казачья республика»—Донское казачье Войско со всей своей огромной территоріей присоединилось къ Россіи, и казаки принесли русскому царю первую присягу на вѣрность. Присоединялись они вовсе не по доброй волѣ, а изъ необходимости—потому, что на нихъ со всѣхъ сторонъ стали напирать болѣе сильные сосѣди,—и потому при самомъ же «присоединеніи» произошло, какъ выражается одинъ оффиціальный историкъ Войска Донского, «нѣкоторое затрудненіе». Когда стольникъ Касанъ, прибывшій въ Черкасскъ съ царскимъ жалованьемъ, объявилъ и сталъ настаивать на присягѣ, то казаки заявили, что они присягать считаютъ излишнимъ. «Затрудненіе» длилось четыре дня, и въ концѣ концовъ стольникъ добился того, что казаки присягнули царю на вѣрность, а тѣхъ, кто не учинитъ присяги—положено было казнить смертію, а имущества грабить *). Но, присоединяясь, казаки сумѣли выговорить себѣ право полнаго самоуправленія, и первое время дѣйствительно управлялись выборными изъ своей среды. Однако, недолго сохраняли казаки свои «вольности». Осторожно, разными дипломатичными путями, а потомъ и жестокими усмиреніями, у казаковъ отобрали одну за другою всѣ ихъ вольности.

«Русское правительство... то ласкало казаковъ, хваля за вѣрную службу и награждая землями и жалованными грамотами,—то прибѣгало къ политикѣ устрашенія и угрозъ. Въ сущности, это была борьба, тянувшаяся непрерывно въ теченіе XVI и XVII столѣтія. Даже оффиціальное признаніе малорусскимъ казачествомъ русскаго подданства въ XVII

*) „*Историческое описаніе земли войска Донского*“ стр. 413. Изд. Новочеркасскъ, 1869 года.

столѣтіи не прекратило этихъ отношеній, и до самаго конца XVIII столѣтія казачество пыталось отстаивать свои вольности и неприкосновенность своего самоуправленія» *).

Усмиренія же, производимыя тогда еще не казаками, а надъ ними самими, дѣйствительно поражали своимъ звѣрствомъ и жестокостью. При Петрѣ I, напримѣръ, послѣ знаменитаго Булавинскаго бунта, во время „усмиренія“ казаковъ спеціальнымъ карательнымъ отрядомъ подъ начальствомъ кн. Долгорукаго, болѣе 7000 казаковъ было казнено и убито, и городки казачьи по Донцу, Луганскому Айдару, Деркулу и Калитвамъ, и также по Медвѣдицѣ, Хопру и Бузулуку—разорены до основанія. Посылая карательный отрядъ, Петръ наказалъ Долгорукому: „казачьи городки сжечь и разорить до основанія, людей рубить, а заводчиковъ (зачинщиковъ) сажать на колъ и колесовать, ибо сія „сарынь“ ничѣмъ, кромѣ жестокости, не можетъ быть „унята“...

Русское правительство не ограничилось, однако, присоединеніемъ казаковъ съ ихъ огромной территоріей къ составу государства: уничтоживъ казачьи самоуправленія, путемъ цѣлаго ряда осторожныхъ реформъ и хитроумныхъ законодательныхъ актовъ, опираясь на задаренную чинами, помѣстьями и крѣпостными крестьянами казачью аристократію (созданную изъ атамановъ и разной когда то выборной, войсковой администраціи),—правительство сумѣло создать изъ казачества совершенно особый родъ войска, состоявшій въ полномъ его распоряженіи. Въ самомъ дѣлѣ, только въ Турціи янычары напоминаютъ русскихъ казаковъ,—въ другихъ же государствахъ мы напрасно стали бы искать чего либо подобнаго. Такимъ то образомъ свободные „сыны вольной воли“—сдѣлались теперь вѣрными по гробъ жизни защитниками русскаго абсолютизма, гдѣ бы онъ не нуждался въ защитѣ,—противъ внѣшняго или про-

*) *„Статистическій обзоръ современнаго положенія казачьихъ войскъ“*—приложеніе къ „Вѣстнику Казачьихъ Войскъ“ за 1903 годъ.

тивъ „внутренняго“ врага. И если, напр., въ минувшую русско-японскую войну мы что то не слышали о подвигахъ казачества въ сраженіяхъ съ „внѣшнимъ“ врагомъ,—то безсмертная, неувядаемая „слава“ заработана казаками при „усмиреніяхъ внутренняго врага“, во время которыхъ казаки далеко превосходили звѣрствомъ и жестокостью самого Петра I, который приказывалъ, какъ мы видѣли выше,— „казачьи городки сжечь и разорить до основанія, людей рубить, а зачинщиковъ сажать на колъ и колесовать“... Любопытно, кромѣ того, что такая болѣе чѣмъ рабски вѣрная служба казачества, такая огромная армія беззавѣтно преданныхъ воиновъ обходится правительству... почти ни копейки: *полное боевое снаряженіе казака съ лошадью и проч. дѣлается казаками на свой счетъ*. Издержки каждаго казака *только въ первоочередныхъ* полкахъ, на отбыванія въ нихъ 4-хъ лѣтней службы, исчисляетъ самъ Военный Совѣтъ *) *въ 1600 рублей на каждаго казака*. Такимъ образомъ, помимо «беззавѣтной преданности» казакъ на защиту «престолъ—отечества» ежегодно приноситъ тяжелую матеріальную жертву,—а насколько эта жертва стала въ настоящее время тяжела и прямо непосильна для казацкаго хозяйства—мы сейчасъ увидимъ.

III.

Въ 1835 году казакамъ Области Войска Донского было опредѣлено по 30 десятинъ земли на каждую изъ состоящихъ и запасныхъ по 8-й ревизіи (1834 года) душу мужского пола казачьяго сословія. Земля была великолѣпная какъ для пастбищъ, такъ и для хлѣбопашества. Нетронутая еще, дѣвственная почва при самой варварской обработкѣ давала огромные урожаи, и казачье житье того времени дѣйствительно походитъ на безконечную масленицу. Этотъ періодъ казачьей исторіи служитъ предметомъ постоянныхъ

*) См. „*Отношенія Гл. Упр. Казачьихъ Войскъ*“ отъ 17 авг. 1896 г. за № 900.

воспоминаній современнаго казачества. Вотъ какъ описываетъ его одинъ изъ донцовъ, В. Я. Бирюковъ, въ своемъ докладѣ въ комиссію ген.-л. Маслаковца въ 1899 году *).

«Въ то время—пишетъ г. Бирюковъ,—у насъ земли было не менѣе 30 десятинъ на каждую душу мужского пола не исключая и дѣтей, сами же казаки не знали даже, сколько ея приходится на душу. Земля была свѣжая, жирная, давала обильные урожаи, самъ 20—30. Благодаря тому же обилію земли были богатые попасы и сѣнокосы, дававшіе возможность, помимо рабочаго скота имѣть много и гулевого: даже и въ средне-зажиточной семьѣ рогатаго скота было отъ 60—100 штукъ, зимовали цѣлыя сотни овецъ, и чуть не въ каждой семьѣ былъ свой косякъ лошадей. Лѣсу тоже было много, и хорошаго, такъ что его хватало не только на топливо, но и на всѣ домашнія постройки, не исключая и жилыхъ домовъ, которые строились изъ собственнаго матеріала. Луга давали много и хорошаго сѣна; рѣки и озера изобиловали рыбою".

Словомъ, житье было такое, что лучше, казалось бы, и некуда... Но, къ сожалѣнію, оно продолжалось не долго. Идиллія *натуральнаго хозяйства* продолжалась лишь до тѣхъ поръ, пока правительство удовлетворялось самымъ примитивнымъ вооруженіемъ и доморощенною немудреною лошаденкой. Но начиная съ тѣхъ годовъ, требованія, предъявляемыя къ казакамъ при явкѣ ихъ на службу, сразу неимовѣрно возросли—и «идилліи» положенъ былъ конецъ. Тутъ то наступило для казачества тяжелое время перехода отъ *натуральнаго* хозяйства къ *денежному*: раньше всѣ его немудреныя потребности по снаряженію на службу удовлетворялись домашнимъ способомъ,—теперь же все приходилось покупать, т. к. дома приготовить было немыслимо. Но откуда же было взять для этого денегъ? Многочисленная казачья бюрократія много заботилась о поддер-

*) Докладъ В. Я. Бирюкова „*О вліяніи воинской службы донскихъ казаковъ на ихъ хозяйственный бытъ*", стр. 1.

жаніи «воинскаго духа» въ казачествѣ, но она же заботилась о томъ, чтобы казаки не занимались какою-либо промышленностью, а знали бы только свое земледѣліе, потому что, какъ она находила, «казаки отъ промысловъ разнѣживались и неохотно выполняли воинскую повинность» *). Напримѣръ, съ цѣлью помѣшать гор. Черкасску, бывшему столицей казачества и стоявшему на большомъ водномъ пути, сдѣлаться промышленнымъ и торговымъ городомъ, — графу Платову въ началѣ 19 столѣтія было поручено перенести столицу казачества на другое мѣсто—что онъ и продѣлалъ съ большимъ успѣхомъ, по свидѣтельству того же Краснова: «перенесеніе города не только въ высшей степени неблагопріятно подѣйствовало на промышленность и торговлю, но поразило и земледѣліе».

Благодаря такой мудрой политикѣ казачье хозяйство какъ было, такъ и осталось совершенно первобытнымъ,—и передъ необходимостью повысить во что бы то ни стало доходность хозяйства, чтобы удовлетворить новымъ требованіямъ службы,—казачество становилось втупикъ. Съ 70-хъ годовъ начинается быстрый упадокъ казацкаго хозяйства, и быстро прогрессируетъ, обусловливаемый еще однимъ огромной важности факторомъ—*обезземеливаніемъ* казачества. Съ этого же момента начинаетъ свою исторію и задолженность казаковъ войсковой казнѣ, о которой мы скажемъ дальше и которая прогрессируетъ поистинѣ исполинскими шагами.

Что же касается обезземеленія казаковъ, то уже по послѣднимъ всеподданнѣйшимъ отчетамъ Главнаго Упр. Казач. Войскъ казачій надѣлъ, вмѣсто 30 десят. равняется 12—13 десятинамъ. Но эти цифры *весьма далеки отъ дѣйствительности*. Такъ, изъ доклада донского дворянина А. А. Карасева, прочитаннаго на чрезвычайномъ собраніи дворянъ

*) „*Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами Главнаго Штаба*“ „Земля Войска Донского“—сост. Красновымъ.—Изд. Спб. 1863 г (стр. 499).

области В. Д. 12 іюня 1905 года, мы узнаемъ, что «въ $^1/_3$ казачьихъ станицъ земельный надѣлъ казаковъ менѣе нормальнаго на 22 десятины, т. к. *эта треть станицъ имѣетъ юртовой (надѣльной) земли не болѣе 9 и даже 8 десятинъ на душу*». Что эти данныя совершенно не голословны, и что дѣйствительность еще печальнѣе — покажутъ намъ данныя, заимствованныя изъ корреспонденцій оффиціознаго органа. — „*Областное* Обозрѣніе и Вѣстникъ Казачьихъ Войскъ“ за 1903 и 1904 г.г.

Такъ, въ корреспонденціи изъ Усть-Медвѣдицкой станицы въ № 12 „Обл. Об. и В. К. В.“ за 1904 г. читаемъ: „Главною причиною упадка станичнаго коневодства у насъ на Дону является за послѣднія 15—20 лѣтъ *малый земельный паевой надѣлъ,—въ нѣкоторыхъ станицахъ только 6 десятинъ пахотной земли*“.

Другая корреспонденція: «Въ Глазуновской станицѣ удобной подъ распашку земли имѣется на пай *6—6$^1/_2$ десятинъ, съ Голубинской же—изъ 15 паевыхъ десятинъ—10—12 десятинъ голые пески*», (т. е. удобной для обработки земли остается *отъ 5 до 3 десятинъ*). *).

Любопытна и корреспонденія изъ станицы Перекопской: «Земля у насъ при раздѣлѣ сортируется довѣренными на 3 категоріи, но сортируется неудовлетворительно, причемъ паи *въ 7 десятинъ* получаются *въ пяти мѣстахъ* на пространствѣ 50 верстъ. Въ декабрѣ 1902 года произвели новый раздѣлъ по старому, по тѣмъ же полосамъ, въ тѣхъ же пяти участкахъ, *только теперь придется получить не по 7, а по 5 десятинъ на пай* (слѣдовательно участокъ въ каждой полосѣ еще сократится» **).

Мы могли бы продолжать подобныя выписки очень долго, но думается, что интересующійся читатель и самъ можетъ сдѣлать это, чтобы убѣдиться, что казачій надѣлъ меньше даже приводимыхъ г. Карасевымъ цифръ—и значительно

*) „Обл. Об. и В. К. В.“ за 1903 г. № 14.

**) „Обл. Об. и В. К. В.“ за 1903 г. № 23 стр. 371.

меньше. Если же мы вспомнимъ, что въ то время, какъ единственный источникъ казацкихъ доходовъ все уменьшался и, вдобавокъ, истощался варварской культурой,—въ это время расходы казака по снаряженію на службу все возростали и возростали,—то намъ станутъ понятными слѣдующія энергичныя слова г. Карасева, который въ своемъ вышеупомянутомъ докладѣ восклицаетъ: „Поймите,—говоритъ онъ,—что донскія казачьи поля, если уже не обратились, то скоро обратятся въ пустыню... Главнѣйшая же причина такого состоянія донского казачества есть его растлѣніе въ экономическомъ отношеніи, и если бы не жалкіе станичные капиталы, собираемые съ земель тѣхъ же казаковъ, изъ которыхъ дѣлается помощь на снаряженіе недостаточныхъ на службу,—то экономическій крахъ казачества наступилъ бы уже давно“.

Чтобы дорисовать картину обнищанія казачества,—посмотримъ, какъ возрастаетъ его задолженность.

На Дону установился такой обычай: если казакъ не можетъ самъ «справить» себя на службу,—то его «справляетъ» станичная община на свой счетъ, но—чтобы возвратить израсходованную сумму,—*общество отбираетъ у казака его надѣлъ и сдаетъ въ аренду, а арендную плату получаетъ себѣ* (въ счетъ израсходованной суммы). Если же мы примемъ во вниманіе весьма низкія арендныя цѣны въ Донской области (напр., 1 руб. 39 коп. средняя арендная плата въ 1898 году), то станетъ понятно, что получивъ пособіе рублей въ 300, казакъ на десятки лѣтъ лишается своей земли. И количество казаковъ, принужденныхъ воспользоваться пособіемъ, все возрастаетъ и возрастаетъ, тогда какъ возвращеніе казаками пособія все уменьшается, указывая на разореніе плательщиковъ. Вотъ цифры, заимствованныя изъ доклада П. Г. Мордвинцова въ комиссіи ген. Маслаковца:

годъ	отпущено казакамъ	возвращено	оставалось долга
1894	213,274 руб.	121,231 руб.	92,043 руб.
1895	245,509 „	141,060 „	196,422 „
1896	264,686 „	155,517 „	305,591 „

годъ	отпущено казакамъ	возвращено	оставалось долга
1897	277,611 „	130,409 „	452,793 „
1898	289,579 „	69,736 „	672,636 „

Мы видимъ здѣсь, въ какой ужасающей прогрессіи возрастаетъ задолженность казачества. И это еще 8 лѣтъ назадъ! Въ общемъ же сумма недоимокъ съ казаковъ достигла уже къ 1 іюля 1898 года колоссальной цифры—1,141,249 руб. И это несмотря на то, что казаки неохотно прибѣгаютъ къ помощи станичной общины и часто прибѣгаютъ сами къ распродажѣ имущества, потому какъ пишетъ въ своемъ докладѣ г. Бирюковъ, въ видѣ вящшаго побужденія казаковъ къ исправному выходу на службу нерѣдко прибѣгаютъ къ публичному поношенію неисправныхъ казаковъ, доходящаго до плеванія имъ въ глаза, и въ ст. Аннинской былъ такой случай: всѣхъ исправныхъ казаковъ заставляли плевать въ глаза неисправнымъ и просить общество пособить имъ при снаряженіи». *)

Результаты этой политики и, главное, могучаго экономическаго процесса пролетаризаціи казачества—на лицо: въ томъ же докладѣ г. Бирюкова находимъ слѣдующія цифры:

«Изъ очередныхъ списковъ 1898 года видно, что семей среднезажиточныхъ только 44%, остальныя же 56%—*ниже средняго* имущественнаго состоянія; изъ этихъ 56% — 27% совсѣмъ не имѣютъ рабочихъ быковъ, а имѣли по 2—3 лошади, 14% имѣютъ только по 1 лошади и 5% совсѣмъ не имѣли рабочаго скота—ни быковъ, ни лошадей, хотя и живутъ исключительно «сельскимъ хозяйствомъ», пользуясь за часть своей земли рабочимъ скотомъ сосѣда или отрабатывая ему за это лично въ качествѣ плугатаря, погонщика или обыкновеннаго работника. Такимъ образомъ ежегодно около половины семей, имѣющихъ очередныхъ казаковъ, только разстраиваетъ свое хозяйство, а большая часть окончательно разоряется, лишаясь не только рабочаго скота, но часто и своего земельнаго надѣла, этого единственнаго поильца и кормильца»...

*) Стр. 7 „Докладъ“ г. Бирюкова.

IV.

Но—довольно цифръ. Вернемся къ просьбѣ донскихъ казаковъ, приведенной нами выше и вызвавшей упомянутый докладъ г. военнаго министра. Г. министръ, какъ мы видѣли выше, указываетъ даже на «нѣкоторое броженіе среди казаковъ». Мы не думаемъ, чтобы опасенія г. министра были очень основательны: казачество пока еще каждый день доказываетъ своими «подвигами» по усмиренію отсутствіе въ его головахъ всякихъ вредныхъ мечтаній. Да и на родинѣ у себя казакъ еще «твердо вѣритъ въ свое «привиллегированное» положеніе, называя «хамами» всѣхъ не имѣющихъ чести принадлежать къ казачьему сословію; онъ еще наполненъ твердой увѣренности въ томъ, что его многочисленное начальство «лучше знаетъ» и ужъ подумаетъ за казака—какъ ему «поправиться».

Но бѣда казачества въ томъ и заключается, что экономическое положеніе его въ настоящее время безвыходно, и никакое „начальство“ ему помочь не въ состояніи. Необходимы немедленныя и самыя коренныя реформы, которыя съ верху до низу перестроили бы экономическую и общекультурную жизнь казака, и превратили бы его изъ вѣчнаго воина въ гражданина. Но такихъ реформъ существующее правительство дать не въ состояніи, во-первыхъ уже потому, что оно вообще никакихъ реформъ дать не въ состояніи; во-вторыхъ же потому, что и не въ его интересахъ лишиться казачества, того самаго казачества, которое стяжало себѣ всемірную славу въ качествѣ главной опоры русскаго абсолютизма. А между тѣмъ, для казачества, въ настоящее время только и есть одинъ исходъ изъ его невыносимаго экономическаго положенія: ему необходимо *„перековать мечи на плуги“* и, переставъ быть замкнутой кастой вѣчныхъ воиновъ, перейти навсегда въ ряды мирныхъ гражданъ.

Но то, чего не хотятъ дѣлать нѣкоторыя правительства дѣлаетъ за нихъ сама жизнь. Казаки обращаются теперь къ правительству съ „просьбами“ чисто экономическаго характера.

Но уже среди нихъ есть и такая часть, которой не чужда и политика. Въ станицѣ Каменской еще задолго до манифеста 17 октября—именно 7-го апрѣля 1905 года на собраніи станичниковъ, на которомъ присутствовало до 300 человѣкъ, была принята резолюція о народномъ представительствѣ, въ которой читаемъ слѣдующее:

„Народное представительство должно быть осуществлено въ формѣ постоянно дѣйствующаго самостоятельнаго учрежденія, на началахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права. Этому учрежденію должно принадлежать право законодательной дѣятельности, не исключая и законодательнаго почина, контроля государственной росписи и контроль надъ министрами".

„Для надлежащаго же проведенія въ жизнь этихъ важнѣйшихъ реформъ необходимо теперь же (напоминаемъ читателю—еще 7-го апрѣля 1905 года! *Б. В.*) безъ малѣйшаго промедленія гарантировать всѣмъ русскимъ гражданамъ, безъ различія пола, происхожденія, вѣроисповѣданія и національности, слѣдующія права: неприкосновенность личности и жилища, свобода слова и печати, свобода передвиженія, свобода собраній, союзовъ и стачекъ и равноправность всѣхъ національныхъ языковъ. Необходима также амнистія политическихъ преступниковъ".

Такъ говаривали казаки на Дону въ апрѣлѣ 1905 года. За послѣднее же время въ газетахъ появляются одно за другимъ такія извѣстія изъ казачьихъ станицъ (напр., знаменитое возваніе урупцевъ, приговоры нѣкоторыхъ станицъ области войска донского и пр.), которыя даютъ намъ право, въ связи съ общимъ положеніемъ казачества въ настоящее время, сказать, что не такъ далеко уже то время, когда резолюціи о народномъ представительствѣ на началахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права, при гарантіи элементарныхъ свободъ, будутъ приниматься не отдѣльными станицами, а всѣмъ казачествомъ.

Б. Воробьевъ.

Корреспонденція изъ Латышскаго края.

Вслѣдъ за мѣстною нѣмецкою печатью и столичная печать начала передавать (и притомъ отъ „собственныхъ корреспондентовъ“) самыя невѣроятныя вещи о „латышской республикѣ“, о звѣрствахъ латышей, сдирающихъ чуть ли не три шкуры съ убитыхъ и т. д. Потомъ начали появляться сообщенія русскихъ генераловъ о завоеваніи края, о кровопролитныхъ столкновеніяхъ солдатъ съ революціонерами, въ которыхъ убитые оказывались исключительно на сторонѣ послѣднихъ, о взятіи укрѣпленныхъ революціонерами городовъ и селъ, опять безъ потерь со стороны солдатъ, но съ превращеніемъ иной разъ цѣлаго города въ пепелъ, точь въ точь какъ нѣкогда сообщалось о „блестящихъ“ побѣдахъ русской арміи въ китайской кампаніи. Знающій дѣйствительное положеніе вещей въ Прибалтійскомъ краѣ могъ бы при чтеніи всѣхъ этихъ сообщеній о завоеваніи „латышской республики“ и т. д. пожать только плечами, если бы эти сообщенія не имѣли явной провокаціонной цѣли: подъ видомъ расправы съ повстанцами-сепаратистами, бароны надѣются при содѣйствіи войска не только свести счеты со своими личными врагами, но и такъ или иначе уладить свои дѣла. Что выбранный баронами для этого путь не можетъ привести ихъ къ желанной цѣли, тому порукой вся исторія аграрнаго движенія въ Прибалтійскомъ краѣ за послѣднее время.

Когда въ прошломъ году начались въ краѣ обширныя стачки батраковъ, то лозунгомъ бароновъ было: не уступать и уничтожить „бунтовщиковъ“ (Подъ словомъ бунтовщикъ подразумѣвались всѣ, начиная съ соціалиста и забастовщика вплоть до человѣка только не снимающаго шапку и не цѣлующаго руку у барона). По приглашенію барона, въ имѣніе, гдѣ началась стачка, выѣзжалъ мировой судья, побросавшій для этого всѣ свои другія дѣла, и въ двадцать четыре часа послѣ объявленія забастовки былъ готовъ уже приговоръ, согласно которому батраки немедленно выселялись изъ занимаемыхъ ими помѣщеній, уплачивали вознагражденіе помѣщикамъ за нарушеніе договора найма, а иногда, въ добавокъ, подвергались еще аресту за самовольное оставленіе работы. Выселенія происходили обыкновенно при содѣйствіи военной команды и тутъ, разумѣется не обходилось безъ нагаекъ и прикладовъ.

Мнѣ лично извѣстенъ случай гдѣ баронъ выхватилъ, при подобной экспропріаціи, нагайку у драгуна и собственноручно отхлесталъ рабочаго, осмѣлившагося стоять передъ нимъ въ шапкѣ. По ходатайству дворянъ, была введена усиленная охрана въ Краѣ, а потомъ и военное положеніе въ Курляндіи. На лицъ, чѣмъ-нибудь не понравившихся дворянамъ, слѣдовали доносы, ихъ арестовывали и выселяли. Повсюду посылались распоряженія комиссаровъ волостнымъ правленіямъ, чтобы послѣдніе доносили и арестовывали всѣхъ подозрительныхъ лицъ. Членовъ волостного правленія, не исполнявшихъ такихъ приказовъ, сажали подъ арестъ, штрафовали, волостныхъ же писарей смѣняли, и на ихъ мѣста комиссаръ назначалъ „своихъ“ людей.

Народнымъ учителямъ было вмѣнено въ обязанность инспекторами шпіонить за дѣтьми, разспрашивать о занятіи ихъ родителей и, въ случаѣ какого-нибудь подозрѣнія, доносить куда слѣдуетъ.

Въ церквахъ и на всевозможныхъ религіозныхъ празднествахъ „бунтовщиковъ“ громили пасторы забываясь въ экстазѣ иногда до того, что называли (какъ напр. въ Дондангенѣ) бунтовщиками своихъ прихожанъ только за то, что послѣдніе по праздникамъ не ходили въ корчму, пить пиво помѣщика, а у себя дома пользовались своимъ собственнымъ. — Въ виду невозможности открыто созывать собранія, послѣднія устраивались при церквахъ послѣ богослуженія. Для охраны „спокойствія“, бароны организовали вооруженныя дружины, которыя должны были находиться въ церквахъ во время богослуженія, арестовывать подозрительныхъ лицъ и не допускать митинговъ. Дѣло доходило иногда до драки, въ которой принималъ участіе вмѣстѣ съ баронами также пасторъ (Въ церквахъ за алтаремъ находился цѣлый арсеналъ палокъ и камней для подобныхъ оказій). Кончилась вся эта исторія тѣмъ, что нѣкоторыя церкви были закрыты, а храбрыхъ дружинниковъ народъ обезоруживалъ. Тогда почти во всѣ имѣнія были вызваны войска, командованіе надъ коими приняли на себя бароны, поступившіе для этого на полицейскую службу добровольцами. Интересно отмѣтить, что Лифляндскіе дворяне были очень недовольны бывшимъ губернаторомъ Пашковымъ за то, что онъ не принималъ ихъ на полицейскую службу и не отдавалъ солдатъ въ ихъ распоряженіе; эти права они получили только при Звегинцевѣ и съ этого времени начались въ Лифляндіи истязанія и убійство жителей. Имѣя операціонной базой замокъ, бароны въ поискахъ за крамолой разъѣзжали во главѣ казаковъ и драгунъ по окрестностямъ, обыскивали, арестовывали, а иногда и застрѣливали тѣхъ, кто имѣли несчастье почему-либо не понравиться имъ.

Съ какимъ остервенѣніемъ велось искорененіе крамолы, можно судить хотя бы потому, что какой-то фонъ-Шиллингъ не постѣснялся заявить въ „Düna Zeitung“, что за каждаго убитаго барона, слѣдуетъ повѣсить дюжину латышей. На травлю людей бароны смотрѣли какъ на

охоту и одна „благородная“ баронесса совѣтовала въ той-же „Düna Zeitung“ не тратить пороха на зайцевъ, когда есть дичь покрупнѣе—революціонеры. Особенно отличались молодые дворяне, изъ которыхъ многіе спеціально для этого вернулись изъ Германіи, бросивъ ученіе. Если къ этому прибавимъ еще, что казаки и драгуны также грабили, били и насиловали, то картина получится полная. Вмѣсто „успокоенія“ раздраженіе начало охватывать и тѣ элементы, которые до того были противниками движенія, т. е. крестьянъ-собственниковъ и арендаторовъ, такъ какъ имъ больше всего приходилось терпѣть отъ грабежей. Такъ подготовлялся психологическій моментъ движенія. На убійство крестьянъ послѣдніе отвѣчали убійствомъ бароновъ-полицейскихъ, на изстязаніе—поджогами. Почуявъ грозу, дворяне массами начали покидать имѣнія и переселяться въ Ригу и Германію, пригрозивъ оставить имѣнія безъ обработки и батраковъ безъ работы.

Эта угроза могла казаться выполнимой для бароновъ, такъ какъ главные доходы они получали отъ арендныхъ и выкупныхъ платежей и продажи лѣса. На поджоги застрахованныхъ строеній они тоже могли смотрѣть спокойно. Сидѣть въ безопастности, получать доходы и предоставить крестьянамъ-собственникамъ и арендаторамъ расхлебывать заваренную ими кашу; и въ то-же время, при помощи войска, произвести кровопусканіе въ рядахъ недовольныхъ, вотъ разсчетъ бароновъ; только на этотъ разъ ихъ ожиданія не оправдались. Получая доходъ изъ другихъ источниковъ, и имѣя поэтому возможность не обрабатывать своихъ имѣній, бароны забыли, что въ совершенно другомъ положеніи находятся ихъ арендаторы и крестьяне-собственники. Обремененные всевозможными повинностями и сборами, лишенные контрактами и баронскими привилегіями возможности увеличить доходъ хозяйства основаніемъ промышленныхъ предпріятій, крестьяне въ большинствѣ случаевъ и такъ уже не были въ силахъ вносить помѣщикамъ чрезмѣрно высокую аренду и выкупные платежи и все больше и больше должали. Съ возникновеніемъ движенія батраковъ и крупнымъ хозяйствамъ пришлось туго. Къ этому прибавился еще застой въ дѣлахъ и неурожай. Крестьяне обратились къ помѣщикамъ съ просьбою сбавить или отсрочить платежи. Бароны отказали и тѣмъ лишились своихъ естественныхъ союзниковъ въ деревнѣ. Крестьяне пробовали было обратиться къ Высочайшей власти: почти изо всѣхъ волостей были отправлены прошенія на Высочайшее имя. Пронесся слухъ о сенаторской ревизіи въ Прибалтійскомъ краѣ, но слухъ не оправдался; а ждать было некогда, такъ какъ являлись уже пристава съ исполнительными листами. Вслѣдствіе всего этого крестьяне, въ томъ числѣ и крупные, вступили въ соглашеніе съ латышской соц. дем. раб. партіи, въ программу коей входила между прочимъ и реорганизація школы, реорганизація мѣстнаго самоуправленія, уничтоженіе дворянскихъ привилегій, приравненіе мызныхъ земель къ

крестьянскимъ (въ отношеніе податей и повинностей), регулированіе арендныхъ отношеній и т. д., т. е. всѣ требованія, въ которыхъ крестьяне-собственники были пожалуй еще больше заинтересованы чѣмъ батраки. Соглашеніе (временное) съ соц. дем. было тѣмъ легче, что послѣдніе также стояли за крупное землевладѣніе и батраки не требовали раздѣленія земли, а лишь увеличенія заработной платы и сокращенія рабочаго времени (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно было уже значительно сокращено). Волостныя общества одно за другимъ перестали нести повинности и платить арендные и выкупные платежи. Попытки взыскать ихъ судебнымъ порядкомъ потерпѣли неудачу, такъ какъ при публичныхъ продажахъ имущества крестьянъ не находилось покупателей. Въ такомъ положеніи засталъ Прибалтійскій край манифестъ 17-го Октября. Волостныя правленія, превращенныя администраціей въ притоны шпіоновъ и бойкотируемыя населеніемъ, грабежи казаковъ и обыкновенныхъ воровъ безусловный бойкотъ администраціи и суда, пріостановка всѣхъ платежей, полное банкротство мѣстнаго волостнаго хозяйства, окончательное крушеніе русификаторской школы—вотъ плоды той системы (я назвалъ бы ее баронской), которую проводила за послѣднее время въ Прибалтійскомъ краѣ мѣстная администрація. Послѣ 17-го Октября въ Ригѣ немедленно были созваны два съѣзда: учительскій и крестьянскій—изъ представителей волостей, т. е. главнымъ образомъ изъ крестьянъ собственниковъ.

Учительскій конгрессъ выработалъ новую школьную программу и постановилъ немедленно ввести ее въ школы. Крестьянскій конгрессъ лифляндскій губернаторъ Звегинцевъ, несмотря на данное имъ раньше разрѣшеніе, нашелъ почему-то нужнымъ запретить. Конгрессъ тѣмъ не менѣе состоялся при участіи около 1000 делегатовъ отъ всѣхъ волостей курляндской и лифляндской губерній. — Изъ отчетовъ волостныхъ обществъ выяснилось, что старыя волостныя правленія потеряли въ глазахъ населенія всякій кредитъ. Во многихъ мѣстахъ члены ихъ добровольно отказались, не желая исполнять роли сыщиковъ; мѣстами уже были выбраны новыя правленія на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія; въ другихъ-же мѣстахъ старыя волостныя правленія продолжали существовать только благодаря угрозамъ губернаторовъ заключить членовъ правленія за добровольный отказъ отъ должности въ тюрьму. Несостоятельность старыхъ волостныхъ правленій была признана всѣми единогласно; при разрѣшеніи же вопроса, чѣмъ ихъ замѣнить, были два предположенія: 1) преобразовать волости и выбрать новое правленіе на основаніи всеобщаго, равнаго и т. д. голосованія (до сего времени правомъ голоса пользовались крестьяне собственники и батраки черезъ своихъ десятскихъ), 2) избрать лишь временныя комиссіи для удовлетворенія самыхъ неотложныхъ нуждъ мѣстнаго населенія.

Первое предложеніе было отвергнуто въ виду переходнаго времени, а также и потому, что въ Россіи нѣтъ еще демократической формы правленія, которая одна способна гарантировать существованіе подобныхъ волостныхъ правленій. Приняли поэтому второе предложеніе. На обязанности временныхъ комиссій было возложено: забота о личной и имущественной безопасности населенія, распредѣленіе сообразно съ достаткомъ каждаго податей и повинностей и собираніе данныхъ необходимыхъ для введенія прогрессивно-подоходнаго налога, реорганизація школы, согласно постановленіямъ учительскаго съѣзда, собираніе необходимыхъ свѣдѣній для реорганизаціи мѣстнаго самоуправленія. наблюденіе за правильностью лѣсного хозяйства и преслѣдованіе самовольной рубки (въ виду массоваго истребленія лѣса въ послѣдніе годы конгрессъ рѣшилъ, что до изданія общегосударственнаго лѣсоохранительнаго закона, никто не вправѣ безъ разрѣшенія мѣстнаго общества продавать свой лѣсъ). Кромѣ того временныя комиссіи должны были слѣдить за цѣлостью инвентаря въ имѣніяхъ: сначала живой инвентарь отпускался на содержаніе казаковъ и драгунъ, а послѣ ихъ ухода инвентарь начали расхищать крестьяне, временныя комиссіи положили всему этому конецъ. Въ виду угрозы нѣкоторыхъ помѣщиковъ оставить имѣнія на произволъ судьбы и тѣмъ лишить батраковъ работы, съѣздъ постановилъ, что такія имѣнія до возвращенія ихъ владѣльцевъ переходятъ въ управленіе мѣстнаго общества, которое въ такомъ случаѣ пополняетъ инвентарь, но забираетъ и доходы. Относительно національнаго вопроса конгрессъ высказался, что судьба Прибалтійскаго края не отдѣлима отъ судьбы Россіи, что широкое *мѣстное* самоуправленіе въ демократической Россіи обезпечитъ всѣ національно-культурные интересы латышей и требовать еще особой національной автономіи, подобно литовцамъ, для латышей нѣтъ необходимости. При этомъ конгрессъ высказалъ убѣжденіе, что латыши для удовлетворенія своихъ національно-культурныхъ интересовъ по возможности объединятся. Эта резолюція крестьянскаго конгресса (въ октябрѣ), принятая и учительскимъ съѣздомъ, лучшій отвѣтъ на всѣ провокаторскія заявленія нововременскихъ и нѣмецкихъ кореспондентовъ. Конгрессъ еще разъ подтвердилъ, что до исполненія дворянами предъявленныхъ требованій (отказъ отъ привилегій, участіе въ податяхъ и повинностяхъ наравнѣ съ другими, оставленіе полицейской службы и нѣк. др.), всѣ платежи крестьянъ помѣщикамъ поступаютъ въ распоряженіе мѣстнаго общества. Для объединенія дѣйствій временныхъ комиссій и приведенія въ порядокъ собранныхъ ими матеріаловъ было избрано центральное бюро.

Послѣ конгресса волостныя правленія были замѣнены избранными на обще-волостныхъ сходахъ временными комиссіями. Несмотря на всеобщность выборовъ, въ эти комиссіи попали, главнымъ образомъ, крестьяне-собственники и арендаторы (въ одномъ мѣстѣ даже управляю

щій дворянскимъ имѣніемъ) принявшіе потомъ самое дѣятельное участіе въ работѣ комиссій. Объясняется это тѣмъ, что крестьяне-собственники больше всѣхъ были заинтересованы въ дѣятельности временныхъ комиссій, такъ какъ у батраковъ выразителями ихъ нуждъ и руководителями по прежнему оставались соц.-дем. комитеты. Съ избраніемъ временныхъ комиссій, сношенія съ администраціей были порваны не только фактически, но и формально. Губернаторъ Звегинцевъ потребовалъ введенія военнаго положенія въ Лифляндской губ.; телеграмма его объ этомъ была перехвачена и напечатана въ мѣстной прессѣ. Въ отвѣтъ на эту телеграмму рабочіе и крестьяне заявили, что введеніе военнаго положенія въ Лифляндіи, въ которой не было произведено, послѣ опубликованія манифеста 17-го октября, ни одного нападенія на полицію и войска, будетъ разсматриваться ими какъ провокація со стороны дворянъ и администраціи, и что столкновенія тогда станутъ уже неизбѣжными. Дѣятельности временныхъ комиссій особенно мѣшали набѣги драгунъ и казаковъ (подъ предводительствомъ дворянъ), почему и было для защиты приступлено къ организаціи милиціи. Послѣдняя оказалась потомъ въ рукахъ комиссій хорошимъ орудіемъ противъ воровства, грабежа и порубки лѣса.

А. Бушевичъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛЬНОЙ
ИСТОРІИ

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ:
Николаевская ул. 29.
въ С.-Петербургѣ.

ЦѢНА ВЪ ГОДЪ
5 руб.

Редакторъ-издатель *А. В. Малышевъ.*

16 апрѣля.

Отклики Современности

№ 2.

СОДЕРЖАНІЕ:

1. *К-въ.* Старыя схемы и современная дѣйствительность.
2. *И. Рязановъ.* Радѣтели „народной свободы".
3. *П. Масловъ.* Политическія задачи и хозяйственный строй.
4. *С.* Изъ деревенскихъ наблюденій.
5. *Гладковъ.* Профессіональное и соціалистическое движеніе въ Соед. Ш[illegible]
6. *Машинъ.* Въ Манчжурскихъ
7. *Глумовъ.* Къ декабрьскимъ днямъ.
8. *А. Бушевичъ.* Корреспонденція изъ латыш[illegible] (Окончаніе).
9. *В. Рыж[illegible]* въ Россіи.
10. Побѣда кадетовъ и лѣвыя партіи.
11. *А. П.* Неотложная задача.

Цѣна 35 коп.

СКЛАДЪ
при
книгоиздательствѣ
„Донская Рѣчь".



1906. 16 апрѣля.

ВПУСКАНО

Отклики Современности

№ 2.

БИБЛИОТЕКА

СКЛАДЪ
при
книгоиздательствѣ
„Донская Рѣчь“.

Старыя схемы и современная дѣйствительность.

„Нужно бросить с х е м ы и взять ж и з н ь. До сихъ поръ эти схемы и трафареты владѣли вполнѣ русской интеллигенціей, лишь очень рѣдко выпуская ее изъ своихъ цѣпкихъ рукъ; это было понятно и очень шло къ кладбищенской обстановкѣ жизни. Но теперь пришла сама жизнь широкая и яркая, пришли массы наивныя и свѣтлыя въ своихъ порывахъ и затуманились схемы, понадобились новыя, свѣжія построенія...“

Такъ пишетъ г-жа Кускова по адресу соц.-демократовъ въ журналѣ, выкинувшемъ флагъ „критическаго соціализма“. У марксистовъ нѣтъ неподвижныхъ схемъ, ихъ схемы не имѣютъ для нихъ абсолютной самоцѣнности, и если бы опытъ, если бы „сама жизнь“ доказала русскимъ соц.-демократамъ, что нѣкоторыя схемы ихъ устарѣли, то они должны были бы выбросить ихъ за бортъ, какъ негодную ветошь, и я полагаю, что тѣнь самого Маркса благословила бы ихъ на этотъ подвигъ. Но вопросъ въ томъ, подлинно-ли жизнь это доказала, хорошо-ли читаетъ г-жа Кускова въ книгѣ бытія?

Статьи г-жи Кусковой я коснулся, такъ сказать, попутно, потому что и я, какъ разъ, собираюсь свѣрить уроки жизни истекшаго года съ нѣкоторыми старыми „схемами“. Предупреждаю, однако, читателей, что я не ставлю себѣ задачей ни удивить міръ „новыми, свѣжими построеніями“, ни воспѣть еще и еще разъ славу старымъ. Я просто ищу нить, которая помогла бы намъ

выбраться изъ того мнимаго, кажущагося тупика, въ который насъ загнала свирѣпствующая теперь диктатура сабли.

Если читатель перечитаетъ зарубежную марксистскую литературу, такъ называемаго „меньшевистскаго“ толка, которая писалась еще въ „кладбищенскій періодъ“, когда революція еще только стучалась къ намъ въ дверь, то онъ найдетъ въ ней всевозможныя варіаціи на одинъ и тотъ же основной мотивъ: русская революція будетъ буржуазная, но пролетаріатъ въ ней будетъ играть совершенно исключительную роль. Онъ будетъ главнымъ двигателемъ революціи, онъ своей революціонной борьбой пробудитъ къ жизни буржуазную демократію, и тѣмъ сильнѣе будетъ революціонизировать буржуазное общество, чѣмъ яснѣе онъ будетъ сознавать, въ чемъ заключается противоположность его интересовъ интересамъ буржуазіи, чѣмъ рѣшительнѣе будетъ его борьба съ ней за вліяніе на ходъ революціи.

Всякая попытка вернуть исторію вспять къ тому блаженному времени, когда пролетаріатъ не сознавалъ своего антагонизма съ буржуазіей, когда его движеніе растворялось въ освободительномъ движеніи буржуазіи, всякая попытка въ родѣ тѣхъ, которыя дѣлали и дѣлаютъ сущіе и бывшіе кадеты, драпирующіеся въ мантію безпартійнаго соціализма, въ этой литературѣ признавалась вредной не только для будущихъ судебъ пролетаріата, но и для настоящей борьбы съ абсолютизмомъ. Это какъ разъ та схема, которую хоронитъ теперь г-жа Кускова. Это то самое, противъ чего теперь воюютъ гг. Бланкъ и пр., всуе клянущіеся именемъ Маркса. Но эта схема имѣла и оборотную сторону. Та же литература неоднократно указывала на предѣлы компетенціи пролетаріата въ настоящей революціи, предвосхищая въ этомъ отношеніи кой-какія „новыя, свѣжія построенія“. Русская революція, говорила эта литература, по крайней мѣрѣ, въ исходной своей точкѣ,

пока и поскольку она не вышла за національные предѣлы, будетъ только буржуазная; она сможетъ обезпечить непосредственное обладаніе государственной властью только буржуазной демократіи. Еслибы поэтому то или другое стеченіе обстоятельствъ поставило при настоящихъ условіяхъ русскій пролетаріатъ въ положеніе не только двигателя революціи, но и непосредственнаго претендента на власть, то это откололо бы отъ революціи очень вліятельные и жизненные слои націи, безъ которыхъ настоящая революція не можетъ восторжествовать, и тѣмъ самымъ обрекло бы ее на неудачи, а пролетаріатъ на жестокія разочарованія. Эта сторона схемы тоже подвергалась рѣзкому осужденію. На этотъ разъ критика шла изъ марксистскаго же лагеря, но опять-таки не со стороны приверженцевъ старыхъ традицій, а со стороны тѣхъ, которые придумали новыя слова, выдвинули новые очередные лозунги, въ родѣ „диктатуры пролетаріата и крестьянства“.

Такъ гласили „схемы“ марксистовъ, оставшихся вѣрными традиціямъ русской марксистской мысли.

Затѣмъ пришла революція. „Пришла сама жизнь широкая и яркая, пришли массы наивныя и свѣтлыя въ своихъ порывахъ, и схемы затуманились“. Значитъ ли это, что понадобились „новыя и свѣжія построенія“? Посмотримъ. Возьмемъ эти-схемы въ качествѣ путеводителя и попробуемъ съ ихъ помощью прослѣдить ходъ событій перваго года русской революціи. Если этотъ путеводитель плохъ, мы съ его помощью тѣмъ скорѣе заблудимся въ лабиринтѣ событій; въ противномъ случаѣ онъ, можетъ быть, поможетъ намъ выбраться на дорогу.

9-го января революція вышла на улицу, но до октября мѣсяца происходила только революціонная мобилизація общественныхъ силъ. Въ чемъ выразилась за этотъ

періодъ борьба между пролетаріатомъ и буржуазіей за вліяніе на ходъ революціи, которая предусмотрѣна въ нашемъ путеводителѣ, „въ схемахъ?“

Наканунѣ 9-го января, въ медовые мѣсяцы довѣрія, на переднемъ политическомъ планѣ находились либералы, и политическія требованія, которыя они имѣли претензію предъявлять отъ имени націи, были формулированы на ноябрьскомъ земскомъ съѣздѣ. Читатель, конечно, помнитъ эти стыдливыя и застѣнчивыя требованія: „единеніе представителей власти съ обществомъ“, „участіе народнаго представительства въ осуществленіи законодательной власти и въ контролѣ за законностью дѣйствій администраціи“... Ни о, такъ называемомъ, парламентарномъ строѣ, ни о четырехчленной формулѣ, ни, тѣмъ паче, объ учредительномъ собраніи у либераловъ тогда еще и рѣчи не было; не было рѣчи и о какой-либо соціальной программѣ. Эта платформа подвергалась рѣзкой критикѣ со стороны соц.-демократовъ; но то была критика литераторовъ, въ лучшемъ случаѣ небольшихъ группъ рабочихъ, появлявшихся на либеральныхъ банкетахъ и своими „нетактичными“ рѣчами вносившихъ дисгармонію въ либеральную идиллію. Послѣ 9-го января дѣло измѣнилось. Рабочія массы пришли въ движеніе и сразу стали сплачиваться вокругъ собственнаго классоваго знамени; онѣ быстро стали усваивать политическія требованія, выдвинутыя соц.-демократіей, и этотъ фактъ придалъ огромный политическій вѣсъ той критикѣ, которой соц.-демократы подвергали либераловъ. Пролетарскія массы, усваивавшія лозунги соц.-демократіи, тѣмъ самымъ заставляли либераловъ двигаться впередъ, подъ страхомъ лишиться окончательнаго довѣрія народа, и достаточно сравнить постановленія февральскаго земскаго совѣщанія, затѣмъ апрѣльскаго и іюльскаго земскихъ съѣздовъ съ постановленіями ноябрьскаго, чтобы убѣдиться, насколько „вредная“ и

„преждевременная“ рознь между пролетаріатомъ и буржуазіей радикализировала общественное мнѣніе. Однако, какъ французская поговорка гласитъ—la plus belle fille de France ne peut donner plus, qu'elle n'a pas.

Реальную соціальную опору либерализма у насъ представляли до недавняго времени лишь помѣщики и отчасти крупные промышленники, буржуазія въ тѣсномъ смыслѣ слова, сокровенныя политическія вожделѣнія которой съ неподражаемой откровенностью формулировалъ г. Петражицкій на 2-мъ кадетскомъ съѣздѣ: „необходимо освободить страну отъ излишнихъ (!?) искусственныхъ (!) основъ деспотизма и устранить, такимъ образомъ, препятствія на пути къ развитію промышленности и личной инициативы“.

Такова положительная программа. Предѣлыея диктовались самыми узкими и ограниченными расчетами, которыхъ никогда не скрывали неискушенные въ политикѣ буржуа, когда они говорили сами за себя, безъ парламентеровъ. Послушайте до-октябрьскія рѣчи московскихъ фабрикантовъ: „Рабочіе и крестьянскіе безпорядки, непрестанно разъѣдающіе русскую промышленность, наносятъ ей огромные убытки... все это зависитъ отъ отсутствія законныхъ путей борьбы, позволяющихъ обходиться безъ участія вооруженныхъ силъ и безъ необходимости разстрѣливать мирныхъ безоружныхъ жителей. Если принять во вниманіе, что эти господа фабриканты въ то же время упорно сопротивлялись всякому законодательному ограниченію эксплоатаціи труда, приписывали стачки исключительно вліянію политическаго гнета, то ихъ программа станетъ вполнѣ ясна: свобода, какъ конституціонная гарантія противъ рабочихъ и крестьянскихъ безпорядковъ, какъ оплотъ противъ, такъ наз. анархіи. Такъ разсуждала настоящая, почвенная буржуазія. Но ея уполномоченные, официальные глашатаи либерализма, мыслили и разсуждали въ гораздо болѣе „изящ-

ныхъ“ формулахъ. Но эти преимущества были, въ концѣ концовъ, только преимуществами стиля. Нашъ офиціальный либерализмъ выросъ изъ дворянскаго корня и уже въ самомъ зародышѣ его заключался нелѣпый компромиссъ, нѣкое историческое недоразумѣніе. Дворянство, какъ сословіе, хранило и сохранило добрые завѣты крѣпостническихъ временъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прямо и косвенно поддерживало самодержавно-бюрократическій строй, который является естественнымъ спутникомъ крѣпостныхъ отношеній. И вотъ, на долю извѣстной части этого дворянства, получившей первенствующее мѣсто въ земскомъ самоуправленіи, отчасти въ качествѣ подсобнаго промысла при оскудѣвающемъ хозяйствѣ, выпала роль профессіональнаго представителя и защитника нарождающейся гражданственности въ ея борьбѣ съ бюрократіей, представителя земщины, борющейся съ опричиной. Дворяне, какъ земцы, играли первую скрипку въ томъ оппозиціонномъ движеніи, которое по существу было анти-дворянское, анти-сословное, которое замѣтнымъ ручейкомъ вливалось въ общее движеніе раскрѣпощающейся страны; дворяне, какъ земцы, какъ дѣятели мѣстнаго самоуправленія, по самой своей профессіи должны были содѣйствовать приближенію той буржуазной революціи, которая грозила, раньше или позже, смести всѣ сословныя преимущества дворянъ, оставляя имъ въ лучшемъ случаѣ скромное мѣсто землевладѣльцевъ-аграріевъ въ буржуазномъ государствѣ. Эта внутренняя противорѣчивость положенія земскихъ либераловъ положила неизгладимый отпечатокъ на весь русскій либерализмъ, которому они задавали тонъ. То, что было, въ сущности, политическимъ безволіемъ; то подчасъ, казалось, классовымъ безкорыстіемъ: потому что они были недостаточно явными буржуазными либералами, они казались скрытыми демократами. Въ результатѣ, польза отъ ихъ политической фронды еле уравновѣшивала тотъ вредъ,

который они приносили освободительному движенію тѣмъ, что они, официальные знаменоносцы буржуазной оппозиціи, держали въ многолѣтнемъ плѣненіи нарождающуюся буржуазную демократію. Иллюстраціей можетъ служить вся безславная исторія „Союза Освобожденія“, попавшаго сразу же въ плѣнъ къ „земцамъ-конституціоналистамъ“, а вѣдь „Союзъ Освобожденія“ объединялъ далеко не лучшіе элементы демократіи, сладко дремавшей подъ крыломъ земскаго либерализма. Наростающая революція и быстрый ростъ политической сознательности пролетарскихъ массъ заставляли либераловъ двигаться влѣво. Но, во-первыхъ, за этимъ движеніемъ либеральныхъ дѣятелей не обнаружили склонности слѣдовать ихъ довѣрители—масса думскихъ и земскихъ, особенно уѣздныхъ земскихъ гласныхъ, живущихъ подальше отъ національныхъ проблемъ и поближе къ навозу и удобренію полей. Во-вторыхъ, и сами глашатаи либерализма двигались влѣво только въ области фразеологіи, и достаточно прочитать постановленія наиболѣе радикальныхъ съѣздовъ прошлаго года, чтобы убѣдиться, что на нихъ лежала печать тлѣнія. Либералы хотя приняли (на время) лозунгъ Учредительнаго Собранія и четырехчленную формулу, они хотя и признали необходимость аппелировать къ народу и даже намекнули на „право революціи“, на осуществленіе „правъ человѣка“ явочнымъ порядкомъ, но, по существу, они по прежнему боялись „скачка въ неизвѣстное, по прежнему они боялись народа не меньше, чѣмъ бюрократіи, по существу, они продолжали оставаться лойяльными во чтобы то ни стало и всего ждали сверху; осуществленіе же „права революціи“ они понимали довольно своеобразно: „народъ, говорили они, будетъ спокойно и открыто собираться и высказывать свои желанія, не о п а с а я с ь, что кто-нибудь станетъ препятствовать этому“. Для борьбы съ препятствіями они предлагали дѣлать видъ,

что ихъ не существуетъ! Это было послѣднее слово ихъ военной стратегіи.

Гдѣ же, спроситъ читатель, осязательные результаты давленія пролетаріата на буржуазію? Владѣльческая буржуазія солидаризировалась съ пролетаріатомъ въ томъ смыслѣ, что она не прочь была на его спинѣ подняться къ верхнимъ ступенямъ власти, и можно было съ увѣренностью сказать, что ея счеты съ самодержавіемъ будутъ улажены при первомъ же приближеніи къ этимъ ступенямъ и притомъ не въ пользу демократіи. Революціонизирующее вліяніе пролетаріата на буржуазію сказалось только на нѣкоторой демократизаціи программы ея идеологовъ-либераловъ. Но это буржуазію ни къ чему не обязывало; буржуазія векселя, выдаваемые ея уполномоченными, не скрѣпляла никакой гарантіей въ видѣ какихъ-либо немедленныхъ агрессивныхъ дѣйствій, и всегда могла отказаться платить по либеральнымъ векселямъ. Пока дѣло обстояло такъ, пока широковѣщательные либералы являлись только парламентерами трезвенной буржуазіи, пролетаріатъ не могъ себя поздравить ни съ какой побѣдой надъ ней. Но революція собиралась подсунуть либераламъ такую игру, которой они вовсе не намѣрены были играть. Они по старой барской привычкѣ пуще всего боялись улицы и потому, между прочимъ, они такъ долго и упорно сопротивлялись противъ внесенія въ свою программу прямого избирательнаго права, именно прямого, а не равнаго. Но шумъ улицы съ каждымъ днемъ становился все назойливѣе; общеніе съ ней становилось все неизбѣжнѣе, а это общеніе съ улицей чревато было всевозможными сюрпризами. Либералы занимали видныя общественныя позиціи, они обладали именами, извѣстными далеко за предѣлами мѣстной округи. При такихъ условіяхъ стоило только улицѣ зашевелиться и предъявить запросъ на политику, чтобы политическая программа либераловъ пошла

въ народъ, даже безъ ихъ особеннаго активнаго содѣйствія. Но тѣ самыя политическія формулы, которыя въ устахъ гг. Петрункевичей звучали фразой, жалкой аппеляціей къ праву и справедливости, обращенной къ насильникамъ, эти самыя политическія формулы, зароненныя въ сознаніе какого-нибудь служащаго, народнаго учителя, крестьянина, или даже приходского священника, могли легко породить опасныя и превратныя толкованія. По нѣмецкой поговоркѣ—если двое одно говорятъ, это не одно и то же. Вспомнимъ, какіе, подчасъ, неожиданные эффекты производили „экономическія совѣщанія“ при земствахъ, которыя были задуманы съ самой благонамѣренной цѣлью примиренія помѣщиковъ и крестьянъ на почвѣ правового урегулированія аграрнаго вопроса. Прочитайте благодушныя разсужденія кн. Долгорукого о дѣятельности Крестьянскаго Союза въ Суджанскомъ уѣздѣ: онъ де по всѣмъ видимостямъ могъ бы ввести стихійное аграрное движеніе въ мирное политическое русло, если бы случайность не открыла туда доступа демагогамъ, въ родѣ г. Щербака. Такіе случайные сюрпризы исторія готовила и готовитъ либераламъ повсюду. Развѣ кадетская формула, которой на судѣ присягалъ лейтенантъ Шмидтъ, въ революціонной обстановкѣ не служила и не служитъ такимъ дѣламъ и цѣлямъ, отъ которыхъ либералы всегда и принципіально открещивались? А теперь когда либералы являются наиболѣе лѣвой партіей, участвующей въ избирательной думской кампаніи, они развѣ не содѣйствуютъ, въ огромной степени, сплоченію такихъ крестьянскихъ и мелко-буржуазныхъ элементовъ, которые перерастутъ ихъ программу и тактику при первомъ же революціонномъ подъемѣ, при первомъ же столкновеніи съ правительствомъ изъ-за практическаго осуществленія, хотя бы только кадетской программы.

Революція убираетъ изъ-подъ ногъ либерализма

его старую соціальную базу и подсовываетъ ему новую, весьма вулканическаго характера. И этотъ наслѣдникъ либерализма нарождается теперь на свѣтъ при содѣйствіи главнаго акушера настоящей революціи—пролетаріата. На смѣну либерализма идетъ буржуазная демократія, которая до сихъ поръ „дѣлала политику“ только въ подпольѣ и только подъ, чуждымъ ея природѣ, соціалистическимъ знаменемъ.

9-го января, какъ извѣстно, дало толчекъ огромному стачечному движенію, которое прокатилось волной по всей Россіи и, въ свою очередь, вызвало къ веснѣ настоящую эпидемію образованія профессіональныхъ союзовъ. И эти стачки, во многихъ случаяхъ „стачки по солидарности“, и эти пролетарскіе профессіональные союзы носили характеръ полу-профессіональный, полуполитическій. Это была не просто борьба труда съ капиталомъ, это было начало буржуазной политической революціи. Тѣсная связь между экономической и политической борьбой означала, что пролетаріатъ, чувствуя, какую выдающуюся роль онъ играетъ въ революціи, старался учесть ее немедленно въ своихъ экономическихъ интересахъ. Именно потому, что стачечное и профессіональное движеніе пролетаріата было своеобразнымъ феноменомъ русской буржуазной революціи, оно сразу вышло за предѣлы пролетаріата, захватило элементы полупролетарскіе, приказчиковъ, конторщиковъ, фармацевтовъ и т. п., а затѣмъ и массу профессіональной интеллигенціи—современное третье сословіе городовъ. Такъ возникли къ концу апрѣля всевозможные „союзы“ агрономовъ, статистиковъ, врачей, учителей, адвокатовъ, желѣзнодорожниковъ и т. п. Всѣ эти союзы по своему составу были буржуазно-демократическими, не исключая и желѣзнодорожнаго союза, въ которомъ преобладающее вліяніе принадлежало служащимъ. Но, несмотря на этотъ буржуазный составъ, въ немъ сразу проявилось настроеніе, до сихъ поръ не бывалое въ нашемъ

буржуазномъ обществѣ. Нѣкоторые союзы сразу заявили свою готовность вести „борьбу рука объ руку съ трудящимися массами“, а желѣзнодорожный союзъ на апрѣльскомъ московскомъ съѣздѣ рѣшилъ даже взять на себя инициативу борьбы—всеобщую стачку, и въ октябрѣ онъ это рѣшеніе блестяще выполнилъ.

Пролетаріатъ давалъ уроки революціи, не только интеллигентной демократіи. Характерно, что двѣ волны крестьянскаго движенія поднялись непосредственно послѣ январьскихъ событій и послѣ октябрьской забастовки, и что въ этомъ движеніи обнаружились новые, болѣе рѣзкіе, гражданскіе и политическіе мотивы. Въ черноземной полосѣ аграрныя волненія приняли характеръ возстанія противъ класса помѣщиковъ. Въ промышленныхъ губерніяхъ они приняли форму систематической борьбы противъ податного гнета. На Кавказѣ и въ Прибалтійскомъ краѣ крестьяне шли дальше: они смѣщали мѣстные власти и организовывали революціонное самоуправленіе.

Революція проникла и въ армію, и путь, по которому она туда шла, лучше всего обозначается тѣмъ, что мятежи вспыхивали, по преимуществу, во флотѣ: въ Севастополѣ, Либавѣ, Кронштадтѣ, Владивостокѣ, т. е. въ той части войскъ, въ которой сравнительно наибольшій процентъ рабочихъ, мастеровыхъ. Революція прошла даже въ прежнюю твердыню реакціи. Въ декабрѣ революціонное крещеніе получила городская мелкая буржуазія--лавочники, сидѣльцы, трактирщики, дворники—они были главные строители московскихъ баррикадъ.

Пролетаріатъ подымалъ новь во всей странѣ. Абстрактныя „схемы“ начали воплощаться въ плоть и кровь, начали,—но далеко еще не воплотились, особенно въ до октябрьскій періодъ.

Вновь поднявшіеся огромные слои мелкой буржуазіи и крестьянства представляли изъ себя разсыпанную

храмину. Верхи же ихъ, интеллигентная демократія, не имѣла никакой объединяющей политической платформы. Отдѣльные ихъ союзы принимали, болѣе или менѣе, радикальныя резолюціи, но помимо нѣсколькихъ политическихъ формулъ, какъ Учредительное Собраніе и четырехгленная основа избирательнаго права—всѣ вопросы программы и тактики оставались въ туманѣ, или же опредѣлялись въ каждомъ отдѣльномъ союзѣ въ предѣлахъ его профессіональной компетенціи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, и отчасти вслѣдствіе этого, интеллигентная демократія висѣла, какъ бы въ воздухѣ и не имѣла прочныхъ корней въ народныхъ массахъ, пробуждающихся къ политической жизни, за исключеніемъ 2-хъ-3-хъ союзовъ, имѣвшихъ кой-какія связи въ крестьянствѣ.

Офиціально, на виду у націи только два знамени оспаривали другъ у друга вліяніе,—знамя либеральное и знамя соціалистическое, изъ которыхъ, однако, ни то, ни другое не могло бы водвориться на развалинахъ стараго режима: первое потому, что оно не революціонное, второе потому, что оно не буржуазное. Революція была уже въ полномъ разгарѣ, а буржуазная демократія, которая должна была стать хозяиномъ завтрашняго дня, еще только училась ходить, робко оглядываясь по сторонамъ, то въ сторону либераловъ, то въ сторону соціалистовъ. И это, конечно, не было случайностью.

Въ великой революціи 18 вѣка буржуазная демократія сразу заняла видную позицію, и сосредоточила на себѣ вниманіе всей націи. Она сразу выступила съ декларацией, опредѣлившей историческій смыслъ всей революціи. Знаменитая „Декларація правъ“, чѣмъ бы она ни казалась ея авторамъ и защитникамъ, не была „абсолютной самоцѣнностью“, вѣчной истиной, которая потому самому, что она вѣчная, не могла бы никогда стать злобой дня, не могла бы никогда претендовать

на полное немедленное осуществленіе. Это былъ вполнѣ опредѣленный вызовъ старому феодальному режиму; она провела рѣзкую межу, указывавшую, гдѣ въ данный моментъ кончается историческое право и гдѣ начинается право революціи, указывавшую на чемъ и на комъ въ данный моментъ должна быть сосредоточена непримиримая ненависть всей націи.

Русская буржуазная демократія не могла сразу появиться на свѣтъ въ такомъ блестящемъ вооруженіи. Она неизбѣжно должна была идти къ своему самоопредѣленію длиннымъ окольнымъ путемъ, потому что весь практическій идеализмъ вѣка теперь сосредоточился на соціалистическихъ проблемахъ.

У насъ давнымъ-давно революція составляла какъ бы монополію соціалистической партіи и пролетаріата. Эта партія и этотъ классъ были издавна общепризнаннымъ очагомъ революціи. Вокругъ нихъ группировалось все способное къ рѣшительной борьбѣ, къ проявленію героизма и самоотверженія, и, благодаря этой тягѣ къ рабочимъ, долгое время все, что вовлекалось въ революцію, принимало соціалистическій налетъ. У насъ, какъ и въ Германіи наканунѣ 48 г., все радикальное хочетъ быть или казаться соціалистическимъ. Однако, это только періодъ выучки. Современная Россія не есть Германія 48 г. Классовая дифференціація у насъ несравненно болѣе глубокая. Русскій пролетаріатъ экономически гораздо болѣе обособленъ отъ мелко-буржуазной части населенія; съ другой стороны, наше крестьянство, составляющее огромное большинство населенія и связанное тысячью нитей съ городомъ, имѣетъ свои особые, чрезвычайно жгучіе интересы въ настоящей революціи. При такихъ условіяхъ, по мѣрѣ распространенія революціоннаго движенія въ народѣ, должна обнаруживаться невозможность объединенія всей революціи вокругъ одного знамени и именно вокругъ соціалистическаго. Безраздѣльная революці-

онная гегемонія соц.-демократіи была возможна, когда въ революціи рядомъ съ пролетаріемъ шли только студентъ и деклассированный интеллигентный разночинецъ. Теперь, когда въ революцію втягивается и крестьянинъ, и лавочникъ, и инженеръ, и начальникъ станціи, сохраненіе единаго центра революціи стѣсняетъ движеніе разныхъ революціонныхъ классовъ и мѣшаетъ имъ развернуть всѣ свои силы и, прежде всего, оно стѣсняетъ движеніе самого пролетаріата.

Если пролетаріатъ привлекалъ и привлекаетъ къ своей революціонной борьбѣ другіе общественные классы, то онъ же, отстаивая свою классовую самостоятельность, вынужденъ отталкивать ихъ отъ своихъ организацій, этимъ самымъ давая имъ импульсъ организовываться самостоятельно. Этотъ двойной процессъ совершается у насъ на глазахъ. Укажу на нѣсколько примѣровъ. Если читатель прочитаетъ протоколы 2-го съѣзда рос.-соц.-дем. рабочей партіи, то онъ увидитъ, что тогда главные защитники соц.-демократической аграрной программы выражали увѣренность, что соц.-демократія будетъ законодателемъ и организаторомъ крестьянскаго движенія. Въ нѣкоторыхъ районахъ, какъ въ Гуріи, въ Малороссіи, въ латышскомъ краѣ, соц.-демократія дѣйствительно играла крупную роль въ крестьянскомъ движеніи. Но и тамъ передъ соц.-демократіей нерѣдко возникалъ вопросъ, не выполняютъ ли они работу просто демократическую, вступая, подчасъ, въ коллизію съ соц.-демократической догмой.

Вопросъ о „совмѣстительствѣ“ предсталъ въ болѣе общей и болѣе острой формѣ, когда начались крупныя крестьянскія движенія во всей Россіи. Обѣ фракціи соц.-демократіи тогда сочли нужнымъ переоцѣнить задачи революціи въ деревнѣ, сообразно съ требованіями крестьянъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, для сохраненія чистоты соціалистическихъ принциповъ, онѣ замѣнили формулу:—мы будемъ требовать—формулой: мы будемъ

поддерживать требованія крестьянъ. Это было фактическое отреченіе отъ роли законодателя. Когда же впослѣдствіи образовался самостоятельный крестьянскій союзъ, то въ соц.-демократической литературѣ не раздавалось, насколько мнѣ помнится, ни одного голоса въ пользу поглощенія этого союза партіей въ интересахъ организаціоннаго подчиненія крестьянскаго движенія соц.-демократіи.

Неизбѣжность возникновенія самостоятельной крестьянской партіи была молча констатирована всѣми. То же доказала и исторія желѣзнодорожнаго союза. Онъ возникъ подъ вліяніемъ движенія пролетаріата и, подобно всѣмъ вновь возникающимъ у насъ революціоннымъ организаціямъ, обнаруживалъ склонность слиться съ соціалистическимъ движеніемъ. Однако, какъ ни заманчиво было сліяніе съ такой обширной и сильной организаціей, ея соціальный составъ и связанныя съ нимъ нѣкоторыя тенденціи, побудили обѣ московскія соц.-демократическія фракціи уклониться отъ такого сліянія цѣною раскола союза.

Теперь, послѣ декабрьскаго возстанія, у нѣкоторыхъ соц.-демократовъ возникаетъ новая мысль концентраціи революціонныхъ силъ вокругъ соціалистическаго знамени. П. Ларіоновъ, напр., пишетъ въ сборникѣ „Текущій моментъ“:

„Декабрьская революція выдвинула на революціонную сцену массу мелкой буржуазіи, въ качествѣ активнаго дѣятеля. Московская мелкая буржуазія, этотъ оплотъ реакціи и черной сотни, лавочники, дворники, хозяева мастерскихъ, кухарки стали открыто на сторону возставшаго пролетаріата... Наши ближайшія задачи состоятъ въ слѣдующемъ: дальнѣйшее революціонизированіе широкихъ массъ мелкой буржуазіи путемъ вовлеченія въ борьбу съ самодержавіемъ и реакціей, и организація пролетаріата и мелкой буржуазіи въ единую боевую революціонную городскую демократію“.

П. Ларіоновъ хочетъ впрячь лавочника и пролетарія въ одну колесницу. Я полагаю, что П. Ларіоновъ нарочито придумалъ этотъ прожектъ для того, чтобы довести до абсурда стремленіе объять необъятное, которое весьма сильно въ извѣстной части р. с.-д. р. п., но которое не столько объясняется провидѣніемъ ближайшаго будущаго, сколько романтическимъ преклоненіемъ передъ недавнимъ прошлымъ, когда, несмотря на надвигающуюся буржуазную революцію,—революціонизмъ и соціализмъ были почти синонимами.

Такъ или иначе, въ силу исторической необходимости, все болѣе и болѣе многочисленные элементы буржуазнаго общества вовлекаются въ революціонную борьбу пролетаріата, и вмѣстѣ съ тѣмъ остаются за бортомъ его классовыхъ организацій и останутся за бортомъ, если въ соц.-демократической партіи не восторжествуетъ тенденція къ разнаго рода буржуазно-соціалистическимъ блокамъ, въ ущербъ какъ пролетаріату, такъ и революціи. При такихъ условіяхъ, передъ этими революціонными буржуазными элементами неизбѣжно должна предстать диллема: либо брести розно, оставаться въ хаотическомъ состояніи и ввѣрять въ критическіе моменты, всецѣло, свою классовую судьбу пролетаріату, но зато, умывши руки, взвалить на него же одного всю тяжесть революціи, либо же попытаться объединиться вокругъ своего собственнаго центра и, пріобрѣвши, благодаря этому, возможность притянуть къ дѣлу революціи огромную массу буржуазнаго и мелкобуржуазнаго населенія, перейти въ наступленіе рядомъ съ пролетаріатомъ. Какъ ни велика сила инерціи, но я полагаю, что суровые уроки исторіи подскажутъ имъ второй путь, какъ единственно ведущій къ торжеству революціи.

Конечно, въ настоящее время, когда буржуазныя партіи и группы находятся въ текучемъ состояніи, въ

состояніи непрерывнаго образованія и преобразованія, когда онѣ сидятъ на вулканѣ, изверженія котораго каждый день могутъ разрушить ихъ построеніе, трудно предсказать, какимъ образомъ сложится этотъ общенаціональный центръ революціонной буржуазной демократіи. Вѣроятнѣе всего, однако, что, по ироніи судьбы, умѣренная и благонамѣренная партія кадетовъ, которую революція сдвинула со стараго насиженнаго мѣста и погнала въ народъ, сама, своими руками воздвигнетъ организаціонные лѣса для постройки, въ которой хозяиномъ будетъ не она, а революціонная буржуазная демократія. И когда это случится, когда революціонная буржуазная демократія станетъ признаннымъ представителемъ націи, конечно, буржуазной націи, каковымъ до сихъ поръ считали себя либералы, пролетаріатъ сможетъ сказать,—это дѣло моихъ рукъ, это плодъ той борьбы, которую я велъ съ буржуазіей, это моя первая крупная политическая побѣда надъ ней.

Я знаю, мнѣ возразятъ: недостаточно одного кипѣнія въ массѣ мелкой буржуазіи и крестьянства, для того, чтобы могла вырасти на этомъ фундаментѣ революціонная буржуазно-демократическая партія. Для этого нужна еще революціонная идеологія, несгибаемые принципы. Откуда можетъ теперь мелкая буржуазія взять эту революціонную идеологію, когда во всемъ мірѣ идетъ великая борьба между пролетаріатомъ и буржуазіей подъ знаменемъ соціализма, когда эта борьба ведется уже давно и у насъ въ Россіи, когда она именно является главной движущей силой русской революціи?

Это несомнѣнно вѣрно, но вѣрно и то, что Россія находится въ исключительныхъ условіяхъ, что она переживаетъ теперь впервые великую эпоху своей буржуазной революціи, и что т е п е р ь въ Россіи противорѣчія между интересами новаго буржуазнаго общества и стараго крѣпостническаго чреваты болѣе сильными революціонными конфликтами и потрясеніями, чѣмъ

противорѣчія между пролетаріатомъ и буржуазіей. Довлѣетъ дневи злоба его.

Борьба русскаго пролетаріата съ буржуазіей подъ соціалистическимъ знаменемъ до извѣстной степени затушевываетъ характеръ настоящей революціи. Но въ то же время пролетаріатъ, независимо отъ соціалистическихъ мотивовъ своей борьбы, тѣмъ самымъ, что онъ является главнымъ двигателемъ настоящей революціи, объективно содѣйствуетъ обнаруженію ея историческаго смысла, а стало быть объективно, помимо своей воли, содѣйствуетъ тому, чтобы буржуазная демократія познала, въ чемъ теперь должна заключаться ея ганнибалова клятва.

Вѣдь нельзя считать случайностью, что именно партія пролетаріата—соц.-демократія первая рѣзко и категорически заявила, что настоящая революція есть буржуазная революція, что ея главныя историческія задачи заключаются въ уничтоженіи своеобразнаго россійскаго феодализма, всѣхъ пережитковъ крѣпостного права, стѣсняющихъ развитіе буржуазнаго общества, что весь самодержавно-бюрократическій режимъ является только пережиткомъ крѣпостного права. Этотъ взглядъ соц.-демократіи долгое время со всѣхъ сторонъ подвергался критикѣ. Противъ него спорили буржуазные либералы, потому что они не были революціонерами и съуживали задачу революціи до борьбы съ бюрократіей. Противъ него спорили народники, с-ры, потому что они, будучи по существу только мелко-буржуазными революціонерами, безсознательно требовали себѣ соціалистическую премію за революціонность. Все сознательное буржуазное пугалось революціи. Все сознательное революціонное чуралось буржуазіи и прикрывалось соціалистической фразеологіей. Споръ о предстоящей русской революціи не могъ быть разрѣшенъ, покуда она сама не пришла и не сорвала съ себя маски. Послѣдняго еще нельзя считать совершившимся фак-

томъ. Но уже теперь несомнѣнно, что чѣмъ сильнѣе пролетаріатъ движетъ революцію впередъ, чѣмъ рѣзче выступаютъ классовыя противорѣчія современнаго русскаго общества, тѣмъ ярче обозначаются ихъ соціальныя силы, которыя служатъ оплотомъ стараго режима, тѣмъ яснѣе дѣлается линія, которая отдѣляетъ то историческое право, которое въ интересахъ общественнаго развитія должно итти на сломъ, отъ того права, которое въ интересахъ того-же развитія можетъ претендовать на революціонное осуществленіе. И эта межа оказывается какъ разъ линіей разграниченія феодально-крѣпостническаго и буржуазнаго строя.

Прежде всего это должно было обнаружиться въ деревнѣ, гдѣ завязанъ главный узелъ старой крѣпостной Россіи, и такъ крѣпко завязанъ, что его невозможно развязать, а можно только разрубить. Прежде народники, с-ры, черпали главные аргументы противъ утвержденія соц.-демократовъ, что наша революція будетъ буржуазная, изъ анализа крестьянскаго движенія. Оно, по ихъ словамъ, одинаково направлялось противъ всѣхъ эксплуататоровъ и коренилось всегда въ полусоціалистическомъ стремленіи крестьянъ къ общему равненію и къ торжеству трудового начала. Послушайте, что теперь, послѣ года революціи, говоритъ о крестьянскихъ волненіяхъ г-нъ Елпатьевскій на страницахъ народническаго журнала „Современныя Записки“. „И въ газетныхъ сообщеніяхъ и въ устныхъ разсказахъ людей, жившихъ на мѣстахъ“, говоритъ г. Елпатьевскій, „пробивается одна нота, одно, повидимому, широко-распространенное толкованіе самихъ крестьянъ: чтобъ они (дворяне-помѣщики) уѣхали изъ деревни и назадъ не возвращались... Если это такъ, то, быть можетъ, въ той смутной безсмыслицѣ, повисшей теперь надъ деревней и помѣщикомъ-дворяниномъ, и можно будетъ найти нѣкоторый смыслъ. Аграрные безпорядки не минуютъ купеческихъ и разночинческихъ экономій, но въ од-

ной и той же мѣстности больше подвергаются нападеніямъ и разгромамъ дворянскія усадьбы. Извѣстны мірскіе приговоры, гдѣ одно и то же общество постановляетъ отобраніе земли у помѣщиковъ безъ выкупа, а у купца и разночинца съ выкупомъ. Помимо извѣстнаго различенія крестьянами, такъ называемой, „дарственной“ и „купчей“ земли существуетъ какая-то разница въ отношеніяхъ крестьянъ къ дворянской и недворянской землѣ, чувствуется какая-то трудно уловимая разница и въ манерѣ разгрома дворянскихъ и недворянскихъ усадебъ, какъ будто то требованіе о выѣздѣ больше обращается къ дворянамъ-землевладѣльцамъ, чѣмъ къ землевладѣльцамъ—недворянамъ. А между тѣмъ смежное дворянское имѣніе въ громадномъ большинствѣ случаевъ гораздо удобнѣе для крестьянъ, чѣмъ купеческое, или въ особенности, какъ на югѣ Россіи, казацкое или нѣмецкое. Дворянскія руки, слабыя, дворянская земля, въ общей массѣ, больше сдается въ аренду или изъ доли; разночинческія, въ особенности, нѣмецкія или казацкія руки—цѣпкія и сильныя, ихъ земли обрабатываются собственнымъ инвентаремъ, и они больше, чѣмъ дворяне, стѣсняютъ крестьянъ въ пользованіи землей. Быть можетъ, объясненіе указаннаго факта окажется въ томъ, что землевладѣлецъ недворянинъ мѣшаетъ ему, крестьянину, только какъ собственникъ земли, является только экономическимъ противникомъ, а землевладѣлецъ-дворянинъ мѣшаетъ крестьянину вѣрить, думать, говорить, устраивать такъ, а не иначе свою человѣческую жизнь, является не только экономическимъ, но и политическимъ противникомъ...“

Мысль г. Елпатьевскаго, изложенная на страницахъ народническаго журнала, весьма знаменательна, потому что она служитъ краснорѣчивымъ подтвержденіемъ того, что всегда говорили соц.-демократы, и противъ чего всегда спорили народники. Революція учитъ. (Послѣ

года гражданской войны народники подтверждаютъ, что крестьяне въ борьбѣ за свое право дѣлаютъ различіе между „купчей“ землей и „дарственной“, между кулакомъ и помѣщикомъ-крѣпостникомъ, что современное крестьянское движеніе въ главномъ своемъ руслѣ и въ наибольшемъ своемъ напряженіи направлено не противъ капиталистическихъ формъ эксплоатаціи, а противъ кабально-крѣпостныхъ, другими словами, что въ деревнѣ совершается буржуазная революція, въ какія бы она идеологическія ризы не рядилась.

Въ городѣ этотъ соціальный характеръ революціи далеко не такъ очевиденъ. Но и тутъ стоило только революціи принять угрожающіе размѣры, стоило ей только прижать самодержавіе къ стѣнѣ, чтобы все осиное гнѣздо всполошилось, и чтобы сейчасъ же обнаружилось, какіе соціальные интересы больше всего и тѣснѣе всего связаны съ судьбою самодержавнаго режима. И на окраинахъ и въ центрѣ Россіи крупные землевладѣльцы въ дворянскихъ мундирахъ, рука объ руку съ дворянами въ чиновничьихъ мундирахъ, гг. Сиверсы, Щербатовы и Дорреры, въ союзѣ съ гг. Треповыми и Курловыми, стали во главѣ контръ-революціи и сразу подняли вопросъ о подавленіи „крамолы“ на принципіальную высоту, связавши его съ вопросомъ о возстановленіи самаго циничнаго, самаго неприкрашеннаго крѣпостного права. Даже способъ подавленія революціи путемъ „административныхъ казней“, сожженіе городовъ и деревень и разрушеніе производительныхъ силъ страны, свидѣтельствуетъ, что оплотомъ самодержавія служитъ отмирающій, паразитическій классъ феодаловъ-крѣпостниковъ, который ничѣмъ не связанъ съ интересомъ экономическаго и гражданскаго развитія страны.

Городу непосредственно приходилось терпѣть только отъ полицейскаго гнета. Но и городъ раньше или позже долженъ былъ убѣдиться, что его борьба съ полицейскимъ гнетомъ есть по необходимости только одинъ изъ

этаповъ великой борьбы буржуазнаго общества съ пережитками цѣлаго соціальнаго крѣпостническаго строя.

И именно въ этомъ пунктѣ, въ противорѣчіи между имущественными отношеніями новаго буржуазнаго общества и имущественными отношеніями стараго, полуфеодальнаго лежитъ главный источникъ революціонныхъ конфликтовъ современной Россіи.

Если бы въ Россіи велась только тяжба между законностью и правомъ съ одной стороны, и съ произволомъ, съ другой, она могла бы быть разрѣшена очень легко и къ великому удовольствію гг. Кузьминъ-Караваевыхъ, замѣной административныхъ скорпіоновъ судебными, и водвореніемъ такъ называемаго „правового порядка“ прусскаго образца. Если же это тяжба между двумя непримиримыми системами права и имущественныхъ отношеній, то она, очевидно, можетъ быть разрѣшена только явнымъ нарушеніемъ пережившаго себя историческаго права, а, слѣдовательно, при отчаянномъ сопротивленіи носителей этого права. Что тяжба у насъ именно такого рода, въ этомъ начинаютъ убѣждаться теперь люди, весьма несклонные къ революціямъ. Даже г. Петръ Струве, который недавно еще съ чрезвычайнымъ глубокомысліемъ утверждалъ, что революція „споткнулась о бюрократію“, теперь уже начинаетъ догадываться, что дѣло идетъ о чемъ то болѣе серьезномъ, что „народная Россія“ споткнулась о „чиновно-владѣльческую“.

Препятствія, на которыя наталкивается начавшаяся революція, гораздо повелительнѣе диктуютъ ей ея историческія задачи, чѣмъ намѣренія ея застрѣльщиковъ. Поэтому становится и скоро станетъ вполнѣ очевиднымъ, что Россія переживаетъ эпоху соціальной революціи буржуазіи, несмотря на то, что главнымъ двигателемъ революціи былъ и остается пролетаріатъ, которому непосредственно мало дѣла до тяжбы между буржуазнымъ обществомъ и феодальнымъ, который не-

посредственно стремится къ тому, чтобы завоевать себѣ просторъ для борьбы съ той же буржуазіей. Поэтому же партія пролетаріата не можетъ при настоящихъ условіяхъ преслѣдовать свои самостоятельныя соціалистическія задачи, не содѣйствуя тѣмъ самымъ косвенно политическому самоопредѣленію буржуазной демократіи, не наталкивая ее на современную революціонную проблему русскаго буржуазнаго общества, отъ рѣшенія которой буржуазная демократія не сможетъ отвертѣться.

Все это „образовывается“ и навѣрно образуется. Но русская революція, какъ мы видѣли, пробирается къ своей коренной задачѣ длиннымъ окольнымъ путемъ. Политическое самоопредѣленіе буржуазной демократіи является въ значительной степени только косвеннымъ отдаленнымъ результатомъ революціонной борьбы пролетаріата. Процессъ этого самоопредѣленія крайне затяжной. Россія пережила уже цѣлый годъ революціонныхъ бурь, а буржуазная демократія все еще не сказала своего рѣшительнаго слова.

Неудивительно поэтому, что въ рядахъ соц.-демократіи каждый разъ вновь возраждается стремленіе перехитрить какъ-нибудь исторію, подмѣнить на время несовершеннолѣтнюю буржуазную демократію, стянуть въ свои руки, въ подпольномъ центрѣ, всѣ нити буржуазной революціи и, говоря словами одного изъ, такъ называемаго, „большинства“, „построить для буржуазіи ея республику“, безъ нея, а по нуждѣ и противъ нея.

Соц.-демократы, такъ называемаго „меньшевистскаго“ толка, оставшіеся вѣрными традиціямъ русской марксистской мысли, понимали всю тщету этихъ якобинскихъ плановъ. Но они понимали и причины, порождающія ихъ, и еще меньше они могли взять на себя задачу *за свой счетъ* хлопотать о дипломѣ для буржуазной демократіи, находящейся у пролетаріата на выучкѣ, вручить ей знамя революціи и окружить его

ореоломъ славы, какъ этого требуютъ отъ соц.-демократіи разные критическіе соціалисты, отдѣляющіе политическую борьбу отъ классовой и утверждающіе, что соц.-демократія, „какъ политическая партія, должна развивать не только классовыя тенденціи, но и гражданственность, а въ революціонное время—тѣмъ болѣе".

Единственное, что съ точкизрѣнія, такъ называемыхъ, „меньшевиковъ", соц.-демократія могла сдѣлать, чтобы создать благопріятное для революціи соотношеніе общественныхъ силъ,—это пользоваться всякой трещиной, которую старый режимъ давалъ подъ напоромъ революціи, для того, чтобы выбраться изъ подполья, связать себя съ рабочими массами, положить фундаментъ самостоятельной массовой рабочей партіи, тѣмъ самымъ ускоряя процессъ кристализаціи аморфной массы демократіи и содѣйствуя ея политическому самоопредѣленію.

Въ этихъ цѣляхъ соц.-демократы, стоявшіе на точкѣ зрѣнія традиціонныхъ „схемъ", выдвинули лозунгъ революціоннаго самоуправленія, а когда былъ изданъ законъ 6-го августа, они дали лозунгъ самочинныхъ выборовъ. Мотивировку этого плана они дали въ зарубежной литературѣ. Они имѣли въ виду, что соц.-демократическіе избирательные агитаціонные комитеты составятъ ячейки массовой рабочей партіи, что на-ряду съ этимъ коллегіи, выбранныя рабочими, вмѣстѣ съ коллегіями представителей другихъ элементовъ народа, лишенные правъ, составятъ извѣстные центры революціонной демократіи, подготовятъ почву для образованія Народной Думы въ противовѣсъ Булыгинской Государственной Думѣ. Они предполагали, что соц.-демократія возьметъ на себя непосредственно задачу организаціи революціоннаго самоуправленія пролетаріата, въ томъ видѣ, въ какомъ впослѣдствіи стали складываться совѣты рабочихъ депутатовъ и что это дастъ толчекъ къ самопроизвольному возникновенію другихъ подобныхъ же демократическихъ организацій, они предпо-

лагали, что, на почвѣ выборной агитаціи, привлеченіе пролетаріата подъ знамя соц.-демократіи ускоритъ также и политическую кристлализацію другихъ элементовъ демократіи.

Трудно судить, до какихъ предѣловъ этотъ планъ могъ бы осуществиться въ рамкахъ стараго разлагающагося режима. Достаточно сказать, что въ этомъ направленіи соц-демократамъ практически не удалось сдѣлать ни одного шага, потому что революціонная стихія рѣшила вопросъ по своему. Разложеніе стараго режима и наростаніе стихійнаго революціоннаго настроенія шло гораздо быстрѣе, чѣмъ организація политическихъ силъ. Разразилась октябрьская стачка, и революція вынуждена была дать рядъ рѣшительныхъ сраженій, независимо отъ того, насколько она къ этому была подготовлена предыдущимъ періодомъ революціонной мобилизаціи. Если отъ января до октября исторія давала положительныя иллюстраціи къ соц.-демократическимъ „схемамъ", то за періодъ октябрь-декабрь она нагромоздила не мало фактовъ для той же иллюстраціи, на этотъ разъ, однако, иллюстраціи служили какъ бы доказательствомъ отъ противнаго.

А. М.

Критическіе и иные соціалисты.

Диктатура Витте-Дурново дала побѣду кадетамъ, а воздержаніе соціалдемократіи сдѣлало кадетскую партію единственной представительницей оппозиціи въ Думѣ. Парламентское большинство въ оппозиціи—этимъ характеризуется конституція 17 октября и 20 февраля. Оппозиція должна задуматься надъ своимъ положеніемъ. Правда, проф. Милюковъ и другіе господа, подвизающіеся на столбцахъ кадетской газеты „Рѣчь“ нашли выходъ изъ этого положенія въ направленіи линіи наименьшаго сопротивленія. Но такъ какъ близость къ министерскимъ кресламъ еще не всѣхъ кадетовъ лишила способности видѣть вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, то нѣкоторые изъ нихъ не могли не поставить передъ собою вопросъ: что же дальше?

Этотъ вопросъ былъ поставленъ г. Струве въ № 14 «Полярной Звѣзды» и на него данъ слѣдующій отвѣтъ:

„Дума и нація должны сойтись въ одномъ усиліи—низвергнуть чиновничье управленіе страной, т. е. разрѣшить тотъ «кризисъ правительства», въ которомъ мучится и бьется наша страна. Вотъ почему демократическая оппозиція должна прежде всего стремиться къ тому, чтобы превратить первую же Думу въ правительствующую, т. е. она должна добиться того, чтобы правительствомъ были люди, облеченные довѣріемъ Думы. Рядомъ съ этой задачей оппозиція должна съ полной ясностью поставить передъ Думой и передъ страной земельный вопросъ и на этомъ вопросѣ, т. е. вътѣсной связи съ нимъ, провести черезъ Думу всеобщее избирательное право и сломить чиновладѣльческій Государственный Совѣтъ.

„Задача оппозиціи состоитъ именно въ томъ, чтобы, пользуясь Государственной Думой, какъ могущественнымъ воспитательнымъ орудіемъ, сосредоточить народное вниманіе на тѣхъ вопросахъ государственной жизни, въ которыхъ съ непререкаемой ясностью выступаетъ глубокое противорѣчіе между Россіей народной и чиновладѣльческой.

„Когда это будетъ сдѣлано, можно спокойно дать правительству разогнать Думу штыками по рецепту доктора медицины Дубровина и магистра права Никольскаго. Рецептъ этотъ будетъ тогда народной Россіи во здравіе!“

Такъ какъ мы ничего не имѣемъ противъ того, чтобы именно члены кадетской партіи усѣлись въ министерскихъ креслахъ, чтобы именно эта партія стала правительствомъ, то мы можемъ сказать, что для своей партіи г. Струве опредѣлилъ задачу правильно. Но тутъ же возникаетъ для него рядъ новыхъ вопросовъ: Какъ обезпечить единство дѣйствія Думы и націи? Гдѣ передаточный механизмъ между этими двумя организаціями, которыя еще другъ къ другу не приспособлены? Какъ быть, если Думу разгонятъ штыками раньше, чѣмъ „это будетъ сдѣлано“? Революціонная инициатива, безъ которой, очевидно, въ этомъ случаѣ не обойтись, до сихъ поръ принадлежала городскимъ рабочимъ, и въ ближайшемъ будущемъ нѣтъ основанія разсчитывать на какое-нибудь новое перераспредѣленіе силъ въ этой области.

Съ этимъ связано и новое затрудненіе. Рабочій классъ, въ огромномъ своемъ большинствѣ, шелъ до сихъ поръ и продолжаетъ идти за соціалдемократической партіей. Лозунги послѣдней становились его лозунгами. Принятая партіей въ отдѣльныхъ городахъ тактика бойкота была съ большимъ единодушіемъ проведена рабочими. Даже принципіальные противники бойкота подчинились разъ принятому рѣшенію. Можно ли въ виду этого разсчитывать, что рабочій классъ въ достаточно сильной степени заинтересуется событіями, связанными съ существованіемъ и дѣятельностью Думы? А если—да, то куда направитъ онъ свою

силу, пойдетъ ли онъ противъ тѣхъ, кто будетъ разгонять Думу, или же съ одинаковой ненавистью отнесется и къ гонителямъ и къ гонимымъ? Рабочій нуженъ для революціи и въ той схемѣ, которую начерталъ г. Струве, и въ тѣхъ другихъ схемахъ, которыя рисуются другими представителями демократической интеллигенціи.

Отсюда потребность въ болѣе „ручной“, болѣе «умной» соціалдемократіи. Отсюда же похвалы резолюціямъ «меньшевиковъ», ихъ тактичности и ихъ умѣренности. Стоило бы остановиться на этихъ похвалахъ, если бъ мы не были увѣрены, что онѣ во многихъ случаяхъ при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью основаны на недоразумѣніи и что изъ того же лагеря посыплется по нашему адресу столь же обильная, но столь же неосновательная ругань.

Иначе задача рѣшается „идеалистами“ изъ кадетовъ: оторвать рабочихъ отъ соціалдемократіи и создать свою собственную кадетскую рабочую партію—таково рѣшеніе. Что же это будетъ за партія? Какова ея цѣль, программа, тактика?

Почти одновременно съ выходомъ въ свѣтъ выше цитированнаго номера 14-го «Полярной Звѣзды» появился также № 4 «Вѣстника партіи Народной Свободы» со статьей того же г. Струве о рабочихъ и конституціонно-демократической партіи. «Никогда ни въ одной странѣ, — говорится въ этой статьѣ,—въ началѣ свободной политической жизни большая либеральная партія не выступала съ такой явной демократической физіономіей и потому никогда такая партія не занимала столь опредѣленной позиціи и не пріобрѣтала такого руководящаго значенія въ борьбѣ за политическія права и экономическіе интересы народныхъ массъ» На этомъ основаніи, т. е. на томъ основаніи, что у насъ имѣется такая небывалая, необычайная демократическая партія, и еще на томъ основаніи,—прибавимъ мы отъ себя,— что г. Струве претендуетъ на папскую безгрѣшность въ толкованіи того, что въ политикѣ реально и раціонально, онъ приходитъ къ заключенію, что объективнаго основанія „для

нескончаемыхъ споровъ между к.-д. и соціалдемократами" нѣтъ. «Весьма возможно, — пишетъ онъ далѣе, — и даже, быть можетъ, несомнѣнно, что для рабочихъ психологически необходимо стремиться къ образованію своей классовой партіи, партіи только или преимущественно рабочихъ. Но реальныхъ причинъ для вражды между такой партіей и партіей к.-д. нѣтъ. Программы ихъ въ области предназначеннаго къ осуществленію и осуществимаго ни въ чемъ между собой не могутъ противорѣчить". Причина споровъ, по мнѣнію г. Струве, заключается въ борьбѣ за вліяніе на интеллигенцію и въ зависти соціалдемократовъ къ тактикѣ к.-д.

Г. Струве удивительный политикъ. Значительную часть своей зарубежной дѣятельности онъ посвятилъ отрицательной критикѣ всѣхъ выдвигавшихся на очередь для революціонныхъ выступленій и защитѣ особой «дипломатической» тактики. Но когда революція давала ему щелчекъ и опрокидывала его на землю, онъ вскакивалъ, какъ, игрушечный ванька-встанька и кричалъ во весь голосъ: „Молодецъ-революція"! То же продѣлалъ онъ въ декабрѣ и январѣ въ Россіи съ той только разницей, что на этотъ разъ ему повезло: революція была временно задавлена, соціалдемократія опять загнана въ подполье и торжествующее безстыдство г.г. Струве и компаніи праздновало побѣду надъ анархистами, якобинцами etc., каковыми кличками имъ угодно было награждать соціалдемократію, къ великому восторгу гг. Витте, Дурново и другихъ оберъ-и унтеръ прокуроровъ. Новѣйшая побѣда кадетъ, вѣроятно, окончательно утвердила г. Струве въ мысли, что эпоха, „революцій" окончательно отошла въ вѣчность, что отнынѣ опять наступила эпоха единой славной революціи, начатой 17 октября и прерванной якобинскими революціями въ ноябрѣ и декабрѣ, и что эпоха паденій для него, г. Струве, отнынѣ кончена. Только этимъ, только увѣренностью въ дальнѣйшей безнаказанности за свои нынѣшнія писанія можно объяснить безцеремонное обращеніе г. Струве съ дѣйствительной исторіей.

Давайте разбираться. «Весьма возможно и даже, быть можетъ, несомнѣнно, что для рабочихъ психологически необходимо стремиться къ образованію своей классовой партіи»... Откуда бы это? Откуда у рабочихъ такая психологія? Была ли такая психологическая потребность у французскихъ рабочихъ хотя бы въ 1830 году, у нѣмецкихъ рабочихъ въ 1848 году? А если не было, то не объясняется ли особая психологическая потребность особыми матеріальными условіями, при которыхъ совершается русская революція? Но и матеріальныхъ условій при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи окажется недостаточнымъ, ибо въ условіяхъ буржуазной революціи естественнѣе было слиться рабочимъ съ революціонной мелко-буржуазной демократіей. Нуженъ былъ, слѣдовательно, особый импульсъ для того, чтобы матеріальную потребность превратить въ психологическую необходимость? Кто же далъ русскому пролетаріату этотъ импульсъ, какъ не международная соціалдемократія черезъ своихъ русскихъ единомышленниковъ? И не обнаруживается ли въ такомъ случаѣ, что г. Струве выдумалъ свою собственную исторію, вмѣсто того чтобы руководиться тѣмъ, что происходило въ дѣйствительности. А происходило вотъ что: идеи международной соціалдемократіи черезъ русскую интеллигенцію проникали въ рабочую среду. Классовая борьба пролетаріата, руководимаго соціалдемократіей, будила и другіе слои населенія и революціонизировала ихъ. Подъ давленіемъ пролетарскихъ лозунговъ расширялись и требованія другихъ классовъ; подъ этимъ же давленіемъ восприняла въ свою программу всеобщее избирательное право и та нигдѣ небывалая демократическая партія, демократизмъ которой, какъ это ни странно, не лишилъ рабочихъ сознанья въ необходимости своей собственной рабочей партіи, настолько не лишилъ, что даже теперь, въ дни торжества своего, ни г. Струве, ни кто другой изъ кадетъ не осмѣливаются выступать противъ этой идеи, крѣпко засѣвшей въ головѣ русскихъ рабочихъ, благодаря всей дѣятельности русской соціалдемократіи. Не за вліяніе

на интеллигенцію, а за чистоту классового знамени этой партіи, за существованіе независимой отъ буржуазной идеологіи рабочей партіи борется соціалдемократія.

Но допустимъ, что при извѣстныхъ условіяхъ кадетамъ удастся—чего и мы не отрицаемъ—создать свою рабочую партію. Какова должна быть ея дѣятельность? «Реальныхъ причинъ для вражды между такой партіей и партіей к.-д. нѣтъ», говоритъ г. Струве. «Программы ихъ въ области предназначеннаго къ осуществленію и осуществимаго (курсивъ нашъ) ни въ чемъ между собой не могутъ противорѣчить".

Предназначеннаго къ осуществленію и осуществимаго? Не сразу поймешь, что сіе означать должно. Осуществимаго? Здѣсь какъ будто есть намекъ на то, что соціалдемократы называютъ программой минимумъ. Но минимальныя требованія соціалдемократической партіи регулируются слѣдующими двумя принципами: 1) это есть максимумъ достижимаго при господствѣ капиталистическихъ производственныхъ отношеній и 2) проведеніе въ жизнь этихъ требованій должно способствовать развитію способности рабочаго класса къ освободительной борьбѣ, т. е. его классовому сознанію, его сплоченности и организованности. Будетъ ли рабочая партія г. Струве руководствоваться этими двумя принципами при опредѣленіи осуществимаго? Если—да, то какъ умѣстится такая рабочая классовая партія въ нѣдрахъ партіи к.-д.? А если—нѣтъ, то какіе другіе принципы намѣренъ г. Струве положить въ основу своей программы? Можно, конечно,—и партія к.-д. уже это сдѣлала,—списать нѣкоторые пункты программы минимумъ соціалдемократической партіи—все равно русской или европейской—и, украсившись чужими перьями, гордо толковать о своей надклассовой или внѣклассовой политикѣ, но вѣдь программу недостаточно написать или списать, ее надо еще проводить въ жизнь.

Чѣмъ же г. Струве и его рабочая партія будетъ руководиться при проведеніи въ жизнь своей программы? Ссу-

ществимымъ и предназначеннымъ къ исполненію? Но судьи кто? Соціалдемократическая партія при проведеніи въ жизнь своей программы, при выдвиганіи на первый планъ того или иного пункта, при отодвиганіи другого пункта, при выборѣ одного пункта изъ многихъ, руководствуется указанными выше двумя принципами и контролируется сознательной и организованной частью пролетаріата. Возможенъ ли такой контроль въ рабочей партіи, составляющей филіальное отдѣленіе партіи к.-д.? И какъ быть при столкновеніи филіала съ центромъ?

Осуществимое и предназначенное къ осуществленію? Изъ «Полярной Звѣзды», «Рѣчи» и другихъ кадетскихъ періодическихъ изданій не для народа, мы узнаемъ, какъ будетъ опредѣлять эти понятія центръ. Въ особенности «Полярная Звѣзда» содержитъ на этотъ счетъ неисчерпаемый источникъ всякихъ свѣдѣній. Мы уже видѣли, что считаетъ «осуществимымъ и предназначеннымъ къ осуществленію» въ рабочемъ вопросѣ г. Новгородцевъ. Въ области демократизаціи государства г. Котляревскій думаетъ, что на первой стадіи, быть можетъ, неизбѣженъ (а, слѣдовательно, предназначенъ къ осуществленію) прусскій режимъ, и что говорить объ установленіи парламентаризма не значитъ требовать его немедленно; о республикѣ и одной палатѣ даже говорить не полагается. Въ области демократизаціи войска очень хорошо просвѣтитъ насъ г. Вевичъ, который пишетъ: «Условія, въ которыхъ протекаетъ наша революція, отличаются нѣкоторыми существенными особенностями. Важнѣйшими изъ нихъ надо считать крайне неблагопріятное для правильнаго хода революціи соотношеніе культурныхъ и некультурныхъ силъ въ странѣ и исключительное непониманіе въ широкихъ народныхъ массахъ зависимости между достиженіемъ соціальныхъ благъ и упроченіемъ политической свободы. Первое изъ этихъ обстоятельствъ заставляетъ усумниться въ возможности для нашихъ революціонныхъ партій удержать революціонное движеніе отъ перехода въ анархію. Второе вселяетъ весьма основательныя опасенія

за окончательный исходъ анархіи... Предупредить такое колоссальное бѣдствіе у насъ могла бы только не дезорганизованная армія, находящаяся въ рукахъ сознательныхъ элементовъ страны", и т. д., и т. д. Какъ вамъ нравится такой своеобразный комментарій къ программѣ минимумъ?

Своеобразное освѣщеніе получаетъ этотъ комментарій, когда кадеты обращаются къ низамъ, какъ это они стали дѣлать на столбцахъ «Рабочаго Слова»—органа, долженствующаго воплотить въ жизнь теоретическія блужданія «Полярной Звѣзды» и «Вѣстника Народной Свободы». Писатели «Полярной Звѣзды», какъ мы видѣли, отличаются чрезвычайной осторожностью при опредѣленіи осуществимаго и предназначеннаго къ осуществленію. Но за то въ «Рабочемъ Словѣ» какой полетъ! Г. Штильманъ, который на страницахъ «Полярной Звѣзды» тоже занимался своеобразнымъ толкованіемъ осуществимаго, на столбцахъ «Рабочаго Слова» пишетъ: «Въ стремленіи къ достиженію ближайшихъ цѣлей, пролетаріатъ ни на одинъ моментъ не долженъ забывать о конечной цѣли своего класса,—соціализмѣ. Но, лелѣя идеалъ соціализма, рабочіе должны въ то же время сосредоточить сейчасъ всю свою энергію на реальномъ политическомъ дѣлѣ. Необходимо использовать революціонный моментъ. Опытъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ трудно добиться всеобщаго и равнаго избирательнаго права путемъ обыкновенной парламентской борьбы». О соціализмѣ г. Штильмана рѣчь впереди, а пока о революціонномъ моментѣ. Очень хорошо говоритъ г. Штильманъ, что этотъ моментъ необходимо использовать. Но почему же только для завоеванія всеобщаго и равнаго избирательнаго права? Почему и не для завоеванія восьмичасового рабочаго дня? Почему не использовать для этого другой моментъ той же революціи, т. е. почему не принять революціи болѣе затяжной характеръ? Можетъ быть потому, что въ передовицѣ того же номера говорится: «Часто рабочему классу приходится слышать лозунги или призывы, смыслъ которыхъ—«все или ничего»! «либо панъ,

либо пропалъ»! Слѣдовать рабочимъ за этимъ лозунгомъ значитъ для рабочихъ идти на вѣрныя пораженія, значитъ, не рвать, а укрѣплять цѣпи, въ которыхъ держитъ рабочихъ союзъ насильничающаго чиновничества и корыстной буржуазіи. Не слѣдуетъ обманываться: только шагъ за шагомъ рабочій классъ пробьется къ свѣту и конечной свободѣ? Но если такъ, то почему же нѣтъ рѣчи о «шагъ за шагомъ», когда говорятъ о всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правѣ, а вспоминаютъ о немъ, когда дѣло идетъ о другихъ специфическихъ требованіяхъ рабочаго класса? Не потому ли, что рабочій очень нуженъ для революціи, но революція не нужна для рабочаго?

Но тутъ «Рабочее Слово» и вся его кадетская редакція возмущается. Не она ли выставила на своемъ знамени специфическій идеалъ рабочаго класса—соціализмъ? Не пропитаны ли всѣ статьи, если не духомъ, то словомъ—соціализмъ? Да, это вѣрно. Но что такое соціализмъ? Для соціалдемократіи это реальная, ясно опредѣленная цѣль, регулирующая нашу повседневную борьбу, смыслъ каждаго изъ нашихъ требованій и способа ихъ проведенія въ жизнь. А что такое соціализмъ для плеяды писателей изъ «Полярной Звѣзды», «Вѣстника Народной Свободы» и «Рабочаго Слова»? А вотъ послушаемъ г. С. Франка:

„Міросозерцаніе соціализма шире и глубже тѣхъ экономическихъ или политическихъ формулъ, съ которыми оно обыкновенно отождествляется и приверженцами, и противниками его. „Диктатура пролетаріата“, экспропріація капиталистовъ, даже отмѣна частной собственности и обобществленіе орудій производства не исчерпываютъ собой основной идеи соціализма и даже совсѣмъ не затрагиваютъ ея. Все это — лишь частичные, частью односторонніе, частью прямо невѣрные технические пріемы осуществленія соціализма. Даже соціализмъ, понимаемый, какъ коллективное хозяйствованіе народа или вообще, какъ извѣстная, заранѣе опредѣленная организація производства, обмѣна и распредѣленія, не можетъ имѣть принципіальнаго морально-

политическаго значенія; онъ сводится къ вопросу о цѣлесообразности той или иной организаціи хозяйства—вопросу, который можетъ быть рѣшенъ лишь на основаніи указаній опыта и свободнаго научнаго изслѣдованія... Соціализмъ есть великая *проблема* нашихъ дней, но для рѣшенія ея нужны не только практическія, но и *идейныя* усилія нашего поколѣнія, какъ и поколѣній грядущихъ". Итакъ, соціализмъ есть проблема, рѣшить которую надо предоставить грядущимъ поколѣніямъ и нынѣ живущимъ филосо-фамъ, презрительно отмахивающимся отъ существующихъ уже рѣшеній проблемы. Въ будущемъ—рѣшенная проблема, а пока пустой звукъ или, говоря языкомъ г. Штильмана, идеалъ, который предоставляется лелѣять рабочему подъ напѣвъ такой, примѣрно, колыбельной пѣсни: «Спи, дитятко, спи. Авось, проснешься лѣтъ черезъ двѣсти. А я тѣмъ временемъ обзаведусь кооперативной лавочкой. Со временемъ и тебѣ она можетъ пригодиться. А пока спи!"

Г. Штильманъ остался, такимъ образомъ, вѣренъ духу школы. Но г. Франкъ, пустившись писать для увріеровъ, позабылъ, что соціализмъ есть проблема. Въ фельетонѣ № 1 „Рабочаго Слова" онъ пишетъ: „Благодаря этому (такъ называемой промышленной демократіи) Англія, хотя она почти не знаетъ политическаго и, въ частности, соціалистическаго рабочаго движенія, ближе къ осуществленію соціализма, чѣмъ какая-либо другая страна". Но откуда вы это знаете, г. Франкъ? Вѣдь соціализмъ есть проблема, которую еще предстоитъ разрѣшить грядущимъ поколѣніямъ? Неразрѣшенная проблема есть неизвѣстный иксъ, и кто же можетъ сказать, кто ближе къ нахожденію этого икса, пока онъ не найденъ?

„Рабочіе нужны для революціи!" Нужны до зарѣзу, и только этимъ можно объяснить политическій маскарадъ гг. Штильмановъ, Франковъ, Струве и др. Но цѣль этимъ отнюдь не будетъ достигнута: русскому рабочему классу психологически необходима не только своя классовая партія, но и свое классовое знамя революціоннаго соціализма.

II.

Такъ ли это? И подлинно существуетъ ли еще такое знамя? Не остались ли отъ него одни клочья? Послѣднее, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ на страницахъ журнала „Безъ заглавія" критическій соціалистъ г. Португаловъ.

Для доказательства своей мысли г. Португаловъ прибѣгаетъ къ методу до крайности упрощенному. Прежде всего упоминается „предисловіе Энгельса (1895 г.) къ соч. Маркса о классовой борьбѣ во Франціи", но анализъ этого предисловія не дается, потому что это уже сдѣлано другими авторами. Затѣмъ приводится мнѣніе Жореса о необходимости организаціи мнѣнія и воли большинства, сообщается еще, что существуютъ на свѣтѣ Вандервельдъ, Аксейле и Джонъ Бернсъ, приводится одна цитата изъ одной рѣчи Бебеля и еще одна цитата изъ одной его статьи. Наконецъ, доводится до всеобщаго свѣдѣнія, что Антоніо Лабріола находилъ нужнымъ „привлекать къ общественной дѣятельности энергичныхъ и умныхъ людей изъ привилегированныхъ классовъ". А отсюда дѣлается выводъ, что „во многихъ странахъ—Бельгіи, Англіи, частью, Франціи и Италіи—соціалистическое движеніе de facto носитъ характеръ, такъ называемый, „реформистскій" болѣе, чѣмъ, такъ называемый, „революціонный"... Вотъ те и разъ! Не говоря уже о томъ, что слѣдовало бы хоть чѣмъ-нибудь показать, что приведенныя мнѣнія и цитаты дѣйствительно болѣе соотвѣтствуютъ, такъ называемому, „реформистскому", чѣмъ, такъ называемому, „революціонному" соціалистическому движенію и противорѣчатъ эрфуртскому „корану" (кстати, неужели господа русскіе критическіе соціалисты даже свою иронію обязаны заимствовать у нѣмцевъ: слово „коранъ" уже затаскано разными Браунами, Шмидтами, Гейне и проч., почему бы не сказать эрфуртскій „домострой"?), не говоря, слѣдовательно, о томъ, что критическая мысль критическаго соціалиста удовольствовалась приведеніемъ нѣсколькихъ цитатъ, мы, грѣшные, прямо по-

ставлены втупикъ его умозаключеніемъ: какая связь существуетъ между соціалистическимъ движеніемъ и движеніемъ въ мозгу такихъ, хотя бы и очень талантливыхъ соціалистовъ, какъ Бебель, Жоресъ, Лабріола? Мы, профаны, до сихъ поръ полагали, что соціалистическое движеніе есть движеніе рабочаго класса къ соціализму, выражающееся въ его борьбѣ за политическую и экономическую эмансипацію. Можетъ быть, критическимъ соціалистамъ такое опредѣленіе кажется недостаточно глубокимъ, но въ такомъ случаѣ г. Португаловъ хорошо бы сдѣлалъ, еслибы, вмѣсто ссылки на цитаты и мнѣнія, указалъ тотъ комплексъ идей, который, по его мнѣнію, характеризуетъ критическій соціализмъ.

Постараемся сдѣлать за него хоть часть этой работы. Понятно, что наше изложеніе будетъ носить полемическій характеръ, но г. Португалову остается возможность въ будущемъ ввести сюда свои поправки, если мы не сумѣемъ его удовлетворить.

Жизнь полна противорѣчій, въ особенности жизнь капиталистическаго общества. Теорія, самая всеобъемлющая, не можетъ изслѣдовать до мельчайшихъ деталей каждое отдѣльное явленіе, часто не можетъ даже предвидѣть это явленіе. Ей приходится довольствоваться указаніемъ общей тенденціи, которая въ каждый данный моментъ, въ каждой данной области не осуществляется цѣликомъ, часто дополняясь явленіями, на первый взглядъ прямо противоположнаго характера. Внѣшнимъ образомъ между теоріей и дѣйствительностью какъ будто образуется трещина. То же происходитъ въ практической жизни. Практикъ, выработавшій на основаніи той же теоріи свои тактическіе пріемы, часто наталкивается на новые непредвидѣнные факты и принужденъ извѣстнымъ образомъ модифицировать свою тактику, приспособлять ее къ новой обстановкѣ. Опять получается какъ бы новая трещина между теоріей и практикой. Общій ходъ жизни несомнѣнно разрѣшаетъ всѣ эти противорѣчія, но тѣ, кто наблюдаетъ только эти отдѣльные моменты и явленія, часто видятъ однѣ только

эти трещины. Сюда просовываютъ свои головы критическіе соціалисты и съ восторгомъ кричатъ: „Ага! мы васъ поймали. Вы кричали революція, анъ идетъ на васъ эволюція; вы говорили катастрофа, а мы видимъ приспособленіе; вы не вѣрите въ возможность реформировать буржуазное общество, а сами участвуете въ парламентахъ, образовываете профессіональные союзы, кооперативныя товарищества и пр. и проч.“ Критическій соціализмъ, поэтому, до тѣхъ поръ и могъ производить какое-нибудь впечатлѣніе, пока онъ занятъ былъ критикой отдѣльныхъ частностей. Его первая попытка придать единство своимъ взглядамъ, теоретически ихъ обосновать и создать цѣльную практическую программу была и его послѣдней попыткой. Приспособленный къ критикѣ частностей, онъ оказался безсильнымъ собрать воедино разсыпанную храмину своихъ критическихъ предпосылокъ, а когда онъ это сдѣлалъ, то потерпѣлъ такое фіаско, что даже торжествующій г. Португаловъ не нашелъ нужнымъ, въ доказательство побѣдоноснаго шествія критическаго соціализма, упомянуть объ „извѣстныхъ“ трудахъ Бернштейна. Экономическій кризисъ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія разрушилъ иллюзію о мирной эволюціи капитализма; непрекращающіяся массовыя стачки положили конецъ баснѣ о сглаживаніи противорѣчій, о притупленіи конфликтовъ между пролетаріатомъ и буржуазіей. Нынче и самъ Бернштейнъ разувѣрился въ демократизмѣ германской буржуазной интеллигенціи, а еслибъ онъ продолжалъ жить въ Англіи, онъ былъ бы свидѣтелемъ образованія самостоятельной рабочей партіи, вызваннаго тупымъ эгоизмомъ англійской буржуазіи. Если все это побѣды реформизма или критицизма, то нельзя не видѣть, что эти побѣды чрезвычайно смахиваютъ на побѣды Куропаткина, побѣдоносно отступавшаго до самаго Мукдена передъ натискомъ японцевъ.

Въ единственномъ мѣстѣ, гдѣ Португаловъ ссылается не на мнѣнія, а на принципы, онъ говоритъ: «Одни представляютъ себѣ процессъ болѣе прямолинейнымъ и полагаютъ»

что переворотъ никакъ не можетъ произойти безъ насильственнаго захвата власти, другіе обращаютъ гораздо большее вниманіе на подготовку такихъ экономическихъ и культурныхъ предпосылокъ, развитіе которыхъ само собой уничтожитъ raison d'être капитализма, перерѣзавъ его жизненные нервы, такъ что къ «силѣ» прибѣгать, можетъ быть, и не придется. Понятно, что первые гораздо рѣшительнѣе относятся къ мобилизаціи, такъ сказать, военной арміи пролетаріата, тогда какъ вторые выдвигаютъ впередъ мобилизацію культурныхъ и духовныхъ силъ». Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Португалова, среди соціалистовъ существуетъ слѣдующее раздѣленіе труда: одни представляютъ и полагаютъ, а другіе обращаютъ вниманіе на подготовку; одни заняты мобилизаціей военной арміи, а другіе мобилизуютъ культурныя и духовныя силы. Между первымъ и вторымъ пассусомъ есть несомнѣнное противорѣчіе: тогда, какъ на основаніи перваго пассуса, можно думать, что «одни» занимаются только умозрительными построеніями, а «другіе» — практической работой, мы изъ второго видимъ, что и «первые» и «вторые» что-то дѣлаютъ. Но, оставляя въ сторонѣ это противорѣчіе, мы спросимъ г. Португалова, гдѣ же существуетъ подобное раздѣленіе труда и въ какой мѣрѣ оно отражаетъ разницу между критическими и революціонными соціалистами. Мы очень боимся, что г. Португалову будетъ трудно сдѣлать просимое указаніе по той простой причинѣ, что революціонные соціалисты, составляющіе, что бы ни говорилъ г. Португаловъ, огромное большинство въ соціалистическихъ партіяхъ всего міра, просто не признаютъ этого дуализма между духовной и военной мобилизаціей. И въ этомъ несомнѣнно ихъ отличіе отъ критическихъ соціалистовъ: для первыхъ классовая борьба есть единое нераздѣльное цѣлое, одинаково содѣйствующее и культурной, и военной мобилизаціи пролетаріата, причемъ профессіональные союзы, кооперативныя общества, всевозможные союзы и организаціи, политическія партіи суть лишь вспомогательныя орудія этой мобилизаціи; для вторыхъ классовая борьба, какъ цѣлое, не

существуетъ, а существуютъ лишь отдѣльныя организаціонныя формы, которыми и можно пользоваться для достиженія того или иного эффекта. А если г. Португалову хочется знать, какой изъ этихъ методовъ оказался плодотворнѣе, то мы посовѣтуемъ ему сравнить культурные и духовные результаты, достигнутые за сравнительно короткое время германской соціалдемократіей, съ такими же результатами, достигнутыми англійскими тредъ-юніонами.

Г. Португаловъ также твердо знаетъ, что критическій соціалистъ долженъ относиться критически къ диктатурѣ пролетаріата, которую и полагается, поэтому, ставить въ кавычки. Но что это за штука, онъ совершенно не понимаетъ. Онъ, напримѣръ, увѣренъ, что диктатура пролетаріата означаетъ насиліе меньшинства надъ большинствомъ и въ доказательство непригодности и никчемности такой диктатуры онъ цитируетъ слѣдующія слова Жореса: «Если б о л ь ш и н с т в о [1]) гражданъ противится новому общественному строю, то они найдутъ средства существовать, защищаться и даже среди безпорядка и неурядицъ.. черпать силы для реакціи.» Въ лѣто отъ Р. Хр. 1906-ое, въ дни Великой Россійской революціи, мы спрашиваемъ г. Португалова: Бываетъ ли такъ, что м е н ь ш и н с т в о гражданъ противится новому общественному строю и не является ли тогда необходимость въ диктатурѣ какого-нибудь класса для радикальнаго устраненія всѣхъ общественныхъ пережитковъ, связанныхъ съ этимъ меньшинствомъ? Но мы боимся, что съ г. Португаловымъ случится въ данномъ случаѣ то же, что случается со всѣми «критическими» соціалистами: то, что они признаютъ правомѣрнымъ для революціи буржуазной, представляется имъ невозможнымъ для революціи пролетарской. Означаетъ ли это большую близость къ буржуазіи, чѣмъ къ пролетаріату, мы не беремся судить, зная, какъ чувствительны нѣкоторые критическіе соціалисты къ кличкѣ «буржуазный».

---

[1]) Курсивъ мой.

Побѣдоносное шествіе критическаго соціализма оказывается мифомъ и не становится дѣйствительностью отъ того подкрѣпленія, которое г. Португаловъ получилъ въ лицѣ г-жи Кусковой. «Поиски формъ борьбы, которыя отвѣчали бы конкретнымъ условіямъ переживаемаго момента и составляютъ отличительную черту критическихъ соціалистовъ и русскихъ, и западно-европейскихъ» [1]). Такъ пишетъ г-жа Кускова и повторяетъ ту же неясность мысли, которую мы уже видѣли у г. Португалова. Вѣдь изъ сказаннаго слѣдуетъ тотъ выводъ, что революціонные соціалисты ищутъ формъ борьбы, которыя не отвѣчаютъ «конкретнымъ условіямъ...» или ищутъ формъ борьбы, которыя отвѣчаютъ не-конкретнымъ условіямъ... Это ли хочетъ сказать г-жа Кускова? Отвѣта на этотъ вопросъ мы не найдемъ. Зато дальше читаемъ слѣдующее интересное мѣсто, открывающее коекакія новыя перспективы. «Они (т. е. критическіе соціалисты) думаютъ, что революціонно всякое общественное дѣйствіе, которое измѣняетъ существующій строй въ направленіи повышенія культурнаго, политическаго и экономическаго положенія трудящихся массъ». Въ этой новой формулѣ прогресса мы, дѣйствительно, найдемъ, если не всю суть, то большую дозу критическаго соціализма. Прежде всего, рѣчь идетъ объ общественномъ дѣйствіи. Но такія общественныя дѣйствія въ наше время жестокой классовой борьбы весьма рѣдки, почти невозможны. Возможны нынче дѣйствія не общества въ его цѣломъ, а дѣйствія отдѣльныхъ классовъ хотя бы и комбинированныя съ дѣйствіями другихъ классовъ. Мы пока только констатируемъ этотъ характерный для критическаго соціалиста фактъ, что онъ вмѣсто классовыхъ дѣйствій говоритъ о дѣйствіяхъ общественныхъ. Но идемъ дальше и мы убѣдимся, что это не просто lapsus linguae. Общественная дѣятельность должна быть направлена на повышеніе... положенія трудящихся массъ. Но эти трудящіяся массы, къ кото-

---

[1]) Безъ заглавія, № 7, стр. 276.

рымъ, конечно, относятся и крестьяне, состоятъ изъ различныхъ классовъ, часто съ различными интересами. Такъ какъ фактически дѣйствуетъ не общество, а классы, и такъ какъ у каждаго изъ нихъ есть свой опредѣленный взглядъ и на классовыя отношенія въ данномъ обществѣ, и на культурное, политическое и экономическое значеніе каждаго изъ этихъ классовъ, то ясно, что одни будутъ поддерживать однихъ, другіе—другихъ. Какой же классъ будетъ тогда вправѣ назвать свое дѣйствіе революціоннымъ? Схема г-жи Кусковой не даетъ и не можетъ дать на это отвѣта.

Дальше. Дѣло идетъ о повышеніи культурнаго, политическаго и экономическаго положенія. Но какъ же быть если повышеніе экономическаго придетъ въ столкновеніе съ повышеніемъ политическаго, если плюсъ въ одномъ направленіи будетъ минусомъ въ другомъ? Какое дѣйствіе будетъ тогда революціонно? Г-жа Кускова, можетъ быть, найдетъ такой вопросъ ортодоксальнымъ доктринерствомъ. Въ такомъ случаѣ мы позволимъ себѣ процитировать слѣдующее примѣчаніе редакціи «Безъ заглавія» къ статьѣ нѣкоего К. С. о крестьянскомъ вопросѣ: «Мы совершенно несогласны съ уважаемымъ авторомъ, что интересы истинной демократіи—при современной формѣ государства—и особенно русскаго—ведутъ къ признанію націонализаціи земли. Въ № 5-мъ мы писали: «Лишь разрѣшивъ стоящій передъ нами вопросъ о крестьянскомъ малоземельи путемъ передачи всей земли въ руки трудящихся и создавъ необходимыя условія для интенсификаціи крестьянскаго хозяйства, мы расчистимъ почву для коренныхъ соціальныхъ реформъ. Безъ этихъ культурныхъ, правовыхъ и экономическихъ предпосылокъ, всякая частичная соціальная реформа, передающая въ руки государства или областного самоуправленія значительную часть орудій производства, будетъ дѣломъ реакціоннымъ, а не прогрессивнымъ, будетъ осуществленіемъ реакціонной идеи бюрократическаго соціализма».

Мы сдѣлали эту длинную выписку, чтобы показать, что, когда рѣчь идетъ о бюрократическомъ строѣ, сама редакція

«Безъ заглавія» и, надѣемся, и г-жа Кускова понимаетъ возможность конфликтовъ между политическимъ и экономическимъ. Почему же объ этомъ забываютъ, когда рѣчь заходитъ о буржуазномъ строѣ? Формула г-жи Кусковой такъ же мало пригодна какъ здѣсь, такъ и тамъ. Формула революціоннаго соціализма въ этомъ случаѣ гласитъ: Революціонно всякое дѣйствіе пролетаріата, которое содѣйствуетъ подъему его классоваго самосознанія. Что касается дѣйствій другихъ классовъ, то въ капиталистической Европѣ они уже давно перестали быть революціонными.

Ну, а въ Россіи? Можетъ быть, Россіи суждено, хотя бы временно, стать эльдорадо критическихъ соціалистовъ? Можетъ быть, мы не правы, начавъ и продолжая организовывать пролетаріатъ подъ знаменемъ революціоннаго соціализма? Можетъ быть, и знаменемъ этимъ мы не сумѣли воспользоваться? Можетъ быть, правъ г. Бланкъ, утверждающій, словами Маркса, что намъ дороже «интересы истины», чѣмъ «истинные интересы»?

На всѣ эти вопросы мы попытаемся дать отвѣтъ въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ. Не можемъ, однако, не замѣтить сейчасъ, что и въ Россіи критическій соціализмъ пытается просунуть свою голову въ щель, образовавшуюся вслѣдствіе видимаго противорѣчія между революціонной тактикой и моментальной подавленностью. Но вѣдь ту же голову въ такую же щель просовывалъ критическій соціализмъ и прежде. Съ тѣхъ поръ соціалдемократія, несмотря на всѣ ея промахи, успѣла такъ крѣпко внѣдрить въ рабочія массы идею о самостоятельности рабочей партіи, что даже принципіальные враги такой политической самостоятельности рабочихъ принуждены признать ея психологическую необходимость. Соціалдемократія всколыхнула спящія народныя массы и дала ей лозунги, съ которыми тоже принуждены были считаться и враги, и друзья. А что сдѣлали критическіе соціалисты? Они, правда, гордятся тѣмъ, что не принимали участія въ ошибкахъ, сдѣланныхъ партіей въ октябрѣ—декабрѣ, но это, сдается намъ, гордость старой дѣвы, соблюдшей себя въ молодости и потому оставшейся бесплодной.

Радѣтели „народной свободы“.

Кадеты торжествуютъ. Штурмомъ взяли они „вражескую цитадель“ и готовятся уже принять въ свои руки бразды правленія. Они опять стали ministrabes.

Правда, не будь декабрьскаго „пораженія“, не было бы и „неслыханной въ исторіи“ побѣды кадетовъ. Героическое „безумство“ окончательно закрѣпило крушеніе стараго режима. Послѣ декабрьскихъ дней Государственная Дума становится палладіумомъ всѣхъ благомыслящихъ элементовъ. На нее возлагаетъ свои надежды правительство Витте—Дурново, ея скорѣйшаго созыва требуютъ крупные землевладѣльцы, отъ нея ждутъ торгово-промышленныя партіи того „спокойствія“, которое такъ необходимо для безмятежнаго выколачиванія прибавочной стоимости, о ней воздыхаютъ и... кадеты, которыхъ приводятъ въ содраганіе и всякія „революціонныя выступленія“, и „дезорганизація хозяйственной жизни страны“.

Исчадіе крамолы превращается въ „основу“, колебать которую воспрещается подъ страхомъ уголовной отвѣтственности. Создается новый законъ объ оскорбленіи величества Государственной Думы. Законъ, карающій за призывъ къ бойкоту, играетъ роль квалифицированной нагайки, лучше всякихъ казацкихъ плетей сгоняющій избирателей къ урнамъ. Пусть наши кадеты „отмахиваются обѣими руками“ отъ этой „предательской услуги“, оказанной имъ правительствомъ, но это несомнѣнно услуга. Она лишній разъ показываетъ, что есть почва, на которой наши „освободители

народа“ сходятся со всѣми партіями „блока“: необходимость во что бы то ни стало спасти „основы“, на которыя покушается революціонный народъ.

„Предательская“ помощь правительства, военное положеніе, лишеніе всего рабочаго класса и крестьянской бѣдноты политическихъ правъ создали кадетамъ монопольное положеніе. Не только имъ самимъ, но и другимъ поверхностнымъ наблюдателямъ кажется, что кадеты сами создали этотъ успѣхъ. Вотъ почему одни съ благороднымъ негодованіемъ говорятъ объ абсентеизмѣ крайнихъ партій, а другіе раскаиваются или сожалѣютъ о сдѣланной ошибкѣ. Но и тѣ и другіе забываютъ, что во всей выборной агитаціи принималъ самое дѣятельное участіе весь революціонный народъ. Своимъ успѣхомъ кадеты обязаны не рѣчамъ Родичевыхъ и Петрункевичей, Гессеновъ и Милюковыхъ. Лучше всякихъ рѣчей говорили раскаты перовскихъ, голутвинскихъ и иныхъ разстрѣловъ, стоны и вопли засѣкаемыхъ до смерти крестьянъ, переполненныя тюрьмы, исповѣдь Шмидта, неслыханныя муки Спиридоновой.

Выбирая тѣхъ кадетовъ, которые еще въ октябрѣ и ноябрѣ своей политикой усиливали шансы реакціи, которые еще въ декабрѣ готовы были вступить въ сдѣлку съ Витте, избиратели протестовали противъ вновь ожившаго абсолютизма. Имъ отдали свои голоса и тѣ, которые при другихъ условіяхъ, вотировали бы за крайнія партіи, и тѣ, которыхъ приводитъ въ ужасъ политика „спасенія“, практикуемая правительствомъ Курловыхъ и Нейдгардовъ.

Но оправдаетъ ли надежды этихъ избирателей партія „народной свободы“? Если вѣрить П. Струве, то да.

„Никогда, ни въ одной странѣ,—говоритъ онъ,—въ началѣ свободной политической жизни большая либеральная партія не выступала съ такой явной демократической физіономіей и потому никогда такая партія не занимала столь опредѣленной позиціи и не пріоб-

рѣтала такого руководящаго значенія въ борьбѣ за политическія права и экономическіе интересы народныхъ массъ“ [1]).

Мы никогда не сомнѣвались въ искренности г. Струве, не сомнѣваемся и теперь. Онъ всегда былъ искрененъ—даже, когда завѣдомо искажалъ факты. Онъ былъ искрененъ и тогда, когда не соглашался на такое мало „реальное“ требованіе, какъ всеобщее избирательное право и тогда, когда дожидался въ передней Витте своей очереди, чтобы произнести искреннюю рѣчь въ защиту всеобщаго избирательнаго права.

„Но дѣло, конечно,—какъ справедливо замѣчаетъ другой кадетъ, г. В. Д. Набоковъ—не въ искренности или неискренности. Въ каждой партіи есть искренніе и неискренніе люди, и качество это, во всякомъ случаѣ, личное и субъективное, и потому оно, само по себѣ, не можетъ характеризовать партію. Вопросы по существу рѣшаются только на основаніи программы партіи“.

Какова же политическая программа нашихъ кадетовъ? Съ чѣмъ идутъ они въ Государственную Думу? Какіе „органическіе“ законы будутъ они тамъ защищать?

Еще въ прошломъ году, редакціей „Освобожденія“ былъ опубликованъ „основной Государственный законъ Россійской имперіи“ съ объяснительной запиской. Этотъ проектъ конституціи, съ маленькими варіаціями, былъ принятъ на апрѣльскомъ и іюльскомъ съѣздахъ земцевъ-конституціоналистовъ. На основаніи того же проекта составлена офиціальная программа партіи народной свободы.

Какъ же гарантируютъ „кадеты“ основныя права россійскихъ гражданъ?

---

[1]) П. Струве. „Рабочіе и конституціонно-демократическая партія“, „Вѣстникъ партіи народной свободы“ № 4.

I.

„Великій смыслъ конституціоннаго образа правленія лежитъ въ обезпеченіи основныхъ и неотчуждаемыхъ правъ личности... Нигдѣ отсутствіе правъ человѣка и гражданина не чувствовалось съ такой болѣзненной остротой, нигдѣ между общественнымъ самосознаніемъ и тѣми формами жизни, въ которыхъ общество принуждено жить, не создалось такого полнаго разлада, какъ именно въ Россіи. Поэтому декларація правъ человѣка, признаніе принциповъ свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ необходимо должно войти въ составъ русской конституціи, являясь истиннымъ выраженіемъ самыхъ глубокихъ, наиболѣе выстраданныхъ потребностей и нуждъ русскаго человѣка... Торжественное провозглашеніе началъ неприкосновенности личности и ея свободы имѣетъ великое значеніе: нарушеніе ихъ отнынѣ будетъ нарушеніемъ Основного Государственнаго Закона“.

Такими „прочувствованными“ словами мотивируютъ въ своемъ комментаріи авторы апрѣльскаго проекта необходимость особой „декларації правъ человѣка“. Они вѣдь на собственной спинѣ испытали всѣ прелести „безотвѣтственной власти“. И они уже, конечно, позаботились, чтобы русскіе граждане были обезпечены отъ всякаго произвола. Этой цѣли долженъ служить третій раздѣлъ конституціи (§ 6—22), который формулируетъ „основныя права русскихъ гражданъ“.*)

Посмотримъ же, какъ опредѣляютъ наши будущіе законодатели „гарантіи свободы личности“.

Никто, конечно, не будетъ отрицать, что „одной изъ наиболѣе выстраданныхъ потребностей и нуждъ русскаго человѣка“ является неприкосновенность его

*) Въ іюльскомъ проектѣ декларація правъ составляетъ второй раздѣлъ. Слово „русскій“ всюду замѣнено словомъ „россійскій“.

личности, гарантія противъ всякаго административнаго произвола.

Какъ же обезпечили наши Солоны это „священное право“ всякой человѣческой личности?

„Всякое задержанное лицо въ городахъ и другихъ мѣстахъ пребыванія судебной власти въ теченіе двадцати четырехъ часовъ, а въ прочихъ мѣстностяхъ имперіи не позднѣе трехъ сутокъ со времени задержанія, должно быть освобождено или представлено судебной власти, которая, по разсмотрѣніи обстоятельствъ задержанія, или освобождаетъ задержаннаго, или постановляетъ съ объясненіемъ основаній о дальнѣйшемъ содержаніи его подъ стражей“.

Трудно себѣ представить бо́льшую заботливость... не о личности россійскаго гражданина, нѣтъ!—о нашихъ будущихъ конституціонныхъ Мырецовыхъ. Такъ какъ число судебныхъ мѣстъ теперь недостаточно, такъ какъ „во многихъ мѣстностяхъ не только азіатской, но и европейской Россіи представленіе арестованнаго въ теченіе сутокъ судебной власти можетъ оказаться невозможнымъ, вслѣдствіе обширности судебныхъ участковъ и дурного (!) состоянія путей сообщенія“, то... „административнымъ органамъ государства“, на „болѣе или менѣе отдаленное будущее время“, предоставляется право, конечно, „въ случаяхъ предусмотрѣнныхъ закономъ и съ соблюденіемъ правилъ имъ предписанныхъ“ отправлять свободнаго россійскаго гражданина, подъ надлежащимъ конвоемъ, въ мѣсто нахожденія компетентной судебной власти. Дня черезъ три „по разсмотрѣніи обстоятельствъ задержанія“ обвиняемаго освобождаютъ и, если не помѣшаетъ„ дурное состояніе путей сообщенія“, онъ можетъ попасть на мѣсто своего жительства въ теченіе слѣдующихъ трехъ дней. Что значатъ трое сутокъ въ сравненіи съ вѣчностью?

Нашимъ Лафайетамъ даже въ голову не приходитъ, что „россійскій гражданинъ“ такъ же мало повиненъ

въ „дурномъ состояніи путей сообщенія“, какъ и въ недостаточномъ количествѣ судебныхъ мѣстъ. Что „лучше десять виновныхъ оправдать, чѣмъ осудить одного невиннаго“, что лучше причинить нѣкоторое огорченіе будущимъ конституціоннымъ Стрѣльниковымъ, чѣмъ отдавать имъ въ жертву „россійскихъ гражданъ“,— нашимъ поклонникамъ „категорическаго императива“ невдомекъ. Pereat неприкосновенность личности, эта „наиболѣе выстраданная потребность русскаго человѣка“, иначе наши конституціонные Мымрецовы не смогутъ выполнять какъ слѣдуетъ свою миссію: „тащить и не пущать“!

Такова Тверская губернія. Искони она вопіетъ: „Наказывайте! жмите изъ насъ масло! но по закону!“

Традиціи „исконнаго тверского либерализма“ сказались и здѣсь. Одно изъ главныхъ „основныхъ правъ россійскаго гражданина“ — право быть посаженнымъ въ кутузку—такъ себѣ, здорово живешь!—на 72 часа! И говорите послѣ этого, что мы не призваны къ самостоятельному политическому творчеству!

Надъ Россіей, наконецъ, взошла „заря правового порядка“. День выборовъ назначенъ. Начинается выборная агитація, достигающая своего разгара въ послѣдніе дни. За трое сутокъ до назначеннаго срока „административные органы государства“ предъявляютъ противъ цѣлаго ряда лицъ, „вредныхъ“ или просто „неудобныхъ“, обвиненіе,—конечно, въ судебномъ порядкѣ, въ поджогѣ, убійствѣ и т. д. и, изъявъ изъ обращенія, либо ждутъ пріѣзда подлежащей судебной власти, либо отправляютъ задержанныхъ въ „мѣсто пребыванія судебной власти“. Тамъ нашихъ рабовъ божьихъ, по «разсмотрѣніи обстоятельствъ задержанія», освобождаютъ и отпускаютъ на всѣ четыре стороны. А когда они, благословляя прелести „легальности безъ послабленій“, возвращаются въ родныя палестины, выборы уже благополучно кончились. Волки сыты, да и овцы отдѣлались только нѣсколькими дня

ми конституціонной кутузки. Тамъ, гдѣ выборы не прямые, гдѣ число выборщиковъ не велико, такой пріемъ производитъ чудеса. Достаточно указать на Австрію (Галицію), чтобы этотъ „веселенькій пейзажикъ“ не показался каррикатурой. Что именно во время выборной агитаціи „административные органы государства“ особенно склонны видѣть во всякомъ неблагомыслящемъ обывателѣ преступника—уже показала и еще больше покажетъ „конституціонная“ практика нашихъ самобытныхъ префектовъ и ландратовъ.

Наши „идеалисты“, какъ извѣстно, очень склонны къ „реальной“ политикѣ. Если въ Австріи и Пруссіи сохранились еще многіе „пережитки феодализма“, то намъ уже и самъ Господь Богъ велѣлъ не заноситься въ своихъ мечтахъ. „Будь малымъ доволенъ“. Это разсужденіе на тему „гдѣ же намъ съ суконнымъ рыломъ да въ калашный рядъ“—очень характерно для нашихъ „истинныхъ патріотовъ“.

Для знакомаго съ исторіей русской общественной мысли напѣвъ этотъ не представляетъ ничего новаго. Это—лейбъ-мотивъ всей нашей либеральной публицистики, главный аргументъ, который постоянно выдвигался Кавелинымъ, Унковскимъ, Арсеньевымъ противъ Герцена, Добролюбова, Чернышевскаго и другихъ „рыцарей свистопляски“, готовыхъ «погибнуть ни за что».

«Недостаточно найти страну, въ которой все еще хуже, чтобы найти хорошимъ то, что дѣлается здѣсь»,—писалъ Герценъ своимъ московскимъ друзьямъ, которыхъ шокировалъ «неуважительный тонъ» его писемъ о конституціонной Франціи.

Наши «идеалисты» думаютъ иначе. Они находятъ всякую конституцію хорошей, если можно найти еще похуже.

Но даже въ Пруссіи, по реакціонному закону 12 февраля 1850 г., задержанный полиціей долженъ быть не позже слѣдующаго дня ими представленъ компе-

тентному суду, или выпущенъ на свободу. Послѣ изданія обще-германскаго закона объ уголовномъ судопроизводствѣ онъ, за исключеніемъ 6—10 §§, потерялъ силу. Какъ общее правило, задержаніе можетъ послѣдовать лишь по постановленію компетентнаго судьи. Въ противномъ случаѣ, если задержаніе вызвано было особенными, указанными въ законѣ, условіями, задержанный долженъ быть тотчасъ же представленъ судьѣ, который не позднѣе слѣдующаго дня долженъ сдѣлать постановленіе объ его арестованіи или освободить его.

Неприкосновенность личности въ буржуазномъ обществѣ является не пустой фразой, а дѣйствительностью только тамъ и тогда, гдѣ и когда исполнительная власть безусловно подчинена „народу“, гдѣ чиновники являются тѣмъ, чѣмъ они должны быть: слугами народа, гдѣ они выбираются и смѣняются народомъ. Что предоставленіе всякому гражданину права преслѣдовать каждаго чиновника передъ судомъ безъ жалобы по начальству недостаточно, показываетъ практика западно-европейскихъ конституціонныхъ государствъ. Полицейскій произволъ, отъ котораго больше всего страдаютъ трудящіяся массы и въ особенности рабочій классъ, пышно процвѣтаетъ и въ демократическихъ республикахъ. Въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ произвольное полицейское задержаніе сдерживается опасеніемъ чиновника подвергнуться тяжелому штрафу, но эта сдержка въ значительной степени ослабляется тамъ, гдѣ чиновнику приходится имѣть дѣло съ бѣднякомъ, который предпочтетъ не обращаться въ судъ.

Неприкосновенность личности является пустой фразой, когда гражданинъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ— во время нахожденія на военной службѣ и во флотѣ— является игрушкой въ рукахъ всякихъ бурбоновъ. „Священное право“, такимъ образомъ, временно исчезаетъ.

„Неприкосновенность личности“ является пустой фразой и тамъ, гдѣ гражданское и уголовное законо-

дательство—какъ „матеріальное“, такъ и „процессуальное“—исключаютъ цѣлыя категоріи лицъ изъ пользованія этимъ „благомъ“—сельскихъ рабочихъ и прислугу,—гдѣ за одно и то же „преступленіе“ предприниматели отдѣлываются легкими денежными штрафами, а рабочіе—арестомъ или тюрьмой.

Мы видѣли, что наши Лафайеты и Мирабо,—памятуя о „дурномъ состояніи путей сообщенія“—уже въ „основномъ государственномъ законѣ предоставляютъ полное право „административнымъ органамъ государства“ задержать любого „русскаго человѣка“ на 72 часа.

Но имъ и этого показалось мало. И въ чрезвычайно обстоятельный параграфъ, гарантирующій „неприкосновенность личности“, они вставляютъ еще слѣдующее дополненіе.

„Въ сельскихъ мѣстностяхъ тѣхъ губерній и областей, гдѣ соблюденіе вышеуказаннаго срока является по мѣстнымъ условіямъ невозможнымъ, онъ можетъ быть продленъ особымъ закономъ“.

„Откуда намъ сіе?“—могутъ спросить всѣ эти „обитатели“ и „жители“ нашихъ многочисленныхъ Неѣловокъ и Неурожаекъ. Почему это сельскимъ мѣстностямъ „основное право“ отпускается въ усиленной „пропорціи“?

Конечно, тамъ, гдѣ мужички получаютъ отъ помѣщиковъ—правда, свою же землю—чуть не даромъ, гдѣ сельскіе рабочіе получаютъ 8 рублей и работаютъ не больше 8 часовъ въ день, гдѣ нѣтъ ни „черкесовъ“, ни казаковъ, гдѣ помѣщики не имѣютъ никакого вліянія на мѣстные „административные органы государства“, гдѣ судебныя власти отъ нихъ вполнѣ независимы, тамъ такой „каучуковый“ пунктъ не опасенъ и явился бы только никому ненужной нелѣпицей!

Почему же онъ понадобился нашимъ „идеалистамъ“? Откуда эти исключительныя „заботы“ о сельскихъ мѣстностяхъ?

Конечно, въ груди просвѣщеннаго россійскаго дворянства бьется благородное сердце, но давно уже извѣстно, что дѣйствительность, находящаяся по сю сторону абсолютнаго добра, „пріуготовляетъ“ многочисленные конфликты между „сердцемъ“ и „карманомъ“. Das Menschen Herz ist ein wunderlich Ding, namentlich wenn der Mensch sein Herz im Beutel trägt.

„Наиболѣе характернымъ признакомъ для комитетовъ такого (дворянскаго) направленія было то, что они обратили усиленное вниманіе на крестьянскія преступленія противъ земельной собственности и требовали усиленной помощи со стороны суда и администраціи для огражденія своихъ владѣльческихъ правъ. Такъ, въ Гродненскомъ, Черкасскомъ, Рославльскомъ, Елисаветградскомъ, Терскомъ, Ѳеодосійскомъ, Рыбинскомъ Стародубскомъ комитетахъ принятъ былъ рядъ постановленій о процессуальныхъ облегченіяхъ для преслѣдованій аграрныхъ преступленій, объ усиленіи уголовныхъ наказаній за потравы, порубки, конокрадство, неисполненіе договоровъ рабочаго найма и т. д., о реорганизаціи сельской полиціи и о расширеніи правъ сельскихъ обществъ по ссылкѣ порочныхъ членовъ [1]). Изъ статьи М. Ипполитова, въ томъ же сборникѣ, видно, что даже самые „прогрессивные“ комитеты забывали о всякихъ „гарантіяхъ“, разъ дѣло шло о защитѣ „узкихъ интересовъ землевладѣльческаго класса“. [2]) Въ уголовныя преступленія превращаются самые невинные акты. Выставляется необходимость „драконовскихъ законовъ“. И ужъ очень „повадливымъ“ долженъ быть тотъ „несгибаемый идеализмъ“, который даетъ въ руки всѣмъ этимъ Мясоѣдовымъ, Давыдовымъ, Дмитріевымъ, такое страшное оружіе,

---

[1]) Марксъ, 18 брюмера.

[2]) Нужды деревни, т. I, Спеціальныя правонарушенія въ условіяхъ сельскаго быта, сс. 204—233.

какъ ст. 8 апрѣльскаго проекта. [1]) Не имѣется ли въ этой „повадливости“ своя „система“?

Въ какой именно „пропорціи“ получатъ сельскіе обыватели „основное право“—неизвѣстно. Наши законодатели предпочитаютъ „золотое“ молчаніе. Объ этомъ позаботится „особый законъ“.

II.

„Особый законъ!“ Когда буржуа-республиканцы самымъ звѣрскимъ образомъ подавили іюньское возстаніе парижскаго пролетаріата, они приступили къ составленію новой Конституціи. „Неизбѣжный генеральный штабъ вольностей 1848 г., свобода личности, печати, рѣчи, ассоціаціи, собраній, обученія, совѣсти и т. д.,— получилъ теперь конституціонный мундиръ, который дѣлалъ ихъ непригодными. Именно каждая изъ этихъ вольностей объявлена была абсолютнымъ правомъ французскаго citoyen'a, но съ неизмѣнной оговоркой, что всѣ эти вольности абсолютны лишь постольку, поскольку онѣ не ограничиваются „равными правами прочихъ гражданъ и интересами общественной безопасности“ или „законами“, которые должны водворить эту гармонію. Напр., жилище каждаго гражданина неприкосновенно, за исключеніемъ случаевъ „въ законѣ предусмотрѣнныхъ“ и т. д., и т. д. Конституція, слѣдовательно, каждый разъ отсылаетъ къ будущимъ органическимъ законамъ, которые должны развить эти оговорки и регулировать пользованіе неограниченными вольностями такъ, чтобы онѣ не приходили въ столкновеніе ни другъ съ другомъ, ни съ общественной безопасностью... Каждый параграфъ конституціи заключаетъ въ себѣ собственную антитезу, свою собственную „верхнюю и нижнюю палату“: съ одной

[1]) Въ іюльскомъ—21 ст.

стороны, мы видимъ общую фразу о свободѣ, а съ другой стороны—оговорку, упраздняющую свободу“ [1]).

По такому же рецепту поступаютъ и наши буржуа-монархисты. Какой бы пунктъ мы ни взяли, мы всюду найдемъ зловѣщій „особый законъ“ или не менѣе зловѣщую оговорку: въ предѣлахъ, установленныхъ общими гражданскими и уголовными законами.

„Свобода каждаго обезпечена закономъ—за исключеніемъ случаевъ, предусмотрѣнныхъ закономъ“. Русскимъ гражданамъ гарантируется неприкосновенность жилища... за исключеніемъ случаевъ, предусмотрѣнныхъ закономъ. Письма не могутъ быть вскрываемы... иначе, какъ по постановленію судебной власти. Русскимъ гражданамъ предоставляется свобода передвиженія... въ общихъ предѣлахъ, установленныхъ закономъ.

Возьмемъ, напр., такое „священное право“ личности, какъ свобода слова. Слѣдуя все той же „двухпалатной системѣ“, наши идеалисты, еще недавно писавшіе вдохновенныя статьи „въ защиту слова“, постановляютъ:

„Каждый воленъ, въ предѣлахъ, установленныхъ общими гражданскими и уголовными законами, высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно обнародовать ихъ и распространять путемъ печати“.

Комментарій даетъ слѣдующее поясненіе: „Свобода слова заключается въ возможности говорить, писать и печатать то, что не представляетъ собой уголовно наказуемаго дѣянія и не нарушаетъ охраняемыхъ гражданскими законами интересовъ другихъ лицъ“. И въ скобкахъ авторы приводятъ соотвѣтствующіе примѣры.

Читатель, вѣроятно, думаетъ, что рѣчь идетъ объ отцеубійствѣ, о грабежѣ или поджогѣ. Нѣтъ! Уго-

---

[1]) Маркъ, 18 брюмера.

ловно-наказуемыя дѣянія—это оскорбленіе, клевета, подстрекательство къ убійству, т. е. какъ разъ тѣ три кита, на которыхъ строилось законодательство о печати во время оно въ Англіи и Франціи, и на которыхъ оно построено отчасти еще и теперь въ Германіи, Австріи, Италіи и т. д. Какъ бы опасаясь, что нашимъ будущимъ правителямъ останутся неизвѣстны обычные пріемы, съ помощью которыхъ свобода печати превращается въ ея рабство, наши „литераторы, ученые и земцы“ предупредительно подсказываютъ имъ, какъ привести эту свободу слова и печати въ соотвѣтствіе съ „интересами общественной безопасности“.

„Оскорбленіе“! „Оскорбленіе добрыхъ нравовъ“, „оскорбленіе публичной или религіозной морали“, „возбужденіе къ ненависти и презрѣнію къ правительству“ (Hass- und Verachtungsparag raph), „оскорбленіе величества“—чего только нельзя подвести подъ эти растяжимыя понятія! Не даромъ же французское законодательство о печати служило образцомъ для прусскаго, австрійскаго и русскаго.

Свобода слова немыслима тамъ, гдѣ создаются ad hoc уголовно-наказуемыя дѣянія, совершаемыя путемъ печати или рѣчи. Кто хочетъ дѣйствительной, а не призрачной свободы слова, кто хочетъ свободы слова для всѣхъ гражданъ, а не только для извѣстныхъ сословій или классовъ, тотъ долженъ заботиться, чтобы не только не создавались новыя преступленія, совершаемыя путемъ слова, а, наоборотъ, чтобы изъ уголовнаго уложенія вообще были изгнаны всякія наказанія за злоупотребленіе словомъ. Лучше полная безнаказанность для всѣхъ, чѣмъ всякіе „каучуковые“ параграфы, открывающіе настежь двери административному и прокурорскому произволу, жертвой котораго становятся, главнымъ образомъ, трудящіяся массы, рабочій классъ.

„Клевета“! Подъ это „уголовно-наказуемое дѣяніе“

одинаково легко подводятся и обнародованіе совершенно вѣрныхъ фактовъ, наносящихъ ударъ престижу всякихъ „государственныхъ мужей“ и распространеніе ложныхъ фактовъ, вредящихъ репутаціи частныхъ лицъ. Если еще „клевету“ замѣнить такимъ растяжимымъ понятіемъ, какъ „диффамація“ — остроумное изобрѣтеніе французскаго законодательства—то нѣтъ статьи или рѣчи, касающейся общественныхъ дѣлъ, на которую нельзя было бы обрушить Дамокловъ мечъ классовой юстиціи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и русская практика. Можно ли лучше характеризовать все лицемѣріе буржуазной морали и юстиціи, для которой обнародованіе тѣхъ или иныхъ фактовъ превращается въ клевету? Это своеобразная „дань уваженія“, которую—въ формѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ или лѣтъ тюремнаго заключенія—буржуазное общество приноситъ „свободному, честному слову“.

И достаточно заглянуть въ либеральныя и консервативныя газеты, чтобы видѣть, какъ глуха буржуазная Ѳемида ко всѣмъ клеветамъ, которыми изо дня въ день осыпаютъ тѣхъ или иныхъ рабочихъ и ихъ такъ называемыхъ „вождей“.

„Подстрекательство къ убійству“! Нужно обладать „повадливостью“ нашихъ либераловъ, чтобы въ наши дни, когда „административные органы государства“ чуть не среди бѣла дня занимаются „подстрекательствомъ къ убійству“ русскихъ гражданъ, ограничивать свободу слова, создавая такое „уголовно-наказуемое дѣяніе“, какъ „подстрекательство къ убійству“, путемъ печати или рѣчи.

Конечно, даже въ такой демократической республикѣ, какъ французская, сохранился еще этотъ нелѣпый остатокъ средневѣковой уголовщины. Въ 1891 г., въ Лиллѣ, Лафаргъ, на одномъ изъ собраній, полемизировалъ съ анархистами. Вмѣстѣ съ предсѣдателемъ собранія, рабочимъ Culines, онъ былъ привлеченъ къ

суду за „подстрекательство къ убійству“. Полицейскіе агенты донесли, что онъ приглашалъ рабочихъ убивать фабрикантовъ и дѣлать изъ ихъ кожи перчатки. На судѣ оказалось, что ничего подобнаго онъ не говорилъ. Наоборотъ, онъ доказывалъ, въ свойственной ему парадоксальной формѣ, что французскіе фабриканты настолько изгнили, что изъ ихъ кожи даже перчатокъ нельзя сдѣлать. И все-таки онъ былъ приговоренъ къ году тюремнаго заключенія, а Кюлинъ—къ пяти—за „подстрекательство къ убійству!“ Такъ называемыя „lois scélérates“, введенные во Франціи послѣ анархическихъ покушеній начала 90-хъ годовъ, построены на этомъ же принципѣ.

Во всѣхъ этихъ постановленіяхъ живо сохранился средневѣковый „идеализмъ“, который пропитываетъ еще до сихъ поръ все уголовное право. Тѣ самые „просвѣщенные“ юристы, что съ такимъ верховнымъ презрѣніемъ говорятъ о процессахъ противъ вѣдьмъ и священной инквизиціи, не замѣчаютъ, что современное уголовное уложеніе, поскольку рѣчь идетъ объ охранѣ „порядка“, построено цѣликомъ на „средневѣковыхъ“ принципахъ. Такое „уголовно-наказуемое дѣяніе“, какъ намѣреніе учинить приготовленія къ совершенію покушенія на какое-нибудь преступленіе, встрѣчается и теперь еще сплошь да рядомъ въ уголовныхъ уложеніяхъ самыхъ просвѣщенныхъ странъ.

Мы увидимъ ниже еще не одинъ разъ, какимъ образомъ можно, съ помощью маленькихъ измѣненій или распространительнаго толкованія параграфовъ уголовнаго уложенія, особенно, если въ соотвѣтствующемъ пунктѣ конституціи проведена указанная нами „двухъ палатная система“ превратить всеобщую свободу въ свободу привилегированныхъ классовъ.

Такой же западней является и другая оговорка, сдѣланная нашими „идеалистами“. Свобода слова, по ихъ мнѣнію, не должна „нарушать охраняемыхъ гра-

жданскими законами интересовъ другихъ лицъ". Пусть такъ. О какихъ же интересахъ и о какихъ лицахъ вспомнили наши „народолюбцы"?

Наивный читатель, принимающій за чистую монету „народолюбіе" нашихъ «демократовъ по неволѣ», можетъ подумать, что раньше всего наши „идеалисты" вспомнили объ интересахъ трудящихся массъ. Напр., закономъ запрещено публиковать списки уволенныхъ съ фабрикъ рабочихъ, такъ наз. „черные списки" и т. д.

Но комментарій приводитъ другой примѣръ. И опять изъ идеалистическаго мѣшка высовывается буржуазное „шило". Наши рыцари абсолютнаго добра вспомнили такой интересъ другихъ лицъ, какъ «нарушеніе торговаго кредита»!

Что имъ эта Гекуба? Откуда у «кружка литераторовъ, ученыхъ и земцевъ» такая заботливость о „нарушеніи торговаго кредита"? Неужели имъ неизвѣстна была практика западно-европейскихъ государствъ? Неужели они не знали, какъ хорошо приспособленъ этотъ обоюдоострый пунктъ для защиты интересовъ фабрикантовъ и какъ имъ удобно пользоваться противъ рабочихъ. „Черные списки" можно печатать и распространять, не рискуя ничѣмъ, а объявить путемъ печати или въ собраніяхъ бойкотъ какой-нибудь фирмѣ значитъ нарушить ея торговый кредитъ.

Слѣдующій параграфъ (14, въ Іюльскомъ проектѣ—29) долженъ по мнѣнію комментаторовъ „развить установленный въ предыдущей статьѣ общій принципъ въ спеціальномъ примѣненіи къ печатному слову".

Для чего это нужно? Не считаютъ же нужнымъ наши „ученые и литераторы" „общій принципъ" свободы промышленности развить въ спеціальномъ примѣненіи— ну, хотя бы, къ аптекарскому дѣлу? Вѣдь это тоже промыселъ, которымъ можно злоупотреблять? Для чего превращать печать въ особый промыселъ, къ которому нужно примѣнять о с о б ы я нормы?

Поскольку печать есть промыселъ, она подчиняется общимъ законамъ, регулирующимъ промышленную дѣятельность, будь это производство колбасъ, ваксы или шелковыхъ тканей. Поскольку рѣчь идетъ о свободѣ печатнаго слова, оно не подлежитъ никакимъ ограниченіямъ, никакимъ нормамъ, кромѣ нормъ грамматики и логики. Но за такія нарушенія отвѣчаетъ самъ авторъ.

Превращая печатное дѣло въ особый, специальный промыселъ, наши «литераторы» какъ будто хотятъ напомнить, что специфическія черты этого промысла даютъ возможность «административнымъ органамъ государства» пустить въ ходъ пріемы, которые, подъ видомъ регламентаціи этого особаго промысла, направляются противъ свободы слова.

Что можно ограничить эту свободу слова, что ее можно превратить въ свободу слова привилегированныхъ классовъ—они, конечно, знаютъ, но почему то упоминаютъ только о залогахъ. Отъ редакторовъ, издателей и содержателей типографій не могутъ быть требуемы залоги. А налогъ на бумагу, а штемпельный сборъ съ газетъ, а налогъ на объявленія, а стѣсненія въ уличной продажѣ газетъ, а право конфискаціи или, такъ называемое, «объективное преслѣдованіе»?

Конституція должна обезпечить полную свободу печати безъ всякихъ оговорокъ. Всякій законъ, какимъ либо путемъ, косвеннымъ или прямымъ, ограничивающій свободу слова, объявляется заранѣе недѣйствительнымъ. Этого долженъ требовать всякій послѣдовательный демократъ. „Народъ“ не можетъ самъ себѣ замкнуть ротъ. Но нашимъ демократамъ поневолѣ такія азбучныя истины недоступны. Даже «ученые и литераторы» франкфуртскаго національнаго собранія являются исполинами въ сравненіи съ этими игрушечными либералами!

III.

Та же „двухпалатная система“ положена въ основу и пункта 17 (въ іюльскомъ—31 и 32). Онъ гласитъ:

„Русскіе граждане могутъ составлять общества для цѣлей, не противныхъ уголовнымъ законамъ, не испрашивая на то предварительнаго разрѣшенія“.

Когда французская буржуазія передѣлывала Францію по своему образу и подобію, она закономъ Шапелье отъ 14—17 іюня 1791 г. запретила всякія каолиціи патроновъ и рабочихъ, при чемъ, во избѣжаніе „недоразумѣній“, сейчасъ же сдѣлано было исключеніе для торговыхъ палатъ [1]). 6-го октября присоединенъ былъ и спеціальный законъ противъ сельскихъ рабочихъ. Этотъ законъ выдержалъ всѣ бури революціи, противъ него не протестовали ни Дантонъ, ни Робеспьеръ, ни Маратъ.

„Прусскимъ гражданамъ“ еще согласно § 30 конституціи 30-го января 1850 г. предоставлено было право „составлять общества для цѣлей, не противныхъ уголовнымъ законамъ“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ Пруссіи продолжалъ дѣйствовать уставъ о промышленности 1845 г., который запрещалъ всякія соглашенія рабочихъ подъ страхомъ уголовнаго наказанія. Только, послѣ образованія Сѣверо-Германскаго Союза, изданъ былъ въ 1869 г. новый уставъ о промышленности: въ то время, какъ 152 § его даетъ право коалицій и прусскимъ рабочимъ, слѣдующій за нимъ грозитъ всякому, кто будетъ, какимъ-либо путемъ, принуждать кого-нибудь вступать въ союзъ или соглашеніе или мѣшать выступленію изъ него, тюремнымъ заключеніемъ до 3 мѣсяцевъ, если въ общемъ уголовномъ уложеніи за такое

---

[1]) „Принимая во вниманіе, что изданный имъ законъ не касается торговыхъ палатъ, національное собраніе переходитъ къ порядку дня“.

„преступленіе“ не полагается болѣе тяжелое наказаніе.

И нѣмецкіе судьи способны заткнуть за поясъ самаго злостнаго инквизитора, разъ дѣло идетъ о перетолкованіи буквы закона противъ рабочихъ. Послѣ провала въ парламентѣ знаменитой Zuchthausvorlage, которая должна была съ помощью нѣсколькихъ новыхъ §§, внесенныхъ въ уголовное уложеніе, лишить рабочихъ права союзовъ и коалицій, прокуроры и судьи успѣли показать, что, при умѣлой интерпретаціи дѣйствующихъ законовъ, можно рабочихъ упечь въ каторжныя работы за дѣянія, за которыя предприниматели и ихъ прислужники платятся либо незначительными штрафами, либо остаются безнаказанными.

Для такой категоріи гражданъ, которая живетъ продажей своей рабочей силы, свобода стачекъ и коалицій является краеугольнымъ правомъ. И въ гражданскомъ обществѣ, расколовшемся уже на различные классы, нельзя довольствоваться заявленіемъ, что такое право подразумѣвается въ общемъ правѣ заключать союзы, предоставленномъ всѣмъ гражданамъ. Никакія кляузы ни въ уголовномъ, ни въ гражданскомъ законодательствѣ, не должны ограничивать пользованія этимъ правомъ.

Соціалдемократія должна настаивать, чтобы свобода стачекъ провозглашена была въ „основномъ законѣ“, она должна слѣдить за тѣмъ, чтобы, при неизбѣжномъ пересмотрѣ всего уголовнаго и гражданскаго законодательства, въ него не были внесены опять какія-нибудь поправки, которыя дали бы возможность послѣ, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, лишать рабочихъ права стачекъ и коалицій.

1) Ни одинъ актъ, если онъ не является преступленіемъ, когда его совершаетъ отдѣльное лицо, не можетъ стать преступленіемъ, если его совершаютъ нѣсколько лицъ; 2) актъ, не являющійся преступленіемъ, если с

совершается въ одной формѣ, не можетъ быть превращенъ въ „уголовно-наказуемое дѣяніе“, если онъ совершается въ другой и 3) не можетъ быть превращенъ въ преступленіе актъ одного или нѣсколькихъ лицъ, если только съ помощью подобныхъ актовъ данные граждане могутъ осуществлять свои „основныя права“— вотъ тѣ три принципа, безъ проведенія которыхъ въ уголовномъ и гражданскомъ законодательствѣ немыслимо даже формальное равенство всѣхъ гражданъ.

Когда англійскіе рабочіе добились, наконецъ, въ 1875 г, отмѣны всѣхъ ограниченій, противъ Trades Unions, имъ казалось, что ихъ право составлять общества для защиты с в о и х ъ интересовъ не подлежитъ уже никакому сомнѣнію. Но фабриканты „пораскинули умомъ“ и нашли новое средство. Сначала съ помощью такъ называемыхъ прецедентовъ, проходившихъ незамѣтно, а потомъ—когда въ рабочемъ классѣ опять заглохъ интересъ къ политическимъ задачамъ,—сразу, однимъ ударомъ, фабриканты открыли походъ противъ рабочихъ союзовъ, опираясь на неясность гражданскаго законодательства.

Согласно рѣшенію палаты лордовъ въ процессѣ Тэфъ Вальской желѣзной дороги противъ союза желѣзнодорожныхъ рабочихъ, всѣ рабочіе союзы должны теперь нести имущественную отвѣтственность за всякіе акты своихъ членовъ, способныхъ „нарушить торговый кредитъ“. Борьба англійскихъ рабочихъ противъ этого новаго похода со стороны предпринимателей еще не кончилась, но индифферентныя массы очнулись отъ политической спячки и не подлежитъ сомнѣнію, что теперь, послѣ побѣды рабочихъ на выборахъ, отмѣнено будетъ и это покушеніе на основное право рабочаго класса.

Но разобранный нами только что „двухпалатный“ параграфъ имѣетъ еще и третью пристройку. „Условія и порядокъ пріобрѣтенія обществами правъ юридическихъ лицъ опредѣляются особымъ закономъ“. Коммен-

тарій поясняетъ, что „такія права могутъ быть получаемы ассоціаціями лишь при наличности извѣстныхъ условій, опредѣляемыхъ закономъ особо для каждой категоріи обществъ“.

Это дополненіе направлено исключительно противъ рабочаго класса. Достаточно потребовать отъ рабочихъ союзовъ, чтобы они доставляли списки своихъ членовъ мѣстнымъ „административнымъ органамъ государства“,— и рабочіе предпочтутъ отказаться отъ права „искать и отвѣчать на судѣ“ и отъ защиты, доставляемой закономъ. Такъ, громадное большинство французскихъ рабочихъ союзовъ предпочло не воспользоваться „благодѣяніями“ упомянутаго нами закона 21 марта 1884 г. и оставаться на положеніи „дозволенныхъ соединеній“, не имѣющихъ „правъ юридическаго лица“.

Нечего говорить, что свобода стачекъ предполагаетъ полную свободу слова и собраній. Во время имперіи уже послѣ закона 1864 г., профессіональная организація французскихъ рабочихъ наталкивалась на такое неодолимое препятствіе, какъ запрещеніе собраній по всякому ничтожному поводу.

Какъ же обезпечиваютъ свободу собраній наши Лафайеты?

„Публичныя собранія и съѣзды для обсужденія общественныхъ дѣлъ могутъ быть устраиваемы безъ испрошенія на то разрѣшенія, но лишь съ предварительнымъ извѣщеніемъ мѣстныхъ властей о мѣстѣ и времени собранія“.

Такъ постановили они на апрѣльскомъ съѣздѣ. И въ этой формѣ онъ не выдерживаетъ критики даже съ демократической точки зрѣнія. Но что сказать о томъ „двухпалатномъ“ параграфѣ, которымъ они замѣнили его или вѣрнѣе подмѣнили—на іюльскомъ съѣздѣ?

Всѣ россійскіе граждане вольны собираться какъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, такъ и подъ открытымъ небомъ мирно и безъ оружія, не испрашивая на то

предварительно разрѣшенія.—Условія предувѣдомленія мѣстныхъ властей о предстоящихъ собраніяхъ, присутствія сихъ властей на собраніяхъ и обязательнаго закрытія сихъ послѣднихъ, а также ограниченія мѣстъ для собраній подъ открытымъ небомъ—опредѣляется не иначе, какъ закономъ.

Конечно, въ такомъ видѣ параграфъ „немедленно осуществимъ въ томъ же порядкѣ, въ какомъ разсматривается проектъ гофмейстера А. Г. Булыгина". Отрицать его „преимущество въ этомъ отношеніи могъ бы только человѣкъ „глухой къ голосу жизни"!

Даже прусская конституція является chef d'oeuvre'омъ въ сравненіи съ этимъ жалкимъ, вымученнымъ и вынужденнымъ продуктомъ земской мысли! Рабски копируя ее—иногда съ ухудшеніемъ на нѣсколько степеней—тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ ограниченіи правъ трудящихся массъ, наши „демократы поневолѣ" обходятъ молчаніемъ цѣлый рядъ весьма важныхъ пунктовъ.

Наговоривъ много пышныхъ фразъ о свободѣ совѣсти, они не осмѣлились выставить даже такое требованіе, какъ отдѣленіе церкви отъ государства и школы отъ церкви, требованіе чисто демократическое.

И почему? Потому, видите ли, что „общій вопросъ объ отношеніи церкви и государства представляется повсюду, а въ Россіи въ особенности, на столько сложнымъ, что слѣдуетъ заранѣе отказаться отъ мысли о возможности при введеніи представительнаго образа правленія, такъ сказать, попутно, въ одной или нѣсколькихъ статьяхъ конституціи разрѣшить эту трудную историческую проблему". И такими „жалкими рѣчами" отдѣлываются тѣ самые люди, которые такъ смѣло, чуть ли не по-наполеоновски, рѣшали въ „одной или нѣсколькихъ статьяхъ" вопросы, затрагивающіе коренные интересы рабочихъ массъ!

А пока наши Мирабо ограничились ничтожными

поправками къ существующему законодательству. Ни слова объ обязательномъ гражданскомъ бракѣ, ни слова объ обязательномъ народномъ обученіи даже въ тѣхъ минимальныхъ дозахъ, въ которыхъ оно прописано въ прусской конституціи. Удивительно ли, что указъ о вѣротерпимости 17 апрѣля наши либералы привѣтствовали чуть ли не какъ новую „зарю правового порядка"!

Плоскость русскаго либерализма лучше всего можно измѣрить калибромъ составленной имъ „декларації правъ человѣка и гражданина". Наши „идеалисты" не осмѣлились даже формулировать первый пунктъ своей декларації такъ, чтобы „благодѣянія" ея распространялись на всѣхъ гражданъ, живущихъ на россійской территоріи. Первая статья раздѣла объ основныхъ правахъ (пунктъ шестой—апрѣльскаго проекта, пунктъ 16—іюльскаго) гласитъ:

„Всѣ русскіе граждане равны предъ закономъ. Различіе происхожденія и вѣроисповѣданія не можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ неравенство гражданскихъ или политическихъ правъ и обязанностей".

Въ комментаріи мы встрѣчаемъ нѣсколько разъ указанія на ограниченія свободы передвиженія иностранцевъ, на необходимость иногда удалять ихъ изъ предѣловъ государства и т. д.

Іюльскій проектъ заключаетъ новую статью, конечно, „двухпалатную", которой иностранцы отдаются въ жертву будущимъ „особымъ законамъ". Согласно ст. 34 „иностранцы пользуются правами, предоставленными россійскимъ гражданамъ, съ соблюденіемъ ограниченій, установленныхъ закономъ". Исконныя традиціи тверского либерализма заключаютъ трогательный союзъ съ не менѣе исконными завѣтами московскаго націонализма. Или, можетъ быть, наши „демократы поневолѣ" боятся, что, узнавъ о вольностяхъ, дарованныхъ россійскимъ гражданамъ, иностранцы нахлынутъ въ Россію?

Мы уже видѣли, что слова „русскіе (или россій-

скіе) граждане равны передъ закономъ" являются такой же лицемѣрной фразеологіей, какъ и соотвѣтствующія слова прусской и бельгійской конституцій, откуда онѣ заимствованы. Уже французская конституція 1795 г. замѣнила „равенство правъ", которое фигурировало въ деклараціяхъ 1789 и 1793 гг., „равенствомъ предъ закономъ". Насколько эта формула „удобнѣе", показываетъ прусскій государствовѣдъ, Арндтъ. Равенство предъ закономъ, по его мнѣнію, означаетъ только, что „die Gesetze sind gegen Ieden gleich anzuwenden" (законы должны быть одинаково примѣняемы ко всякому), но..., doch finden nicht notwendig die gleichen gesetze auf Ieden Anwendung" (не ко всякому должны необходимо примѣняться одни и тѣ же законы). Мы видѣли и на родномъ примѣрѣ, какъ, руководясь этимъ правиломъ, буржуазный либерализмъ и демократія осуществляютъ равенство „гражданскихъ" правъ. Достаточно наплодить всякаго рода „особые законы", предъ которыми равны всѣ граждане, къ кому они относятся, но которые относятся не ко всѣмъ гражданамъ.

„Конституціонное" правительство Витте-Дурново уже показало, какія чудеса можно творить съ помощью „особыхъ законовъ", предусматривающихъ и регулирующихъ предѣлы пользованія „основными правами". Временныя правила о печати 24 ноября 1905 г., временныя правила объ обществахъ и собраніяхъ 4 Марта и т. д., и т. д.—всѣ скроены по одной и той же либеральной мѣркѣ. Если и есть различіе, то только по степени и... стремительности.

Какъ обезпечиваютъ наши „кадеты" гражданское равенство, мы уже знаемъ. Въ слѣдующей статьѣ мы увидимъ, что нѣтъ никакой нужды опираться на „различія происхожденія и вѣроисповѣданія", чтобы превратить и политическое равенство въ его собственную противоположность.

Н. Рязановъ.

Политическія задачи и хозяйственный строй.

I.

При обсужденіи каждаго пункта своей программы или программы другихъ партій соціалдемократъ всегда задаетъ вопросъ: какъ повліяетъ осуществленіе этой программы на развитіе народнаго хозяйства? Эта манера „начинать отъ печки“ нѣкоторымъ представителямъ буржуазныхъ партій и представителямъ крестьянскаго соціализма кажется непонятнымъ и излишнимъ доктринерствомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, казалось бы, къ чему думать о развитіи хозяйства, напримѣръ, при рѣшеніи аграрнаго вопроса, когда прежде всего предстоитъ ближайшая задача облегчить участь голодающаго населенія? Когда соціалъ-народникъ призываетъ крестьянъ къ уравнительному землепользованію, когда онъ стремится уравнять пользованіе и крупной и мелкой земельной собственностью, то это стремленіе вызвано желаніемъ, чтобы всѣ крестьяне были болѣе сыты, болѣе обезпечены. Когда противъ этого приводятся возраженія, что уравнительное землепользованіе приведетъ къ хозяйственному застою (а въ концѣ концовъ къ нищетѣ), то такія возраженія представляются доктринерской жестокостью и невниманіемъ къ потребностямъ живого, страждущаго человѣчества: вѣдь *всѣ*, въ томъ числѣ и рабочіе, стремятся къ хозяйственной самостоятельности, слѣдовательно, нужно ее дать. Для обывательскаго доб-

росердечія соціалъ народника *) совершенно непонятна марксистская „жестокость“: соціалъ-народникъ хочетъ *всѣхъ* удовлетворить, а соц.-демократъ иронически называетъ такіе планы маниловщиной и относится къ нимъ отрицательно, потому что при настоящихъ условіяхъ они неосуществимы, и потому, что они повели бы къ хозяйственному застою, если бы осуществились. Эта жестокость теоретическаго анализа необходима во избѣжаніе глубокихъ политическихъ ошибокъ.

Анализъ политической программы съ указанной нами точки зрѣнія представляется иногда очень труднымъ, такъ какъ не легко напередъ учесть всѣ послѣдствія осуществленія того или другого требованія, напередъ опредѣлить вліяніе его на хозяйственное развитіе страны. Напримѣръ, многіе оспариваютъ возможность введенія въ ближайшемъ будущемъ восьмичасового рабочаго дня, многимъ кажется, что экспропріація крупнаго землевладѣнія даже и безъ раздѣла можетъ остановить развитіе земледѣльческаго хозяйства и чуть ли не увѣковѣчить мелкое хозяйство и т. д. и т. д. Требуется ясно доказать неправильность такого представленія, выяснить истинныя послѣдствія предполагаемыхъ мѣръ прежде, чѣмъ ихъ принять. Хотя трудно иногда учесть послѣдствія каждаго программнаго требованія, тѣмъ не менѣе такой анализъ программы необходимъ, чтобы не затормозить политической дѣятельностью хозяйственное развитіе страны, а, напротивъ, дать ему дальнѣйшій толчекъ осуществленіемъ программы.

Соціалдемократія потому придаетъ такое значеніе хозяйственному развитію страны, что ея собственное

---

*) Подъ словомъ соціалъ-народникъ мы разумѣемъ не только соц.-революціонеровъ,—наиболѣе типичныхъ соціалъ-народниковъ, — но и многихъ представителей конституціонно-демократической партіи, близкихъ по теоретическимъ взглядамъ къ большинству с—ровъ.

развитіе, развитіе рабочаго класса тѣсно связано съ экономическимъ прогрессомъ, съ развитіемъ производительныхъ силъ. Разумѣется, въ соціалдемократической программѣ защищаются интересы пролетаріата, но эти интересы совпадаютъ съ общечеловѣческими, съ интересами общественнаго прогресса; потому программа и не можетъ выставить требованій, ведущихъ къ хозяйственному застою. Напротивъ, осуществленіе программы должно дать толчекъ хозяйственному развитію общества, хотя непосредственно рабочая партія не заботится ни объ „интересахъ промышленности“, ни объ ея развитіи.

Съ этимъ значеніемъ программы необходимо считаться. Кромѣ того политическому дѣятелю важно не только знать, какое вліяніе можетъ имѣть та или другая политическая мѣра на хозяйственный строй, но и опредѣлить вліяніе хозяйственнаго строя при новыхъ условіяхъ на политическую группировку партій, на политическія отношенія. Напримѣръ, экспропріація крупнаго землевладѣнія, переходъ его въ распоряженіе населенія уничтожитъ кабальныя отношенія въ сельскомъ хозяйствѣ и дастъ толчекъ къ развитію крестьянскаго капиталистическаго хозяйства. Но какъ въ свою очередь повліяетъ на борьбу и группировку партій фактъ экспропріаціи крупнаго землевладѣнія? Соотношеніе общественныхъ силъ вслѣдствіе осуществленія такой мѣры измѣнится, это каждому ясно, но какъ она повліяетъ на дальнѣйшую политическую жизнь страны?

Итакъ, важно не только выяснить вліяніе политической борьбы на дальнѣйшее хозяйственное развитіе, но и обратно, опредѣлить вліяніе новаго соотношенія соціальныхъ силъ на политическую борьбу.

Попытаемся остановиться только на нѣкоторыхъ сторонахъ хозяйственной жизни и посмотрѣть, какъ на нихъ отразится политическая борьба.

II.

Опасеніе зажиточныхъ крестьянъ, что начнется „поравненіе“ ихъ имущества и земли съ бѣдняками повело въ Черниговской губерніи къ убійствамъ „демократовъ“ и къ расколу въ средѣ крестьянства. Очевидно, что попытка осуществленія программы, которая рѣзко противорѣчитъ интересамъ широкихъ слоевъ мелкой буржуазіи, вызоветъ съ ея стороны реакцію и поведетъ къ присоединенію ея къ крупной буржуазіи и землевладѣнію. Т. е. при современномъ соотношеніи общественныхъ силъ попытка экспропріаціи *мелкаго* землевладѣнія (въ цѣляхъ *націонализаціи*) поведетъ къ усиленію реакціи на счетъ демократіи; результатомъ этого будетъ крушеніе той мѣры, которая какъ будто является наиболѣе демократической. Итакъ, если принять во вниманіе *политическія послѣдствія* попытки проведенія проекта соціалъ-революціонеровъ,— націонализаціи *) всѣхъ земель, въ томъ числѣ и мелкаго землевладѣнія,—то нужно признать, что послѣдствія будутъ отрицательными: реакція со стороны *мелкаго* землевладѣнія помѣшаетъ экспропріаціи и крупнаго. Между тѣмъ экспропріація *только* крупнаго землевладѣнія, именно потому, что за нее будетъ держатся *вся* демократія, окажется наиболѣе радикальной и прогрессивной.

Точно такъ же *при раздѣлѣ* помѣщичьихъ земель, который пытались произвести нѣкоторыя села, какъ извѣстно, происходили вооруженныя столкновенія малоземельныхъ крестьянъ съ многоземельными. Очевидно, что и раздѣлъ „навѣчно“ помимо отрицательнаго вліянія на развитіе хозяйства (на этомъ остановимся далѣе), повелъ бы къ расколу крестьянъ: при дѣлежѣ

*) Правильнѣе „огосударствленіе“, такъ какъ предполагается распоряженіе землей буржуазнаго *государства*, т. е. въ конечномъ счетѣ, правительства.

захватываютъ землю ближайшіе крестьяне, окружающіе имѣніе и сталкиваются съ живущими дальше. Только такое пользованіе землями, которое регулируется представителями деревень цѣлаго обширнаго района, можетъ устранить междоусобную борьбу. Этими примѣрами мы показали, что та или иная форма рѣшенія вопроса имѣетъ очень сильное вліяніе на политическую борьбу и можетъ даже имѣть въ ней рѣшающее значеніе.

Какъ извѣстно, у насъ въ Россіи уже во многихъ областяхъ существуетъ областное землевладѣніе, но находится оно въ рукахъ бюрократіи, и населеніе требуетъ его освобожденія, а нѣкоторыя области, напр., Донская почтительно потребовали отъ правительства отобранія земель изъ рукъ помѣщиковъ *). Эта идея областного правленія конфискованной землей потому близка населенію, что оно прекрасно понимаетъ разницу между своей собственной и конфискованной землей, понимаетъ, что ее не раздѣлить, а если бы раздѣлили, то никто изъ сосѣдей все равно не призналъ бы права собственности на нее. Вообще же достижимость той или другой аграрной программы опредѣляется не столько формой будущаго землевладѣнія, сколько *цѣной земли*. Чтобы сдѣлать „осуществимѣе“ аграрную программу нужно говорить не о формѣ будущаго землевладѣнія, а о размѣрахъ выкупа. Исключая выкупъ, мы тѣмъ самымъ принимаемъ наиболѣе радикальную программу, если у насъ идетъ рѣчь объ экспропріаціи всего крупнаго землевладѣнія.

Крайне неожиданно для меня было возраженіе тов. Плеханова, принципіально признающаго наиболѣе пра-

*) По характеру требованія донцовъ видно, что тутъ не вмѣшивалась никакая пропаганда крайнихъ партій. Просто люди видятъ, что наиболѣе доступной и *достижимой* является форма областного самоуправленія. Это показываетъ, что не нужно *выдумывать* программы, а нужно изучать жизнь.

вильной муниципализацію земли. Мнѣ кажется, что всегда дальновидный политикъ тов. Плехановъ въ данномъ случаѣ не принялъ въ расчетъ нѣкоторыхъ особенностей землевладѣнія и землепользованія въ Россіи и ея размѣровъ. Единственное возраженіе, приводимое тов. Плехановымъ, сводится къ тому, что онъ, считая принципіально болѣе пріемлемой муниципализацію земли, находитъ раздѣлъ болѣе осуществимымъ. Я думаю, что изложенныхъ доводовъ достаточно, чтобы *при принципіальномъ* признаніи муниципализаціи земли признать эту мѣру и практически наиболѣе цѣлесообразной *). Во всякомъ случаѣ, тов. Плеханова, какъ и Каутскаго, можно считать принципіальными сторонниками муниципализаціи земли.

Если данное требованіе осуществимо при буржуазномъ строѣ, который не исчезнетъ послѣ революціи, но не такъ умѣренно, какъ выкупъ земли или частичный раздѣлъ земель, то слѣдуетъ ли изъ этого, что нужно вносить въ программу не муниципализацію, а выкупъ или частичный раздѣлъ, потому что эти требованія болѣе умѣренны и поэтому *кажутся* болѣе осуществимы? Разумѣется, нѣтъ.

Государственная дума по проекту Булыгина была самой умѣренной и *поэтому наименѣе осуществимой.* При опредѣленіи осуществимости нужно принимать во вниманіе размахъ революціи и задачи соціалдемократіи вести ее по возможности дальше.

Возьмемъ пунктъ программы—требованіе восьмичасового рабочаго дня. Допустимъ, что въ настоящій

*) Насколько мнѣ помнится, приведенное соображеніе тов. Плеханова единственное, которое онъ приводитъ, когда возражаетъ противъ муниципализаціи. Что же касается поставленнаго мнѣ тов. Плехановымъ въ упрекъ выраженія: „я ставлю точку надъ і“, то, никогда не претендуя на руководящую роль, я охотно готовъ признать, что въ выработкѣ аграрной программы моя роль сводится къ роли популяризатора.

моментъ, при данномъ соотношеніи общественныхъ силъ и при данномъ состояніи производительныхъ силъ, кажется осуществимъ девятичасовой рабочій день. Слѣдуетъ ли изъ этого, что программу нужно измѣнить и написать на ней девятичасовой рабочій день? Конечно, не слѣдуетъ; конечно, поставленное въ программу требованіе 8 часового рабочаго дня не можетъ помѣшать сокращенію рабочаго дня на $^1/_4$, $^1/_2$, 1, 2 часа и т. д. Да и смѣшно было бы мѣнять программу послѣ каждаго сокращенія рабочаго времени на $^1/_4$ часа и написать въ программѣ minimum сначала 11 часовъ, потомъ $10^3/_4$ час., $10^1/_2$ час. и т. д.

Итакъ *осуществимость* при буржуазномъ строѣ того или другого требованія должна быть необходимымъ условіемъ внесенія этого требованія въ программу minimum. Но соціалдемократическая партія должна выставить maximum осуществимаго при капиталистическомъ строѣ, чтобы не остаться въ хвостѣ общественнаго движенія и чтобы не завести это движеніе въ безысходный тупикъ.

Разсматривая съ этой точки зрѣнія аграрную программу, мы пришли къ заключенію, что попытка національзаціи всѣхъ земель привела бы неизбѣжно къ проповѣди уравнительнаго землепользованія и вызвала бы реакцію; попытка раздѣла земель повела бы къ взаимной борьбѣ изъ-за земли деревень, ближе и дальше лежащихъ отъ конфискованныхъ земель, и только муниципализація, передача земли въ распоряженіе народныхъ представителей областей явится и наиболѣе демократической и наиболѣе осуществимой.

III.

Кромѣ вопроса объ осуществимости того или другого программнаго требованія, нужно выяснить вопросъ о политическихъ и экономическихъ послѣдствіяхъ его осуществленія.

Анализъ программы съ этой стороны не менѣе важенъ, чѣмъ вопросъ объ осуществимости программныхъ требованій, такъ какъ осуществимое требованіе можетъ сыграть въ руку реакціи.

Разсмотримъ съ этой точки зрѣнія различные проекты программы.

Какъ извѣстно, національстическое движеніе среди мелкихъ народностей разжигается лишеніемъ ихъ государствомъ права распоряжаться мѣстными культурными учрежденіями, свободно пользоваться своимъ языкомъ, школами и т. д. Чтобы вызвать и обострить національзмъ и даже сепаратизмъ, нужно только лишить народность перечисленныхъ правъ. Но наиболѣе сильный взрывъ національзма и сепаратизма вызвала бы національзація земли: она поставила бы всѣ народности въ положеніе евреевъ, лишенныхъ своей территоріи и вызвала бы стремленіе къ *отдѣленію* отъ буржуазнаго государства, которое стало бы покушаться на распоряженіе территоріей страны. Но такія стремленія вызваны были бы не только у „инородцевъ". Многія изъ русскихъ областей взглянули бы на такую попытку, какъ на новую форму крѣпостного права. Такъ взглянули бы всѣ казачьи области, а именно: Оренбургская, Уральская, Терская, Кубанская, Донская, вся Малороссія, ужъ не говоря о Закавказьи, Польшѣ, Прибалтійскомъ краѣ, Литвѣ и т. д. Нужно полное незнаніе земельныхъ отношеній въ этихъ областяхъ, чтобы рекомендовать національзацію, какъ политическія возможности. Только муниципализацію земли и могутъ допустить всѣ перечисленные районы *). А для того,

*) Нѣкоторые возражаютъ, что право областного населенія распоряжаться своей землей, точно такъ же, какъ право говорить на своемъ языкѣ, вызоветъ стремленіе къ сепаратизму. Это курьезное возраженіе не стоитъ оспаривать. Замѣтимъ только, что общеимперское законодательство всегда можетъ регулировать областное распоряженіе землей.

чтобы осуществить „націонализацію“ даже помѣщичьихъ земель, пришлось бы большую часть Россіи снова покорять. Возьмутся ли за такую задачу защитники націонализаціи земли,—мы не беремся сказать...

Если сторонники націонализаціи земли обнаруживаютъ отсутствіе политическихъ перспективъ, то принципіальные сторонники раздѣла земли совершенно не считаются съ послѣдствіями раздѣла для народнаго хозяйства, съ экономическими перспективами.

Какъ мы замѣтили уже, соціалдемократъ прежде всего старается опредѣлить вліяніе программы на дальнѣйшее развитіе хозяйства.

Обыкновенно при обсужденіи аграрнаго вопроса упускаютъ изъ виду или не знаютъ, что *мелкое землевладѣніе опредѣляетъ форму хозяйства, между тѣмъ какъ крупное землевладѣніе ея не опредѣляетъ. Т.-е., если земля раздѣлена „на вѣчно“, то этимъ уже предрѣшена напередъ на многія десятилѣтія форма мелкаго отсталаго парцеллярнаго хозяйства, которое можетъ и далѣе дробиться по наслѣдству. Напротивъ, даже при мелкомъ землепользованіи конфискованными въ пользу областного самоуправленія землями форма хозяйства не фиксируется.* Это легко понять. На мелкомъ клочкѣ не заведешь крупнаго хозяйства, а сплошную площадь изъ мелкихъ скупленныхъ участковъ почти невозможно образовать, потому что достаточно желанія одного крестьянина оставить за собой участокъ, чтобы помѣшать образованію крупнаго участка. Поэтому тамъ, гдѣ крупное землевладѣніе существуетъ, могутъ организоваться или крупныя или мелкія хозяйства, въ зависимости отъ соціальныхъ условій. *Тамъ же, гдѣ существуетъ мелкое землевладѣніе, крупнаго хозяйства не существуетъ, да и не можетъ существовать*, пока такое землевладѣніе сохраняется. Поэтому, напримѣръ, Каутскій надѣется, что на западѣ только при соціалистическомъ строѣ крестьяне, мелкіе землевладѣльцы добровольно перейдутъ къ общественному производству.

Такимъ образомъ, раздѣлъ земли исключаетъ возможность веденія крупнаго раціональнаго хозяйства. Трудно было бы ожидать, что теперь въ Россіи найдутся сторонники раздѣла земли, такъ какъ изложенныя выше соображенія слишкомъ ясны. Между тѣмъ, какъ это ни странно, среди соціалдемократовъ есть нѣсколько принципіальныхъ сторонниковъ раздѣла помѣщичьей земли, хотя подъ такими взглядами скрываются не только соціалъ-народническія, но сверхъ-народническія тенденціи. Ибо соціалъ-народники свое уравнительное землепользованіе хотятъ ввести временно, а не увѣковѣчить и на долго не предрѣшаютъ господства мелкаго хозяйства. Между тѣмъ какъ раздѣлъ земель имѣетъ тенденцію увѣковѣчить господство мелкаго мѣщанства *). Такая идеалогія мѣщанства не можетъ проходить подъ флагомъ марксизма потому, что слишкомъ очевидны послѣдствія введенія мелкаго землевладѣнія. Раздѣлить землю на мелкіе клочки легко. Трудно соединить ихъ, если земля представляетъ собственность мелкихъ владѣльцевъ.

IV.

Какія же политическія послѣдствія вытекаютъ изъ осуществленія той или другой программы? Какъ отразится на классовой борьбѣ, на борьбѣ политическихъ партій проведеніе программы въ жизнь?

Выше мы указывали уже, что если бы осуществилась *націонализація* крупнаго землевладѣнія (что почти невѣроятно), то такая мѣра вызвала бы среди различ-

*) Г. Финнъ, о которомъ мы подробнѣе поговоримъ въ другомъ мѣстѣ, видитъ въ раздѣлѣ земли истинный марксизмъ и противопоставляетъ его временному раздѣлу, который проповѣдуютъ соціалъ-народники; глубокомысленный „марксистъ“ и не догадывается, что проповѣдуетъ мелкобуржуазную программу болѣе реакціонную, чѣмъ любая народническая программа.

ныхъ областей, среди различныхъ національностей борьбу за независимость. *Раздѣлъ* земель повелъ бы не только къ хозяйственному, но и политическому застою.

Вновь сфабрикованные раздѣломъ мелкіе собственники несомнѣнно явились бы наиболѣе прочной опорой застоя. Во Франціи черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ великой революціи, черезъ три года послѣ революціи 48 года крестьянство посадило на престолъ „маленькаго“ Наполеона, и это, разумѣется, не случайность. Захвативши въ *собственность* землю, крестьянинъ прочно садится на мѣсто помѣщика, получаетъ изъ земли маленькую ренту и очень недоволенъ тѣми безпокойными общественными элементами, которые мѣшаютъ ему заниматься „дѣломъ“. Всякое посягательство общества на его грошовую ренту представляется нарушеніемъ божескихъ и человѣческихъ законовъ и вызываетъ съ его стороны соотвѣтствующія мѣры самозащиты.

Впрочемъ, типъ мелкаго земельнаго собственника общеизвѣстенъ, его политическая физіономія также достаточно опредѣленна, такъ что не требуется долго останавливаться на его характеристикѣ. Принадлежность крупныхъ участковъ земли областному самоуправленію создастъ совершенно новыя отношенія. Каждая область сдѣлается ареной острой классовой борьбы не только изъ-за пользованія землей, но и изъ-за ренты, получаемой самоуправленіемъ со своихъ земель. Формы землепользованія въ различныхъ областяхъ будутъ различны, но вездѣ вспыхнетъ борьба изъ-за дохода отъ земли, получаемаго мѣстнымъ самоуправленіемъ. Поэтому буржуазныя партіи, которыя стремятся къ успокоенію общества, и добиваются дополнительнаго надѣленія крестьянъ собственными земельными участками. Этимъ надѣленіемъ и раздѣломъ были бы связаны *не только крестьяне, но и рабочіе*, которые, получивши въ *собственность* клочки земли, питали бы надежды на освобожденіе посредствомъ ихъ отъ власти капитала. *Этихъ*

иллюзій областное землевладѣніе не даетъ и не дастъ, но оно дастъ почву для борьбы пролетаріата за свои интересы во всѣхъ областяхъ обширной Россіи.

А что дѣлать, спросятъ насъ, если эта программа не осуществится? Что дѣлать, спросимъ мы, если вмѣсто всеобщаго избирательнаго права населеніе получитъ цензовую систему выборовъ?

Бороться дальше...

П. Масловъ.

Изъ деревенскихъ наблюденій.

Мѣстность, къ которой относятся мои наблюденія, часть уѣзда одной изъ среднихъ нечерноземныхъ губерній.

Послѣ „дней свободы“, краешкомъ задѣвшихъ и деревню, съ ихъ многолюдными митингами, приговорами, революціями, съ массовымъ наплывомъ газетъ и всякой литературы, какого деревня не видала за все свое многовѣковое существованіе, наступили черные дни: начались репрессіи, аресты, сыскъ въ такихъ размѣрахъ, какихъ деревня раньше также не испытывала. Деревня затихла, но только снаружи; она была слишкомъ взбудоражена, чтобы замереть по старому; мысли, понятія, пріобрѣтенныя въ дни свободъ, были страшно новы и въ то же время удивительно близки, чтобы ихъ забыть, не разобраться въ нихъ, не опредѣлить къ нимъ своего отношенія; и подъ видимымъ затишьемъ началась громадная молекулярная работа, обсужденіе всѣхъ сложнѣйшихъ вопросовъ собственными силами, и вслѣдъ за обсужденіемъ часто принимались тѣ или иныя рѣшенія... Факты, сообщаемые ниже, относятся именно къ этому времени.

Надо сказать, что въ эти особенно тяжелые дни, слѣдующіе непосредственно послѣ свободъ, произошли и бывшіе въ той мѣстности, о которой идетъ рѣчь, отдѣльные случаи недружелюбнаго отношенія со стороны крестьянъ къ пріѣзжающимъ или приходившимъ „ораторамъ“ изъ интеллигенціи, случаи, на которые такъ любятъ ссылаться „Московскія Вѣдомости“, какъ характеризующіе дѣйствительное, якобы, отношеніе русскаго народа къ „освободительному“ движенію. Въ двухъ, трехъ деревняхъ мнѣ уда-

лось выяснить подкладку вышеуказаннаго отношенія, и оказалось, что диктовалось оно не возмущеніемъ рѣчами, — таковыхъ иногда и совсѣмъ не произносилось, — а боязнью послѣдствій, которыя обычно слѣдовали за такимъ сходомъ, „митингомъ“ съ „ораторомъ“, боялись слѣдствія, казаковъ, арестовъ; „ораторовъ“ просили уйти, прогоняли, иногда грозили,—чтобъ „быть подальше отъ грѣха“. „Литературу“, несмотря на ея „крамольное“ содержаніе, брали охотно; ее читали, обсуждали, часто принимали рѣшеніе, соотвѣтственно дѣлаемымъ тамъ указаніямъ, но „оратора“, какъ несущаго за собой всякія напасти, просили уйти, прогоняли *)..

Къ этому времени относится и выставленіе частью деревень одной волости моей кандидатуры въ Государственную Думу. Такому рѣшенію предшествовали долгіе разговоры: „собираться сейчасъ нельзя“, передавали мнѣ впослѣдствіи, „приходилось втолковывать каждому отдѣльно, въ каждой деревнѣ собирались сходы и не одинъ разъ, а много, чтобы согласить всѣхъ“. Параллельно съ этимъ наводились справки о моихъ личныхъ качествахъ — трезвости и т. п. черезъ прислугу квартиры, гдѣ я жилъ и другими доступными средствами. Для меня лично эта кандидатура явилась неожиданностью, — личныхъ связей съ этой мѣстностью у меня не было никакихъ; какъ выяснилось впослѣдствіи, первоначальнымъ поводомъ для разговоровъ обо мнѣ послужила память объ отцѣ, бывшемъ въ этой мѣстности старшиной, вѣроятно значительно опоэтизированная;—такъ хочется вѣрить, что хотя въ прошломъ было что-то хорошее, когда въ настоящемъ кругомъ „плутъ на плутѣ и плутомъ погоняетъ“, какъ выразился одинъ изъ моихъ избирателей.

---

*) Въ дни „свободъ“ на „митингахъ“ въ деревняхъ мнѣ приходилось слышать удивительно безтактныя рѣчи, кореннымъ образомъ расходившіяся съ основнымъ міросозерцаніемъ слушателей, и онѣ не вызывали аггрессивныхъ дѣйствій со стороны этихъ послѣднихъ; ораторъ платился тѣмъ, что значительная часть аудиторіи во время такой рѣчи просто расходилась.

Какъ бы то ни было, выборъ палъ на меня, и явилась для переговоровъ депутація, къ сожалѣнію, не заставшая меня въ городѣ. Репрессіи въ деревнѣ къ этому времени уже сдѣлали одно дѣло: они научили деревню конспираціи, самой тонкой; деревня уже въ декабрѣ знала, что выбирать по настоящему и быть выбраннымъ въ Государственную Думу вещь опасная, и поэтому депутація, уходя и желая меня повидать, оставила явку, нѣчто вродѣ пароля, и строго наказала по этой явкѣ и съ этимъ паролемъ самому не итти, а послать другое лицо; получивъ же съ явки извѣщеніе, ни явятся въ назначенный мною день.

. День былъ назначенъ, но депутаты не явились—въ деревняхъ начались обыски, часть депутаціи была арестована. Все притихло...

Черезъ нѣкоторое время сношенія удалось установить; свиданіе, хотя и не съ депутатами въ собственномъ смыслѣ, но съ лицами, усердно поддерживавшими меня въ избирательной кампаніи, состоялось.

Здѣсь впервые удалось выяснить тѣ соображенія, которыя высказывались отдѣльными лицами, на отдѣльныхъ сходахъ и которыя въ своей совокупности сдѣлали мою кандидатуру пріемлемой для большинства. Сводились они къ пяти пунктамъ: 1) происхожденіе отъ „хорошаго корня“, т. е. заслуги предковъ засчитывались мнѣ; 2) высшее образованіе, дающее возможность разобраться въ сложныхъ государственныхъ вопросахъ; 3) прошлое сидѣнье въ тюрьмѣ и надзоръ полиціи, — „нынче сажаютъ тѣхъ, кто не съ папами“; 4) „самостоятельность“ (въ смыслѣ извѣстнаго опредѣленнаго общественнаго положенія въ противоположность тѣмъ, „которые пріѣзжали“ на „митинги“; здѣсь же сквозила, правда, прямо не высказанная, но чувствовавшаяся мысль, что при этой „самостоятельности“ труднѣй подкупить); 5) неимѣніе мною семьи, дающее мнѣ возможность не чувствовать себя связаннымъ, защищать интересы, „говорить правду до конца“. Таковы качества, которыя считались достаточными для кандидата въ Государственную Думу боль-

шинству моихъ избирателей. Говорю, въ Государственную Думу, потому что у громаднаго большинства изъ обсуждавшихъ вопросъ о моей кандидатурѣ, какъ и у моихъ собесѣдниковъ, не было никакого представленія о многостепенности выборовъ.

На высказанное мною сомнѣніе, объ основательности возлагаемыхъ на Думу надеждъ, мои собесѣдники указали, что избиратели не думали меня связывать чѣмъ-либо, они предполагали, что Дума, вѣроятно, будетъ „панская", и что одинъ (!) я тамъ ничего не сдѣлаю противъ всѣхъ; имъ важно, чтобы въ Думѣ былъ человѣкъ, которому они вполнѣ довѣряютъ и который бы имъ все подробно объяснилъ, что происходило въ Думѣ,—ни газетамъ, ни людямъ они не вѣрятъ: одинъ говоритъ одно, другой другое. Если (надежда, очевидно, все же теплилась) Дума не дастъ ничего, все останется по старому, то они ужъ сами будутъ столковываться, какъ быть дальше, какъ собственными силами помочь своему дѣлу, и „теперь ужъ нѣкоторые стали соединяться". „До Думы", закончилъ одинъ изъ моихъ собесѣдниковъ, „мы постановили насилій не дѣлать и не допускать, платежей въ 1906 г. не вносить, помѣщикамъ сводить лѣсъ не разрѣшать и лѣтомъ не отрабатывать у нихъ за уругу".

Мое замѣчаніе, что я сильно сродни тѣмъ, кто выступалъ на „митингахъ", не вызвало особаго удивленія, и мы мирно приступили къ обсужденію насущнѣйшихъ съ нашей точки зрѣнія реформъ. Не буду останавливаться на разговорахъ о необходимыхъ измѣненіяхъ въ областяхъ политической и рабочаго законодательства. Укажу только, что довольно сильное недоумѣніе у моихъ собесѣдниковъ, за исключеніемъ двухъ, вызвалъ вопросъ о 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ (мѣстность больше земледѣльческая съ мѣстнымъ, не фабрично-заводскимъ отходомъ); такая длина рабочаго дня казалась довольно малой, и здѣсь мы, повидимому, не столковались; больше точекъ соприкосновенія при наличности разногласій нашлось у насъ въ вопросѣ о формахъ правленія. Пришли и ушли мои избиратели непоко-

лебленными монархистами, но монархизмъ этотъ sui generis и совсѣмъ другого порядка, чѣмъ у монархической партіи съ Грингмутомъ во главѣ *).

По аграрному вопросу на первыхъ порахъ собесѣдники мои оказались единодушными. „Отобрать землю у помѣщиковъ и передать ее крестьянамъ"—таковъ былъ общій отвѣтъ, но очень быстро при болѣе конкретной постановкѣ вопроса мнѣнія раздѣлились, разгорѣлся споръ, въ которомъ мнѣ пришлось играть только роль наблюдателя, выясняющаго для себя нѣкоторые вопросы. Итоги этого болѣе чѣмъ двухчасового страстнаго, бурнаго разговора сводились къ слѣдующему. Раздѣлъ всѣхъ, безъ исключенія, помѣщичьихъ земель поровну на каждый дворъ нашелъ только одного защитника изъ семи. Всѣ остальные выдвигали другое положеніе, сводившееся къ слѣдующему: всѣ помѣщичьи земли дѣлятся на два разряда: первый — это земли, теперешніе владѣльцы которыхъ владѣли этими имѣніями еще при крѣпостномъ правѣ или получили ихъ по наслѣдству отъ лицъ, владѣвшихъ этими землями до 1861 года. Такія земли должны быть конфискованы и перейти къ тѣмъ деревнямъ, которыя числились за этимъ имѣніемъ при крѣпостномъ правѣ. Второй разрядъ составляютъ земли, пріобрѣтенныя теперешними владѣльцами покупкой; этотъ разрядъ земель въ свою очередь раздѣляется на двѣ категоріи: первая—это имѣнія, сдаваемыя въ аренду цѣликомъ; они должны быть конфискованы съ тѣми же послѣдствіями, какъ и первый разрядъ земель; имѣнія же купленныя, на которыхъ ведется хозяйство, должны быть оставлены за теперешними владѣльцами. На мое замѣчаніе, что при такихъ условіяхъ часть деревень останется обдѣленной, сначала я не получилъ отвѣта и его, повидимому, не было. Въ данной мѣстности этотъ вопросъ не имѣетъ остраго

*) Въ одномъ изъ уѣздовъ той же губерніи уѣздная управа въ большомъ количествѣ распространила рѣчи депутаціи 6 іюня, и среди крестьянъ поднялись довольно сильные толки объ избраніи на царство покойнаго С. Н. Трубецкого.

значенія, и онъ не значился совершенно. Послѣ нѣкотораго раздумья одинъ изъ собесѣдниковъ заявилъ, что такія имѣнія, если у крестьянъ будетъ особая нужда, должны быть выкуплены «казной», по «справедливой цѣнѣ», «какой земля доходъ даетъ»; и эти выкупленныя государствомъ земли должны быть переданы опять-таки только тѣмъ деревнямъ, которыя были при крѣпостномъ правѣ за этими имѣніями. Къ этому мнѣнію присоединились остальные; поскольку они были увѣрены въ правильности его, не знаю. Выкупъ, повидимому, предполагался за счетъ государства, а не крестьянъ, получающихъ данную землю. На мое указаніе, что при проектируемомъ раздѣлѣ земли нѣкоторыя деревни получатъ больше, другія меньше, въ зависимости отъ размѣра имѣнія, при которыхъ они числились при крѣпостномъ правѣ, мои собесѣдники очень согласно отвѣтили: «что дѣды заработали при крѣпостномъ правѣ, при томъ и останутся».

Что касается вопроса о томъ, какъ должна быть подѣлена земля между отдѣльными домохозяевами, то, какъ я уже указывалъ, одинъ изъ семи высказался за дѣлежъ земли поровну между всѣми дворами, остальные очень твердо стояли на statu quo: земля должна быть разверстана такъ, какъ разверстана земля между дворами въ данный моментъ.

Поставленный мною вопросъ о націонализаціи земли пришлось снять просто въ силу того, что это понятіе, несмотря на всѣ мои старанія разъяснить его, оставалось все время внѣ поля сознанія моихъ собесѣдниковъ; также снять пришлось выдвинутый опять таки мною вопросъ о муниципализаціи крупныхъ помѣщичьихъ имѣній. Эта идея вызвала горячій протестъ прежде всего потому, что муниципалитетъ ассоціировался съ теперешнимъ земствомъ, а послѣднее мало различалось отъ земскаго начальника и прочаго начальства, которому право распоряжаться землей мои собесѣдники не хотѣли предоставлять, но главное, почему идея муниципализаціи встрѣтила протестъ, какъ вѣроятно встрѣтила бы его и всякая другая форма рѣшенія земель-

наго вопроса, это потому, что на этотъ счетъ существовала своя формула близкая, продуманная—раздѣлъ. *)

Отмѣченная только что нами въ сознаніи крестьянъ при рѣшеніи аграрнаго вопроса связь съ отношеніями, существовавшими до 61 г., проявлялась и на другихъ извѣстныхъ намъ фактахъ изъ той же области.

Мѣсяцъ, полтора спустя послѣ дней „свободы“ въ другой мѣстности того же уѣзда среди крестьянъ началось броженіе, имѣющее цѣлью съемку батраковъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ; здѣсь намѣтилось три теченія: одно, чисто идеологическое, не нашедшее никакой опоры въ широкихъ крестьянскихъ массахъ, и находившее приверженцевъ въ лицѣ только отдѣльныхъ крестьянъ, ставило своей задачей «обезножить» помѣщичьи хозяйства и, лишивъ помѣщиковъ рабочихъ рукъ, заставить ихъ удалиться изъ имѣній; другое ставило ту же цѣль, находило себѣ больше сторонниковъ, въ одномъ, двухъ имѣніяхъ пробовало, хотя и безуспѣшно, осуществить свое намѣреніе, но считало допустимой эту мѣру по отношенію только тѣхъ, которыхъ мои избиратели относили въ первый разрядъ; наконецъ, третье теченіе, кое-гдѣ переходившее въ дѣйствіе, выставлявшее отдѣльнымъ помѣщикамъ требованія, иногда подкрѣпляемыя угрозой и въ одномъ, извѣстномъ мнѣ случаѣ, наполовину добившееся выполненія своего требованія, сводилось къ стремленію изгнать изъ имѣнія всѣхъ служащихъ отъ батраковъ до управляющихъ и замѣнить ихъ уроженцами изъ «своихъ» деревень, т. е. деревень, принадлежавшихъ этому имѣнію при крѣпостномъ правѣ.

Тѣни крѣпостного права витали и еще надъ одной формой броженія крестьянскихъ массъ, какъ эпидемія, охватившей мѣстность вскорѣ послѣ 17 октября и которую я

*) На этомъ исторія моей кандидатуры почти кончилась; послѣдовали новыя репрессіи, а съ ними перипетіи, мало интересные. Въ этой волости состоялись вполнѣ черносотенные выборы при маломъ числѣ участниковъ.

бы назвалъ «легальной» порубкой лѣса. Цѣлыя деревни въ полномъ составѣ всѣхъ домохозяевъ ходили къ помѣщикамъ съ просьбой дровъ. Эти хожденія носили больше характеръ демонстрацій, чѣмъ вызывались дѣйствительной потребностью въ дровахъ, они были символомъ чего-то новаго, прочувствованнаго, но еще часто не сознаннаго самими участниками этихъ демонстрацій. Требованія заявлялись въ очень корректной формѣ, были очень умѣрены (по переводѣ на деньги $1^1/_2$—2 р. на дворъ въ среднемъ), но настойчивы, при чемъ непремѣннымъ условіемъ выставлялось, чтобы дрова эти были напилены самими крестьянами въ помѣщичьемъ лѣсу; предложенія сухостоя, валежника, хотя бы и въ большемъ количествѣ и на большую сумму рѣшительно отклонялись. И вотъ во время этихъ хожденій за дровами мнѣ неизвѣстны случаи, когда бы деревня забрела къ «чужому» помѣщику, а не къ «своему» и наоборотъ мнѣ извѣстенъ случай, когда на указаніе, что, если всѣ деревни будутъ приходить за лѣсомъ, то ничего не останется и «своей» деревнѣ, въ случаѣ перехода въ будущемъ даннаго имѣнія на тѣхъ или иныхъ основаніяхъ въ ея руки, послѣдовалъ категорическій отвѣтъ: «Чужіе не придутъ, а если придутъ, то другой разъ не захотятъ прійти, теперь мы будемъ казаками вашего имѣнія» *).

Вліяніе крѣпостного права на сознаніе крестьянъ при рѣшеніи земельнаго вопроса подтверждается и такимъ фактомъ: въ районѣ моихъ наблюденій, было нѣсколько небольшихъ имѣній, которыхъ при крѣпостномъ правѣ

*) Мнѣ, правда, извѣстенъ одинъ случай, противорѣчащій на первый взглядъ сказанному, но онъ—только исключеніе, подтверждающее общее положеніе. Къ помѣщику явилась съ требованіемъ лѣса не „своя“ деревня; послѣ категорическаго отказа безъ особаго протеста съ этимъ примирились и попросили $^1/_2$ ведра водки; не получивъ этого, разошлись. Здѣсь, очевидно, сами приходившіе не чувствовали за собой „достаточныхъ основаній“, потому что категорическіе отказы „своихъ пановъ“ дѣлали требованія болѣе настойчивыми, и послѣднія, въ концѣ концовъ, удовлетворялись.

не существовало или при которыхъ нѣтъ «своихъ» деревень (бывшіе мелкопомѣстные), и здѣсь, въ этихъ имѣніяхъ, мы видимъ, подъ вліяніемъ общаго броженія, недоразумѣнія съ рабочими, усиленныя тайныя порубки лѣса, отдѣльные случаи издѣвательствъ и глумленій надъ помѣщиками со стороны отдѣльныхъ лицъ, но не видимъ по отношенію къ этимъ имѣніямъ организованныхъ выступленій цѣлыхъ деревень, что мы только что отмѣтили выше.

Какъ крестьяне относятся къ уже примѣняемому способу рѣшенія земельнаго вопроса, при помощи крестьянскаго банка?

Спросъ на землю очень большой, помѣщеніе банка ежедневно осаждается огромными массами крестьянъ, каждое назначенное въ продажу имѣніе находитъ себѣ покупателей не только изъ среды смежныхъ деревень, но изъ деревень другихъ волостей, уѣздовъ, даже губерній. Но окончательныя сдѣлки тормозятся, съ одной стороны, непомѣрно вздутыми цѣнами, при которыхъ выдача банкомъ ссуды и въ полномъ размѣрѣ оцѣнки все же не покрываетъ продажной цѣны, и требуется доплата со стороны самихъ крестьянъ, съ другой,— среди послѣднихъ наблюдается нѣкоторая нерѣшительность: опасеніе, какъ бы не проиграть: съ одной стороны, теплящаяся надежда у нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, слоевъ крестьянства, получить землю даромъ, — купить же землю при помощи банка, значитъ собственными руками похоронить эту надежду,—съ другой стороны, боязнь «упустить» землю, опасеніе повторенія 1861 года, когда подобныя надежды были наказаны пищенскими надѣлами, тяжелыми выкупными платежами. Въ послѣднее время, повидимому, выходъ изъ этой дилеммы найденъ: землю, предназначенную къ продажѣ, покупать, выполнить всѣ обязательства по этой покупкѣ по отношенію къ помѣщику, а въ крестьянскій банкъ, какъ учрежденіе государственное платежей не вносить. Между прочимъ, вѣроятно, какъ одно изъ послѣдствій этого рѣшенія, являются многочисленныя, въ послѣднее время, сообщенія провинціальныхъ газетъ, къ

сожалѣнію, слишкомъ небрежно регистрируемыя столичною печатью, о назначеніи очень многихъ имѣній, купленныхъ при помощи крестьянскаго банка, къ продажѣ за невзносъ причитающихся платежей...

Кромѣ указанныхъ соображеній, мнѣ приходилось сталкиваться въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ причинами замедленія покупокъ другого порядка, — покупка не могла состояться въ виду разности интересовъ различныхъ группъ крестьянства въ одной общинѣ; наиболѣе бѣдные въ общинѣ противились покупкѣ, заявляя, что земля и такъ перейдетъ къ крестьянамъ; болѣе состоятельные возражали, что «только дураки могутъ думать, что земля достанется даромъ; можетъ быть она и перейдетъ отъ помѣщиковъ къ крестьянамъ, но платежи за нее будутъ больше, чѣмъ платежи по ссудѣ крестьянскому банку», и ссылались на выкупные платежи. Первые, послѣ многократныхъ увѣщаній, соглашались на покупку, но выставляли требованіемъ покупку земли поровну на каждый дворъ, вторые находили такое требованіе совершенно нелѣпымъ и начинали искать себѣ компаньоновъ въ товарищество для покупки земли. Мнѣ извѣстны три подобныхъ случая; одинъ изъ нихъ, впрочемъ, разрѣшился покупкой земли товариществомъ, въ которое вошли 6 домохозяевъ изъ селенія, торговавшаго имѣніе, и четверо изъ другихъ деревень,—земля куплена безъ помощи крестьянскаго банка.

Въ заключеніе отмѣчу еще одинъ фактъ: значительная часть помѣщичьихъ хозяйствъ въ данной мѣстности ведетъ хозяйство при помощи крестьянскаго инвентаря; наемъ на работы заключается примѣрно съ Рождества, масленицы, когда пишутся съ цѣлыми деревнями и условія. Въ нынѣшнемъ году значительная часть крестьянъ воздерживается отъ заключенія подобнаго рода найма и, какъ удалось выяснить, не только изъ стремленія такимъ путемъ «обезножить» помѣщичьи хозяйства, но и изъ опасенія обычными способами поведенія санкціонировать прошлое; такія опасенія въ значительной степени питаетъ и агитація правопо-

рядочниковъ, которые при помощи своихъ агентовъ — священниковъ, полиціи — собираютъ подписи подъ приговорами, заявленіями, что крестьяне всѣмъ довольны.

Поскольку типичны приведенные факты и «мнѣнія» для значительной части Россіи, не беремся судить; для насъ они, несмотря на свою отрывочность, пріобрѣтаютъ нѣкоторую цѣнность въ силу того, что въ большинствѣ случаевъ эти факты носятъ массовый характеръ, въ нихъ принимаютъ участіе въ той или иной степени самые широкіе слои крестьянскаго населенія, въ части изъ нихъ мы находимъ опредѣленную организацію. Кромѣ того, приведенныя «мнѣнія», претворяемыя иногда въ дѣйствія, являются плодомъ самостоятельной коллективной интерпретаціи тѣхъ чрезвычайно разнообразныхъ лозунговъ, которые усваивались деревней на митингахъ, приносились нахлынувшей въ деревню литературой. Эти лозунги помогли деревнѣ формулировать собственное «историческое сознаніе» даннаго момента. Цѣлые сходы, сегодня составлявшіе приговоры о вхожденіи въ крестьянскій союзъ П. С. Р. и на слѣдующемъ сходѣ готовые итти «подъ знаменемъ Р. С. Д. Р. П.», несмотря на эти приговоры или, вѣрнѣе, можетъ быть, благодаря имъ, думали все же свою собственную думу и выковывали собственное формулированное рѣшеніе. Въ большинствѣ случаевъ сходы не только не противопоставляли другъ другу лозунговъ, только что указанныхъ партій («одни начнутъ, а другіе поддержатъ», такъ резюмировалось слушателями впечатлѣніе одной изъ извѣстныхъ мнѣ дискуссій), а находили нерѣдко подтвержденіе сказанному ораторами лѣвыхъ даже въ нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ правопорядочниковъ, разумѣется, конечно, въ своей интерпретаціи.

Наличность въ приведенныхъ фактахъ коллективнаго «историческаго сознанія», повторяемъ, дѣлаетъ для насъ ихъ цѣнными, потому что провести то или иное рѣшеніе земельнаго вопроса въ жизнь, найти сочувственное дѣйственное отношеніе къ опредѣленнымъ лозунгамъ можно, опираясь только на такое сознаніе.

С.

Профессіональное и Соціалистическое движеніе въ Соед. Шт. Америки.

Передъ каждымъ, интересующимся современнымъ состояніемъ, ростомъ и развитіемъ рабочаго и соціалистическаго движенія въ капиталистически развитыхъ странахъ, неизбѣжно долженъ возникнуть вопросъ:—почему въ Соединенныхъ Шт. Америки, гдѣ капитализмъ достигъ апогея своего развитія, гдѣ, въ формѣ чудовищныхъ Капитало-Трестовъ, собственниками которыхъ является лишь небольшая группа лицъ, централизованы и сконцентрированы средства производства и всѣ богатства страны, гдѣ поэтому соціальные контрасты такъ очевидны и сильны, гдѣ, однимъ словомъ, объективныя экономическія условія давно уже созрѣли, если не для окончательнаго соціальнаго переворота, то, по меньшей мѣрѣ, для могучаго, въ видѣ сильной и вліятельной соціалдемократической партіи, соціалистическаго движенія,—мы вмѣсто послѣдняго, однако, видимъ, что вполнѣ сознательному и экономически и политически неограниченно господствующему классу крупной буржуазіи противостоитъ многочисленный и хотя экономически хорошо и организованный, но въ то же время политически крайне неразвитый и мало-сознательный классъ пролетаріата?

Чтобы объяснить себѣ этотъ анахронизмъ и несоотвѣтствіе, чтобы правильно оцѣнить современное состояніе и внутреннія противорѣчія Американскихъ профессіональныхъ союзовъ и Американскаго рабочаго движенія вообще, необходимо бросить хотя бы бѣглый взглядъ на ихъ возникновеніе и развитіе и попутно указать тѣ внѣшнія и внутреннія причины, дѣйствовавшія задерживающимъ образомъ на ростъ и развитіе классоваго сознанія американскаго пролетаріата.

Подобно англійскимъ, американскіе профессіональные союзы созданы классовой борьбой американскихъ рабочихъ съ предпринимателями. Къ моменту ихъ возникновенія на политической аренѣ Соед. Штатовъ Америки, не было и не могло еще въ то время быть такой политической партіи, которая взяла бы ихъ подъ свое руководство и покровительство.

То было время, когда антагонизмъ интересовъ между индустріальнымъ сѣверомъ и агрикультурнымъ и невольническимъ югомъ все больше и больше усиливался и уже завязывалась между ними борьба за политическую гегемонію, борьба, приведшая въ концѣ концовъ къ 4-хъ лѣтней (1861—65) междоусобной кровопролитной войнѣ, окончившаяся освобожденіемъ негровъ.

За періодъ отъ начала 40-хъ годовъ вплоть до момента освобожденія негровъ (1861) всю страну потрясала агитація и борьба знаменитыхъ аболюціонистовъ (abolutionists) противъ позорнаго и противорѣчившаго духу и интересамъ республиканской Америки института рабства. Все вниманіе передовыхъ слоевъ рабочихъ и интеллигенціи того времени было поглощено этой освободительной борьбой и отчасти было отвлечено многочисленными въ то время попытками англійскихъ и французскихъ утопистовъ, устройствомъ на американской почвѣ отдѣльныхъ колоній и фаланстерій, воплотить въ жизнь и привить обществу ихъ соціалистическіе идеалы.

Подъ шумъ борьбы и агитаціи противъ чернаго рабства и въ порывѣ и туманѣ увлеченія „соціальными опытами“ незамѣтно для многихъ, въ свободной Америкѣ, росло, крѣпло и развивалось давно уже пустившее въ ея нѣдрахъ глубокіе корни, другое, знакомое и намъ, и не менѣе тяжелое и позорное—бѣлое рабство—рабство наемное.

Незамѣтно и неслышно для многихъ завязывалась уже борьба между стремящимся къ господству и къ порабощенію—классомъ буржуазіи и классомъ пролетаріата. Хищническіе инстинкты и эксплуататорскія стремленія первой вызываютъ уже отпоръ и противодѣйствіе со стороны второго. Возникаютъ то тутъ, то тамъ отдѣльные кружки и профессіональные союзы рабочихъ для борьбы съ предпринимателями.

Въ самый разгаръ междоусобной войны за освобожденіе негровъ и какъ бы въ предзнаменованіе и предвѣщеніе о другой грядущей освободительной борьбѣ,— обостряются отношенія между предпринимателями и рабочими. Цѣлымъ рядомъ стачекъ послѣдніе стали добиваться улучшенія своего положенія, и стачки приняли такіе грозные для буржуазіи тѣхъ временъ размѣры, что встревоженная и возмущенная „дерзостью“ бѣлыхъ рабовъ, она возбуждаетъ въ 1864 г. во многихъ Штатахъ вопросъ объ изданіи законовъ, необходимыхъ якобы въ интересахъ охраненія принципа *свободы личности*, законовъ, воспрещающихъ рабочимъ *прибѣгать къ насилію или застращиванію съ цѣлью мѣшать своимъ товарищамъ продолжать работу*.

Послѣ войны, которая помогла буржуазіи устранить послѣднее,

стоявшее на пути ея развитія, препятствіе—невольничество, она, оградивъ себя высокими запретительными пошлинами, введенію которыхъ до войны противился невольническій югъ, пустилась сломя голову эксплуатировать всѣ неисчислимыя естественныя богатства страны *). Быстро растетъ экономическое и политическое могущество и вліяніе буржуазіи, а вслѣдъ за ней растетъ, крѣпнетъ и организуется также пролетаріатъ.

Профессіональные союзы растутъ и множатся не по днямъ, а по часамъ. Въ 1867 году была впервые сдѣлана попытка объединить разрозненные и изолированные союзы въ одинъ общій *Національный Союзъ Труда* (National Labor Union) и на первомъ съѣздѣ этого союза, въ томъ же году, былъ впервые же поставленъ на очереди вопросъ о 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ и впервые же американскимъ пролетаріатомъ была признана необходимость самостоятельной рабочей политики.

Послѣднему содѣйствовалъ, главнымъ образомъ, рабочій Вильямъ Сильвисъ—убѣжденный соціалистъ и страстный агитаторъ, пользовавшійся огромной популярностью, любовью и вліяніемъ среди рабочихъ. Благодаря его же усиліямъ, состоялось объединеніе между этимъ союзомъ и генеральнымъ совѣтомъ знаменитаго Интернаціонала. Вскорѣ, однако, послѣ смерти Сильвиса (въ 1869 г.) и за отсутствіемъ другихъ хорошихъ и энергичныхъ руководителей и благодаря проникновенію въ союзъ профессіональныхъ политиковъ, состоявшихъ на службѣ у буржуазныхъ партій (республиканской и демократической), успѣвшихъ посѣять раздоръ и деморализацію въ рядахъ союза, послѣдній распался и къ 1873 г. исчезъ со сцены.

Къ этому времени возникаетъ цѣлый рядъ тайныхъ полумассонскихъ рабочихъ обществъ, среди которыхъ особенно выдѣлялись „Соединенные Сыновья Вулканъ“ (рабочіе пудлинговщики), „Юные

*) Слѣдуетъ, между прочимъ, замѣтить, что хищническіе инстинкты и вожделѣнія американской буржуазіи такъ ярко и явно уже тогда, вслѣдъ за войною, выступили наружу, что стоявшій во главѣ и руководившій борьбой за освобожденіе негровъ и преданный дѣлу свободы президентъ Линкольнъ счелъ своевременнымъ, въ рѣчи, произнесенной имъ въ томъ же 1865 г. и почти наканунѣ своей смерти отъ руки убійцы, предупредить американское общество въ томъ, что, освободившись только что отъ *чернаго рабства* (black slaves), обществу въ недалекомъ будущемъ предстоитъ разрѣшеніе еще одного вопроса, чтобы освободить себя отъ пустившаго уже глубокіе корни и ростущаго съ головокружительной быстротой не менѣе позорнаго *бѣлаго или наемнаго рабства* (white o wage slaves).

Сыны", „Рыцари Промышленности" и, наконецъ, „Орденъ Рыцарей Труда".

Въ декларацiи принциповъ всѣхъ этихъ тайныхъ обществъ и въ особенности Ордена Рыцарей Труда, въ который всѣ эти общества вскорѣ послѣ его возникновенiя вошли, наглядно отражаются тѣ идеи мелко-буржуазнаго и утопическаго соцiализма, которыя еще господствовали во взглядахъ передовыхъ рабочихъ и интеллигенцiи того времени. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой декларацiи нашли уже свой откликъ нѣкоторыя положенiя и принципы, которые незадолго и впервые были формулированы и провозглашены Интернацiоналомъ.

„Ни раса, ни нацiональность, ни религiя, ни принадлежность къ другимъ обществамъ не можетъ служить препятствiемъ для принятiя кого-нибудь въ союзъ *)—говорится въ декларацiи принциповъ Ордена Рыцарей Труда—союзъ ставитъ себѣ цѣлью повышенiе заработной платы и уменьшенiе рабочихъ часовъ, причемъ заработная плата должна быть одинакова для обоихъ половъ. Путемъ законодательныхъ мѣръ союзъ будетъ препятствовать несправедливому накопленiю богатствъ и образованiю большихъ корпорацiй

„Устройствомъ производительныхъ и потребительныхъ кооперативныхъ товариществъ союзъ будетъ стремиться подготовить замѣну существующей системы эксплуатацiи наемнаго труда кооперативнымъ общественнымъ строемъ, въ которомъ не будетъ мѣста ни кастамъ, ни классамъ..." Эта своеобразная смѣсь изъ соцiалистическихъ, тредъ-юнiонскихъ, утопическихъ и мелко-буржуазныхъ идей и была положена въ основу принциповъ и программы Ордена Рыцарей Труда, игравшаго одно время выдающуюся роль въ судьбахъ рабочаго движенiя Америки.

Ни по программѣ, ни по духу, ни по составу своему Орденъ Рыцарей Труда не былъ боевой и строго классовой рабочей организацiей. Составъ какъ и программа Ордена были чрезвычайно смѣшаны и пестры. Въ него входили элементы всевозможныхъ степеней развитiя, общественнаго положенiя и рода занятiй. Рядомъ съ рабочимъ нерѣдко засѣдалъ фермеръ, адвокатъ и даже эксплуататоръ труда. Отъ такого рода „демократизма" рабочiе очень мало. конечно, выигрывали, и хотя эти не рабочiе элементы въ количественномъ отношенiи терялись въ рабочей массѣ, но въ моральномъ и качественномъ отношенiи они оказывали сильное вліяніе и накладывали свой отпечатокъ на всю духовную физiономiю Ордена.

*) Это соотвѣтствуетъ положенiю Интернацiонала о равныхъ правахъ и обязанностяхъ между людьми „независимо отъ ихъ расы, религiи и нацiональности".

Улучшенія своего положенія, согласно программѣ Ордена, рабочіе должны были добиваться не путемъ активной экономической и политической борьбы, не рѣшительнымъ и энергичнымъ противодѣйствіемъ гнету капитала, но, исключительно, путемъ мирнаго воздѣйствія, и всѣ недоразумѣнія между рабочими и работодателями должны были разрѣшаться и улаживаться третейскимъ судомъ.

Если рабочіе въ простотѣ своей душевной и соглашались ввѣрить свою судьбу третейскому суду, зато очень рѣдки были случаи, когда бы предприниматель, если только не вынужденный къ этому обстоятельствами, соглашался на такое мирное рѣшеніе спора. Въ большинствѣ случаевъ, какъ американскіе капиталисты и въ настоящее время поступаютъ, на всякія предложенія посредничества лаконически отвѣчали и отвѣчаютъ: — „We have nothing to Arbitrate!—Намъ не о чемъ договариваться"... А если иногда и соглашались на третейскій судъ, то нисколько не церемонились отклонить его рѣшеніе въ томъ случаѣ, когда оно было не всецѣло въ ихъ пользу, или же дѣлая видъ, что подчиняются его рѣшенію, на завтра же самымъ вѣроломнымъ образомъ нарушали его. Впослѣдствіи, подъ давленіемъ все больше и больше обострившейся между трудомъ и капиталомъ борьбы, Рыцари, хотя отъ мирнаго рѣшенія рабочаго вопроса и отказались и стали все чаще и чаще прибѣгать къ стачкѣ и бойкоту и даже поговаривать о необходимости самостоятельной политической борьбы для пролетаріата, сошли со сцены, хотя Орденъ къ началу 90-хъ годовъ достигъ значительной силы и могущества *), онъ въ концѣ концовъ палъ жертвой своихъ внутреннихъ противорѣчій и оказался совершенно неспособнымъ не только вести пролетаріатъ къ той конечной цѣли, которую онъ себѣ при основаніи своемъ намѣтилъ, но даже неспособнымъ бороться и защищать повседневные интересы рабочихъ. Въ настоящее время Рыцари Труда отошли уже въ исторію.

Къ концу 70-хъ годовъ подъ вліяніемъ все большей и большей концентраціи капитала назрѣваетъ и растетъ тенденція въ средѣ американскихъ рабочихъ къ концентраціи въ той или иной формѣ также и своихъ силъ. Проявляется сильное стремленіе къ чисто и узко-профессіональному движенію. Въ ноябрѣ 1881 г. эта тенденція и стремленіе принимаетъ вполнѣ конкретную и опредѣленную форму. Представителями отъ болѣе чѣмъ 260 тысячъ рабочихъ, собравшихся въ городѣ Питсбургѣ (штата Пенсильваніи), учреждается Федерація Союзовъ Организованного Труда и Ремеслъ Соединенныхъ Штатовъ Америки и Канады **).

*) Въ началѣ 90-хъ гг. Орденъ по увѣреніямъ нѣкоторыхъ изслѣдователей насчитывалъ около милліона членовъ.

**) Federation of Labor and Trade Unions of United States and Canada.

„Вы собрались здѣсь—говорится въ возваніи Организаціоннаго Комитета къ делегатамъ этого Учредительнаго Съѣзда,—для учрежденія Тредъ-Юніонистской Федераціи. Будьте спокойны и рѣшительны и въ то же время не увлекайтесь и не гонитесь слишкомъ за реформами. Задайтесь, напримѣръ, цѣлью добиться сокращенія рабочаго дня и повышенія заработной платы, и добивайтесь этого всюду, что бы вы ни предпринимали. Для достиженія этой цѣли подражайте капиталистамъ, т. е. пользуйтесь законами"...

Федерація Рабочихъ Союзовъ сдѣлалась вскорѣ вторымъ, послѣ Ордена Рыцарей Труда, центромъ, вокругъ котораго быстро стали группироваться рабочія ассоціаціи. Цѣль, которую намѣтила себѣ Федерація и которая была формулирована и возвѣщена вторымъ ея съѣздомъ въ 1882 г., была въ общемъ слѣдующая:

„Федерація сохраняетъ промышленную автономію и отличительныя черты всѣхъ союзовъ и, не посягая на ихъ вѣрованія и традиціи, сливаетъ ихъ въ одно стройное цѣлое. Единственнымъ условіемъ права на участіе въ ней федерація считаетъ принадлежность къ рабочему классу; она относится совершенно безразлично къ политическимъ и религіознымъ убѣжденіямъ своихъ членовъ; она борется съ цѣлью объединенія всѣхъ трудящихся, не путемъ устраненія различія во мнѣніяхъ или пріемахъ борьбы, не путемъ предписанія единаго плана организаціи, не принимающаго въ расчетъ опыта и интересовъ существующихъ группъ, и не стремясь подчинить или разрушить послѣднія, а стараясь сохранить все, что въ нихъ есть существеннаго и хорошаго; она стремится настолько расширить ихъ поле дѣятельности, чтобы онѣ могли дѣйствовать сообща во всемъ, что ихъ интересуетъ, не отрекаясь отъ своей индивидуальности *).

Прошло уже четверть вѣка (1881—1906) со дня появленія на аренѣ американскаго рабочаго движенія Американской Федераціи Труда **). За послѣдніе 10—12 лѣтъ она является уже господствующей въ американскомъ рабочемъ движеніи организаціей и въ настоящее время вершаетъ судьбы организованнаго пролетаріата не только Соединенныхъ Штатовъ, но и освобожденной недавно отъ испанскаго ига Кубы и Порто-Рико. Каковъ же, спрашивается,

---

*) Вигуру Л. „Рабочіе союзы въ Сѣверной Америкѣ". Перев. Серебряковой.

*) До 1886 г. она называлась Американской Федераціей союзовъ ремеслъ и труда и была тогда ничѣмъ инымъ, какъ конференціей союзовъ, сходной во многомъ съ Англійскими Тредъ-Юніонистскими Конгрессами. Въ 1886 она реорганизовалась на началахъ большаго сплоченія и концентраціи профессіональныхъ союзовъ.

итогъ ея 25-ти лѣтней дѣятельности? Каковы ея дѣйствительныя и положительныя заслуги передъ американскимъ пролетаріатомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ передъ пролетаріатомъ всего міра? Нѣкоторые изъ американскихъ соціалистовъ (Деліониты) *) не только въ настоящее время склонны отрицать, но давно уже рѣшительно утверждаютъ, что Федерація, руководимая продажными вождями и ставленниками отъ буржуазіи, нанесла рабочему движенію, заведя послѣднее въ гнилое болото буржуазныхъ вождѣленій и надеждъ, непоправимый вредъ. Федерація, — утверждали и утверждаютъ они, — безнадежно увязаетъ въ этомъ болотѣ и, отравленная ядовитымъ испареніемъ его, уже разлагается... Попытки соціалистовъ оздоровить этотъ разлагающійся организмъ были бы, по ихъ мнѣнію, напрасной и даже преступной тратой дорогого времени и энергіи. И лишь рѣшительная и безпощадная по всей линіи борьба съ Федераціей до полнаго ея разрушенія и уничтоженія и немедленная организація соціалистическихъ юніоновъ спасетъ, увѣряли и увѣряютъ еще они, американское рабочее движеніе отъ путъ буржуазіи и направитъ его на широкую дорогу освободительной борьбы... Этотъ взглядъ на роль и право на существованіе самой Федераціи, взглядъ на задачи и тактику соціалдемократовъ по отношенію къ тредъ-юніонскому движенію вообще, получилъ одно время не только официальную санкцію Соціалистической Рабочей Партіи, но нашелъ и практическое примѣненіе въ видѣ организаціи въ 1895 г., по иниціативѣ главныхъ лидеровъ Партіи и при официальной же поддержкѣ Партіи, Соціалистическаго Альянса Труда и Ремеслъ. Это, какъ мы увидимъ нѣсколько ниже, оказалось фатальной ошибкой со стороны Партіи и послужило поводомъ не только къ организаціи другой Соціалистической Партіи, но повело къ безчисленнымъ раздорамъ, распрямъ и, наконецъ, къ скандальному расколу и распаденію самой Партіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ породило въ массѣ организованныхъ рабочихъ крайнюю враждебность и недовѣріе къ соціалистамъ, этимъ самымъ затруднивъ послѣднимъ на долгіе годы успѣшную агитацію въ тредъ-юніонахъ.

Противники агрессивной тактики и борьбы противъ федерацій и „pure and simple" тредъ-юніоновъ вообще отнюдь не думаютъ закрывать глаза на тѣ недостатки, которыми чреваты, и на тотъ вредъ для освободительнаго движенія пролетаріата, который приноситъ тотъ политическій индифферентизмъ, въ который погружены тредъ-юніоны во главѣ съ Федераціей. Они прекрасно сознаютъ, что какъ и ме-

*) Приверженцы Старой Соціалистической Рабочей Партіи, во главѣ которой стоитъ извѣстный своей непримиримой враждой къ Тредъ-Юніонамъ проф. De Leon.

тоды борьбы, такъ и сама форма организаціи американской Федераціи труда устарѣли, и не только не пригодны для окончательнаго освобожденія пролетаріата отъ ига капитала, но даже для удержанія тѣхъ завоеваній въ улучшеніи своего положенія, которыя достигнуты имъ годами усилія и подчасъ жестокой борьбы. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они прекрасно понимаютъ, что политическій индифферентизмъ и предпочтеніе профессіональнымъ интересамъ классовыхъ, которымъ страдаетъ американское рабочее движеніе въ лицѣ Федераціи, нельзя разсматривать какъ результатъ одной лишь злой воли хотя бы и продажныхъ лидеровъ, или же особенной, отъ условій мѣста и времени независящей психологіей рабочихъ, принадлежащихъ Федераціи, но можно и должно разсматривать лишь какъ слѣдствіе тѣхъ или иныхъ причинъ, глубоко коренящихся въ тѣхъ самыхъ условіяхъ, въ которыхъ возникло, росло и развивалось американское рабочее движеніе.

Феноменально быстрое развитіе и успѣхъ американской промышленности несомнѣнно создало въ Америкѣ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, болѣе благопріятныя условія для профессіональнаго движенія, чѣмъ для классоваго и долгое время оттѣсняло второе на задній планъ.

Собственно говоря, въ исторіи американскаго рабочаго движенія наблюдается нѣчто аналогичное тому, что имѣло мѣсто въ англійскомъ рабочемъ движеніи, съ единственной лишь разницею, что въ Америкѣ все происходило на протяженіи сравнительно короткаго промежутка времени и одно явленіе быстро смѣнялось другимъ.

Въ Англіи мы, напримѣръ, видимъ, что время промышленнаго кризиса за періодъ отъ второй половины 20-хъ до начала 40-хъ XIX-го вѣка знаменуетъ собой расцвѣтъ чартизма. Съ наступившимъ затѣмъ промышленнымъ подъемомъ послѣдній значительно слабѣетъ, но опять возрождается послѣ кризиса 1847 г. И, наконецъ, крушеніе революціоннаго движенія 1848 года и послѣдовавшая послѣ кризиса эра свободной торговли съ баснословнымъ подъемомъ промышленности убили въ корень чартистское движеніе. Съ паденіемъ чартистскаго движенія возродилось и начало развиваться профессіональное движеніе и „pure and simple" тредъ-юніоны.

Во время продолжительнаго застоя послѣ 1874 г. возникло и развилось соціалдемократическое движеніе и т. д.

Въ Америкѣ, какъ я уже сказалъ, наблюдается аналогичное явленіе, т. е. что во время промышленнаго кризиса замѣчается интересъ среди рабочихъ къ политикѣ, и время промышленнаго подъема знаменуетъ всегда собой увлеченіе профессіональнымъ движеніемъ въ ущербъ политическому.

Такъ, напримѣръ, промышленный кризисъ 1873—77 гг., вызванный, главнымъ образомъ, безумными и неслыханными еще нигдѣ желѣзнодорожнымн и другими спекуляціями, ведетъ къ возникновенію въ 1874 г. quasi радикальной, Greenbocks партіи, которая первое время находитъ широкую поддержку въ рабочихъ слояхъ. Партія эта, помимо реформъ денежной системѣ, какъ, напримѣръ, принудительнаго курса для бумажныхъ денегъ, выставила подъ вліяніемъ соціалистовъ требованіе національзаціи земли. Вмѣстѣ съ послѣдовавшимъ затѣмъ подъемомъ промышленности исчезаетъ со сцены эта партія, и рабочіе энергично отдаются организаціи профессіональныхъ союзовъ, что, какъ мы уже видѣли выше, ведетъ, во первыхъ, къ усиленію и росту Ордена „Рыцарей Труда“ и въ 1881 г. къ организаціи американской Федераціи труда.

Наступившій затѣмъ кризисъ 1882—1886 гг. ведетъ сперва къ усиленной агитаціи въ пользу 8-ми часового рабочаго дня, но попытка буржуазіи грубой силой и судебными преслѣдованіями задушить это движеніе толкнула затѣмъ рабочихъ на путь политической борьбы. И это былъ моментъ въ исторіи американскаго рабочаго движенія. когда казалось, что американскій пролетаріатъ дружно и безповоротно вступилъ на широкій путь политической борьбы за свое окончательное освобожденіе. Вотъ какъ. между прочимъ, Фридрихъ Энгельсъ характеризуетъ ходъ освободительнаго движенія американскаго пролетаріата того времени.

„Десять мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я написалъ „Прибавленіе“ къ этой книгѣ *).

„Въ теченіе этихъ 10 мѣсяцевъ въ американскомъ обществѣ совершилась революція, которая во всякой другой странѣ потребовала бы по меньшей мѣрѣ 10-ть лѣтъ. Въ февралѣ 1886 г. общественное мнѣніе Америки единодушно было въ одномъ пунктѣ, что именно въ Америкѣ рабочаго класса, въ европейскомъ смыслѣ слова, совсѣмъ не существуетъ и что, стало быть, классовая борьба между рабочими и капиталистами, подобная той, которая раскалываетъ европейское общество на двѣ взаимно враждебныя части, тамъ совершенно немыслима. Отсюда выводилось, что соціализмъ представляетъ собою на американской почвѣ не болѣе, какъ чужеземное растеніе, рѣшительно неспособное пустить въ ней корни и привиться. А между тѣмъ, начинавшаяся тогда тамъ классовая борьба именно въ это время бросала уже отъ себя колоссальную тѣнь, въ видѣ стачекъ пенсильванскихъ углекоповъ и рабочихъ другихъ занятій, а особенно въ приготовленіяхъ по

*) Предисловіе къ англійскому переводу его книги о „Положеніи рабочаго класса въ Англіи“.

всей странѣ къ движенію во имя восьмичасового рабочаго дня, назначенному на май мѣсяцъ и, дѣйствительно, тогда же начавшемуся. Движеніе это, распространившееся съ изумительной быстротой по всей странѣ, наглядно показало американскимъ рабочимъ, что они „составляютъ особый новый классъ въ американскомъ обществѣ". Въ результатѣ этого сознанія получился цѣлый рядъ попытокъ образованія самостоятельной рабочей партіи съ особою программой. „Въ европейскихъ странахъ пролетаріату нужны были многіе годы, чтобы дойти до сознанія, что онъ представляетъ собою въ современномъ обществѣ особый классъ. И опять таки много времени прошло, прежде чѣмъ это сознаніе привело его къ образованію въ его средѣ самостоятельной политической партіи, противоположной всѣмъ партіямъ господствующихъ классовъ. На благопріятной почвѣ Америки, гдѣ феодальные развалины не загромождаютъ собою дороги, рабочій классъ прошелъ обѣ эти ступени своего развитія въ какіе нибудь 10-ть мѣсяцевъ." 1-го мая 1886 г., согласно рѣшенію, принятому на 4-мъ съѣздѣ Федераціи въ октябрѣ 1884 г., во всѣхъ крупныхъ центрахъ Соед. Штатовъ началась кампанія въ пользу 8-ми часового рабочаго дня.

Въ Чикаго, гдѣ капиталистическая банда всегда отличалась и до сихъ поръ отличается особенно гнусными и наглыми хищническими наклонностями, для удовлетворенія которыхъ она привыкла ни передъ чѣмъ не останавливаться, и гдѣ, поэтому, отношенія между этой бандой и рабочими были всегда болѣе чѣмъ гдѣ либо обостренныя, кампанія за 8-ми часовой рабочій день началась съ особенной силой и энергіей.

Анархисты, пользовавшіеся въ то время нѣкоторымъ вліяніемъ въ рабочей средѣ и всегда относившіеся, если не съ презрѣніемъ, то съ крайнимъ скептицизмомъ ко всякаго рода мѣрамъ, ведущимъ къ улучшенію положенія рабочаго класса въ капиталистическомъ обществѣ, увѣряя, что всякое такое улучшеніе лишь продлитъ существованіе капиталистическаго строя, вначалѣ отнеслись скептически и къ начавшейся кампаніи въ пользу 8-ми часового рабочаго дня, но, увлекшись общимъ движеніемъ, стали затѣмъ сами одними изъ его главныхъ руководителей. Участіе анархистовъ въ этомъ движеніи дало поводъ и возможность капиталистамъ выполнить свой адскій замыселъ... 4-го мая подъ открытымъ небомъ на Hay Market (сѣнной площади) въ Чикаго состоялся многолюдный митингъ. Къ концу этого митинга, когда рабочіе начали уже было расходиться, вдругъ, въ группу полицейскихъ, стоявшихъ для охраненія порядка, была брошена кѣмъ то изъ толпы бомба, отъ разрыва которой было убито 6-ть полицейскихъ. Немедленно были арестованы главари движенія въ числѣ 12-ти человѣкъ. Всѣхъ ихъ

обвинили въ составленіи будто бы заговора, результатомъ котораго и была брошенная бомба. Несмотря на то, что слѣдствіе не обнаружило ни малѣйшихъ слѣдовъ ихъ участія въ бросаніи бомбы и, наоборотъ, все говорило противъ этого обвиненія, тѣмъ не менѣе, спеціально подобранными, для суда надъ ними, присяжными былъ вынесенъ обвинительный вердиктъ, въ силу котораго судья приговорилъ 7-мь человѣкъ къ смертной казни и 5-ть человѣкъ къ пожизненному заточенію въ тюрьмѣ. Многимъ, если не всѣмъ, было уже и въ то время ясно, что какъ и брошенная бомба, такъ и судъ были лишь результатомъ гнуснаго заговора и адскаго замысла Чикагской банды капиталистовъ, рѣшившей во чтобы то ни стало задушить быстро разраставшееся движеніе. Губернаторъ шт. Иллинойса Альтгельдъ, освободившій въ 1896 г. изъ заточенія анархистовъ, сидѣвшихъ въ Чикагской тюрьмѣ, въ оправданіе передъ американскимъ обществомъ акта такого милосердія съ его стороны, въ спеціально написанной имъ по этому поводу брошюркѣ документально доказалъ всѣ козни и адскіе планы Чикагскихъ капиталистовъ, сознательно подготовившихъ и создавшихъ спеціальный фондъ для выполненія инцидента съ бомбой и для подкупа присяжныхъ и судей.

Жестокая расправа съ анархистами продажныхъ судей была встрѣчена восторженными одобреніями всей американской буржуазіей. Въ этомъ приговорѣ и расправѣ съ особенной яркостью обнаружилось стремленіе этой буржуазіи пустить въ ходъ всю находящуюся въ ея рукахъ политическую машину для защиты своихъ интересовъ. Злоупотребленіе и насиліе, въ нѣсколько замаскированной и не такой наглой формѣ ввѣренной ей политической властью, совершалось буржуазіей надъ рабочими во всѣхъ тѣхъ индустріальныхъ центрахъ, гдѣ только велась пропаганда въ пользу 8-ми часового рабочаго дня.

На состоявшемся въ августѣ мѣсяцѣ того же 1886 г. въ Чикаго, на спеціально созванномъ для заявленія протеста противъ приговора, съѣздѣ многими ораторами указывалось, что приговоръ этотъ представляетъ собою ударъ, направленный противъ организованной части рабочаго класса, и что для обузданія буржуазіи и предупрежденія подобныхъ насилій съ ея стороны въ будущемъ, пролетаріату необходимо воспользоваться, пока еще не поздно, своимъ правомъ голоса и впредь выбирать судей изъ своей собственной среды.

Другіе ораторы заявляли, что если бы рабочіе не поддерживали своими голосами республиканскую и демократическую партію, которыя, несмотря на ихъ якобы враждебныя другъ къ другу отношенія, являются ничѣмъ инымъ, какъ двумя руками одного и того

же туловища—капитала, служащіе и охраняющіе, исключительно, его интересы, если бы рабочіе, вмѣсто поддержки этихъ партій, сплотились въ независимую рабочую партію и представляли собою политическую силу, то не нашелся бы ни одинъ судья, ни одно жюри, которые посмѣли бы произнести приговоръ, подобный тому, какой произнесли надъ анархистами.

Непосредственнымъ результатомъ этого столкновенія организованныхъ рабочихъ съ экономически и политически организованной буржуазіей было то, что въ началѣ ноября того же года самостоятельное выступленіе на арену политической борьбы стало очереднымъ вопросомъ въ американскомъ рабочемъ движеніи. И мы, въ дѣйствительности, видимъ, что во всѣхъ крупныхъ центрахъ со стороны рабочихъ дѣлается болѣе или менѣе серьезная попытка такого самостоятельнаго выступленія, попытка къ организаціи рабочей партіи.

Въ Ньюіоркѣ, гдѣ промышленный кризисъ (1882—1886 г.), отъ котораго страна не успѣла еще оправиться, отразился сильнѣе, чѣмъ гдѣ либо, на благосостояніи рабочихъ и гдѣ, въ лицѣ „Соціалистической Рабочей Партіи“ давно уже существовало сплоченное соціальдемократическое ядро, попытка со стороны рабочихъ къ самостоятельному политическому выступленію приняла, поэтому, грандіозные, болѣе, чѣмъ гдѣ либо, размѣры.

Въ августѣ 1886 г. состоялась, созванная по иниціативѣ Ньюіоркской Центральной Федераціи Труда конференція представителей отъ всѣхъ рабочихъ союзовъ г. Ньюіорка.

Главнымъ вопросомъ на очереди, по поводу котораго и была созвана конференція, былъ вопросъ о самостоятельномъ политическомъ выступленіи рабочихъ города Ньюіорка въ предстоящихъ муниципальныхъ выборахъ.

Вопросъ былъ рѣшенъ единогласно въ утвердительномъ смыслѣ, и конференція сошлась на Генри Джоржѣ, авторѣ надѣлавшей въ то время много шуму книги „Прогрессъ и бѣдность“, какъ на кандидатѣ въ мэры города Нью-Іорка.

Генри Джоржъ былъ, конечно, далекъ отъ соціализма. Его ученіе, если его можно назвать таковымъ, основано, главнымъ образомъ, на теоріи ренты D. Ricardo и прежде всего нападаетъ на монополизацію земли и вытекающую отсюда спекуляцію ее земельныхъ собственниковъ. Его знаменитый „Single tax“ (единый земельный налогъ), который онъ проповѣдывалъ, долженъ былъ подготовить націонализацію земли, что въ свою очередь, по его мнѣнію, устранило бы всѣ неурядицы, неустройства и страданія, царящія въ капиталистическомъ обществѣ и вернуло бы его къ тому старому „золотому“ времени, когда деревня преобладала надъ городомъ. Со-

ціалисты, принявшіе дѣятельное участіе въ выборной кампаніи, прекрасно понимали, что такое представляетъ собою Г. Джоржъ и его теоріи, но они не считали возможнымъ и цѣлесообразнымъ въ то время раскалывать ряды рабочихъ, дружно выступившихъ на путь, какъ имъ казалось, классовой политической борьбы, и думали, что въ дальнѣйшемъ движеніи, когда мысль о необходимости политической борьбы окончательно укрѣпится въ умахъ рабочихъ, они не преминутъ исправить ошибку.

Расчетъ соціалистовъ, какъ мы увидимъ, оказался невѣрнымъ. Кампанія велась съ одушевленіемъ и энергіей, и результаты выборовъ поразили какъ буржуазію, такъ и самихъ рабочихъ. Генри Джоржъ получилъ 68 тысячъ голосовъ противъ 90 тыс., поданныхъ за кандидата демократовъ и 60 тысячъ, поданныхъ за Рузвельта (въ настоящее время президентъ), кандидата республиканцевъ. Говорили даже, что Г. Джоржъ былъ выбранъ, но что демократы, бывшіе тогда у власти, подтасовали голоса. Какъ бы то ни было, побѣда была блестящая. Побѣда эта, однако, вскружила Генри Джоржу и нѣкоторымъ его ярымъ послѣдователямъ голову. Они рѣшили, что участіе соціалистовъ было причиной его неполной побѣды, такъ какъ де ихъ участіе оттолкнуло многихъ предубѣжденныхъ противъ нихъ отъ подачи голоса за Г. Джоржа. Рѣшено было избавиться отъ соціалистовъ. Завязалась борьба. Соціалисты выступили съ рѣзкой критикой противъ Г. Джоржа и раскрыли всю реакціонность его ученія. Результатомъ всего этого былъ расколъ. Слѣдующіе выборы въ 1887 г. обнаружили эфемерность всего этого движенія. Генри Джоржъ, избавившійся отъ соціалистовъ, успѣлъ объединить вокругъ своей кандидатуры всего лишь 5000 голосовъ, соціалисты же, выставившіе своего кандидата, получили всего около 2-хъ тысячъ голосовъ. Благодаря же тому, что соціалисты, которыхъ было вообще очень мало тогда и большинство изъ этихъ немногихъ были недавніе выходцы изъ Германіи, не сумѣли или были не въ силахъ использовать настроеніе рабочихъ массъ, или же, благодаря тому, что послѣ продолжительнаго кризиса начался подъемъ въ промышленности, но фактъ тотъ, что 1887 г. знаменуетъ собою рѣзкій поворотъ отъ политики въ сторону чистаго профессіональнаго движенія. Начинается усиленное развитіе профессіональныхъ союзовъ и стремленіе къ еще большему сплоченію и къ концентраціи этихъ союзовъ. Сторонники „политической нейтральности“ одерживаютъ на съѣздѣ Федераціи въ 1887 г. рѣшительную побѣду, и политика изгоняется изъ сферы подлежащихъ обсужденію въ рамкахъ тредъ-юніоновъ вопросовъ.

Острый кризисъ 1892—96 г. пробуждаетъ рабочихъ отъ поли-

тическаго индифферентизма, въ который они стали все глубже и глубже погружаться. Изгнанная политика вновь проникаетъ въ огороженные „нейтральностью“ тредъ-юніоны и громко заявляетъ о своемъ существованіи, настойчиво требуя къ себѣ вниманія. Послѣднему, между прочимъ, содѣйствовало еще то обстоятельство, что въ теченіе 1892 г. произошелъ цѣлый рядъ рѣзкихъ и кровавыхъ столкновеній, вызванныхъ, главнымъ образомъ, вооруженнымъ вмѣшательствомъ правительственныхъ властей въ защиту интересовъ предпринимателей. Такого рода столкновеніе произошло на стале-литейномъ заводѣ, почивающаго нынѣ на „лаврахъ“ извѣстнаго архи-милліонера и „филантропа“ Карнеджи, въ Гомстедѣ *) (Cornegy Steel Co. Homstad Pa), въ угольныхъ копяхъ Тененси и серебряныхъ Кердалена и Алабама.

Какъ непосредственное слѣдствіе начавшагося кризиса и только что упомянутыхъ столкновеній, мы видимъ, что уже на съѣздѣ Федераціи въ 1893 г. въ Чикаго вопросъ о самостоятельной рабочей политикѣ, вопреки всѣмъ стараніямъ консервативныхъ лидеровъ не допустить обсужденій этого вопроса, вносится по волѣ большинства въ программу съѣзда и служитъ предметомъ долгихъ и страстныхъ споровъ.

Делегаты съѣзда съ большимъ, чѣмъ когда-либо, вниманіемъ прислушиваются къ доводамъ соціалдемократовъ въ пользу независимой рабочей политики. Большинство съѣзда хотя и не склоняется въ пользу рѣшительнаго самостоятельнаго политическаго выступленія, но, тѣмъ не менѣе, рѣшаетъ рекомендовать членамъ Федераціи слѣдующее:

1) Выбирать своихъ товарищей рабочихъ въ конгрессъ Соедин.-Штатовъ и различныя законодательныя учрежденія;

2) Подавать массой голоса противъ враговъ организованнаго труда, не принимая въ соображеніе личныхъ симпатій;

3) Программу, предложенную соціалдемократами, въ ея цѣломъ, передать на референдумъ всѣмъ входящимъ въ составъ Федераціи союзамъ. Этимъ рѣшеніемъ была уже нарушена „политическая невинность“ Федераціи и она дѣлаетъ робкій и нерѣшительный шагъ въ сторону политики.

Болѣе осязательный поворотъ рабочихъ массъ къ политикѣ, во время этого кризиса, видимъ еще въ томъ фактѣ, что этотъ пе-

*) Во время этой стачки, между прочимъ, впервые была употреблена вооруженная банда сыщиковъ, организованная извѣстнымъ Пинкертономъ (Pinkerton's National detective agency); рабочіе, ранивъ и убивъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, обратили ихъ въ бѣгство (300 челов.), послѣ этого были вызваны войска штата Пенсильваніи для подавленія стачки.

ріодъ 1892—94 знаменуетъ собою расцвѣтъ организовавшейся въ 1890 г. „Народной Партіи“ (Peoplès Party). Партія эта, какъ извѣстно, преслѣдовала цѣли и интересы средняго и мелкаго землевладѣнія и повально разоряющихся фермеровъ, но для привлеченія на свою сторону рабочихъ массъ она сулила рабочимъ 8-ми час. рабочій день и нѣкоторыя другія требованія, входящія въ программу minimum соц.-демократической партіи. Партія эта при выборахъ въ 1892 г. объединила вокругъ своей платформы 1½ милліона голосовъ. Представители этой партіи, выбранные въ конгрессъ Соед. Шт., заявили себя однако тамъ не только не друзьями рабочихъ, но, наоборотъ, ихъ отъявленными врагами, одобривъ беззаконное дѣйствіе президента Кливленда, предпринятое имъ для подавленія желѣзнодорожной стачки въ Чикаго въ 1894 г. Будучи по существу своему мелко-буржуазной партіей, она вскорѣ была поглощена демократической партіей и въ 1896 г. совершенно сметена Браянистскимъ движеніемъ.

Всѣ эти три партіи: „Гринбаковская Партія“, о которой я выше уже упомянулъ, „Народная Партія“ и, наконецъ, „Браянистско-Демократическая Партія“ были лишь судорогами умирающаго и быстро исчезающаго, если еще не исчезнувшаго, средняго класса. И въ своемъ желаніи спастись отъ неминуемой гибели въ борьбѣ съ крупной буржуазіей этотъ классъ часто ищетъ поддержку пролетаріата, суля приэтомъ послѣднему земныя блага, объ осуществленіи которыхъ этотъ классъ не только не думаетъ, какъ это мы видѣли на примѣрѣ съ „Народной Партіей“, но, наоборотъ, ставитъ всяческія препятствія.

Вернемся однако къ Федераціи. Слѣдующій съѣздъ Федераціи въ 1894 г. въ Денверѣ состоялся подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ разыгравшейся только что грозной желѣзнодорожной стачки въ Чикаго, во время которой буржуазія, въ лицѣ своего представителя президента Кливленда, пустила еще разъ въ ходъ всѣ органы сконцентрированной въ ея рукахъ власти. Однимъ изъ главныхъ вопросовъ на очереди этого съѣзда былъ вопросъ о программѣ, предложенной соціалистами на предыдущемъ съѣздѣ. Программа эта, надо замѣтить, обсуждалась въ продолженіе года всѣми союзами, входящими въ составъ федераціи, и каждый союзъ высказывался опредѣленно за принятіе или непринятіе этой программы, поэтому делегаты на этотъ съѣздъ пріѣхали съ опредѣленными уже инструкціями. Не обошлось, конечно, безъ злоупотребленія со стороны заинтересованныхъ въ пораженіи соціалистовъ и предложенной ими программы.

Результатъ однако голосованія былъ таковъ, что почти единогласно приняты были всѣ пункты программы за исключеніемъ од-

ного и самаго кардинальнаго—это такъ называемый „Tenth plank"—десятый пунктъ, который требуетъ „обобществленія всѣхъ орудій производства, средствъ передвиженія и транспорта и обобществленія продуктовъ общественнаго труда".

По смыслу принятой программы въ ея хотя и урѣзанномъ видѣ Федерація должна была начать подготовку къ самостоятельному политическому выступленію рабочихъ. Склонность Федераціи къ политикѣ отчасти сказалась еще въ томъ, что Гомперсъ, основатель и бывшій долгіе годы президентомъ Федераціи, былъ на этомъ съѣздѣ, благодаря его рѣзкой борьбѣ противъ „политики", забаллатированъ и на его мѣсто выбранъ болѣе радикальный лидеръ углекоповъ Макъ-Брайдъ. Къ сожалѣнію, соціалисты не только не сумѣли воспользоваться этимъ моментомъ, но начали, и главнымъ образомъ, внѣ стоящіе элементы, съ энергіей достойной лучшаго дѣла, разрушать то, что созидалось годами терпѣливой работы людей, преданныхъ рабочему дѣлу и соціализму. Максъ Гейсъ (Max Hays) рабочій, одинъ изъ видныхъ дѣятелей какъ въ соціалистическомъ движеніи, такъ и въ американской федераціи труда, писалъ въ 1900 г. въ рабочей газетѣ „Cleveland Citizen", редакторомъ которой онъ состоитъ: „Я глубоко убѣжденъ, что Федерація и многіе національные юніоны объявили бы себя сторонниками соціализма еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, если бы не та безпрерывная борьба, которая велась нѣкоторыми фанатиками и такъ назыв. лидерами противъ тредъ-юніоновъ, громко приэтомъ хвастав-шими и угрожавшими послѣднимъ, что они разрушатъ „pure and simple" организаціи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ этихъ „лидеровъ" заявилъ на конвенціи Федераціи, что „мы вобьемъ соціализмъ въ вашу глотку и заставимъ его проглотить". Эта безтактная и глупая угроза,—замѣчаетъ М. Гейсъ,—дорого обошлась нашему общему дѣлу. Подобно тому, какъ лошадь можно силою вогнать въ рѣку, но нельзя ее заставить силой пить воду, такъ и человѣкъ, болѣе или менѣе уважающій себя, воспротивится попыткѣ силой вбить что либо въ его глотку. Если бы—говоритъ дальше Максъ Гейсъ—дѣло поведено было нѣсколько дипломатичнѣе и было сдѣлано честное, настойчивое и энергичное усиліе воспитать рабочихъ, американское рабочее движеніе било бы несомнѣнно тогда въ тактъ съ Европейскимъ движеніемъ".

Нельзя съ нимъ во многомъ не согласиться.

Лидеры единственной тогда „Соціалистической Рабочей Партіи" не только не оказались на высотѣ своего призванія, не только не оказались, какъ это отъ нихъ требовалъ моментъ, хорошими тактиками и педагогами, но своимъ безразсудно враждебнымъ отношеніемъ и систематической аттакой, которую они, послѣ конвенціи

1894 г. Федераціи, повели противъ послѣдней, безусловно нанесли на долгіе годы непоправимый вредъ дѣлу соціализма въ Америкѣ.

„Соціалистическая Рабочая Партія“ тогда уже совершенно подпала подъ вліяніе извѣстнаго Даніила Делліона, одного изъ тѣхъ „истинныхъ соціалистотъ“, которые, кромѣ медвѣжьей услуги, ничего не оказываютъ движенію. Вынесенный волной Генри Джоржевскаго движенія на поверхность, онъ во время раскола въ рядахъ этой Партіи объявилъ себя соціалистомъ. Будучи, въ сравненіи съ тѣми немногими тогда американскими соціалистами, человѣкомъ съ нѣкоторой эрудиціей, хорошій ораторъ, съ энергичнымъ и хитрымъ умомъ, онъ вскорѣ занялъ выдающееся положеніе въ Партіи. Этому способствовало еще то обстоятельство, что подавляющее большинство Партіи составляли въ то время нѣмецкіе и русско-еврейскіе выходцы, и они, конечно, обрадовались „американцу“ и охотно стали выдвигать его, за что они горько потомъ поплатились. Находясь безъ году недѣлю въ Партіи, онъ, ловко устранивъ стараго французскаго соціалиста Lucien Sanial, занимаетъ его мѣсто и дѣлается редакторомъ единственной въ то время соціалистической еженедѣльной газеты на англійскомъ языкѣ „People“. Окруживъ себя преданными людьми, онъ мало-по-малу вводитъ въ Партіи такой централизмъ, такой режимъ, что мало-мальски независимо мыслящій человѣкъ Партіи сталъ задыхаться въ этой невозможной созданной этимъ режимомъ атмосферѣ. Членъ Партіи, который осмѣливался критиковать дѣйствіе или тактику исполнительныхъ органовъ Партіи, или взгляды, высказываемые въ оффиціальномъ печатномъ органѣ Партіи, нерѣдко подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ исключался изъ Партіи.

Въ его же политическихъ взглядахъ и по отношенію всего рабочаго движенія онъ оказался крайнимъ „опортюнистомъ на изнанку“, если такъ можно выразиться.

„Политическій индифферентизмъ“ американскихъ рабочихъ онъ объяснялъ, какъ я уже это въ началѣ указалъ, исключительно тѣмъ, что во главѣ рабочихъ союзовъ стоятъ продажные лидеры и вся Федерація проникнута буржуазнымъ духомъ. Работа соціалистовъ внутри юніоновъ безполезна и непроизводительна; единственное радикальное средство—это разрушить Федерацію и организовать профессіональные союзы на новыхъ соціалистическихъ началахъ. Совершенно послѣдовательно этимъ своимъ взглядомъ онъ начинаетъ въ своей газетѣ „Eho People“ систематически безсмысленную кампанію противъ федераціи и лидеровъ ея и въ 1895 г., главнымъ образомъ, при его содѣйствіи организуется „Соціалистическій Алльянсъ Ремеслъ и Труда“—мертворожденное дитя. Попытка всевозможными и далеко нечистыми и несоотвѣтствующими

соціалистической и революціонной этикѣ средствами вдохнуть жизнь въ этого мертваго ребенка совершенно дискредитировала въ глазахъ широкихъ массъ рабочихъ не только этотъ несчастный и злополучный алльянсъ, но также и Соціалистическую Партію, которая на своемъ съѣздѣ въ 1896 г. индорсировала, хотя далеко не единогласно, этотъ алльянсъ. Алльянсъ не брезгалъ, напримѣръ, посылать своихъ членовъ занимать мѣста стачечниковъ, что конечно, было недостойно не только организаціи, именующей себя соціалистической, но вообще болѣе или менѣе порядочной. Такая своеобразная для соціалистовъ тактика была лишь на руку врагамъ соціалистовъ и соціализма въ тредъ-юніонахъ, и они, конечно, не преминули воспользоваться грубыми ошибками и безтактностями ихъ. Соціалисты долгое время не могли раскрыть рта въ тредъ-юніонахъ: они подверглись остракизму. И только съ организаціей въ 1897 г. „Соціалъ-Демократической Партіей", извѣстнымъ рабочимъ вождемъ Евг. Дебсомъ, возстановляется, благодаря разумной тактикѣ, принятой по отношенію къ тредъ-юніонамъ, между первымъ и послѣднимъ болѣе нормальное отношеніе, и соціалисты находятъ опять возможнымъ агитировать внутри тредъ-юніоновъ.

Джемсъ.

Въ Манчжурскихъ арміяхъ.

I.

25-го ноября 1905 года пришла изъ Читы телеграмма для свѣдѣнія всѣмъ воинскимъ чинамъ. На заголовкѣ телеграммы значилось: отъ Харбина до Иркутска-Майпадъ—Командующему войсками Забайкальской области и наказному атаману казачьяго войска!" Вотъ полный текстъ этой знаменательной телеграммы: „Сего 22-го ноября 1905 г. мы, казаки и солдаты всѣхъ частей Читинскаго гарнизона и вновь прибывшихъ частей, собравшись на второе Солдатское Собраніе въ зданіи желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, предоставленномъ намъ рабочими соціалъ-демократической рабочей партіи, обсуждали свои нужды и пришли къ слѣдующимъ рѣшеніямъ,—мы всѣ единодушно, какъ дѣйствительные, такъ и запасные, требуемъ: 1) увеличенія числа воинскихъ поѣздовъ для отправки въ Россію до 16 поѣздовъ въ сутки. Войска ѣдутъ отсюда съ оружіемъ и сдаютъ при высадкѣ начальнику эшелона; 2) немедленно выдать командировочныя деньги всѣмъ, кому полагается; 3) выдавать выѣзжающимъ кормовые не менѣе 50-ти коп. въ день до Иркутска и не менѣе 30-ти коп. далѣе; выдать уѣзжающимъ теплую одежду въ полную собственность, безплатный проѣздъ на родину и прогоновъ на одну пару лошадей всѣмъ живущимъ въ сторонѣ отъ желѣзной дороги; состояніе на дѣйствительной службѣ прекращается со дня отдачи приказа по частямъ объ увольненіи; 4) выдавать запаснымъ единовременно, до пріисканія службы—холостымъ 15 р., семейнымъ—35 р.; 5) уравненіе казачьяго сословія съ остальными по отбыванію воинской повинности. Казаки должны отбывать воинскую повинность такъ же, какъ и всѣ: получать лошадь, обмундированіе, снаряженіе и вооруженіе безплатно отъ казны. Всѣ повторительныя службы излишни, лагерные сборы и приготовительные разряды должны быть отмѣнены, и казаки должны служить на общихъ основаніяхъ съ солдатами; увеличеніе пищевого, вещевого и денежнаго довольствія остающихся на службѣ солдатъ и казаковъ: въ пищѣ установить — одинъ фунтъ бѣлаго, 2 фунта чернаго хлѣба и 20 коп. на приварочныя; хлѣбъ долженъ быть хорошаго выпеченія, пища должна быть хорошо приготовлена и разнооб-

разна, каптенармусъ и артельщикъ выбираются каждый на полгода всей ротой свободно, безъ всякаго давленія со стороны начальства. Изъ вещей выдавать ежегодно по 4 пары бѣлья и 2 пары сапогъ въ готовомъ видѣ или товаромъ, прибавляя деньги на шитье по современнымъ цѣнамъ, выдавать деньги на ремонтъ сапогъ—два рубля въ годъ, двѣ пары шароваровъ, мундиръ, хорошую теплую одежду и катанки; на лѣто 4 гимнастическія рубашки и одну пару лѣтнихъ шароваровъ; вещи по истеченіи года переходятъ въ собственность солдатъ. Вещи должны шиться по мѣркамъ, годность вещей опредѣляется выборными отъ солдатъ; увеличить жалованье до 5 руб. въ мѣсяцъ всѣмъ нижнимъ чинамъ безъ различія и уменьшить содержаніе штабъ-офицерамъ и генераламъ; 7) улучшить казарменныя помѣщенія и обстановку, помѣщать только въ здоровыхъ, сухихъ, чистыхъ, теплыхъ и свѣтлыхъ комнатахъ съ хорошей вентиляціей; каждому солдату должна быть одна койка и столъ со шкафомъ, выдать каждому столовую, чайную посуду, выдать каждому казенное одѣяло, подушку, 2 простыни и 2 наволочки; 8) улучшить больничное дѣло, необходимы хорошіе больничные халаты, хорошая пища, достаточное количество нужныхъ лекарствъ, внимательный и вѣжливый уходъ за больными; замѣнить офицеровъ завѣдывать госпиталями и назначить врачей; 9) улучшить караульныя помѣщенія, въ караулѣ разрѣшать смѣнившимся съ постовъ лежа читать и прочее, снимая караульную аммуницію, приносить хорошую, горячую пищу, отмѣнить излишніе караулы; 10) восьмичасовой рабочій день,—ограничить время строевыхъ и служебныхъ занятій въ войскахъ, учрежденіяхъ и заведеніяхъ 8 час. въ сутки. Въ эти 8 рабочихъ часовъ должны входить всѣ обязательныя занятія солдатъ,—строевыя и словесныя занятія, разборка, сборка и чистка оружія, учебныя прогулки, чистка аммуниціи, уборка казармъ, домашнія и кухонныя занятія, а въ казачьихъ частяхъ, кавалерійскихъ, артиллерійскихъ чистка и уборка лошадей и конюшенъ. Черныя хозяйственныя работы какъ-то: мойка половъ, уборка отхожихъ мѣстъ и т. п. должны производиться не солдатами, а по вольному найму; 11) отмѣна казенной прислуги, отмѣна посылки солдатъ на постороннія имъ работы; 12) свобода и неприкосновенность личности, — начальники не должны ругаться и бить солдатъ, всѣ должны обращаться къ солдатамъ вѣжливо и говорить ему *вы*; называть офицера по чину съ прибавкой слова господинъ, честь отдается лишь при исполненіи служебныхъ обязанностей съ приложеніемъ руки къ фуражкѣ и только по желанію самихъ солдатъ; никто изъ начальства не долженъ рыться въ сундукахъ, постеляхъ солдата и т. п.; письма должны съ почты приноситься прямо въ роты и отдаваться солдату, не распечатывая; повѣстки на денежныя письма солдатъ получаетъ самъ и самъ идетъ на почту за деньгами; солдатъ можетъ читать и приносить въ казармы какія угодно книги безъ разрѣшенія и безъ подписки командира; свободный

выходъ изъ казармы во всякое внѣслужебное время съ заявленіемъ лишь дежурному по ротѣ, безпрепятственный допускъ въ казармы родныхъ и знакомыхъ солдата, отмѣна вечерней переклички, право внѣ службы надѣвать штатское платье; 13) снять военныя положенія и усиленную охрану и не употреблять солдатъ и казаковъ для полицейской службы и усмиренія освободительныхъ народныхъ волненій; 14) полное уничтоженіе дисциплинарныхъ взысканій властію отдѣльныхъ начальниковъ; всякіе служебные проступки наказываются судомъ, состоящимъ изъ начальника и выборныхъ отъ солдатъ въ присутствіи роты. Преступленія противъ общихъ гражданскихъ законовъ и злоупотребленія начальства должны быть подсудны главному гражданскому суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Отмѣнить слѣдующіе виды взысканій: темный карцеръ, сажаніе на хлѣбъ и воду и постановку подъ ружье или подъ шашку и подъ ранецъ; 15) свобода собираться для обсужденія своихъ нуждъ и дѣлъ и т. д., но безъ всякаго разрѣшенія и безъ присутствія офицеровъ, если только они не приглашены самими солдатами. Право присутствовать на собраніяхъ и митингахъ, устраиваемыхъ вольными людьми, напр. рабочей партіей, право посѣщать всѣ общественныя мѣста безъ всякаго ограниченія; 16) свобода союзовъ, т. е. право устраивать солдатскія общества, напримѣръ, для устройства театра, библіотекъ, совмѣстныхъ чтеній, для выбора народныхъ представителей и. т. п.; 17) свобода стачекъ, т. е. право сговориться и сообща подать заявленіе какому угодно высшему начальству, минуя нежелательныхъ; 18) обязательное обученіе неграмотныхъ, устройство библіотекъ съ выпиской книгъ, газетъ и журналовъ безъ вмѣшательства начальства. Мы знаемъ, что удовлетвореніе перечисленныхъ требованій по законамъ, установленнымъ правительствомъ, отчасти не во власти командующаго войсками области и наказнаго атамана Забайкальскаго казачьяго войска, но въ настоящее время, когда правительство, подавляя народное волненіе, не считается со своими собственными законами, мы рѣшаемъ: если правительство нарушаетъ свои законы во вредъ и на горе народа, то нельзя считаться со старыми, силой навязанными, не народомъ установленными законами самодержавія, когда рѣчь идетъ о благѣ народа, а потому исполненію нашихъ справедливыхъ желаній со стороны командующаго войсками и наказнаго атамана Забайкальскаго казачьяго войска не видимъ никакихъ препятствій и рѣшительно на нихъ настаиваемъ, въ случаѣ неблагопріятнаго отвѣта за послѣдствія не ручаемся; отвѣтъ будемъ ждать до 12 час. дня 26-го сего ноября въ помѣщеніи цирка. Для улучшенія общаго военнаго быта въ видѣ временной и переходной мѣры къ замѣнѣ постоянной арміи всеобщимъ вооруженіемъ рабочаго класса мы со всѣми солдатами и казаками другихъ городовъ будемъ стремиться къ слѣдующему: 1) сокращеніе дѣйствительной службы до 2 лѣтъ и запаса до 8 лѣтъ; 2) новобранцы должны призываться и слу-

жить на своей родинѣ или вблизи отъ нея; 3) мы требуемъ, чтобы правительство назначило всѣмъ раненымъ и неизлѣчимо заболѣвшимъ въ послѣднюю японскую войну и въ прежнія войны восточной сибири—для холостыхъ не менѣе 20 руб. въ мѣсяцъ и для семейныхъ не менѣе 30 руб. на мужа и жену, прибавляя по 5 руб. на каждаго ребенка. Семьямъ убитыхъ выдавать пенсію – матерямъ, сестрамъ до замужества и бездѣтнымъ вдовамъ по 15 руб. въ мѣсяцъ и на каждаго ребенка по 5 руб.; 4) выдача семьямъ запасныхъ пособій за все время служенія ихъ кормильца на дѣйствительной службѣ; 5) батальонные военно-окружные суды должны быть отмѣнены, и дѣла имъ подсудныя должны разсматриваться въ общегражданскихъ судахъ при участіи присяжныхъ; 6) принимая во вниманіе, что не всѣ пострадавшіе за освободительное движеніе освобождены послѣднимъ манифестомъ, и что прежде всего не освобождены военно-служащіе и осужденные военными судами, мы требуемъ освобожденія всѣхъ борцовъ за народное дѣло. Наконецъ, принимая во вниманіе, что теперь по всей Россіи возсталъ рабочій классъ подъ знаменемъ соціалъ-демократической рабочей партіи, а засимъ поднимется и крестьянство, мы заявляемъ, что мы—сами крестьяне и рабочіе—сочувствуемъ ихъ борьбѣ и вмѣстѣ съ рабочей партіей отвергаемъ Государственную Думу, гдѣ не будетъ нашихъ представителей, и будемъ добиваться созыва Учредительнаго собранія, избраннаго всѣмъ народомъ безъ различія сословій, націй и пола, бѣдныхъ, образованныхъ и необразованныхъ съ подачей голосовъ прямымъ и тайнымъ голосованіемъ".

Вслѣдъ за этой телеграммой получилось изъ Читы по телеграфу постановленіе офицеровъ, военныхъ врачей и военныхъ чиновниковъ Читинскаго гарнизона. Привѣтствуя резолюцію нижнихъ чиновъ, они вполнѣ къ ней присоединяются и постановляютъ образовать союзъ военныхъ, объединившихся на вышеизложенной программѣ. Слѣдуетъ 28 подписей офицеровъ, 31 военныхъ врачей и 6 чиновниковъ.

Этимъ постановленіямъ предшествовали и за ними слѣдовали грандіозные митинги солдатъ и казаковъ, на которыхъ соціалъ-демократіей велась самая широкая агитація: 4 ноября было собраніе солдатъ въ 150 человѣкъ, на которомъ говорилось о солдатской забастовкѣ. Съ 5-го до 15-го ноября происходили ежедневные митинги рабочихъ, и на этихъ митингахъ перебывало не мало солдатъ и казаковъ. Съ 15-го ноября стали происходить многочисленные митинги, на которыхъ солдатъ было уже гораздо больше, чѣмъ рабочихъ; 15-го ноября въ желѣзно-дорожной мастерской происходило собраніе солдатъ желѣзно-дорожнаго батальона и рабочихъ (600—700 чел.). Много говорилось объ увольненіи запасныхъ, о войнѣ, о революціонномъ движеніи народа, — и все это закончилось призывомъ переходить на сторону народа; 16 ноября въ желѣзно-дорожныхъ же мастерскихъ происходилъ митингъ по преимуществу сол-

датъ и казаковъ (4,000 ч.), на которомъ выставляли и обосновывали различныя солдатскія требованія; 17-го ноября—собраніе въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ солдатъ и рабочихъ (2,000 ч.),—говорили о войнѣ о положеніи солдатъ и о томъ, подъ какимъ флагомъ слѣдуетъ итти солдатамъ; 18-го ноября—собраніе въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ солдатъ и рабочихъ (2,000 ч.),—говорилось о всенародномъ возстаніи, о роли солдатъ въ революціонномъ движеніи, о замѣнѣ постоянной арміи всенародной милиціей, говорилось о томъ, что солдаты это тѣ же рабочіе и крестьяне, лишь наряженные въ мундиры; 21-го ноября—собраніе въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ солдатъ и рабочихъ (свыше 2,000 ч.),—говорилось объ освобожденіи арестованныхъ товарищей-солдатъ и о ближайшихъ солдатскихъ требованіяхъ, принято предложеніе образовать солдатскую организацію; 22-го ноября—собраніе солдатъ въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ,—рѣчь шла о внѣшнемъ и внутреннемъ врагѣ, учредительномъ собраніи, избирательномъ правѣ и демократической республикѣ, разбирались практическіе вопросы и вырабатывались требованія солдатъ, организованъ совѣтъ солдатскихъ и казачьихъ депутатовъ, 23-го ноября происходила демонстрація солдатъ и казаковъ,—говорилось о солидарности солдатъ, казаковъ и рабочихъ въ борьбѣ съ правительствомъ. 24-го, 25-го, 26-го, 27-го, 28-го... собранія, собранія и собранія все въ томъ же духѣ.

24-го ноября обыватели Читы и пріѣзжіе были свидѣтелями доселѣ невиданнаго еще зрѣлища. По улицамъ Читы двигались въ полномъ вооруженіи 600 забайкальскихъ казаковъ съ красными флагами, съ пѣніемъ русской марсельезы. Штыки были приспущены въ знакъ полнаго повиновенія велѣніямъ народной массы, сопровождавшей процессію.

На телеграмму, посланную казаками и солдатами, къ назначенному сроку не было получено никакого отвѣта отъ командующаго и наказнаго атамана, и казаки, солдаты и рабочіе захватили городъ въ свои руки. Будучи приглашенъ на одинъ изъ митинговъ, губернаторъ Холщевниковъ просилъ разрѣшить ему дать телеграмму объ отставкѣ.

Читинская резолюція солдатъ и казаковъ была принята также Стрѣтенскимъ, Хайларскимъ и Нерчинскимъ гарнизонами, которые выставили тѣ же требованія.

Городъ Канскъ также былъ захваченъ рабочими и присоединившимися къ нимъ солдатами. Солдаты Канскаго гарнизона выпустили воззваніе: „Граждане! Власти, такъ долго душившія всѣхъ насъ, окончательно обезсилѣли. Родинѣ нашей, измученной и залитой кровью, грозитъ полное безначаліе. Мы, солдаты, вѣрные сыны своего народа, даемъ клятву охранять вашу личную безопасность и вашу свободу, купленную столь дорогой цѣной.

„Граждане! Отнынѣ въ гор. Канскѣ вы будете подъ нашей охраной пользоваться полной свободой слова, совѣсти, собраній, союзовъ и

неприкосновенности личности. Ваши собранія, ваши митинги, ваши политическія права мы охранимъ силой оружія. Подъ свою охрану мы беремъ также и ваши выборы въ Городскую Думу на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права. Граждане! Мы, солдаты Канскаго гарнизона, даемъ вамъ теперь возможность на дѣлѣ осуществить ваши политическія права. Не медлите и организуйте выборную власть! . Отъ солдатъ Канскаго гарнизона".

Городъ Красноярскъ окончательно перешелъ въ руки народа—имъ заправлялъ объединенный совѣтъ депутатовъ отъ мѣстнаго гарнизона солдатъ и рабочихъ. Часть полиціи была разоружена. 2-ой желѣзнодорожный батальонъ цѣликомъ примкнулъ къ мѣстному гарнизону и рабочимъ. На многочисленныхъ митингахъ имъ былъ выработанъ рядъ экономическихъ требованій и предъявленъ командиру, при чемъ было заявлено, что батальонъ забастуетъ, если требованія не будутъ выполнены въ теченіе 24 часовъ. Кромѣ того было заявлено, что батальонъ переходитъ на сторону народа и требуетъ Учредительнаго собранія. Чтобы успѣшнѣе выполнить указанную задачу солдаты признаютъ необходимымъ реформировать Городскую Думу на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Поэтому было постановлено до тѣхъ поръ оставаться въ Красноярскѣ, пока не будетъ созвана Городская Дума на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія.

Такъ какъ въ требованіяхъ имъ было отказано, то батальонъ забастовалъ и постановилъ, что 1) батальонъ признаетъ начальствомъ надъ собой только комитетъ депутатовъ отъ ротъ во главѣ съ прапорщикомъ Кузьминымъ, 2) всѣ работы и службы, не относящіяся къ пользѣ нижнихъ чиновъ, прекращены, 3) отъ всѣхъ офицеровъ деньщики отобраны. (Изъ бюллетеня 2-го ж. д. бат.).

Вечеромъ того же дня батальонъ выпустилъ объявленіе о полной гражданской свободѣ въ городѣ,—онъ заявилъ готовность содѣйствовать проведенію ея въ жизнь. Приказы по батальону издавались комитетомъ. Около 12 ч. дня 9-го декабря батальонъ въ полномъ составѣ подъ командой прап. Кузьмина съ охраной верховыхъ разъѣздовъ выступилъ изъ казармы на демонстрацію съ краснымъ знаменемъ, на которомъ было написано: „Свобода, Равенство и Братство". Противъ мятежниковъ былъ выставленъ 3-й запасной Сибирскій батальонъ и конвойная команда. Но послѣ переговоровъ съ наступавшими на нихъ народными войсками, они съ криками „ура" перешли на сторону народа. Отнынѣ всѣ распоряженія въ городѣ отдавались, всѣ дѣла вершались исключительно объединеннымъ комитетомъ солдатъ и рабочихъ: согласно приказу комитета эвакуировались изъ города запасные, согласно его приказу имъ выдавались изъ цехгаузовъ полушубки, шинели, мундиры, комитетомъ чинился судъ, были освобождены изъ подъ ареста всѣ содержавшіеся на гауптвахтѣ, судимы вторично и т. д. (Изъ того же бюллетеня).

Власти совершенно растерялись, и эта растерянность, какъ нельзя лучше, сказалась въ прокламаціи, выпущенной Красноярскимъ губернаторомъ. (См. „Красноярскіе декабрскіе дни").

Въ Иркутскѣ мѣстный гарнизонъ. желѣзнодорожный баталіонъ и другія запасныя части всецѣло присоединились къ мѣстной рабочей организаціи и совмѣстно съ нею выбрали общій комитетъ. Весь городъ очутился въ ихъ рукахъ. Происходили грандіозные митинги солдатъ и рабочихъ, на которыхъ велась самая широкая агитація.

Одно время въ городѣ не было другой власти, кромѣ власти рабочихъ и солдатъ, перешедшихъ на сторону народа. Въ послѣднихъ числахъ ноября въ Иркутскъ прибылъ съ театра военныхъ дѣйствій иркутскій полкъ.

Большинство солдатъ разбрелось по митингамъ.

Представлялась полная возможность арестовать командира полка. Но солдаты и преданные народу офицеры не сдѣлали этого шага: они способны были лишь на то, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ сопротивляться, если на нихъ нападутъ, но не произвести самимъ активное нападеніе. Между тѣмъ командиръ на слѣдующій день арестовалъ солдатскій комитетъ и нѣкоторыхъ офицеровъ, и этотъ арестъ дался ему легко. Дѣло въ томъ, что въ городѣ все и вся до этого момента велось открыто, и всѣ знали, изъ кого состоитъ, и гдѣ засѣдаетъ солдатскій комитетъ, имѣвшій засѣданія помимо общаго комитета. Съ другой стороны, мѣста засѣданій солдатскаго и общаго комитетовъ никѣмъ не охранялись, ибо некого было опасаться. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался командиръ иркутскаго полка и арестовалъ солдатскій комитетъ и нѣкоторыхъ офицеровъ; но не надолго, такъ какъ на слѣдующій день иркутскій гарнизонъ силою освободилъ арестованныхъ. На созванномъ вслѣдъ за тѣмъ митингѣ рѣшено было захватить командира, если при этомъ не придется проливать братской солдатской крови. Цѣлый батальонъ окружилъ мѣстопребываніе командира и вступилъ въ переговоры съ окружавшей его стражей, состоявшей изъ 70 человѣкъ. Послѣдняя не соглашалась на выдачу; тогда батальонъ, ничего не предпринявъ, разошелся, и командиръ остался на свободѣ. Это обстоятельство послужило началомъ конца Иркутской вольницы въ виду того, что, благодаря халатности руководителей и всего гарнизона, инициатива изъ ихъ рукъ перешла къ командиру иркутскаго полка, онъ незамѣтно предпринялъ въ дальнѣйшемъ цѣлый рядъ дѣйствій, которыя въ совокупности и погубили иркутскую свободу.

Всѣ три громадныя манчжурскія арміи, сосредоточенныя къ юго-востоку и западу отъ Харбина и въ самомъ Харбинѣ, представляли собой, въ военномъ смыслѣ, лагерь полнаго растлѣнія. Сказать о Манчжурскихъ арміяхъ, что дисциплина въ нихъ значительно хромала— значитъ сказать слишкомъ мало: дисциплина въ нихъ совершенно отсутствовала. Начальствующіе потеряли всякую власть надъ нижними

чинами: послѣдніе не исполняли ихъ приказаній, при встрѣчѣ не отдавали чести и совершенно открыто ругали ихъ самой площадной руганью. У всѣхъ тѣхъ, кто долженствовали командовать и повелѣвать, чувствовалась полнѣйшая разслабленность и разсѣянность. Чуть ли не на слѣдующій день послѣ Владивостокскаго октябрьскаго разгрома главнокомандующій Линевичъ измѣнилъ *радикально* весь первоначальный, незадолго передъ тѣмъ опубликованный имъ, планъ демобилизаціи арміи: по первоначальному плану не было раздѣленія арміи на запасныхъ и дѣйствительныхъ,—эвакуировались цѣлыя части, состоящія изъ тѣхъ и другихъ. Была даже тенденція отправлять раньше дѣйствительныхъ, которые нужны были Петербургу для подавленія революціи.

Владивостокскій погромъ заставилъ въ корнѣ измѣнить этотъ планъ—дѣйствительныя войска рѣшено было двинуть въ Россію лишь послѣ того, какъ *всѣ* запасные будутъ эвакуированы. Тонъ, съ которымъ главнокомандующій обратился тогда къ своей арміи, былъ такой рабій, такой трусливый; дѣйствительныя причины, заставившія его въ корнѣ измѣнить планъ демобилизаціи, были до того явны, что даже самый послѣдній дуракъ въ арміи все уразумѣлъ. Генералъ Линевичъ былъ до того растерянъ, что не былъ въ силахъ хоть какъ-нибудь замаскировать дѣйствительныя причины перемѣны имъ фронта. Для всѣхъ стало ясно: „Бунтуй, и все тебѣ дастся, а не будешь бунтовать, сгніешь въ постылой Манчжуріи!“ Въ эвакуаціи наступила полная анархія: цѣлые батальоны съ запасными двинулись въ путь по своему собственному рѣшенію. Такъ, на 4-омъ разъѣздѣ отъ Харбина, 2 батальона подошли въ полномъ составѣ къ станціи желѣзной дороги и потребовали, чтобы ихъ немедленно посадили въ вагоны и отправили домой. Начальство заерзало, но должно было подчиниться неизбѣжному, и эти два батальона были тотчасъ же посажены и отправлены внѣ всякой очереди. Въ самомъ Харбинѣ, резиденціи начальника тыла, заволновались расположенные тамъ запасные батальоны и всѣ госпитальныя команды. Они открыто грозили своему начальству забастовкой, и для всякаго, кто находился въ это время въ Харбинѣ, было очевидно, что не сегодня-завтра эта угроза будетъ исполнена, и Харбину грозилъ неминуемый разгромъ. Нѣкоторыя госпитальныя команды уже отказались производить какія-либо работы, не взирая на всѣ просьбы и заискиванія своихъ главныхъ врачей и смотрителей. Всѣ смотрители отправились къ начальнику госпиталей полковнику Ашехманову и доложили ему о происходящемъ. Тотъ кинулся съ докладомъ къ Надарову, и на общемъ совѣтѣ было рѣшено отправить Харбинскіе запасные батальоны и всѣ госпитальныя команды *внѣ очереди*. Въ концѣ ноября всѣ они были отправлены домой. Командующіе чувствовали свое безсиліе *усмирять* и должны были во всемъ *удовлетворять*!

Броженіе въ арміи достигло крайнихъ предѣловъ, и то здѣсь, то

тамъ начали кристаллизоваться солдатскія организаціи, отчасти болѣе или менѣе самостоятельно, но, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ привносимой извнѣ революціонной пропаганды. На разъѣздѣ Іоманхо образовалась солдатская организація „Самооборона“ 4 и 5-го Россійскихъ армейскихъ корпусовъ: „Начальническій произволъ заставляетъ насъ соединиться воедино для защиты себя отъ него на будущее время и разъ навсегда покончить со старыми порядками... ...Насталъ удачный моментъ... Читинцы уже сдѣлали первый шагъ...“ Въ городѣ Шуанченпу возникла солдатская организація подъ названіемъ „Союзъ арміи“: „Дорогіе сограждане! Мы, организованные нижніе чины запаса, считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ предупредить Васъ и сообщить Вамъ слѣдующее: гнусное, низвергнутое полицейское правительство оторвало насъ отъ нашихъ жизненныхъ потребностей и обязанностей предъ своими родными, согражданами и родиной. Большая часть изъ насъ оторвана отъ земли самыхъ плодородныхъ губерній. Если мы не будемъ къ февралю мѣсяцу дома, то мы, нѣсколько сотенъ тысячъ, обратимся въ разбойниковъ и нищихъ и милліоны женщинъ и дѣтей умрутъ отъ голода; наши семейства терпятъ нужду и оскорбленіе отъ негодяевъ, прислужниковъ преступнаго стараго правительства. Мы позорною войною потеряли всѣ наши земли; японцы насъ обзываютъ позорною кличкой... потому что интенданты и генералы съ разными командирами насъ грабили, набивали свои карманы; мы только здѣсь все узнали и все поняли, мы своею кровью и народными деньгами защищали чужую дорогу и собственность, не государственную, не народную, а дорогу и интересы нѣсколькихъ негодяевъ, милліонеровъ, аристократовъ, которые на кровныя деньги содержали разбойниковъ, воровъ Алексѣевыхъ и Стесселей и съ ихъ прихлебывателями. Генералы и командиры держатъ насъ въ холодныхъ, сырыхъ и темныхъ собачьихъ берлогахъ, которыя они называютъ полуземлянками, шалашами, а сами живутъ въ обстроенныхъ на нашъ счетъ, выстланныхъ досками, фанзахъ и роскошныхъ вагонахъ; кормятъ насъ всякой дрянью, а себѣ поѣздами доставляютъ вина и вкусныя деликатности. Мы страдали и голодали, а генералы съ разными командирами бражничали въ тылу и пьянствовали съ проститутками. Наши честные товарищи-забастовщики желѣзныхъ дорогъ обѣщаютъ намъ по пятнадцати поѣздовъ въ сутки для перевозки насъ въ Россію, а генералы съ главнокомандующими задерживаютъ насъ, чтобы дальше получать большія деньги за счетъ нашихъ животовъ и набивать себѣ карманы. Терпѣнію нашему скоро приходитъ конецъ. Въ газетѣ Манчжурскихъ армій насъ Линевичъ дурачитъ разными обѣщаніями да развлекаетъ насъ подложными солдатскими письмами, а исполненія обѣщаній не видно,—онъ не насъ, а себя дурачитъ. Мы отомстимъ самымъ страшнымъ образомъ; мы смерти не боимся,—это знаетъ вся Европа и Азія, это мы доказали подъ Ляояномъ и Мукденомъ, надѣемся, что намъ

помогутъ, насъ поддержатъ остальные товарищи и честные благородные офицеры".

Броженіе въ Харбинскомъ гарнизонѣ вылилось, въ концѣ концовъ, въ организацію съ солдатскимъ комитетомъ изъ 20 человѣкъ во главѣ. Отъ этого комитета въ серединѣ ноября явилась депутація въ мѣстный соціалъ-демократическій комитетъ и заявила, что весь Харбинскій гарнизонъ рѣшилъ присоединиться къ соціалъ-демократическому комитету и ждетъ отъ него инструкцій:

„Не найдете ли вы цѣлесообразнымъ арестовать Надарова, тогда мы это немедленно сдѣлаемъ!" Подобная же депутація съ однородными предложеніями явилась въ Харбинскій соціалъ-демократическій комитетъ и отъ комитета пограничной стражи, расположенной къ югу, востоку и западу отъ Харбина. Послѣдняя депутація заявила, что на собраніяхъ, происходившихъ въ разныхъ мѣстахъ вдоль полотна жел. дороги, пограничная стража рѣшила образовать организацію и выбрала общій солдатскій комитетъ, которому всѣ подчиняются. Они убѣждены, что лучше всѣхъ ихъ интересы защищаютъ соціалъ-демократы, а потому отдаютъ себя въ полное ихъ распоряженіе. Изъ разговоровъ съ представителями этихъ двухъ солдатскихъ комитетовъ стало ясно, что ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ представленія о томъ, что такое соціалъ-демократія, къ которой они желаютъ всецѣло присоединиться. Но одновременно съ тѣмъ выяснилось, что въ соціалъ-демократіи они видѣли единственнаго печальника своихъ солдатскихъ интересовъ, насколько они сами понимали эти интересы. Соціалъ-демократія была единственной партіей, которая въ дни свободы выступила на театрахъ военныхъ дѣйствій открыто и рѣшительно и повела въ войскахъ самую энергичную пропаганду и агитацію, главнымъ образомъ, письменную. Имѣя въ своемъ вѣдѣніи три типографіи, въ томъ числѣ и двѣ большія, захваченныя стачечнымъ комитетомъ—губернскую и желѣзнодорожную,—соціалъ-демократическій комитетъ издалъ въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ цѣлую серію листковъ, которые популярно освѣщали солдатамъ всѣ крупные этапы нашей революціи, всѣ событія, волновавшія родину и армію. Листки издавались въ количествѣ 50—60 тысячъ экземпляровъ каждый и совершенно открыто раздавались, какъ въ тылу, такъ и на позиціяхъ и проходящимъ эшелонамъ. Не было ни одного случая, чтобы какая-нибудь кара постигла тѣхъ, кто распространялъ прокламаціи. Для характеристики полной растерянности начальствующихъ поучителенъ слѣдующій эпизодъ: на разъѣздѣ № 77 24-го ноября распоряженіемъ начальника штаба 31-й дивизіи былъ арестованъ нижній чинъ, распространявшій прокламаціи, и отправленъ въ штабъ 10 корпуса, а оттуда отправленъ въ Харбинъ въ распоряженіе жандармскаго полковника Шершова. Харбинскій стачечный комитетъ, немедленно извѣщенный о происшедшемъ, потребовалъ безотлагательнаго освобожденія арестованнаго, и послѣдній

былъ отпущенъ въ тотъ же день. На глазахъ жандармовъ, полковниковъ, капитановъ раздавались на станціяхъ солдатамъ листки самаго крайняго антиправительственнаго содержанія, и, благодаря ли сочувствію, благодаря ли растерянности и страху передъ окутавшими всю Манчжурію густой сѣтью стачечными комитетами, офицеры молчали, сами брали изъ рукъ революціонеровъ листки и читали. Что касается содержанія солдатскихъ листковъ, то необходимымъ условіемъ ихъ успѣха являлось умѣнье связать событія, волновавшія Россію, съ кровными интересами самой арміи. Самымъ кровнымъ интересомъ арміи была наивозможно скорая отправка войскъ на родину. Въ ноябрѣ и всѣмъ слѣпымъ стало ясно, что начальники не въ силахъ справиться съ вопросомъ эвакуаціи: четыре эшелона въ день по 800—1000 человѣкъ въ каждомъ—было верхомъ мудрости Манчжурскаго Штаба и главнокомандующаго. Но во дни, когда шла артиллерія, эта цифра—3000 человѣкъ въ день—понизилась до 1000—1500. Разумѣется, начальство, какъ мы видѣли, всю вину въ такомъ кунктаторствѣ сваливало со своей больной головы на здоровую забастовщиковъ, они де, бастуя, перепортили въ октябрѣ всѣ паровозы и вагоны, они и теперь не хотятъ возить столько, сколько хотѣло бы заботливое начальство... Главнокомандующій, командующіе и штабы сугубо возрадовались, когда избранный общимъ собраніемъ рабочихъ и служащихъ всѣхъ службъ и отдѣловъ въ Харбинѣ стачечный комитетъ постановилъ примкнуть къ забастовкѣ желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ въ Россіи. Имъ представлялась пріятная возможность всѣ свои неурядицы свалить на стачечный комитетъ и бунтовщиковъ-рабочихъ. Правда, стачечный комитетъ постановилъ организовать забастовку такъ, чтобы не прекратилась эвакуація войскъ и снабженіе ихъ продовольствіемъ и топливомъ; но вѣдь солдатъ этой механики не разберетъ! Престижъ высшаго начальства—распорядителей и руководителей—до такой степени палъ въ Манчжурской арміи, сочувствіе къ освободительному движенію и стачечнымъ комитетамъ было такъ велико, что низшее офицерство въ большинствѣ было чрезвычайно радо этому переходу всего дѣла эвакуаціи изъ рукъ людей, довѣріе къ которымъ совершенно потерялось, въ руки стачечниковъ. Изъ разныхъ мѣстъ театра военныхъ дѣйствій стали получаться въ стачечный комитетъ со стороны офицерства выраженія симпатій стачечникамъ за рѣшенія ихъ вывозить войска. Такъ, изъ Барима получена была депеша отъ офицерскаго собранія 27-й сотни по случаю праздника сотни съ выраженіемъ всѣмъ рабочимъ и служащимъ симпатіи; подписали: ротмистръ Рекка, Шванебахъ, Орелъ, Даніель, Улитинъ, Языковъ. Изъ Хайлара отъ 27-го ноября Харбинскій стачечный комитетъ получилъ слѣдующую депешу: „Глубоко тронуты отзывчивостью стачечнаго комитета къ войскамъ; дай Богъ, чтобы и впредь дѣйствіями всѣхъ руководили тѣ же чувства братской любви, общечеловѣческой справедливости,

полной готовности жертвовать своими личными интересами на пользу родины. Подполковникъ Астафьевъ, штабсъ-капитанъ Блиновъ, врачъ Милевскій, поручикъ Самарцевъ, прапорщикъ Лалевскій".

Изъ Лошагоу отъ 29-го ноября получилась телеграмма... „Не откажите распоряженіемъ о возможно полномъ содѣйствіи для безпрепятственнаго проѣзда чиновъ арміи и штабовъ по южной вѣтви. Подполковникъ Ейлеръ".

Словомъ, въ стачечный комитетъ сразу повѣрили, и лишь теперь офицерство почувствовало въ дѣлѣ эвакуаціи твердую почву подъ ногами. Между тѣмъ высшіе начальники еще съ большимъ жаромъ продолжали свою старую работу натравливанія солдатъ на рабочихъ и служащихъ. Но въ ряду листковъ, посвященныхъ вопросу объ эвакуаціи войскъ, солдатамъ выясняли лживость утвержденій начальства. При освѣщеніи солдатамъ вопроса о томъ, отчего бастуютъ рабочіе, услугу революціонерамъ оказала стачка петербургскаго пролетаріата въ началѣ ноября. Благодаря этому факту—забастовкѣ рабочихъ съ требованіемъ отмѣны смертной казни надъ матросами и солдатами—все рабочее движеніе—даже во имя другихъ требованій, другихъ лозунговъ—стало неизмѣримо близко солдатской думѣ. И переходъ дѣла эвакуаціи въ руки стачечнаго комитета явился могучимъ орудіемъ не только *пропаганды* и *агитаціи* въ войскахъ, но и *организаціи* солдатскихъ массъ. Конечно, война съ Японіей и наши порядки на театрѣ военныхъ дѣйствій представляли достаточно элементовъ для критики: пропаганда и агитація *освѣщали* лишь то, что и безъ того *ощущалось* каждымъ солдатомъ. Но недостаточно было революціонерамъ критиковать старые порядки и звать на борьбу для осуществленія новыхъ; надо было дать массамъ синицу въ руки,—осуществлять для нихъ и вмѣстѣ съ ними какое-нибудь *конкретное*, кровное ихъ дѣло. Дѣло эвакуаціи и явилось этой синицей. Какъ ни „старалось" начальство, солдаты сразу почувствовали, что эвакуація ихъ перешла въ болѣе надежныя руки. Черезъ 2—3 дня изъ Харбина отправляли уже 5 эшелоновъ въ день, черезъ 5 дней 8 эшелоновъ, а черезъ недѣлю *пятнадцать* ежедневно. При старомъ же режимѣ выше 4-хъ число отправляемыхъ эшелоновъ не подымалось.

Одною изъ главныхъ причинъ медлительности въ эвакуаціи войскъ былъ недостатокъ въ теплушкахъ вообще и въ хорошо оборудованныхъ теплушкахъ въ особенности. Изъ Харбина теплушки отправлялись ежедневно на западъ, притекали же обратно въ Харбинъ со всей линіи весьма туго. Послѣ перехода дѣла въ стачечные комитеты закипѣла работа: рабочіе желѣзнодорожныхъ депо изъ силъ выбивались для того, чтобы удовлетворить этой насущнѣйшей потребности. Они сами отъ себя снаряжали цѣлыя коммиссіи для добыванія въ Монголіи и другихъ мѣстахъ необходимыхъ матеріаловъ для печей, оконныхъ рамъ, фонарей и т. п. Черезъ нѣкоторое время теплушки стали притекать въ Харбинъ

въ достаточномъ количествѣ и ускоренными поѣздами—по 200 вагоновъ въ день.

Было еще одно обстоятельство, которое грозило прекращеніемъ эвакуаціи войскъ на цѣлыхъ три мѣсяца. Къ началу ноября рабочіе Джалайнорскихъ угольныхъ копей стали грозить, что затопятъ копи; а В. К. ж. д. на значительномъ протяженіи только и питалась углемъ этихъ копей. Еслибы это случилось, жел. дорога перестала бы функціонировать мѣсяца на три. Тяжелое положеніе, въ которомъ находятся Джалайнорскіе рабочіе—ихъ 7 тысячъ — превосходитъ всякое вѣроятіе. Еще въ сентябрѣ—октябрѣ рабочіе стали требовать улучшенія своихъ казенныхъ жилищъ, постройки школы, повышенія жалованья, уменьшенія рабочаго дня. На ихъ просьбы никто не обращалъ никакого вниманія. Но къ ноябрю ихъ требованія становились все болѣе настойчивыми, дѣло грозило кончиться скверно, и о требованіяхъ рабочихъ былъ извѣщенъ начальникъ Вост. Кит. жел. дор. генералъ Хорватъ. Онъ также отнесся съ полнымъ пренебреженіемъ къ ихъ насущнымъ потребностямъ,—раздраженіе рабочихъ достигло крайнихъ предѣловъ и они рѣшили немедленно затопить копи. Тутъ только хозяева и начальство опомнились и заволновались. Посыпались многочисленныя телеграммы въ Джалайноръ съ обѣщаніемъ все сдѣлать, все удовлетворить, лишь бы рабочіе не учинили этого страшнаго шага. Но ничто не помогало,—чаша ихъ долготерпѣнія переполнилась, рабочіе рѣшили мстить. Въ эту критическую для жел. дор. минуту она перешла въ руки стачечнаго комитета. Послѣдній послалъ немедленно къ Джалайнорскимъ рабочимъ телеграмму съ просьбой отсрочить забастовку и отмѣнить рѣшеніе затопить копи „въ виду положенія дѣлъ по вывозкѣ войскъ и ея крайней необходимости для достиженія нашихъ общихъ политическихъ цѣлей". Черезъ день получился отвѣтъ отъ Союза рабочихъ и служащихъ Джалайнорскихъ копей, въ коемъ сообщалось, что они выражаютъ свою солидарность съ программой, выработанной въ Харбинѣ. Острый кризисъ въ дѣлѣ эвакуаціи прошелъ такимъ образомъ, благодаря вмѣшательству стачечнаго комитета.

Престижъ стачечнаго комитета росъ не по днямъ, а по часамъ. Командиры и офицеры прибывавшихъ съ позицій въ Харбинъ эшелоновъ обращались не къ своему начальству, а въ бюро стачечнаго комитета. Нерѣдко солдаты отряжали депутатовъ въ стачечный комитетъ съ просьбой отправить ихъ дальше, и эти просьбы, какъ офицеровъ, такъ и солдатъ удовлетворялись немедленно.

Рѣзкая грань должна быть проведена между тѣми тремя частями манчжурскихъ арміи, о которыхъ шла рѣчь въ предыдущемъ изложеніи: тою ея частью, которая была расположена къ югу отъ Харбина, тою частью, которая находилась въ Харбинѣ и Владивостокѣ, и тою, которая была расположена къ западу отъ Харбина, въ особенности къ за-

паду отъ станц. Манчжурія. Та часть арміи, которая находилась на, такъ наз., позиціяхъ и зимнихъ стоянкахъ, не приходила ни въ какое соприкосновеніе съ не армейскими элементами: совершенно не было тамъ никакихъ рабочихъ организацій, которыя могли бы воспитывать солдатъ политически, дать толчекъ и оказывать содѣйствіе солдатамъ въ созиданіи самостоятельныхъ солдатскихъ организацій.

До октябрьскихъ дней не было никакого революціоннаго вліянія на солдатъ со стороны посторонніхъ элементовъ, не было не только устной но даже письменной агитаціи. Какъ до, такъ и во время дней свободы газеты, даже Харбинскія, доходили до позицій чрезвычайно туго. А высшее военное начальство не оповѣщало арміи ни о какихъ событіяхъ, совершавшихся на родинѣ, ни даже объ актѣ 17-го октября. Такое же поведеніе оно предписывало и офицерству. Лишь послѣ манифеста письменная агитація разлилась широкой волной по всей арміи, расположенной на зимнихъ стоянкахъ. Но все дѣло ограничивалось здѣсь *только* агитаціей, *организаціонной* же связи между этой самой крупной частью арміи и революціонерами не было. Правда, подъ вліяніемъ широкой революціонной агитаціи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стали организовываться союзы солдатъ, „солдатскія самообороны", но эти союзы—самообороны были лишь исключеніемъ изъ общаго правила—полной дезорганизованности.

Благодаря многимъ факторамъ, о которыхъ я упоминалъ выше, благодаря революціонной агитаціи, глухое броженіе охватило всю эту часть арміи, но если бы это броженіе вылилось въ какое-либо дѣйствіе, то это дѣйствіе было бы лишь дикимъ разгромомъ, подобнымъ октябрьскому Владивостокскому разгрому,—это дѣйствіе не только означало бы умерщвленіе военачальниковъ и всего офицерства, но разрушеніе всей желѣзной дороги, избіеніе желѣзнодорожныхъ служащихъ, порчу всего желѣзнодорожнаго инвентаря: отсутствіе солдатскихъ организацій краткость времени, въ теченіе котораго велась революціонная агитація, невысокій духовный уровень солдатъ являются порукой тому, что это произошло бы именно такъ. Причина же, по которой это броженіе не вылилось наружу, заключается въ томъ, что солдаты, произведши разгромъ и сокрушивши все ихъ окружающее, были бы затѣмъ обречены на голодную смерть, и они не могли не сознавать этого. Дѣло въ томъ, что весь провіантъ для солдатъ доставляло окружающее китайское населеніе,—не *Россія*, а южная *Манчжурія* и Монголія кормили всю нашу армію. Доставка провіанта изъ глуби Манчжуріи происходила изо дня въ день и на виду у всѣхъ солдатъ—питаніе арміи было по общимъ отзывамъ поставлено вполнѣ удовлетворительно. Если бы солдаты поднялись, китайское населеніе исчезло бы, разбѣжалось въ разныя стороны. Грабить же у китайцевъ нечего было,—у нихъ не было никакого имущества, кромѣ несчастныхъ фанзъ, никакихъ складовъ со сло-

женнымъ провіантомъ, которыми могли бы завладѣть. А разрушеніе желѣзной дороги, умерщвленіе служащихъ, порча паровозовъ и т. п.,— что все это дало бы солдатамъ? Лишь еще большую задержку эвакуаціи! Очевидная, въ буквальномъ смыслѣ слова осязаемая безцѣльность разгрома, главнымъ образомъ, страхъ, какъ бы не умереть голодною смертью, удерживали солдатъ отъ разрушительнаго проявленія ихъ чувствъ.

Харбинъ и Владивостокъ по окружающимъ ихъ условіямъ воздѣйствія на солдатъ занимаютъ промежуточное мѣсто: съ одной стороны, въ обоихъ этихъ городахъ было много не армейскихъ элементовъ — и рабочихъ и интеллигентовъ; съ другой стороны, вліянію этихъ элементовъ на солдатъ препятствовали строгости военнаго времени, пушки и пулеметы. Послѣ же ратификаціи мирнаго договора, въ особенности послѣ манифеста 17-го октября, революціонное воздѣйствіе постороннихъ элементовъ на солдатъ, благодаря полной растерянности высшаго начальства и явному сочувствію большинства начальства нисшаго, стало проявляться во всей своей силѣ. Но матеріалъ, съ которымъ приходилось имѣть дѣло пропагандѣ и агитаціи, былъ далеко не одинаковъ въ Харбинѣ и Владивостокѣ,—въ послѣднемъ городѣ умственный уровень нижняго чина былъ куда выше, чѣмъ въ Харбинѣ (портовый городъ, матросы — русскіе плѣнные, возвратившіеся изъ Японіи!) Поэтому, благодаря краткости времени революціоннаго воздѣйствія, въ Харбинѣ не успѣли создаться сколько-нибудь прочныя солдатскія организаціи. Правда, Харбинскій гарнизонъ выбралъ изъ своей среды комитетъ изъ 20 человѣкъ, который, какъ мы видѣли, вошелъ въ сношеніе съ соціалдемократическимъ комитетомъ. Но самъ солдатскій комитетъ признавался, что организаціонно онъ не связанъ прочно съ солдатской массой и ни въ коемъ случаѣ не въ силахъ будетъ удержать ее отъ безмысленныхъ разрушительныхъ дѣйствій,—поэтому-то и была оставлена идея проявленія активныхъ дѣйствій со стороны гарнизона (арестъ Надарова т. д.). И во Владивостокѣ, благодаря этой же причинѣ—краткости времени революціоннаго воздѣйствія—въ солдатской массѣ, не успѣли возникнуть сколько-нибудь прочныя организаціи, и крайнее броженіе выливается въ дикій безумный разгромъ города въ октябрѣ. Но дальнѣйшая революціонная агитація въ продолженіе цѣлыхъ 2-хъ мѣсяцевъ въ связи съ сравнительно высокимъ духовнымъ уровнемъ Владивостокскаго солдата сдѣлали свое дѣло, и въ январѣ во Владивостокѣ разгорается движеніе, по своей организованности и сознательности рѣзко отличное отъ октябрьскаго.

Совершенно иначе сложились условія революціоннаго воздѣйствія не армейскихъ элементовъ на армію въ Читѣ, Иркутскѣ, Красноярскѣ, Канскѣ, Срѣтенскѣ и другихъ городахъ Забайкалья и Сибири. Сибирь и Забайкалье служили мѣстомъ ссылки политическихъ преступниковъ, —здѣсь

были революціонныя организаціи задолго еще до войны. Когда же явились военные, когда появилась возможность повести широкую пропаганду и агитацію въ мѣстныхъ гарнизонахъ, тогда все революціонное, скопившееся въ этихъ мѣстахъ,—безъ оглядки бросилось въ эту работу. Съ одной стороны, время воздѣйствія этихъ элементовъ на мѣстные гарнизоны было гораздо болѣе продолжительнымъ, чѣмъ въ Харбинѣ и Владивостокѣ, съ другой стороны, отдаленность отъ театра военныхъ дѣйствій предоставляла значительно большій просторъ для революціонизированія солдатскихъ массъ. Еще задолго до наступленія дней свободы среди солдатъ велась пропаганда и агитація не только письменная, но и устная. Во второй половинѣ октября наступила эра митинговъ. Процентное отношеніе между количествомъ солдатъ и рабочихъ на первыхъ митингахъ значительно разнилось отъ такого же отношенія на митингахъ послѣдующихъ: между тѣмъ какъ вначалѣ подавляющее большинство участниковъ были рабочіе; въ дальнѣйшемъ числѣ захваченныхъ теченіемъ солдатъ все болѣе и болѣе возрастало, пока наконецъ количественный перевѣсъ не перешелъ на ихъ сторону. Еще недѣля—другая, и солдаты стали уже созывать самостоятельные митинги съ приглашеніемъ на нихъ представителей отъ соц. дем. п. Они уже стали объединяться въ организаціи съ выборнымъ комитетомъ, мало-по-малу пріобрѣтшими прочную организаціонную связь съ солдатскими массами и имѣвшими на нихъ огромное вліяніе. Солдатскіе союзы, возникшіе въ октябрѣ въ разныхъ городахъ Сибири и Забайкалья и укрѣплявшіеся въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ вплоть до перехода этихъ городовъ въ другія руки—были, благодаря указаннымъ мною причинамъ, самыми прочными, самыми постоянными изъ всѣхъ подобныхъ же организацій, разсѣянныхъ по всей Манчжурской арміи (за исключеніемъ развѣ январьскихъ Владивостокскихъ).

Что же представляли собой всѣ эти захваченныя революціей солдатскія массы—организованныя и неорганизованныя? На что были способны самые сознательные изъ солдатъ? Если не говорить объ единицахъ, не было среди нихъ такихъ элементовъ, которые захотѣли бы поднять активное знамя возстанія. Самое большее, на что способны были солдаты, это вооруженное *сопротивленіе*, но ни въ коемъ случаѣ не вооруженное *нападеніе*. Но и этихъ самыхъ революціонныхъ элементовъ все же было меньшинство. Значительное большинство представляло собою пассивную массу, которая, независимо отъ своихъ симпатій и антипатій, немедленно примыкала къ сторонѣ, проявившей или могущей проявить большую силу. Стоило лишь появиться на сцену орудіямъ и пулеметамъ, какъ эта самая значительная часть солдатской массы способна была лишь на то, чтобы попрятаться и выжидать дальнѣйшихъ событій. Какъ ни старалась революціонная агитація, ей все же пока не удалось вбить въ голову солдата ту, какъ казалось ей, простую мысль,

что зло солдатской жизни зависитъ отъ основного зла всей русской жизни. Захвативъ совмѣстно съ рабочими города въ свои руки, солдатскіе гарнизоны въ массѣ своей сидѣли и ждали, пока *какимъ-либо путемъ* не изгонятся всѣ плохіе начальники и атаманы, пока *какъ-нибудь* не удовлетворятся всѣ солдатскія нужды, пока всѣ эти города по какому-то наитію свыше не очутятся уже на законномъ основаніи во владѣніи солдатъ и рабочихъ и выбранныхъ ими начальниковъ.

Машинъ.

Къ декабрьскимъ днямъ.

Манифестъ 17-го октября засталъ Красноярскъ во время всеобщей городской и желѣзнодорожной забастовки. Въ народномъ домѣ ежедневно происходили митинги при громадѣйшемъ стеченіи народа. Руководили митингами соц.-демократы. 21 октября разыгрался 2-й актъ свободы—явились черносотенцы, окружили народный домъ, въ которомъ происходилъ митингъ, и грозили избіеніемъ. Явились вскорѣ казаки, но они держали нейтралитетъ, они не помѣшали произойти столкновенію. Въ результатѣ оказалось 14 убитыхъ и много раненыхъ на той и другой сторонѣ. Черносотенное движеніе было организовано однимъ изъ гражданъ Красноярска. Власти активнаго участія не принимали, какъ въ другихъ мѣстахъ. Губернаторъ былъ противъ погрома, но „не могъ не разрѣшить патріотической манифестаціи, такъ какъ онъ разрѣшалъ митинги...“ Во всякомъ случаѣ, въ Красноярскѣ *инициативы* исходила не отъ полиціи. Результатомъ черносотеннаго движенія было то, что горожане страшно были перепуганы, и всякіе митинги въ Народномъ домѣ прекратились. Сорганизовалась „партія мира и порядка“ подъ предсѣдательствомъ Афанасія Смирнова. Либеральные элементы въ противовѣсъ ей образовали „свободную народную партію“, которую потомъ они называли въ скобкахъ констит.-демократической. Въ городѣ появилась газета „Голосъ Сибири“ прогрессивнаго направленія.

Революціонное движеніе перешло въ желѣзнодорожныя мастерскія. Зданіе сборно-паровознаго цеха сдѣлалось теперь революціоннымъ очагомъ. Здѣсь Красн Комитетъ Р. С. Д. Р. П. устраивалъ митинги желѣзнодорожныхъ рабочихъ, которые вскорѣ привлекли и городскую публику. Соц.-демократическая партія стала все болѣе и болѣе пользоваться популярностью не только среди рабочихъ, но и среди всей демократіи. Многіе стали записываться въ партію. Рабочіе всецѣло признавали руководство соціалдемократіи и прислушивались къ каждому слову Красноярскаго Комитета. Вліяніе особенно увеличилось, когда удалось провести захватнымъ путемъ 8-мичасовой рабочій день въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Поставивъ въ числѣ своихъ задачъ улучшеніе экономиче-

скаго положенія желѣзнодорожныхъ рабочихъ и рабочихъ промышленныхъ предпріятій города, комитетъ образовалъ „комиссію по рабочему вопросу“, въ которую входили представители отъ разныхъ желѣзнодорожныхъ цеховъ и отъ городскихъ профессіональныхъ союзовъ. Эта комиссія впослѣдствіи положительно была завалена дѣлами. Вмѣшательство въ экономическую жизнь рабочаго класса, вліяніе рабочихъ на ходъ хозяйственной дѣятельности, нѣкоторые успѣхи, достигнутые рабочей комиссіей—все это имѣло результатомъ то, что на митингъ стали приходить очень многіе горожане со своими жалобами. Начали ежедневно подавать прошенія „въ соціалдемократическій комитетъ“, „предсѣдателю митинга“ и въ „рабочую комиссію“. Многіе излагали свои нужды устно на митингахъ и просили помощи. Вѣрили, что рабочіе все могутъ, что *здѣсь правда*. Куда только ни проникла „слава о комитетѣ“! Было не мало курьезовъ. Поступали, напримѣръ, прошенія „господину соціалдемократическому комитету“. Поступало много мелкихъ, подсудныхъ мировому судьѣ, дѣлъ. Все это показываетъ, какимъ авторитетомъ пользуются наши суды, и какъ народъ тяготѣетъ къ народному или, во всякомъ случаѣ, къ какому-то другому суду, а не тому, какой есть.

Если „экономическая“ дѣятельность соціалдемократической партіи привлекла городской пролетаріатъ на митинги, то начавшаяся агитація, по поводу объявленныхъ городской управой выборовъ въ Красноярскую городскую думу, вовлекала въ революцію и прочее городское населеніе.

Красноярскій городской голова оповѣстилъ о выборахъ въ Городскую Думу. Естественно, что на митингахъ возникъ вопросъ о городскихъ думахъ, о классовомъ характерѣ ихъ, о необходимости всенароднаго самоуправленія. Возникла идея образованія „городской комиссіи“ изъ горожанъ всѣхъ сословій. Эта комиссія могла бы организовать вокругъ себя всѣ революціонные элементы города. Она могла бы быть ячейкой, которая сыграла бы роль въ моментъ всенароднаго возбужденія, превратившись въ органъ революціоннаго самоуправленія. Пока же она могла бы контролировать дѣйствія Городской Думы, протестовать, когда Городская Дума выступала бы отъ имени города тамъ, гдѣ она не выражала интересовъ народа. Эта комиссія могла бы объявлять тотъ или другой бойкотъ и предпринимать рядъ общихъ дѣйствій. Она, конечно, тогда имѣла бы силу, если бы въ ея выборѣ участвовало солидное число горожанъ. Иначе большимъ авторитетомъ она бы не пользовалась, а показывала бы только, сколько революціонныхъ элементовъ имѣется въ Красноярскѣ. Вотъ почему рѣшено было объявить о комиссіи только тогда, когда она будетъ избрана не менѣе, чѣмъ 8000 че-

ловѣкъ. 4-го декабря на митингѣ (было около 5000) принята была слѣдующая резолюція, предложенная соціалдемократическимъ комитетомъ:

1) Принимая во вниманіе, что Городскія Думы избираются лишь небольшой кучкой наиболѣе зажиточныхъ горожанъ, мы заявляемъ, что такія думы не имѣютъ никакого права выступать гдѣ бы то ни было отъ имени населенія, а тѣмъ болѣе отъ имени народа, и онѣ не имѣютъ права налагать на народъ какіе-либо налоги.

2) Принимая во вниманіе, что ни одинъ изъ баллотирующихся гласныхъ не счелъ нужнымъ выяснить населенію свою программу, явившись на митинги въ сборные цехи или организуя свои митинги, и что, слѣдовательно, ни одинъ изъ гласныхъ не желалъ считаться съ мнѣніемъ самого населенія, мы заявляемъ, что не можемъ вѣрить обѣщаніямъ гласныхъ служить въ Думѣ на пользу населенія.

3) Чтобы будущее учредительное собраніе могло дать какъ можно больше правъ народу – необходимо населенію захватывать революціоннымъ путемъ различныя права, въ томъ числѣ и городское самоуправленіе. Въ пунктѣ четвертомъ говорится о необходимости демократизаціи государственнаго строя.

Проектъ городской комиссіи встревожилъ городскихъ гласныхъ и они хотѣли даже отмѣнить выборы, полагая, что революціонеры „сорвутъ“ засѣданіе. Но ихъ успокоили. Одновременно съ митингами въ цехѣ шла организація профессіональныхъ союзовъ. Нѣсколько союзовъ уже имѣлось: приказчиковъ, фармацевтовъ, учителей; теперь организовались союзы желѣзнодорожныхъ рабочихъ, столяровъ, чиновниковъ, телеграфистовъ, прислуги и пр.

Соціалдемократы принимали участіе въ организаціи нѣкоторыхъ профессіональныхъ союзовъ, проводя мысль объ исключительно нейтральныхъ союзахъ.

Въ концѣ ноября на митингахъ стали показываться сѣрыя шинели. На солдатъ, повидимому, митинги производили сильное впечатлѣніе. Слухи о митингахъ рабочихъ въ сборно-паровозномъ цехѣ распространились далеко за предѣлы Красноярска и, вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ разсказовъ 24-го ноября неожиданно на митингъ явился въ 3-хъ ротномъ составѣ 3-ій желѣзнодорожный баталіонъ и обратился къ рабочимъ съ просьбой помочь имъ, солдатамъ, въ борьбѣ, которую они начали со своимъ начальствомъ. Они ѣдутъ изъ Манчжуріи и по дорогѣ предъявили рядъ экономическихъ требованій; теперь они рѣшили остаться въ Красноярскѣ, пока не добьются своего и просятъ удержать какъ-нибудь штабъ баталіона, который хочетъ ѣхать впередъ и тѣмъ избавиться отъ солдатскихъ претензій и заявленій. Митингъ (около 5000 че-

повѣкъ) постановилъ не давать паровоза подъ поѣздъ штаба и вызвать какого-нибудь штабнаго офицера для объясненій съ солдатами. То и другое немедленно было выполнено. На митингъ явился офицеръ и былъ выработанъ рядъ требованій, при чемъ офицеру было заявлено, что солдаты до тѣхъ поръ не уѣдутъ изъ Красноярска, пока всѣ требованія ихъ не удовлетворятъ *). Появленіе желѣзнодорожнаго баталіона повело къ усиленію пропаганды среди мѣстныхъ солдатъ. Въ городѣ находился одинъ запасной баталіонъ, конвойная команда, 2-ой желѣзнодорожный баталіонъ и госпитальная команда. Послѣ инцидента съ 3-мъ желѣзнодорожнымъ баталіономъ мѣстные солдаты стали чаще появляться на митингахъ и начали выступать передъ аудиторіей. Вырисовывалось недовольство солдатъ своими офицерами, своимъ экономическимъ и правовымъ положеніемъ. Ораторы изъ солдатъ говорили, что необходимо исподволь подготовить солдатъ къ революціи, для чего нужна теперь военная организація, которая бы занялась агитаціей среди солдатъ, выясняла бы имъ истинное положеніе дѣлъ и исподволь изъ враговъ освободительнаго движенія превратила бы ихъ въ друзей его. Появленіе солдатъ вызвало воодушевленіе на митингахъ и уже появились привѣтственные флаги съ надписями: „Да здравствуетъ единеніе солдатъ съ рабочими!“ 4-го декабря, когда рѣшался вопросъ о городской комиссіи, явилось очень много солдатъ 2-го желѣзнодорожнаго баталіона, стоящаго въ Красноярскѣ, и они одинъ за другимъ стали выражать свое сочувствіе освободительному движенію. Рѣшено было на завтра устроить солдатскій митингъ. На него явилось около 300 солдатъ и прапорщикъ Кузьминъ. Обсуждали роль солдатъ въ освободительномъ движеніи, при чемъ ясно стало, что 2-ой желѣзнодорожный баталіонъ готовъ перейти на сторону народа. Прапорщикъ Кузьминъ указалъ на то, что въ Россіи сейчасъ двѣ партіи: черносотенцы съ кучкой чиновниковъ и народъ, борющійся за свободу родины, что манифестъ 17 октября въ жизни не проводится. Онъ взялъ съ солдатъ слово защищать народъ, а не кучку бюрократовъ. На этомъ же митингѣ послали привѣтствіе Иркутскому и Читинскому гарнизонамъ, перешедшимъ на сторону народа.

6-го декабря 2-ой желѣзнодорожный баталіонъ уже явился на митингъ въ полномъ составѣ вооруженнымъ и съ краснымъ флагомъ, на которомъ была надпись: „Свобода, равенство и братство“. Теперь баталіонъ открыто заявилъ, что онъ переходитъ на сто-

*) Черезъ три дня произошло соглашеніе штаба съ солдатами. Часть требованій была удовлетворена, остальныя же начальство обѣщало удовлетворить, и солдаты поѣхали дальше.

рону народа и будетъ защищать освободительное движеніе всѣми имѣющимися у него средствами. Фактически городъ оказался въ рукахъ революціонеровъ. Былъ организованъ *„объединенный совѣтъ депутатовъ отъ солдатъ и рабочихъ“*.

7-го на митингѣ былъ солдатами выработанъ рядъ требованій къ своему начальству. Они были предъявлены командиру 2-го желѣзнодорожнаго батальона съ предупрежденіемъ, что, если эти требованія не будутъ удовлетворены въ теченіе двадцати четырехъ часовъ, батальонъ забастуетъ. Кромѣ того, заявлено было командиру, что батальонъ переходитъ на сторону народа и требуетъ учредительнаго собранія. Чтобы успѣшнѣе выполнить указанную задачу, солдаты признаютъ необходимымъ реформировать Городскую Думу на основѣ всеобщаго избирательнаго права, а поэтому они постановили до тѣхъ поръ оставаться въ Красноярскѣ, пока не будетъ созвана новая Городская Дума *).

8 декабря. 2-ой желѣзнодорожный батальонъ забастовалъ. Забастовка выразилась въ слѣдующемъ:

1) Батальонъ признаетъ начальствомъ надъ собой только Комитетъ Депутатовъ отъ ротъ во главѣ съ прапорщикомъ Кузьминымъ.

2) Всѣ работы и службы, не относящіяся къ пользѣ нижнихъ чиновъ, прекращены.

3) Отъ всѣхъ офицеровъ отобраны деньщики.

Вечеромъ 8-го декабря была захвачена губернская типографія и появилось объявленіе отъ Объединеннаго Совѣта о полной гражданской свободѣ.

Граждане!

Вы знаете, какъ выбирается наша городская дума. Вы знаете, что только ничтожная кучка, всего въ 600 чел. наиболѣе зажиточныхъ гражданъ имѣетъ право выбрать въ думу, которая завѣдуетъ дѣлами, касающимися всего населенія. На самомъ же дѣлѣ на выборахъ въ нашу думу не присутствуетъ и такого количества избирателей и во время послѣднихъ участвовало только 150 чел. И эта ничтожная кучка выбрала до 50 гласныхъ, т. е. приходилось выбирать чуть ли не самихъ себя. Не даромъ при такомъ способѣ выборовъ въ гласные попалъ Афанасій Смирновъ, извѣстный всему населенію, какъ подстрекатель черной сотни.

Въ виду всего этого солдаты мѣстнаго гарнизона рѣшили дать

*) См. бюллетень 2-го желѣзнодорожнаго батальона отъ 7-го декабря, изданный солдатскимъ комитетомъ. Батальонъ былъ временно въ Красноярскѣ и долженъ былъ скоро отправиться къ мѣсту своей формировки

населенію возможность выбрать въ думу истинныхъ своихъ представителей и охранять жителей во все время выборовъ отъ черной сотни и отъ представителей администраціи. Вновь избранную Думу солдаты будутъ считать выразительницей нуждъ населенія, будутъ защищать ее и способствовать исполненію ея рѣшеній. Согласно постановленію солдатъ объединенный совѣтъ выборныхъ отъ солдатъ и рабочихъ беретъ на себя временно подготовку выборовъ.

Мы объявляемъ полную свободу печати, собраній, союзовъ, полную свободу предвыборной агитаціи. Мы требуемъ отъ полиціи и управы доставленія всѣхъ свѣдѣній, необходимыхъ для выборовъ. Всякая попытка властей помѣшать выборамъ, препятствовать свободѣ печати, союзовъ, собраній и т. п. посредствомъ застращиванія и другихъ мѣръ будетъ отдана на обсужденіе Совѣта и виновные будутъ преданы народному суду.

Призываемъ населеніе тотчасъ же приступить къ группировкѣ по партіямъ и дѣятельно готовиться къ выборамъ. Просимъ лицъ, могущихъ помочь своимъ совѣтомъ, не отказаться отъ содѣйствія Совѣту депутатовъ отъ солдатъ и рабочихъ.

Выборы будутъ происходить на основаніи всеобщаго, равнаго прямого и тайнаго голосованія.

Объединенный Совѣтъ Депутатовъ отъ солдатъ и рабочихъ.

9-го декабря Объединенный Совѣтъ назначилъ демонстрацію войскъ и народа для протеста противъ современныхъ городскихъ думъ, смертной казни и военныхъ положеній. На демонстрацію явился чуть не весь городъ. Рабочіе и городская публика собрались въ сборно-паровозномъ цехѣ. Постепенно къ нимъ приходили со знаменами члены профессіональныхъ организацій.

2-й желѣзнодорожный батальонъ, подъ командой Кузьмина, съ охраной верховыхъ разъѣздовъ выступилъ изъ казармъ въ 12 часовъ дня съ красными знаменами и у цеха соединился съ боевой дружиной. Затѣмъ въ сопровожденіи громадной толпы (до 15,000) *) отправились къ народному дому. Противъ народнаго дома во дворѣ стояли двѣ роты 3-го запасного Сибирскаго батальона, вызванныя для дѣйствій противъ демонстрантовъ. Посланный вѣстовой спросилъ у ротъ, желаютъ-ли онѣ присоединиться къ демонстраціи или нѣтъ. Солдаты присоединились. На Старобазарной площади присоединились къ демонстраціи части 3-го запасного батальона и конвойная команда. Солдаты, въ количествѣ около 1500 чел., шли вооруженными. На обратномъ пути процессія подошла къ гауптвахтѣ, и „именемъ народа и войска“ арестованные

*) Въ Красноярскѣ населенія около 40,000.

солдаты взяты изъ-подъ ареста подъ охрану 2-го желѣзнодорожнаго батальона до разбора дѣла. Народный судъ надъ ними былъ назначенъ на завтра, въ три часа дня.

У правительственныхъ властей не было силы для водворенія „порядка“, а потому они сдѣлали для „успокоенія народа“ слѣдующую попытку: губернаторъ созвалъ 9-го декабря сословныхъ представителей къ себѣ, и они рѣшили обратиться съ воззваніемъ къ горожанамъ.

Отъ совѣщанія представителей всѣхъ сословій города Красноярска, состоявшагося 9 декабря 1905 г. подъ предсѣдательствомъ Управляющаго Енисейской губерніей. Къ Гражданамъ города Красноярска.

Граждане!

4-го сего декабря были произведены выборы гласныхъ въ Красноярскую городскую думу, съ соблюденіемъ закона, т. е. городового положенія. Поэтому эти выборы должны считаться законносостоявшимися. Правительство, объявившее свободу слова, совѣсти, собраній и союзовъ, обязано устранить существующіе недостатки городового положенія. Вновь избранная городская дума, по нашему мнѣнію будетъ временною и послѣдней думою по городовому положенію 1892 г. Правительство, въ первую очередь покончивши съ обще-государственными вопросами, должно измѣнить городовое положеніе въ томъ смыслѣ, чтобы города были дѣйствительно независимы отъ произвола администраціи и въ управленіи ихъ могло принимать участіе городское населеніе съ соблюденіемъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права.

Граждане!

Нынѣ нашъ городъ переживаетъ трудное время. Рабочіе и солдаты приглашаютъ Васъ произвести другіе выборы въ городскую думу на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права.

Манифестомъ 17 октября мы получили свободу слова, совѣсти, собраній и союзовъ, но законъ еще не установилъ всеобщаго избирательнаго права. Ни одно учрежденіе наше не имѣетъ для этого нужныхъ свѣдѣній, всѣ желаютъ всеобщаго избирательнаго права, но для осуществленія его необходима продолжительная подготовительная работа. Нигдѣ у насъ не имѣется списка гражданъ и гражданокъ. Безъ должнаго контроля въ выборахъ и повѣрки правъ выборщиковъ неминуемо можетъ случиться, что въ выборахъ примутъ участіе такія лица, какъ сумасшедшія, малолѣтнія, опорочен-

ныя по суду и т. п. Поэтому такіе выборы будутъ преждевременными и несостоятельными.

Рабочіе и солдаты не знаютъ нашихъ нуждъ, граждане! Имъ нечего вмѣшиваться въ наши дѣла.

Рабочіе и солдаты обѣщаютъ, что въ городѣ будетъ соблюденъ порядокъ, и васъ, граждане, мы просимъ не давать даже и повода къ нарушенію тишины и порядка. Участвуя въ собраніяхъ, митингахъ и сходкахъ, вы, граждане города Красноярска, можете сами заявлять свою волю, свои требованія, свои нужды передъ новой думой, избранной на основаніи городового положенія, и эта дума обязана исполнять то, что въ ея силахъ.

Граждане!

Граждане, въ тяжелую минуту долгъ каждаго изъ насъ принимать всѣ мѣры къ сохраненію порядка и обезпеченія жизни и личной безопасности каждаго.

Губернатору пришлось печатать это объявленіе въ частной типографіи. Но хозяинъ типографіи долженъ былъ просить разрѣшенія у Объединеннаго Совѣта, такъ какъ послѣдній бралъ подъ цензуру правительственныя сообщенія. Сдѣлавъ помѣтку „печатать разрѣшается Об. С. Д. отъ с. и р.“, объявленіе разрѣшили отпечатать и отправили его губернатору, но губернаторъ прежде, чѣмъ отдать расклеивать его, срѣзалъ упомянутое примѣчаніе. Контръ-объявленіе Объединеннаго Совѣта приведу дословно.

Граждане!

Отъ имени сословнаго совѣщанія появилось воззваніе по поводу выборовъ въ Думу г. Красноярска.

Сословное совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ губернатора согласно съ нами, что Дума должна быть избрана на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права и обѣщаетъ, что это право намъ дастъ правительство. Мы охотно повѣрили бы ему, если бы возможно было вѣрить правительственнымъ обѣщаніямъ. Правительство убѣдило насъ до сихъ поръ единственно въ томъ, что оно признаетъ наши права только послѣ того, какъ они захвачены силой.

Сословное совѣщаніе призываетъ къ порядку, къ обезпеченію жизни и личной безопасности каждаго; мы раздѣляемъ это всецѣло и увѣрены, что исполнимъ эту задачу лучше правительства, виновнаго въ октябрьскихъ убійствахъ и погромахъ.

Совѣщаніе думаетъ, что наши выборы не могутъ быть произведены, потому что нѣтъ даже списковъ гражданъ и гражданокъ. Мы это знаемъ сами и прежде чѣмъ начинать выборы, мы со-

ставимъ списки избирателей. Дѣло трудное, но у города найдутся силы. Сословное совѣщаніе обѣщаетъ намъ даже избирательное право женщинъ, чего и мы требуемъ. Правительство до сихъ поръ не дало такого обѣщанія; совѣщаніе обѣщаетъ больше правительства, съ чѣмъ мы его и поздравляемъ.

Сословное совѣщаніе боится, что у насъ будутъ избирать сумасшедшіе, малолѣтніе и опороченные по суду. Но мы можемъ увѣрить, что всѣ эти лица не имѣютъ избирательныхъ правъ нигдѣ и у насъ не будутъ имѣть.

Однако, мы думаемъ, что всѣ сумасшедшіе гор. Красноярска вмѣстѣ со всѣми опороченными по суду, повліяли-бы на выборы менѣе вредно, чѣмъ черная сотня, выбиравшая думу 4-го декабря.

Граждане! Срока полномочій Думы мы не назначаемъ. Если она будетъ и не совершенна, все же она будетъ лучше выбранной 71 человѣкомъ, изъ которыхъ большинство черносотенцы. Замѣнить эту позорную Думу всегда своевременно, а наша Дума въ свою очередь уступитъ мѣсто другой, выбранной при болѣе тщательной подготовкѣ.

Напрасно совѣщаніе думаетъ, что войску и рабочимъ не зачѣмъ вмѣшиваться въ наши дѣла. Войско, перейдя на сторону народа, поможетъ ему осуществить свои права, а рабочіе составляютъ часть городскихъ гражданъ. Совѣщаніе находитъ, что наши дѣла и дѣла рабочихъ—не одно и то же. Мы этого не находимъ. Не рабочимъ ли мы обязаны всей той свободой, которая у насъ будетъ? Кто выступилъ первымъ въ борьбу за уничтоженіе самодержавія, кто велъ всѣ классы общества за собой въ знаменитые октябрьскіе дни? Кому, какъ не рабочимъ, обязаны мы манифестомъ 17 октября? Не рабочее ли движеніе отразилось крестьянскими возстаніями въ деревняхъ? Мы должны благодарить сословное совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ г. губернатора и за подтвержденіе свободы собраній, митинговъ и сходокъ, но замѣтимъ еще разъ, что ихъ подтверждаютъ тогда, когда они захвачены. Если по мнѣнію совѣщанія существующая Дума обязана исполнять волю гражданъ насколько это въ ея силахъ, то гораздо проще вмѣсто какой-нибудь комиссіи, которую предоставляетъ намъ совѣщаніе, прямо выбрать Думу отъ всего населенія, что мы и предлагаемъ горожанамъ сдѣлать.

Граждане! 9-го декабря вы видѣли, какой порядокъ былъ соблюденъ рабочими, войсками и народомъ. Этотъ порядокъ не былъ нарушенъ потому, что администрація и полиція не вмѣшивались. Закончимъ словами совѣщанія: „Долгъ каждаго изъ насъ принимать всѣ мѣры къ сохраненію порядка и обезпеченію жизни и личной безопасности каждаго!“ Съ этимъ мы согласны.

Мы допускаемъ полную свободу слова и мнѣній, но подстрекательства, направленныя противъ жизни и личной безопасности каждаго, допущены не будутъ ни съ чьей стороны.

Да здравствуетъ Дума, избранная всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ!

11 декабря 1905 года.

Объединенный Совѣтъ Депутатовъ отъ солдатъ и рабочихъ.

Прежде чѣмъ продолжать далѣе, надо отмѣтить нѣсколько обстоятельствъ. Въ городѣ бастовалъ городской телеграфъ и почта. Началась забастовка и желѣзнодорожнаго телеграфа. Причиной было увольненіе на ст. „Инокентьевская“ телеграфистовъ, отказавшихся передать шифрованную телеграмму отъ Государя Линевичу. По телефону получались свѣдѣнія только для соц.-дем. комитета и Объединеннаго Совѣта Горожане чувствовали безсиліе правит. власти. Революціонеры дѣлали все, что хотѣли, съ другой стороны, горожане помнили 21 октября и боялись черносотеннаго погрома. На правительство въ этомъ отношеніи надежда была плоха, и Объединенный Совѣтъ Депутатовъ отъ солдатъ и рабочихъ сразу встрѣтилъ сочувствіе въ разныхъ слояхъ общества. Правда, это сочувствіе смѣшивалось и съ боязнью Объединеннаго Совѣта. Мѣщанство—главный контингентъ жителей—серьезнѣе всего отнеслось къ появленію Объединеннаго Совѣта. Чувствуя, что оно—большинство населенія, оно не видѣло въ себѣ никакой организаціонной силы и никакой самостоятельной иниціативы; съ другой стороны, оно не видѣло у революціонеровъ и *родного* ему знамени. Ему приходилось выбирать между тремя теченіями: черносотеннымъ, которое пропагандировала партія „мира и порядка“, конст.-демократическимъ и соц.-демократическимъ. Критика соціалдемократами городской Думы, выясненіе ея цензоваго характера привлекало многихъ мѣщанъ къ представителямъ „рабочей партіи“. Но захватное право, забастовки и пр. явно были вредны для промышленниковъ, лавочниковъ и мастеровъ и это отталкивало ихъ отъ крайнихъ партій. Черносотенная партія положительно не удовлетворяла мѣщанъ, и они стали уходить отъ нея. Кадеты, какъ будто, выставляли всѣ демократическія требованія, но въ числѣ членовъ партіи были явные враги средней и мелкой буржуазіи—наиболѣе имущіе классы. Съ другой стороны, они не видѣли силы у кадетовъ, тогда какъ у рабочихъ—сила. Но зато тактика кадетовъ имъ была по душѣ. Мѣщане остановились въ выжидательномъ положеніи. Проектъ Думы, основанной на всеобщемъ избирательномъ правѣ ихъ все же притягивалъ къ себѣ. Они сами всѣ страдали отъ Думы недовольны были ею, а потому принять участіе въ городскомъ са-

моуправленіи было ихъ внутреннимъ желаніемъ. Съ другой стороны, вѣдь все, что совершается, не законно. Гдѣ гарантія, что это будетъ прочно, не придется отвѣчать впослѣдствіи. Крупная буржуазія также растерялась. Ей мерещились уже грабители имущества, банковъ и пр. Съ одной стороны, оно видитъ безсиліе правительства, съ другой—силу рабочихъ. Если побѣдятъ послѣдніе, то она утрачиваетъ власть. Относиться поэтому совсѣмъ отрицательно къ Объединенному Совѣту нельзя. Можно навѣрное сказать, что буржуазія очень скверно чувствовала себя въ ноябрьской и декабрьской революціи. Кромѣ крупной буржуазіи и мѣщанъ, въ городѣ имѣлось много и демократическихъ элементовъ. Учителя народныхъ школъ, телеграфисты, разные служащіе, часть интеллигенціи,— всѣ они сочувствовали крайнимъ партіямъ. Намъ остается еще упомянуть о крестьянахъ Енисейской губерніи. Послѣдніе активнаго участія не принимали въ революціи. Деньги изъ банка брали усиленно. Было нѣсколько деревень, гдѣ отказались платить подати. Буржуазія все же надѣялась, что крестьяне поднимутся противъ революціи. Таково было общественное настроеніе къ 10 декабря, когда всѣмъ ясно стало, что власть принадлежитъ Объединенному Совѣту. Объединенный Совѣтъ поставилъ себѣ цѣлью прежде всего создать авторитетный центръ, которому довѣрило бы все населеніе. Такимъ центромъ могла быть Дума, избранная на основѣ 4-хъ членной формулы. Для этой цѣли была организована *центральная комиссія по организаціи всеобщихъ выборовъ въ Государственную Думу.* Она должна была составиться изъ представителей отъ всѣхъ сословій, партій и союзовъ, имѣющихся въ Красноярскѣ. Для этого предложено было всѣмъ группамъ населенія устраивать собранія подъ гарантіей солдатъ и посылать выборныхъ въ эту центральную комиссію. Вторая задача, которую взялъ на себя Совѣтъ, это охрана города и охрана собраній и митинговъ. На собраніи Объединеннаго Совѣта отъ 9 декабря была принята слѣдующая резолюція:

1) Въ виду того, что Объединенный Совѣтъ Депутатовъ отъ солдатъ и рабочихъ объявилъ полную свободу печати, то ни одна власть не имѣетъ права требовать на просмотръ никакихъ печатныхъ произведеній. Управляющимъ и завѣдующимъ типографіями запрещается обращаться къ властямъ за разрѣшеніемъ о печатаніи. О каждой малѣйшей попыткѣ власти помѣшать свободѣ печати, свободѣ расклеиванія объявленій и т. п. просимъ сообщать всѣхъ гражданъ въ Объединенный Совѣтъ.

2) Со времени объявленія настоящихъ постановленій отъ солдатъ и рабочихъ организуется комиссія для подготовки выборовъ.

3) Для предвыборной агитаціи передъ городскими выборами

и для собраній всякаго рода мы объявляемъ открытыми общественныя собранія, сборно-паровозный цехъ съ $1^1/_2$ ч. дня, народный домъ и желѣзнодорожное собраніе во время, свободное отъ репетицій.

4) Для ускоренія движенія по Сиб. желѣзной дорогѣ Объединенный Совѣтъ поручаетъ комиссіи по рабочему вопросу контроль надъ движеніемъ. Всѣ начальствующія лица желѣзной дороги должны по первому требованію давать отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ представителямъ комиссіи.

Рядомъ съ Объединеннымъ Совѣтомъ расширила свои дѣйствія „комиссія по рабочему вопросу". Она превратилась въ *Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ* и раздѣлилась на три группы: 1) для наблюденія за движеніемъ воинскихъ поѣздовъ, 2) для сношенія съ выборными депутатами отъ солдатъ и 3) для завѣдыванія дѣлами внутренняго распорядка во всѣхъ промышленныхъ предпріятіяхъ города.

Надо имѣть въ виду, что черезъ Красноярскъ проходили эшелоны солдатъ. Желѣзнодорожное движеніе было плохо организовано. Начальство солдатское сваливало все на желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Необходимо было урегулировать движеніе. Это началось еще до образованія Объединеннаго Совѣта. Этимъ дѣломъ пришлось заняться „комиссіи по рабочему вопросу". На засѣданія комиссіи приглашалась администрація и вмѣстѣ обсуждали, что дѣлать для улучшенія движенія.—Теперь Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ хотѣлъ это дѣло поставить на болѣе прочную ногу.—Соціалъ-демократическій комитетъ, идейно вліяя на Объединенный Совѣтъ и Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, съ наступленіемъ свободы поставилъ себѣ задачей развить свою агитацію до возможныхъ размѣровъ, объединить рабочихъ въ профессіональные союзы и организовать партію. Съ 10-го онъ начинаетъ выпускать газету *„Красноярскій рабочій"* и массу прокламацій, особенно къ солдатамъ. Далѣе комитетъ устраиваетъ рядъ партійныхъ собраній, на которыхъ развиваетъ идеи о партійной дисциплинѣ, о выступленіи партіи, какъ цѣлаго въ тѣхъ или другихъ случаяхъ, напр. при имѣющихся быть выборахъ въ Городскую Думу, о платформѣ соціалдемократіи въ Городской Думѣ и т. д. Кромѣ того на собраніяхъ происходятъ выборы въ комитетъ партіи. Наконецъ, члены комитета принимаютъ по возможности участіе на всѣхъ собраніяхъ профессіональныхъ организацій.

Проектъ Объединеннаго Собранія о выборахъ въ Думу—образованіе центральной комиссіи по выборамъ заставило такъ или иначе реагировать всѣ слои городского населенія. Уже 10 декабря комитетъ Свободной Народной Партіи (к.-д.) находитъ въ принци

нѣ желательнымъ, чтобы выборы были произведены, и поручаетъ одному изъ своихъ членовъ войти въ Объединенный Совѣтъ временно, хотя бы съ совѣщательнымъ голосомъ при обсужденіи подлежащихъ вопросовъ. Это постановленіе за подписями послано было въ комитетъ С. Д. Р. П. *). 14 декабря на засѣданіи Свободной Народной Партіи рѣшено было принять участіе въ выборахъ въ Городскую Думу по проекту Объединеннаго Совѣта. Для распространенія же идеи среди населенія признали необходимымъ совмѣстно съ Сибирскимъ Областнымъ Союзомъ устройство публичныхъ митинговъ. Кромѣ того, постановлено было опубликовать воззваніе къ гражданамъ по поводу выборовъ.

Сибирскій Областной Союзъ—это радикальная организація—также 10 октября на своемъ засѣданіи постановилъ принять участіе въ предложенныхъ О. С. выборахъ въ Городскую Думу и немедленно выпустить по этому поводу воззваніе къ населенію. Какъ „Народная Свободная Партія“, такъ и Областной Союзъ избрали по 3 депутата въ центральную комиссію.

12-го декабря почтово-телеграфные чиновники, 13-декабря Общество взаимопомощи учащимъ и мѣстнаго отдѣленія Всероссійскаго учительскаго союза, образовавшійся союзъ чиновниковъ, 14-го декабря союзъ приказчиковъ выразили сочувствіе проекту Об. Сов. и рѣшили принимать участіе въ ц. комиссіи.

15-го состоялся митингъ мелкихъ торговцевъ и промышленниковъ. Выразивъ благодарность С. Д. Р. П. и рабочимъ, ораторы изъ мелкихъ торговцевъ говорили о недостаткахъ Думы и выбрали делегатовъ въ центральную комиссію.

15 декабря арендаторы городской земли, устроивъ у себя митингъ, прислали также представителей въ центральную комиссію.

Мѣстные купцы также созвали экстренное собраніе для рѣшенія вопроса объ участіи въ центральной комиссіи. Они мотивировали такъ: власти у полиціи, губернатора и старой Думы нѣтъ, охраной города завѣдуютъ рабочіе и крайнія партіи, кромѣ того скоро будетъ избрана новая городская всесословная Дума, которая безусловно возьметъ въ руки охрану; старая Дума, дѣйствительно не удовлетворяетъ населеніе, словомъ, надо послать въ центральную комиссію своихъ делегатовъ. Пусть посмотрятъ, что тамъ дѣлается. Наконецъ, 15 декабря на засѣданіи городской Думы также былъ поднятъ вопросъ объ отношеніи къ всесословной думѣ и также рѣшили избрать трехъ делегатовъ въ центральную комиссію для нейтрализаціи крайнихъ партій. Оставалось только еще присоединиться мѣщанамъ. Они просили устроить для нихъ митингъ

*) Текстъ см. „Голосъ Сибири“, № 11.

18-го декабря въ Народномъ Домѣ, гдѣ бы ораторы всѣхъ партій выяснили имъ, что происходитъ въ Россіи и что дѣлать. Этотъ митингъ вышелъ очень неудачнымъ. Предположено было выяснить мѣщанамъ въ рядѣ рѣчей сущность современнаго положенія и значеніе всесословной Думы. Для этого соединились ораторы Св. Н. П., Обл. Союза, С. Д. С. Р. Мѣщане заранѣе заявили, что имъ нежелательно присутствіе на митингѣ солдатъ и рабочихъ, имъ хочется не революціоннаго митинга, а обсужденія вопросовъ объ общей политикѣ и проектируемой Думѣ. На митингъ собралось очень много публики, при чемъ далеко не одни мѣщане. Предъ митингомъ „мѣщанское общество“ устроило еще совѣщаніе въ зданіи мѣщанской управы. Тамъ одинъ изъ гласныхъ заявилъ, что Городская Дума не посылала своихъ делегатовъ въ центральную комиссію, что революціонеры неправильно оповѣстили объ этомъ. Это внесло смущеніе, и совѣщаніе въ управѣ затянулось. Настроеніе же на митингѣ приняло довольно революціонный характеръ, такъ какъ предсѣдатель разрѣшилъ говорить не въ очередь случайно записавшимся ораторамъ. Это были люди революціонно настроенные, но не партійные. Они стали говорить собранію о вооруженномъ возстаніи, о необходимости всѣмъ вооружиться, и наиболѣе революціонная часть митинга, конечно, сильно аплодировала и во время перерыва запѣла революціонныя пѣсни. Въ это время какъ разъ явились изъ мѣщанской управы мѣщане и, видя революціонное возбужденіе, многіе отказались пойти на митингъ. Такимъ образомъ, митингъ прошелъ очень оживленно, но цѣль, которую онъ поставилъ себѣ, не была достигнута: мѣщане не выбрали своихъ делегатовъ въ центральную комиссію.

Такимъ образомъ, центральная комиссія не имѣла только представителей отъ мѣщанъ. Цѣли, поставленныя центральнымъ комитетомъ были слѣдующія: 1) произвести одновременно перепись города, 2) раздѣлить городъ на избирательные участки и устроить по районамъ избирательныя бюро, 3) руководить предвыборной агитаціей и 4) руководить самими выборами.

Сочувствіе проекту о новой Думѣ выразилось еще въ томъ, что повсюду на столбахъ появились сочувственныя объявленія отъ разныхъ организаціонныхъ группъ населенія, и очень многіе предложили центральной комиссіи свои услуги. Такъ, въ счетчики очень быстро записались до 150 человѣкъ. На засѣданіяхъ центральной комиссіи очень сильный обмѣнъ мнѣній произошелъ при выработкѣ переписной карточки. Необходимо было формулировать ясно, что такое *вообще* избирательное право. Относительно пола согласились всѣ очень быстро. Возрастъ—20 лѣтъ—уже вызвалъ больше споровъ, но мнѣнія значительно разошлись на вопросѣ, имѣютъ ли изби-

рательное право лица *опороченные* по суду. Послѣ очень живого обмѣна мыслей центральная комиссія рѣшила предоставить и имъ право выборовъ. Собраніе убѣдилось, что практическаго значенія исключеніе опороченныхъ по суду не имѣетъ. Теоретическая же постановка вопроса разбивалась о справедливость русскихъ судовъ, о гуманность революціонныхъ созидательныхъ актовъ, о не вполнѣ демократическое пониманіе всеобщности избирательнаго права въ европейскомъ государственномъ правѣ и т. д. Хотя въ объявленіи къ населенію по поводу губернаторскаго воззванія и признавалось, что опороченные по суду не войдутъ въ число гражданъ, имѣющихъ право выбирать, однако центральная комиссія этотъ пунктъ постановила переоцѣнить и исключила изъ проекта переписной карточки вопросъ о подсудности того или другого избирателя.

Жизнь въ городѣ, когда онъ перешелъ въ руки О. С. даже внѣшне измѣнилась. Черная сотня куда-то спряталась. Жандармерія исчезла. Всюду митинги, собранія. Въ народномъ домѣ, гдѣ боялись собираться въ виду черносотенной агитаціи, теперь чуть не ежедневно были митинги. 10-го происходилъ въ немъ народный судъ надъ освобожденными съ гауптвахты. На судъ пригласили воинскаго начальника и требовали, чтобы онъ выдалъ всѣ документы, на основаніи которыхъ были арестованы солдаты. Необходимо было разобраться въ виновности каждаго. Воинскій начальникъ отказался исполнить просьбу: „Самъ я не выдамъ: я служу государю императору, а сами Вы можете придти и взять".

Рядъ митинговъ устроили въ народномъ домѣ с.-р. Въ разныхъ мѣстахъ города происходили митинги учащихся, у которыхъ явилась мысль основать „свободную школу" захватнымъ путемъ. Ученическая организація стала издавать органъ „Свѣточъ".

По улицамъ города всюду продавали „Красноярскій Рабочій" (печатали въ 6000 экземплярахъ) и раздавали прокламаціи. На заборахъ всюду красовались прокламаціи военной организаціи, соціалдемократическаго комитета, комитета соціалистовъ-революціонеровъ и др. Спросъ на революціонную литературу былъ громаднѣйшій. Нерѣдко можно было встрѣтить группы на улицахъ, читающихъ „Красноярскій Рабочій" вслухъ. Особенно расходилась литература на вокзалѣ. Тамъ, положительно, нельзя было ея напастись. Солдаты прямо увозили съ собой цѣлыя груды литературы. Гдѣ же были власти? Гдѣ была партія „Мира и порядка"? Власти дѣйствовали втайнѣ. Губернаторъ сдѣлалъ еще одну попытку обратиться къ населенію съ воззваніемъ, отпечатавъ его на *мимеографѣ*. и больше уже не пытался образумливать горожанъ своими произведеніями. Онъ послалъ курьеровъ поторопить Красноярскій полкъ, который шелъ изъ Манчжуріи. Партія „Мира и

порядка" устроила 20 декабря собраніе, на которомъ присутствовали 30—35 человѣкъ. На этомъ засѣданіи представитель заявилъ: „Полиціи въ городѣ нѣтъ, охраны никакой, губернаторъ безъ власти. Въ городѣ образовалась какая-то охрана изъ желѣзнодорожной партіи, изъ молодыхъ людей. Третьяго дня эти люди ходили по частямъ и обезоруживали полицію и жандармовъ. У нихъ сейчасъ сила. Они отняли оружіе, власть, а потомъ могутъ захватить и наше имущество... Вы слышали, что образуется какой-то партіей новая городская дума на совершенно новыхъ началахъ. Какая-то комиссія сформировала уже счетчиковъ.

Городская дума избрала туда делегатовъ, оказывается, что тамъ крайними партіями уже все сговорено, выработано"... И т. д.

Партія „мира и порядка" теперь уже имѣла мало успѣха: за ней не чувствовалась сила полиціи и войска. Настроеніе росло crescendo до 18 дек., съ 18-го начинается нѣкоторый переломъ. Узнали, что московское возстаніе подавляется правительствомъ, что реакція начинаетъ дѣйствовать сильнѣе, что правительство оправилось отъ апоплексіи, въ которую оно впало послѣ октябрьскихъ дней. Узнали, что со дня на день долженъ притти Красноярскій полкъ 4000 состава, и что губернатору удалось призвать батальонъ Омскаго полка. Дѣйствительно, въ городѣ появились солдаты въ бѣлыхъ шапкахъ. Эти бѣлыя шапки произвели впечатлѣніе. Надо отдать честь—первые, кто забилъ отбой, были члены „Свободной Народной Партіи". 22 декабря они устроили публичное собраніе, но безъ права голоса для постороннихъ. На этомъ собраніи красноярскіе кадеты сбросили съ себя маску. Они рѣзко выступили противъ проекта О. С., начали говорить о диктатурѣ пролетаріата, объ ужасной анархіи, которая грозитъ при этомъ, о томъ, что революціонеры хотятъ потопить въ крови новорожденную свободу, что они сознательно ведутъ городъ въ туманъ, за которымъ виднѣется кровь, что будущую думу хотятъ сдѣлать партійной, что крайнія партіи допускаютъ къ выборамъ даже лишенныхъ правъ и, такимъ образомъ, даютъ возможность сахалинцу пройти въ городскія головы и т. д. Особенно, оказалось, послѣдній пунктъ вызвалъ протестъ: какъ это могутъ опороченные по суду пользоваться избирательнымъ правомъ. Этого красноярская буржуазія, при всѣхъ своихъ гуманныхъ принципахъ, переварить не могла. Это засѣданіе было полно самаго безцеремоннаго извращенія фактовъ. Лишенные голоса гости просили слова, чтобы опровергнуть всякія басни, которыя они слышатъ отъ ораторовъ Свободной Народной партіи, но предсѣдатель не разрѣшалъ. Кадеты рѣзко отмежевывались отъ крайнихъ партій. Въ результатѣ два делегата, избранные въ центральную комиссію отказались, а третьяго отозвала сама Народная Свобод-

ная партія. Засѣданіе 22-го декабря ярко обнаружило буржуазный характеръ Свободной Народной партіи (№ 5 „Красноярскаго Рабочаго“ спеціально былъ посвященъ этому знаменитому засѣданію).

Кадеты не остались въ единственномъ числѣ. Делегаты отъ городской думы также отказались отъ участія въ центральной комиссіи, заявивъ, что они посланы были только посмотрѣть, что это за комиссія и поговорить объ охранѣ(!) *) Отказъ делегатовъ думскихъ и Народной Свободной партіи оказалъ вліяніе на настроеніе горожанъ и это замѣтно было во время переписки города, которую счетчики произвели 23 декабря. Счетчики 22 декабря роздали всѣмъ жителямъ переписныя карточки и просили ихъ заполнить, объявивъ въ чемъ дѣло. Многіе боялись записывать свѣдѣнія о себѣ: „попадешь еще въ политику“. Многіе протестовали. Громаднѣйшая же часть населенія заполнила карточки. Собирали ихъ 23 декабря. Счетчики обнаружили во многихъ мѣстахъ черносотенное настроеніе.

24-го декабря вышелъ послѣдній 5 № Красноярскаго Рабочаго. Настроеніе въ городѣ измѣнилось. Всюду ходили патрули въ бѣлыхъ шапкахъ. Въ 2 часа дня долженъ былъ произойти народный судъ надъ однимъ офицеромъ, разрубившимъ руку солдату, но бѣлыя шапки заняли народный домъ. Пришлось отложить судъ. Теперь уже на сторонѣ губернатора была сила, но онъ ждалъ Красноярскій полкъ. Надо отмѣтить, что когда рота солдатъ стояла у народнаго дома, то собиравшаяся публика открыто пропагандировала солдатъ, стыдила ихъ и совѣтовала перейти на сторону народа. Многіе вытаскивали прокламаціи и давали солдатамъ.

24-го вечеромъ губернаторъ занялъ почту. Городъ охранялся желѣзнодорожнымъ батальономъ отъ О. Сов. и омскимъ батальономъ отъ правительства.

25-го распространились слухи о томъ, что полкъ Красноярскій мобилизуется на сосѣдней станціи и придетъ въ городъ, когда соберется весь цѣликомъ. Дѣйствительно, офицеры провоцировали солдатъ. Они говорили своей паствѣ, что рабочіе и желѣзнодорожные солдаты рѣшили взорвать мостъ черезъ Енисей, когда поѣздъ съ Красноярскимъ полкомъ пойдетъ по нему, и что поэтому они рѣшили вести полкъ *пѣшкомъ* въ городъ съ послѣдней станціи.

Въ городѣ появились кучки народа, говорящія „о политикахъ“.

---

*) Городская дума потомъ печатно черезъ объявленія заявила объ этомъ, оповѣщая населеніе, что ц. к. напрасно помѣстила въ числѣ своихъ участниковъ делегатовъ отъ городской думы. Надо сознаться, что думцы увлеклись, немного испугались сначала силы революціи, а потомъ силы реакціи.

Это признакъ черносотенной агитаціи. Монополькн были по приказанію Об. С. закрыты все время, а потому пьяныхъ было очень мало, несмотря на праздникъ.

26-го декабря губернаторъ занялъ губернскую типографію. Появилась часть Красноярскаго полка.

27-го декабря явилась остальная часть Красноярскаго полка. У правительства были теперь подавляющія силы, и ночью оно заняло продовольственный пунктъ, гдѣ кормились солдаты 2-го желѣзнодорожнаго батальона. Утромъ надо было ждать разоруженія 2-го желѣзнодорожнаго батальона. Чтобы избѣжать этого, онъ ушелъ ночью въ зданіе сборно-паровознаго цеха *). Утромъ къ нему явились рабочіе въ количествѣ 300 человѣкъ. 28-го было объявлено военное положеніе, и цехъ въ 6 часовъ вечера былъ осажденъ правительственными войсками.

29-го декабря соціалдемократическій комитетъ выпустилъ воззваніе къ гражданамъ съ призывомъ протестовать противъ осады всеобщей городской забастовкой, бойкотомъ офицеровъ и отказомъ платить налоги, которые должны были взиматься 1—2 января.

Осаждающіе солдаты были большей частью пьяны. Монополькн были провокаторски открыты. Лица, подходящія къ цеху, избивались солдатами и отправлялись въ тюрьму.

Городъ реагировалъ мало. Деньги, пищу доставляли съ удовольствіемъ, но никакого активнаго сочувствія — въ видѣ забастовки—не было. Генералъ-губернаторъ Левенштамъ призвалъ къ себѣ депутатовъ отъ осажденныхъ рабочихъ для переговоровъ. Послѣдніе предложили слѣдующія условія: 1) снятіе военнаго положенія, 2) свободу собраній, слова и личности, 3) продолженіе выборовъ въ Думу, 4) распустить всѣхъ запасныхъ солдатъ и 5) увести изъ Красноярска всѣ не приписанные къ городу войска. Переговоры съ генералъ-губернаторомъ быстро прекратились, потому что онъ хотѣлъ говорить только о рабочихъ, о солдатахъ-же онъ не желалъ поднимать никакихъ вопросовъ: это измѣнники, и онъ съ ними не можетъ вести переговоровъ.

30 декабря генералъ-губернаторомъ назначенъ Рѣдько. Къ нему явились представители отъ свободной народной партіи, представители отъ Сибирскаго областного союза и выхлопотали разрѣшеніе идти въ цехъ въ качествѣ парламентеровъ. Обѣ депутаціи кончились ничѣмъ. Осажденные предлагали тѣ же условія, какія

*) Желѣзнодор. солдатъ къ этому времени было въ городѣ около 300 чел. Остальные были отпущены домой, какъ запасные. Солдаты 3 сиб. зап. бат. активнаго участія послѣ демонстраціи не принимали.

выставили губернатору. Городъ не реагировалъ. Революціонные элементы, бывшіе въ дни свободы въ такомъ изобиліи, теперь боялись активно протестовать. Правительство сдѣлало попытку остановить эшелонъ казаковъ, но тѣ не остановились. Правительство открыло телеграфъ и почту. Часть почтово-телеграфныхъ чиновниковъ была арестована, часть уволена, а остальные приступили къ работѣ.

31 декабря. Появились телеграммы сѣвернаго агентства. Начиная съ 12 декабря, не было никакихъ свѣдѣній. До 12-го была полная возможность вести сношенія по телеграфу, но съ 12-го правительство заняло по линіи нѣкоторые города и телеграфъ ушелъ изъ рукъ революціонеровъ. О московскихъ событіяхъ почти ничего не было извѣстно.

1-го января правительству удалось остановить эшелонъ казаковъ. Казаки и солдаты перешли отъ пассивной осады къ активнымъ дѣйствіямъ. Прежде всего отрѣзали вагонный цехъ, гдѣ былъ источникъ воды для осажденныхъ. „Вагонный цехъ занятъ въ 4 ч. 15 м.“, доносилъ рапортомъ командующій осадой генералъ-губернатору *). Осажденные были отрѣзаны отъ воды. Кромѣ того, правительство открыло способъ доставки пищи въ цехъ и приняло мѣры. До 1-го весь дворъ вокругъ цеха былъ въ рукахъ революціонеровъ, теперь кольцо осады охватывало уже самый цехъ.

2-го января утромъ открылась пальба изъ пулеметовъ и ружей. Это произвело удручающее впечатлѣніе на городъ. Магазины всѣ закрылись, и кучки народа направились къ цеху, но вездѣ были казаки и не пускали дальше опредѣленныхъ пунктовъ. Осажденные отвѣтили стрѣльбой. Въ городѣ все заволновалось. Особенно черносотенные элементы не унывали и открыто группировались. Они были возмущены депутаціей, которая отправилась къ генералъ-губернатору просить остановить стрѣльбу и затѣмъ пошли въ цехъ для переговоровъ съ осажденными. Депутатами были члены Областного Союза и представители городской управы.

Генералъ-губернаторъ прекратилъ стрѣльбу (около 2-хъ час.) и разрѣшилъ парламентерамъ пройти въ цехъ. Онъ предложилъ слѣдующія условія для сдачи: 1) всѣхъ штатскихъ выпустить безъ переписи даже, лишь-бы сложили оружіе, 2) всѣ солдаты арестовываются и отводятся въ тюрьму, 3) какому суду будутъ преданы, сказать не можетъ, но думаетъ, что не военному, 4) онъ будетъ хлопотать о помилованіи всѣхъ и, во всякомъ случаѣ, о смягченіи наказанія. Осажденные послѣ переговоровъ приняли эти условія

*) Это, вѣроятно, первая побѣда, одержанная полковникомъ Бухарскимъ за два года войны!

и рѣшили сдаться. Въ цехѣ уже наступилъ голодъ, не было пищи и воды; что еще хуже, окна были выбиты пулями и было страшно холодно (на улицѣ до 40°). Со стороны осажденныхъ было ранено 9 человѣкъ, у всѣхъ легкія раны. Со стороны правительственныхъ войскъ – двое убитыхъ и нѣсколько раненыхъ. 3-го января должна была произойти сдача на упомянутыхъ условіяхъ, но генералъ-губернаторъ заявилъ, что ему приходится измѣнить условія сдачи: 1) онъ получилъ приказъ всѣхъ арестовать, а 2) офицеры заявили ему, что солдаты Красноярскаго полка настроены очень враждебно противъ рабочихъ и заявили, что изобьютъ послѣднихъ, если ихъ отпустятъ на свободу. И, дѣйствительно, настроеніе полка, особенно казаковъ, было черносотенное. Когда осажденныхъ вели изъ цеха, они кричали: „бей, стрѣляй“, и какимъ-то чудомъ не были всѣ избиты. Всѣ штатскіе были отправлены въ тюрьму, а солдаты въ казарму. Прапорщикъ Кузьминъ убѣжалъ въ ночь, наканунѣ сдачи. Всего арестовано до 500 человѣкъ. Въ городѣ наступила реакція во всю. Манифестъ 17 октября торжествовалъ.

Всѣ описанныя выше событія ставятъ рядъ вопросовъ и прежде всего, конечно, надо выяснить, почему революціонеры захватывали въ свои руки городъ, и почему правительству удалось подавить то, что оно называетъ возстаніемъ. Сибирь буквально вся волновалась. Цѣлый рядъ городовъ былъ въ рукахъ революціонеровъ. Волненія коснулись и деревни, хотя въ очень незначительной степени.

Захваты сибирскихъ городовъ находится въ связи съ волненіями въ арміи. Война во всемъ ея цѣломъ поколебала настроеніе арміи. Престижъ правительства окончательно палъ послѣ Цусимскаго боя. Недовольство готово было всюду перейти въ возстаніе, когда послѣ заключенія мира медлили отправкой войска въ Россію. На почвѣ этого недовольства возникъ Владивостокскій „бунтъ“. Начальство послѣ этого поняло, что надо спѣшить съ отправкой солдатъ, но было уже поздно..

Помимо этихъ внѣшнихъ причинъ и внутренняя жизнь солдатъ, весь солдатскій режимъ вызывалъ броженіе въ арміи. Манифестъ 17 октября сыгралъ въ этомъ отношеніи большую роль. Солдаты видѣли, какъ народъ праздновалъ „свободу“. Первые три дня и они принимали участіе въ манифестаціяхъ, а потомъ военнымъ было запрещено участвовать во всякихъ политическихъ проявленіяхъ народа. Но рѣчи, слышанныя солдатами въ первые дни, освѣтили имъ ихъ положеніе, и они волей-неволей задумались надъ своей жизнью. Росло желаніе новой жизни и сочувствіе революціонерамъ. На митингахъ солдаты слышали о силѣ пролетаріата, слышали о соціалдемократической партіи. Въ казармѣ они читали

прокламаціи Р. С. Д. Р. П. Въ наступившемъ хаосѣ освободительныхъ настроеній только соц.-демократы открыто подняли свое знамя и звали къ опредѣленной цѣли. И солдаты, естественно, своими чувствами стали около него группироваться. Не ученіе соц.-дем., не ихъ лозунги привлекали солдатъ къ соц.-демократамъ; привлекало ихъ то, что послѣдніе отвѣчали на ихъ запросы и опирались на силу. Присоединившіеся къ революціи солдаты были одинаково индифферентны, какъ къ соц.-дем. программѣ такъ и къ соц.-рев. Шмидты, Кузьмины были безпартійные люди.

Волненіе солдатъ росло съ 17 октября. Полная растерянность правительства и въ частности офицерства и неизвѣстность будущаго толкали солдатъ къ революціонерамъ. И въ арміи создается два теченія. Рядомъ съ грубымъ пониманіемъ свободы, съ грубыми формами протеста проснувшагося раба, мы видимъ организованное присоединеніе цѣлыхъ гарнизоновъ къ революціоннымъ комитетамъ.—Въ томъ или другомъ городѣ солдаты заявляли, что они переходятъ на сторону народа Это фактически передавало городъ въ руки революціонеровъ.

Что означала бы, однако, эта передача—переходъ крупныхъ провинціальныхъ центровъ на сторону революціи? - Обезсиленіе правительствъ и, при возстаніи въ центрѣ, невозможность сдѣлать изъ провинціи Вандею. Захваченныя городами права вліяли бы на Учредительное Собраніе при выработкѣ конституціи. Ему пришлось бы считаться съ тѣмъ, что уже завоевано самимъ населеніемъ. Демократизмъ законовъ, выработанныхъ Учредит. Собр., находился бы въ зависимости и отъ завоеваннаго демократизма провинціи.

Захватъ города играетъ громадную роль въ агитаціонномъ и организаціонномъ смыслѣ. Создается дѣйствительная свобода слова, печати и собраній. Агитація ведется самымъ усиленнымъ способомъ. Населеніе организуется. На это Красн. комитетъ обратилъ особое вниманіе. Онъ старался сорганизовать *все населеніе* и созданіе новой городской думы являлось лучшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли. Мы видѣли, что Красн. комитетъ предложилъ составить *внѣпартійную* центральную комиссію по выборамъ въ думу. Могъ ли одинъ пролетаріатъ и солдаты распоряжаться всѣмъ городомъ, если бы возстаніе кончилось побѣдоносно, т. е. возможна ли была диктатура пролетаріата и солдатъ въ Красноярскѣ, гдѣ рабочихъ, между прочимъ, $^1/_8$ часть населенія, т. е. очень солидное количество.

Нѣтъ, не могъ! Не надо забывать, что людьми руководятъ въ жизни ихъ собственные интересы, и что много еще есть людей,—громаднѣйшее большинство,—которые не понимаютъ ни самой ре-

волюціи, ни значенія ея, *которые видятъ въ революціонерахъ* своихъ враговъ.

Не надо забывать, что реакція и буржуазія не дремали бы и нашли бы для себя и войска и народъ, который бы отстаивалъ ея существованіе, если бы пролетаріатъ взялъ теперь въ свои руки власть. Надо было прежде всего привлечь на свою сторону всѣ демократическіе элементы, надо было для этого вовлечь ихъ въ политическую жизнь, въ политическую борьбу. Это можно было достигнуть только организаціей всего населенія вокругъ городского самоуправленія, привлекши къ этому представителей *всѣхъ* слоевъ населенія. Дѣйствительность показала, какъ все населеніе ухватилось за идею всенародной городской думы. Предъ соціал-дем. развернулась политическая жизнь въ широкихъ размѣрахъ. Нужно было привлечь на свою сторону всѣ демократическіе элементы и мѣщанство. Мы уже говорили, какъ послѣднее стояло на распутьи, не зная, куда ему идти. Партія мира и порядка стремилась привлечь его къ себѣ. Подъ вліяніемъ наступившей свободы, она какъ будто стала распадаться, но это не значило, что она снова не усилится, когда сила начнетъ переходить къ правительству. Свободная народная партія также стремилась овладѣть мѣщанскими слоями, правда, очень неэнергично. Соціалдемократамъ пришлось указывать, какая партія можетъ гарантировать имъ улучшеніе правового и эконом. положенія. Мы говорили уже, какъ многіе изъ мѣщанъ выражали свое сочувствіе „крайнимъ“. Все-же большой надежды на нихъ соц.-демократы не могли возлагать. Ихъ знамя, а главное ихъ тактика далеко не соотвѣтствовала психологіи широкихъ слоевъ мѣщанства, и если послѣдніе переходили къ крайнимъ партіямъ, то потому только, что въ данный моментъ они видѣли здѣсь силу. Надежнѣе была революціонная демократія. Но когда правительство начинало показывать свои зубы,—такъ какъ громаднѣйшая часть демократич. элементовъ откалывалась отъ революціи, гдѣ были всѣ сочувствующіе революціи, всѣ жаждущіе свободы, когда осажденные въ цехъ солдаты и рабочіе ждали если не помощи, то сочувствія,- солдаты— та же демократія— стали также покидать быстро своихъ товарищей —революціонеровъ, когда правительство усиливалось. Я не дѣлаю никоимъ образомъ вывода, что революція прошла безслѣдно для общества. Идея городского самоуправленія явилась могучимъ организующимъ принципомъ, и онъ оставилъ глубокій слѣдъ на всѣхъ. Никакая словесная и письменная агитація не смогла бы такъ революціонизировать населеніе, какъ проведеніе идеи самоуправленія.

Если бы соціалдемократія стремилась учредить партійную центр. комиссію, она не смогла бы сорганизовать общество въ

свою пользу и не дала бы того плюса въ революціи, который потомъ скажется.

Въ Красноярскѣ ок. 4000 рабочихъ и, при всеобщемъ избирательномъ правѣ при выборѣ въ Городскую Думу, могли бы пройти чуть не всѣ соціалдемократы, такъ какъ никто не могъ бы выставить такого сплоченнаго числа избирателей, какъ соц.-дем. Для этого стоило только городъ объявить однимъ избирательнымъ участкомъ, а не раздѣлять его на части. Соціалдем. этимъ не воспользовались. Они, какъ мы видѣли, предложили устроить центральную комиссію безпартійной и городъ раздѣлить на избирательные участки, чтобы всѣ слои населенія могли надѣяться провести своихъ гласныхъ въ гор. Думу *) Соц. дем. сами сознательно отказались отъ диктатуры въ городской думѣ и, по нашему, они не сдѣлали ошибки.

Проведеніе идеи гор. думы показало, что громаднѣйшая часть населенія жаждетъ новой жизни, что правительство имѣетъ противъ себя огромный кадръ народа, но оно вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружило, что и для черной сотни есть не мало элементовъ.

Правительство побѣдило. Волненія въ Сибири подавлены или вѣрнѣе придавлены. Революція оставила неизгладимый слѣдъ въ народѣ. Эти временные переходы власти къ объедин. совѣтамъ, къ стачечнымъ комитетамъ и т. п. перевертывали психологію всего общества, особенно нашего средняго сословія. Люди увидѣли, что можетъ быть другая власть въ государствѣ, что и они могутъ принимать участіе въ управленіи страной. Я думаю, что захваты городовъ сдѣлали очень многое для идеи народовластія.

Анализируя красноярскую, иркутскую и читинскую революціи, приходится сдѣлать выводъ, что Сибирь могла бы въ декабрьскіе дни сыграть значительно большую роль для общей революціи, чѣмъ она сыграла. Слѣдующія причины ослабляли революцію въ Сибири.

1) Не было никакого общаго плана. Каждый городъ дѣйствовалъ самостоятельно. Красноярскъ мало знаетъ, что дѣлается въ Читѣ, Чита не знаетъ, что творится въ Иркутскѣ и т. п. Никакой взаимопомощи.

2) Движеніе солдатъ съ востока страшно вредило революціи. О вторичной забастовкѣ жел. дороги въ Сибири нечего было и думать Если бы таковая состоялась, то солдаты разгромили бы желѣзнодорожниковъ. Солдаты находились подъ двумя вліяніями. Начальство говорило имъ, что во всемъ виноваты желѣзнодорожники. Революціонеры же говорили, что виной всему самодержавіе.

*) Проектъ организаціи центр. комиссіи и выборовъ былъ предложенъ соц.-дем. комитетомъ во 2 № „Красноярскаго Рабочаго“.

Солдаты по дорогѣ совершали рядъ насилій, разгромовъ. Машинисты, кондуктора и пр. прямо боялись солдатъ. Были случаи убійства солдатами машинистовъ. На желѣзной дорогѣ вообще царилъ безпорядокъ. Солдаты же доводили его до полнѣйшей анархіи. Революціонеры всюду старались внести порядокъ въ движеніи поѣздовъ, подчинивъ своему вліянію начальство, организовавъ особыя комиссіи по передвиженію войскъ. Дѣло было крайне трудное и, надо сказать, что тамъ, гдѣ дѣйствовали эти комиссіи, движеніе поѣздовъ значительно улучшилось. Думать о забастовкѣ Сиб. дороги было, конечно, невозможно, и, такимъ образомъ, правительство могло ввозить войска для подавленія безпорядковъ. Къ обезвреживанію же ихъ революціонеры ничего не предпринимали, кромѣ агитаціонныхъ листковъ.

3) Почтово-телеграфная забастовка ослабляла не только правительство, но и революціонеровъ. Въ самый нужный моментъ, а именно послѣ 7-го декабря, телеграфъ уже не обслуживалъ революціи. Правительство уже захватило въ свои руки рядъ почтово-телеграфныхъ отдѣленій, а революціонеры не сорганизовали своихъ телеграфныхъ пунктовъ.

4) Революціонеры въ сущности не боролись съ реакціей. Вѣря въ свои силы, надѣясь на побѣду революціи, они не придавали значенія тому, что власти, организаторы реакціи, находятся на свободѣ и готовятъ контръ-революцію. Пока революціонеры разсуждали о революціи, о возстаніи, власти призывали къ себѣ войска и, заручившись значительной силой, дѣлали нападенія и революціонерамъ пришлось отступать.

Никакой активной политической силы, кромѣ рабочихъ и солдатъ, не было. Правительство растерялось предъ силой, но быстро оправилось. По его дѣйствіямъ видно было, чего оно опасается со стороны революціонеровъ. Оно охраняло банкъ и казначейство. Оно, какъ мы слышали, вынуло изъ ружей, хранящихся въ арсеналѣ, замки и такимъ образомъ обезвредило ихъ.

5) Было мало сознательныхъ дѣятелей. Рабочіе ходили на митинги; все, что имъ говорили, воспринимали съ жаромъ. Готовы были итти на баррикады, если бы пришлось. Но сами проявляли очень мало иниціативы, не выдѣляли новыхъ дѣятелей. Я думаю, что въ этомъ не въ малой степени виноватъ весь организаціонный планъ партіи, виноватъ бюрократическій централизмъ соц.-дем. организаціи.

Вотъ главныя мѣстныя причины, ослаблявшія революціонное движеніе въ Сибири. Сибирь не дореволюціонизировалась.

Въ Сибири было несомнѣнно сильное революціонное настроеніе, но все же оно было недостаточно сильно, чтобы могло пре-

вратиться въ активное возстаніе. Это чувствовали и революціонеры, вотъ почему въ ихъ дѣйствіяхъ видна была нѣкоторая неувѣренность. Вотъ почему мы видимъ въ сущности полузахваты городовъ, не видимъ возстаній, не видимъ серьезной попытки распространить возстаніе за предѣлы Сибири. Сибирь какъ будто дѣйствовала самостоятельно, а въ сущности она всецѣло зависѣла, съ одной стороны, отъ побѣды революціи въ центрахъ Россіи, а съ другой—отъ проходящихъ войскъ. Когда появлялась серьезная правительственная сила, революціонное населеніе легко сдавалось. Революціонеры оставались съ одними рабочими и солдатами-революціонерами. Народъ и армія оказались еще не завоеванными революціей, а только увлеченными ея потокомъ.

Глумовъ.

Корреспонденція изъ Латышскаго края.

(Окончаніе).

Во второй половинѣ ноября въ Лифляндіи было объявлено военное положеніе, о которомъ самъ губернаторъ узналъ, благодаря почтово-телеграфной забастовкѣ, лишь черезъ мѣстную печать.

Случилось неизбѣжное. Въ Ригѣ и въ деревняхъ сразу все пріостановилось; на дорогахъ появились крестьянскія заставы, войскамъ было предложено очистить деревни. Зарево горящихъ замковъ освѣщало путь уходящимъ: несмотря на протестъ временныхъ комиссій, были подожжены замки, изъ которыхъ драгуны и казаки раньше совершали свои набѣги на крестьянъ. По мнѣнію крестьянъ, это было необходимо для того, чтобы при слѣдующемъ нашествіи эти замки не послужили опять войску базой для набѣговъ, но за то временнымъ комиссіямъ удалось отстоять въ имѣніяхъ всѣ хозяйственныя строенія и инвентарь. Остались большею частью цѣлы также и замки тѣхъ помѣщиковъ, которые не содержали въ нихъ драгунъ и казаковъ.

Въ виду серьезности положенія, угрожающаго не только привилегіямъ, но и имуществу и жизни дворянъ, Лифляндскій дворянскій конвентъ, вмѣстѣ съ Рижской городской управой, послали въ Петербургъ телеграмму съ ходатайствомъ о снятіи военнаго положенія. Подобное же ходатайство послалъ и губернаторъ Звегинцевъ, не успѣвшій еще расклеить объявленія о введеніи военнаго положенія, даннаго согласно его же ходатайству. Изъ личныхъ переговоровъ нѣкоторыхъ представителей дворянства съ представителями латышской соц.-дем. рабочей партіи выяснилось, что большинство лифляндскихъ дворянъ (по крайней мѣрѣ, по заявленію этихъ лицъ) сознаетъ серьезность положенія, готовы отказаться отъ своихъ привилегій и вступить въ соглашеніе съ крестьянами. Съ другой стороны, выяснилось, что ни крестьяне, ни латышская соц.-демократія не требуютъ экспропріаціи частной собственности въ деревнѣ и въ частности противъ нихъ, какъ крупныхъ землевладѣльцевъ, ничего не имѣютъ. Имъ было предложено даже принять участіе наравнѣ съ другими землевладѣльцами во второмъ крестьянскомъ съѣздѣ, который долженъ былъ состояться въ декабрѣ. При этомъ было указано, что соглашеніе возможно лишь въ томъ случаѣ, если въ деревни не будетъ

послано войскъ и дворяне открыто порвутъ связь съ бюрократіей. „Помните", сказалъ одинъ изъ представителей соц.-демократовъ, „что правительство можетъ наводнить край войсками, что оно можетъ разстрѣлять сотни и даже тысячи крестьянъ, но возстановить ваши привилегіи оно не можетъ; и съ крушеніемъ крупнаго землевладѣнія вы не только перестанете быть дворянами, но перестанете быть и землевладѣльцами". Въ Лифляндіи потомъ дворяне дѣйствительно оставили полицейскую службу и многіе изъ нихъ вступили въ переговоры съ временными комиссіями относительно податей и повинностей. Несмотря на такое заявленіе нѣкоторыхъ дворянъ, вся нѣмецкая печать продолжала прежнюю травлю. Сначала въ кенигсбергскихъ, а потомъ и въ петербургскихъ газетахъ начали появляться сообщенія о взятіи Риги, Усть-Двинска и Либавы латышами, объ образованіи латышской республики и т. д. Всѣ эти завѣдомо-ложныя для мѣстной нѣмецкой печати свѣдѣнія она все же аккуратно перепечатывала, снабжала ихъ еще съ своей стороны нападками на латышей и на основаніи этихъ свѣдѣній (противъ которыхъ ей самой, по настоянію Биржевого комитета, пришлось два раза писать опроверженія) она требовала для усмиренія „республиканцевъ" введенія генералъ-губернаторства въ Прибалтійскомъ краѣ. Въ унисонъ со своей печатью продолжало дѣйствовать и большинство дворянства. Такъ, напр., дворяне, спасаясь бѣгствомъ изъ Ремерсгофа, приказали, при уходѣ изъ замка, зарѣзать двухъ членовъ временной комиссіи, захваченныхъ драгунами въ плѣнъ. Крестьяне погнались за бѣглецами, настигли ихъ при Линневарденѣ и послѣ непродолжительной стычки нѣсколько бароновъ съ ихъ семействами и съ нѣсколькими десятками драгунъ были взяты въ плѣнъ. Баронъ Петерсонъ, одинъ полицейскій секретарь и три черкеса, отличавшіеся особенною жестокостью и замѣшанные въ убійствѣ упомянутыхъ двухъ крестьянъ, несмотря на протестъ членовъ кокенгузенской волостной комиссіи, были толпой разстрѣляны, остальные-же бароны съ драгунами были отпущены.

Туккумскій уѣздный начальникъ баронъ Раденъ искалъ крамолу въ телѣгахъ и въ карманахъ пріѣзжающихъ крестьянъ, дѣлалъ облавы, арестовывалъ и избивалъ мирныхъ Туккумскихъ обывателей, грозя убивать тѣхъ, у кого найдетъ оружіе. Не ограничиваясь этимъ, Раденъ объявилъ жителямъ, что онъ далъ приказъ застрѣлить всякаго, кто осмѣлится при его появленіи или появленіи драгунъ кричать и свистать. Въ то же время изъ имѣнія Дурбенъ, расположеннаго въ двухъ верстахъ отъ Туккума, драгуны дѣлали набѣги на окрестныхъ крестьянъ. Когда драгунами дѣйствительно было убито двое ни въ чемъ неповинныхъ людей, крестьяне вышли, наконецъ, изъ терпѣнія. Массами они начали стекаться въ Туккумъ и потребовали отъ драгунъ выдачи оружія и оставленія города. Такъ какъ это требованіе драгуны не исполнили, то въ результатѣ они были выбиты, пятеро (раненыхъ) взято въ плѣнъ и по

мѣщены въ больницѣ. Всѣ слухи о звѣрствахъ Туккумскихъ дружинниковъ опровергаются уже тѣмъ фактомъ, что плѣнные драгуны послѣ сдачи Туккума еще долго переодѣтыми скрывались въ городѣ, не желая возвращаться къ своимъ. Въ то время, когда съ ген. Хорунженко шли переговоры о сдачѣ Туккума, драгуны подъ предводительствомъ барона Рекке изъ Дурбена напали на окружающія Туккумъ усадьбы, куда спасались отъ бомбардировки, главнымъ образомъ, женщины и дѣти, и перебили ихъ всѣхъ безъ разбора.

Въ Тальсенѣ послѣ выдачи жителями взятыхъ изъ цейхгауза солдатскихъ ружей, ген. Хорунженко обязался уйти немедленно со всѣми солдатами, но послѣ ухода генерала на улицахъ появились драгуны, во главѣ съ бар. Зиверсомъ изъ Пунена, и подожгли городъ въ трехъ мѣстахъ. Спасающихся изъ горящихъ домовъ разстрѣливали и въ результатѣ масса сгорѣвшихъ и обращеніе въ пепелъ полъ города. Въ нѣмецкой печати наряду съ описаніемъ звѣрствъ революціонеровъ появились описанія кровопролитныхъ сраженій,—и наконецъ, бароны получили желаемое. Въ Прибалтійскомъ краѣ было введено генералъ-губернаторство, и на границѣ Лифляндіи сосредоточивались войска. Бароны могли быть спокойными. Въ своемъ объявленіи Соллогубъ обѣщалъ имъ больше, даже, чѣмъ требовалъ фонъ-Шиллингъ въ газетѣ „Düna Zeitung“. Запылали усадьбы; въ одной Штокмансгофской волости были сожжены въ первые-же дни 17 усадебъ, хотя замокъ и баронъ остались тамъ невредимыми.

Поджоги усадебъ отличаются отъ поджоговъ замковъ тѣмъ, что въ усадьбахъ сжигаются всѣ строенія и весь инвентаръ, въ замкахъ же только жилыя помѣщенія бароновъ. Но къ великому удивленію храбрыхъ генераловъ, вмѣсто грозныхъ революціонеровъ ихъ встрѣтили повсюду мирные крестьяне, не оказывающіе сопротивленія даже при поджогахъ ихъ усадебъ. Солдатамъ некого было разстрѣливать и приходилось ограничиваться арестами, но противъ этого запротестовала „Düna Zeitung“ устами своихъ кореспондентовъ бароновъ. „Не вѣрьте крестьянамъ“, писала газета, „они только прикидываются; арестами вы ихъ не устрашите. Вѣдь можетъ послѣдовать манифестъ объ амнистіи и ихъ (ужасъ!) могутъ освободить. Единственное средство успокоить ихъ—это разстрѣлъ“. Откуда-то вдругъ у всѣхъ начальниковъ отрядовъ появились списки „революціонеровъ“ и въ нѣмецкихъ газетахъ начали появляться ежедневные отчеты объ ихъ разстрѣлѣ. Въ сущности разстрѣливались, главнымъ образомъ, члены временныхъ комиссій и народные учителя, введшіе въ своихъ школахъ новую программу. Мнѣ, лично извѣстенъ всего одинъ случай, гдѣ дѣйствительно вѣроломнымъ образомъ были захвачены активные революціонеры и разстрѣляны – это было въ Виндавѣ. Послѣ ухода войскъ въ Виндавѣ порядокъ и притомъ образцовый, по заявленіямъ самой нѣмецкой-же печати, поддерживался тремя членами мѣст-

наго соц.-дем. комитета. Благодаря ихъ же энергіи остались цѣлы находящіеся въ окрестностяхъ Виндавы замки. По возвращеніи войска эти лица, несмотря на сдѣланныя имъ предостереженія, продолжали оставаться въ Виндавѣ, такъ какъ уѣздный начальникъ Браунъ, не разъ заходившій къ нимъ узнать новости, и начальникъ отряда обѣщали, что ихъ не тронутъ (нужно замѣтить, что въ Виндавѣ никакого столкновенія между народомъ и войскомъ не было). 22-го декабря однако они были арестованы, избиты, отведены на вокзалъ и тамъ убиты. Трупы ихъ были брошены въ сарай, гдѣ ихъ утромъ нашли станціонные служители, при чемъ оказалось, что одинъ изъ нихъ, Карклинъ, еще живъ. По словамъ послѣдняго они были арестованы по распоряженію Брауна, который присутствовалъ также на вокзалѣ при убійствѣ. Къ обѣду умеръ Карклинъ, и всѣ они были похоронены солдатами. Чаще происходили такія вещи: въ Тальсенѣ, напр., считали за яраго революціонера нѣкоего Л., ходившаго постоянно въ Николаевской шинели. Человѣка въ подобной накидкѣ встрѣчаетъ фонъ Зиверсъ съ драгунами,—человѣка разстрѣливаютъ, а потомъ оказывается, что это не Л., а нѣкій учитель К. Тамъ же, на дорогѣ драгуны обыскиваютъ всѣхъ прохожихъ и спрашиваютъ фамиліи. Между прочимъ, одинъ изъ прохожихъ заявляетъ, что его фамилія Л., его немедленно убиваютъ, а потомъ опять оказывается, что это не настоящій Л., а его однофамилецъ. По дорогѣ въ Митаву отрядъ драгунъ встрѣчаетъ зажиточнаго крестьянина Бригадера, при немъ находятъ удостовѣреніе временной комиссіи, что онъ состоитъ членомъ ея; двое офицеровъ отводятъ его въ сторону и разстрѣливаютъ. Одновременно съ уходомъ драгунъ пропали кошелекъ съ деньгами, золотые часы и кольцо убитаго. Богатаго крестьянина Д. около Бауска арестовываютъ и требуютъ отъ него выдачи двухъ младшихъ его братьевъ, тотъ не знаетъ мѣстонахожденія послѣднихъ и за это его убиваютъ. (Д. не сочувствовалъ движенію и поэтому именно былъ въ ссорѣ съ своими братьями и дѣйствительно не зналъ мѣсто ихъ нахожденія).

Для характеристики завоеванія края приведу примѣръ взятія Руена въ Лифляндіи. Подходитъ 800 человѣкъ войска съ артиллеріей, дѣлаетъ нѣсколько выстрѣловъ по городу и ждетъ. Въ нѣмецкихъ газетахъ появляется извѣстіе, что около Руена ожидается кровопролитное сраженіе, такъ какъ городъ занятъ 3000 революціонеровъ. Но отвѣтныхъ выстрѣловъ не послѣдовало, и въ городъ посылается парламентеръ съ требованіемъ выдачи революціонеровъ и трехъ тысячъ ружей. Въ городѣ не оказывается ни оружія, ни революціонеровъ, и войско занимаетъ его.

Затѣмъ по списку вызываютъ девять лицъ, изъ нихъ четверо находятся на мѣстѣ, ихъ разстрѣливаютъ, а въ газетахъ сообщается, что четверо революціонеровъ, оказавшихъ сопротивленіе—убиты, а остальные разбѣжались.

Въ отместку сбѣжавшимъ сжигаются дома и имущество не только

лицъ, находящихся въ проскрипціонныхъ спискахъ, но и ихъ родственниковъ.

Въ экспедиціяхъ обыкновенно участвуютъ урядники и бароны, которые указываютъ лицъ, подлежащихъ разстрѣлу. Мѣстами дошло до того, что солдаты отказывались разстрѣливать „революціонеровъ".

Такъ, по словамъ крестьянъ въ Грингофѣ—за отказомъ солдатъ—разстрѣляпъ двухъ революціонеровъ сопровождавшій отрядъ баронъ. Около Гольдингена при отказѣ солдатъ стрѣлять роль палача хотѣлъ принять на себя унтеръ-офицеръ, но былъ убитъ солдатами.

Нѣтъ почти ни одной волости въ краѣ, гдѣ не виднѣлись бы развалины сожженныхъ усадебъ, нѣтъ почти ни одного кладбища, гдѣ не поднимались бы свѣжія могилы убитыхъ. Какія чувства поднимаются теперь въ душѣ латышскаго, а также и эстонскаго крестьянина—это покажетъ, можетъ быть, ближайшее будущее.

Если теперь еще и рано говорить о крушеніи крупнаго землевладѣнія въ краѣ, то во всякомъ случаѣ мы можемъ смѣло утверждать, что нѣмецкимъ баронамъ въ Прибалтійскомъ краѣ уже нечего искать.

А. Бушевичъ.

Рига, 15 янв. 1906 г.

Стачки въ Россіи.

Съ тѣхъ поръ, какъ министерство финансовъ потеряло счетъ стачкамъ и вмѣстѣ съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ должно было отказаться отъ всякихъ «мѣръ воздѣйствія», отдѣлъ промышленности принялся за «научное» изслѣдованіе этого явленія. Оказалось это дѣло далеко не легкимъ. Удовлетворяя строгимъ требованіямъ «научности» и... приказанію начальства, изъ изслѣдованія рѣшено было выкинуть прежде всего вопросъ о стачкахъ, происшедшихъ по винѣ предпринимателей, «въ виду того, что интересъ, возбуждаемый этимъ вопросомъ, болѣе полемическій, чѣмъ научный, а основанія, для установленія виновности предпринимателей не могутъ носить строго объективнаго характера» (61). Это не помѣшало, правда, предположить вину предпринимателей въ 418 случаяхъ стачекъ (25%) и даже установить 20 группъ такой виновности, но что подѣлаешь съ требованіями нача... научности!

Оказалось и много другихъ препятствій у научности: въ отдѣлѣ промышленности не только не оказалось достаточно полныхъ свѣдѣній о стачкахъ за пять первыхъ лѣтъ (1895—1904) изслѣдованія, но за цѣлый рядъ лѣтъ не оказалось даже точной цифры промышленныхъ заведеній, подчиненныхъ фабричной инспекціи, и количества рабочихъ, занятыхъ на нихъ. Послѣ пополненія и исправленія карточекъ о стачкахъ, — «довольно трудной работы, однако, не въ ущербъ ея полнотѣ и достовѣрности», дѣло было налажено, и въ результатѣ — любопытная книжка въ

сотню страницъ: «Статист. Свѣдѣнія о стачкахъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ за десятилѣтіе 1895 — 1904 гг. (составилъ по порученію отд. пром. фабр. ревизоръ. В. Е. Варзаръ), *откуда* и заимствованы наиболѣе интересныя изъ приводимыхъ ниже данныхъ.

Первый вопросъ, который приходитъ въ голову, — это вопросъ о *частотѣ* стачекъ въ Россіи. На Западѣ стачки, какъ извѣстно, давно уже свободны; тамъ онѣ признаются вполнѣ законнымъ актомъ борьбы между трудомъ и капиталомъ и, какъ таковыя, не преслѣдуются. Не такъ обстоитъ дѣло у насъ. Два мѣсяца тому назадъ послѣдовала только отмѣна ст. 1358 и 1358[1], каравшихъ тюремнымъ заключеніемъ участниковъ стачекъ и забастовокъ. Правда, послѣдніе два-три года широкаго развитія стачечной борьбы сдѣлали фактически невозможнымъ наказанія за участіе въ стачкахъ, но добрыхъ двѣ трети изслѣдуемаго десятилѣтія прошли при совершенно иныхъ условіяхъ. — слишкомъ извѣстныхъ, впрочемъ, чтобы стоило на нихъ останавливаться. Вопросъ о томъ, какъ часты были стачки въ Россіи, невольно покрывается другимъ вопросомъ: что дали всѣ тѣ жестокія репрессіи, съ которыми обрушивалась администрація на головы стачечниковъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ сравненіе русскихъ данныхъ съ данными западно-европейской статистики стачекъ.

За десятилѣтіе 1895— 1904 гг. въ промышленныхъ заведеніяхъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи, стачки были на 1765 заведеніяхъ, при чемъ въ стачкахъ приняло участіе 431,254 чел. рабочихъ, что, въ среднемъ за десятилѣтіе, даетъ 0,98% промышленныхъ предпріятій и 2,7% общаго числа рабочихъ.

Для сравненія между Россіей и Западомъ авторъ изслѣдованія приводитъ такія данныя: «за тѣ же приблизительно годы (1897 и 1898) число забастовщиковъ къ общему числу рабочихъ въ странѣ составляло, напр., во Франціи отъ 1,4% до 1,6%, въ Англіи около 2% и до 5% (въ 1899 г.— 2,1%); то же число участниковъ стачекъ въ Германіи, судя

по свѣдѣніямъ 1893—1898 гг. колебалось отъ 0,01% до 1,5%», откуда и дѣлается выводъ, что «при развитой промышленной дѣятельности въ странѣ стачки, какъ способъ разрѣшенія споровъ между трудомъ и капиталомъ, неизбѣжны, а существующія въ законѣ и практикующіяся на дѣлѣ репрессіи едва ли оказываютъ вліяніе на уменьшеніе числа стачекъ».

Выводъ этотъ совершенно правиленъ, хотя данныя, послужившія для него основаніемъ и совершенно случайны, и даже прямо невѣрны: въ Англіи съ 1897 г. % бастовавшихъ рабочихъ не подымался выше 3,0%; по пятилѣтіямъ мы имѣемъ такія цифры: 1894—98 = 3,1%; 1899—1903 = =2,0%, считая въ томъ числѣ и горную, въ частности — каменноугольную промышленность, въ которой стачки охватывали всегда громадный % рабочихъ и оказывали самое рѣшительное вліяніе на приведенныя выше статистическія среднія. Наконецъ, если ужъ приводить крайнія цифры (2% и неизвѣстно откуда взятые 5%), то слѣдовало бы поставить рядомъ и крайнія цифры для русскихъ стачекъ; а здѣсь мы имѣемъ 1,5% и 5,1%!

Сравненіе въ частотѣ русскихъ и западно-европейскихъ стачекъ было бы правильно только тогда, когда были бы сопоставлены или отдѣльные виды промышленности, или однородныя группы ихъ. Сдѣлать это по матеріаламъ отдѣла промышленности довольно трудно, такъ какъ министерство финансовъ располагаетъ данными о числѣ предпріятій только за 1901 и 1902 гг. Возьмемъ для примѣра текстильную промышленность, одну изъ наиболѣе развитыхъ и «прогрессивныхъ» у насъ. Если принять, что число рабочихъ въ каждой отрасли промышленности оставалось неизмѣннымъ за все десятилѣтіе и равнялось цифрѣ 1902 г., то для этой промышленности можно было бы получить слѣдующія % отношенія числа рабочихъ, участвовавшихъ въ стачкахъ, къ общему числу ихъ (для Англіи мы заимствуемъ ихъ изъ Reports on Strikes and Lockauts за соотвѣтствующіе годы):

См. дальше!

Годы.	Въ Россіи.	Въ Англіи.
1895	3.9	—
1896	3,7	—
1897	7.4	3.0
1898	4,3	2.0
1899	3.9	5.1
1900	2.4	2.0
1901	1.6	1.4
1902	2.4	1.4
1903	4.0	0.8
1904	1.0	—
Среднее .	3.4	2.3

Надо замѣтить, что чѣмъ дальше мы отъ 1902 г., за-который мы взяли цифру рабочихъ текстильной промышленности, тѣмъ дальше отъ дѣйствительныхъ (меньше дѣйствительныхъ) наши % величины. Такимъ образомъ, разница между англійской и русской текстильной промышленностью по частотѣ стачекъ въ пользу Англіи и еще разъ— въ пользу доказательства, полной безплодности усилій русской администраціи...

Смыслъ только что приведеннаго сопоставленія русскихъ и англійскихъ данныхъ не можетъ быть ослабленъ ссылкой на «особую склонность къ стачкамъ», свойственную текстильной промышленности наряду съ металлообрабатывающей и др. (въ томъ числѣ—каменноугольной, которой изслѣдованіе отдѣла промышленности не касается). Дѣйствительно, на текстильную промышленность падаетъ у насъ 33,4% всѣхъ русскихъ стачекъ и 54,9% всѣхъ забастовщиковъ. На вторую — 19,0% стачекъ, бывшихъ за десятилѣтіе, и 27,1% рабочихъ или, въ текстильной промышленности 52% всѣхъ предпріятій переживали болѣе или менѣе значительныя «потрясенія», въ которыхъ принимало участіе 34% рабочихъ, въ металлообрабатывающей же—16% предпріятій и 46,4% рабочихъ. Въ остальныхъ видахъ промышленности

стачки далеко не имѣли такого розмаха; по числу заведеній, гдѣ имѣли мѣсто забастовки, выдаются впередъ: химическія производства (18,8% предпріятій и 18,1% рабочихъ) и обработка животныхъ продуктовъ (13,6% предпріятій и 19,1% рабочихъ), что далеко отъ той «склонности», которую обнаруживаютъ текстильная и металлообрабатывающая промышленность, не только у насъ, но и во всѣхъ другихъ странахъ.

«Склонность» эту авторъ изслѣдованія объясняетъ «совокупностью различныхъ причинъ, какъ-то: крупностью (многолюдствомъ) заведеній въ этихъ отрасляхъ промышленности, обычной концентраціей ихъ въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ, профессіональными особенностями условій труда (однообразіе работы, рабочей платы и т. д.), для значительныхъ группъ рабочихъ и проч.».

Какимъ образомъ каждая изъ указанныхъ причинъ вліяетъ на частоту стачекъ, не указывается: такіе поиски выходятъ за рамки «научности». Интереснѣе всего, на нашъ взглядъ, было бы освѣщеніе вопроса о связи между «крупностью» заведеній и количествомъ стачекъ.

Частота стачекъ въ зависимости отъ величины предпріятія возрастаетъ съ замѣчательной правильностью: въ заведеніяхъ, считавшихъ

	до	20	рабочихъ,	стачки	имѣли	мѣсто	въ	2,7%	зав
отъ	21	»	50	»	»	»	»	»	7,5%	»
»	51	»	100	»	»	»	»	»	9,4%	»
»	101	»	500	»	»	»	»	»	21,5%	»
»	501	»	1000	»	»	»	»	»	49,9%	»
Свыше			1000	»	»	»	»	»	89,7%	»

Сознаніе своей силы и боевая готовность растутъ прямо пропорціально массѣ рабочихъ,—вотъ выводъ изъ этой удивительно интересной таблички, затерявшейся на безцвѣтныхъ страницахъ министерской статистики.

Выводъ этотъ подтверждаютъ и цифры бельгійской статистики стачекъ.

Въ Statistique des grèves en Belgique en 1896—1900 мы найдемъ слѣдующія данныя: изъ 514 стачекъ, имѣвшихъ мѣсто въ теченіе указаннаго пятилѣтія, 122 или 24% ихъ прошло въ предпріятіяхъ, имѣвшихъ менѣе 50 чел. рабочихъ, остальные 76%—въ предпріятіяхъ съ числомъ рабочихъ болѣе 50. По послѣдней профессіональной переписи на предпріятія, имѣвшія менѣе 50 рабочихъ, приходилось въ Бельгіи 84% предпріятій и только 24% *стачекъ*, на предпріятія съ 50 и болѣе рабочими—16% промышленныхъ заведеній и 76% стачекъ. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности отмѣченный фактъ бросается въ глаза особенно рѣзко: всѣ стачки въ каменноугольной промышленности Бельгіи падаютъ исключительно на вторую группу предпріятій, т. е. имѣвшихъ болѣе 50 рабочихъ; изъ 63 каменоломенъ, считавшихъ менѣе 50 рабочихъ, ни въ одной за пять лѣтъ не было стачекъ, а всѣ онѣ имѣли мѣсто въ 9 болѣе крупныхъ предпріятіяхъ.

Аналогичныя данныя можно было бы привести еще изъ австрійской стачечной статистики; но и приведеннаго уже достаточно, чтобъ обратить вниманіе на отмѣченную выше связь между частотой стачекъ и величиной предпріятій. Связь эта сказывается и на другихъ сторонахъ стачечной борьбы, напр., на продолжительности стачекъ, ихъ результатахъ и пр., и прослѣдить ее было бы въ высшей степени интересно. Работа отдѣла промышленности не даетъ для этого, къ сожалѣнію, никакихъ матеріаловъ.

Въ среднемъ на одну стачку приходится 244 чел., прекратившихъ работу; но этой цифры стачки достигали сравнительно рѣдко, и если средняя стоитъ такъ высоко, то это благодаря стачкамъ (ткачей) въ текстильной промышленности и въ предпріятіяхъ по обработкѣ металловъ, стачки машино-вагоно и судостроительныхъ и трубопрокатныхъ заводовъ, гдѣ преобладаютъ крупныя промышленныя заведенія. Такъ, 1-я группа производствъ оффиціальной классификаціи — обработка хлопка, даетъ 692 чел. на стачку, обработка металловъ (VIII гр.)—348 и т. д. Но и

въ этихъ производствахъ далеко нерѣдки стачки мелкими группами; въ текстильной промышленности, напр., въ половинѣ стачекъ (48%) принимали участіе группы до 100 человѣкъ численностью, въ обработкѣ металловъ—37%. Если взять вмѣстѣ всѣ отрасли промышленности, то на стачки группами до 100 человѣкъ падаетъ у насъ 60% всѣхъ стачекъ; съ 1000 и болѣе человѣкъ забастовщиковъ прошло всего 6% стачекъ, но, какъ мы видѣли уже, бастовало далеко болѣе половины предпріятій, имѣющихъ свыше 1000 рабочихъ.

Въ этихъ же двухъ видахъ производствъ наблюдалось и наибольшее количество стачекъ повторныхъ; въ обработкѣ металловъ нашлось даже одно предпріятіе, гдѣ стачки повторялись каждый годъ!

«Склонность» къ коллективнымъ стачкамъ, къ поддержкѣ стачкой требованій товарищей, забастовавшихъ въ заведеніи того же или другого вида производства—«склонность», опредѣляемая за отсутствіемъ прямыхъ указаній одновременностью ихъ возникновенія, «т. е. въ дни того же мѣсяца»—едва ли могла быть уловлена отдѣломъ промышленности, несмотря на тѣсныя отношенія между фабричной инспекціей и отдѣльнымъ корпусомъ жандармовъ. Во всякомъ случаѣ, утверждать, что двѣ стачки стоятъ въ причинной связи одна къ другой, если разстояніе между ними не превышаетъ 30 дней,—болѣе чѣмъ рисковано, и потому относящіяся сюда соображенія и цифры мы оставляемъ безъ вниманія, хотя было бы очень лестно думать, что $^2/_3$ стачекъ (а въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности цѣлыхъ 80%) говорятъ о тѣсной солидарности среди рабочихъ.

Любопытную главу книги представляетъ изслѣдованіе причинъ стачекъ. Мы уже упоминали, что въ виду требованій «научности» оставленъ былъ внѣ изслѣдованія вопросъ о стачкахъ, происшедшихъ по винѣ предпринимателей.

Устранить его совсѣмъ не было однако никакой возможности, и страусъ только спряталъ свою *глупую* голову. Министерская «научность» требовала, чтобы всегда виноваты

были рабочіе; здравый смыслъ протестовалъ противъ того, чтобы въ стачкѣ, вызванной, напр., пониженіемъ расцѣнокъ или удлиненіемъ рабочаго дня, виноватыми оказывались бы рабочіе, *не пожелавшіе* согласиться на новыя условія. Выходъ изъ этой трагической коллизіи въ виду требованія «научности» и здраваго смысла былъ въ концѣ концовъ найденъ: рѣшено говорить о стачкахъ *изъ-за* заработной платы, рабочаго дня, порядка въ заведеніяхъ и дѣйствій заводоуправленій и т. п., а въ этихъ группахъ—установить слѣдующія подгруппы: *требованіе* увеличенія платы и *сопротивленіе* уменьшенію ея, *недовольство* вычетами и штрафами и т. п. И рабочіе всюду виноваты, и можно говорить обо всѣхъ стачкахъ, а не о половинѣ только.

Послѣ такой «подготовки» матеріаловъ разработка показала слѣдующее: заработная плата была главной причиной столкновеній между рабочими и предпринимателями въ 1071 случаяхъ и второстепенной—въ 303 случаяхъ; рабочее время—385 разъ главной и 345—второстепенной; штрафы, администрація, неблагоустройство рабочихъ помѣщеній и условія довольствія и быта—131 и 357; наконецъ, случайныя причины и «профессіональныя» (какая оригинальность терминологіи!), т. е. стачки по симпатіи, постороннія вліянія, пропаганды и агитація, 1-ое мая и т. п.—въ 178 случаяхъ являлись главной причиной забастовокъ и 61 разъ—побочной. Принимая же во вниманіе лишь главныя причины забастовокъ, получимъ, что изъ-за заработной платы произошло 60,8% всѣхъ стачекъ изъ-за продолжительности рабочаго времени—21,7%, изъ-за штрафовъ и пр.—7,4% и, наконецъ, 10% забастовокъ было вызвано случайными и «профессіопальными» мотивами. Въ томъ же нисходящемъ порядкѣ идетъ и % бастовавшихъ рабочихъ: 48,6%—30,0%—13,5% и 7,9%.

Въ каждой изъ этихъ группъ столкновеній министерство установило два вида виновности рабочихъ: безъ смягчающихъ обстоятельствъ—*требованія* увеличенія заработка, сокращенія рабочаго времени и т. п. и виновности съ наличностью таковыхъ обстоятельствъ,—*сопротивленіе или*

недовольство, что позволяетъ автору труда говорить о стачкахъ наступательнаго и оборонительнаго характера. Разслѣдованіе въ этомъ направленіи показываетъ, что хотя по всѣмъ группамъ причинъ % стачекъ и забастовщиковъ вездѣ выше при наступленіи, среднее число рабочихъ, падающихъ на одну стачку, неизмѣнно и значительно выше при стачкахъ оборонительныхъ: нападенія совершаются чаще и мелкими группами рабочихъ, на защиту же попранныхъ правъ и нарушенныхъ интересовъ рабочіе встаютъ большими массами. Штрафы и вычеты даютъ въ среднемъ 566 чел. на стачку, столкновенія съ администраціей—582; «сопротивленіе» увеличенію рабочаго времени—547 чел., а за сокращеніе—285, недовольство уменьшеніемъ заработной платы»—478 челов., а борьба за увеличеніе—130 чел. Лежитъ ли въ основаніи этой разницы «психологія безвыходности положенія и неизбѣжности борьбы при наступательныхъ дѣйствіяхъ предпринимателей», какъ думаетъ авторъ изслѣдованія, или разница эта опредѣляется какими-либо другими причинами, данныя отдѣла промышленности не позволяютъ сказать.

Таковы были причины стачекъ; каковы же слѣдствія? Раздѣляя ихъ по общепринятому способу на три категоріи: 1) стачекъ, окончившихся въ пользу рабочихъ, 2)—въ пользу работодателей и 3)—окончившихся взаимными уступками (компромиссомъ), мы получимъ слѣдующія данныя:

	% стачекъ	для	% рабочихъ
Побѣда рабочихъ	28,2	»	27,1
Побѣда работодателей	45,4	»	51,6
Компромиссъ	21,8	»	19,5

Стачки, окончившіяся не взаимными уступками, можно считать съ одинаковымъ успѣхомъ побѣдой работодателей, какъ и побѣдой рабочихъ. Да и зачѣмъ скрывать истину, что русскія стачки были гораздо благопріятнѣе для предпринимателей, чѣмъ для рабочихъ?—Причинъ для такого исхода стачечной борьбы было болѣе чѣмъ достаточно. Довольно указать на полную неорганизованность русскихъ ра-

бочихъ, чтобъ предсказать такой именно, а не иной исходъ. Но дальше мы укажемъ и еще кой-что—русское par excellence,—ту внѣшнюю обстановку, въ которой стачки проходили и, увы, проходятъ еще сейчасъ. Обстановка эта совершенно одинакова для всѣхъ производствъ и для всѣхъ предпріятій, и только чисто случайныя и во всякомъ случаѣ независящія отъ воли сторонъ (условіе рынка) стеченія обстоятельствъ въ томъ или другомъ случаѣ дѣлали исходъ одной стачки нѣсколько болѣе или менѣе благопріятнымъ по сравненію съ другою. Такъ, за разсматриваемое десятилѣтіе въ текстильномъ производствѣ успѣхъ былъ въ большинствѣ случаевъ на сторонѣ предпринимателей, еще хуже было у кожевенниковъ; наоборотъ, въ кирпичномъ, стеклянномъ, цементномъ и пр. производствахъ IX группы счастье было на сторонѣ рабочихъ.

Исходъ стачекъ въ значительной мѣрѣ опредѣлялся и предметомъ спора: наибольшую уступчивость обнаружили предприниматели въ вопросахъ заработной платы, наименьшую—въ столкновеніяхъ изъ-за штрафовъ и вычетовъ, дѣйствій заводской и фабричной администраціи и т. п. вопросовъ; здѣсь безусловной побѣдой капитала окончилось 54% стачекъ и въ 10% сдѣланы были взаимныя уступки. Замѣчательно, что въ этой послѣдней группѣ стачекъ почти нѣтъ компромиссовъ: здѣсь только побѣдители или только побѣжденные, и въ $^2/_3$ случаевъ—побѣжденными являлись рабочіе: такъ стоитъ капиталъ за свое «право» карать и миловать по усмотрѣнію! Въ вопросахъ заработной платы побѣдителями выходили рабочіе только тогда, когда дѣло касалось порядка и условій расплаты (61% стачекъ); перевѣсъ на сторонѣ рабочихъ мы видимъ и въ случаяхъ «сопротивленія» пониженію заработной платы (47% удачныхъ и 23%—окончилось компромиссомъ); но за то только 18% стачекъ за увеличеніе расцѣнокъ окончились полнымъ успѣхомъ рабочихъ и 31% взаимными уступками; 40 же стачекъ изъ ста дали полную побѣду предпринимателямъ. Въ борьбѣ за сокращеніе рабочаго времени на сторонѣ предпринимателей

въ два раза больше побѣдъ, чѣмъ на сторонѣ рабочихъ (53% и 24%), и только попытки удлинить рабочій день окончились очень неудачно для хозяевъ: 63% стачекъ въ пользу рабочихъ, 24% въ пользу предпринимателей; остальныя окончились взаимными уступками.

Вопросъ о томъ, какою цѣною достается побѣда рабочимъ, приводитъ къ парадоксальному на первый взглядъ выводу: побѣда достается очень легко; наоборотъ, когда всѣ силы напряжены и стачка затянулась,—*побѣдителемъ остается капиталъ*. Капиталъ уступаетъ только захваченный врасплохъ передъ какимъ-нибудь жирнымъ кускомъ, который ему нужно сохранить хотя-бы цѣной уступокъ (временныхъ?), но разъ время для нападенія выбрано рабочими неудачно, дѣло рабочихъ чаще всего можно считать проиграннымъ.

Связь между продолжительностью стачки и ея исходомъ очень слабо разработана отдѣломъ промышленности и намъ придется сослаться прежде всего на иностранную статистику. Французскія данныя показываютъ, напр., что изъ стачекъ, продолжавшихся не болѣе недѣли, полной побѣдой рабочихъ окончилось 27,7% стачекъ, пораженіемъ—43,8% и 28,4% компромиссомъ; изъ стачекъ же, затянувшихся на мѣсяцъ и болѣе, только 13,8% окончились для рабочихъ успѣшно, т. е. вдвое менѣе, чѣмъ въ первомъ случаѣ, соглашеніе имѣло мѣсто въ 36,1% случаевъ и 50,0% стачекъ окончилось пораженіемъ рабочихъ. Изъ стачекъ, продолжавшихся болѣе 100 дней, 6% окончилось пораженіемъ рабочихъ и всего только 66%—побѣдой.

Изслѣдованіе отдѣла промышленности, какъ мы сказали уже, очень слабо въ этой части. Здѣсь мы найдемъ только слѣдующія данныя: если раздѣлить общее число потерянныхъ за десятилѣтіе дней на число стачекъ, то на стачку, окончившуюся успѣхомъ рабочихъ, падаетъ 900 дней, при взаимныхъ уступкахъ—1138 и при побѣдѣ предпринимателей—1430 дней. Гораздо интереснѣе и показательнѣе, однако, цифры, вычисленныя на одного стачечника: наиболѣе благопріятными оказываются стачки, кончающіяся взаимными уступками; при

нихъ рабочій теряетъ, въ среднемъ, 1,9 дня; побѣда стоитъ, въ среднемъ, 3,8 дня, за то «для полнаго успѣха работодателей, чтобы преодолѣть совершенно сопротивленіе рабочихъ», читаемъ мы въ министерской работѣ: «требуется, въ среднемъ, стачка продолжительностью до двухъ недѣль»... Двѣ недѣли! Подумаешь, право, какія невѣроятныя усилія! На самомъ дѣлѣ, не объ усиліяхъ со стороны капитала должна быть рѣчь, а объ усиліяхъ со стороны рабочихъ отстоять свою позицію; и тогда эти двѣ недѣли получаютъ совершенно другой смыслъ.

Двѣ недѣли стачки — это, дѣйствительно, героическое усиліе для русскаго рабочаго; двѣ недѣли—исключительная продолжительность для русской стачки. Вотъ какъ распредѣляются по продолжительности русскія стачки:

	до	2	дней	—35
отъ	2	до	5	—33
»	6	»	10	—17
»	11	»	15	— 4
»	16	»	20	— 3
»	21	»	30	—0,8
свыше 30 дней				7

Чтобы сопоставить съ иностранными данными придется взять болѣе крупную группировку:

	Россія	Франція	Бельгія
до 15 дней	89	62	57
отъ 16 до 30	3,8	19	11
свыше 30 дней	7	9	6

Цифры послѣдней строки требуютъ существенной поправки: выходитъ, какъ будто % русскихъ стачекъ, продолжающихся болѣе мѣсяца, даже превосходитъ бельгійскій; на самомъ дѣлѣ эта цифра 7 создана у насъ не только стачками одного года, но даже стачками одного Бѣлостока: въ 1898 году здѣсь было 98 стачекъ ручныхъ ткачей, вызванныхъ совершенно исключительными условіями, «не въ при-

мѣръ прочимъ». Эти то бѣлостокскія стачки и вводятъ въ обманъ, ибо кромѣ этихъ 98 и 16 стачекъ кожевенниковъ виленской и ковенской губ., стачекъ, продолжительностью болѣе 30 дней, (болѣе детальныхъ данныхъ о продолжительности мы не имѣемъ) за десятилѣтіе наберется всего 17!

Средняя продолжительность стачки въ Англіи—34,2 дня на человѣка, т. е. пять недѣль; у насъ—какъ бы вы думали?—4,8 дня! Даже въ Италіи средняя стачка даетъ 10,3 дня на человѣка. 82% русскихъ стачекъ продолжалось не болѣе 10 дней, и только 7% — переживало 1 мѣсяцъ. И такихъ героевъ, обрекшихъ себя на цѣлый мѣсяцъ голодовки, оказалось однако не мало: за десять лѣтъ 87 т. человѣкъ!

Но царь-голодъ—далеко не единственный союзникъ капитала: въ сводѣ законовъ россійскихъ имѣется достаточный арсеналъ статей, не вычеркнутыхъ оттуда законодателемъ, хотя давно приведенныхъ въ практическую негодность пролетаріатомъ, а въ рукахъ администраціи—богатая коллекція циркуляровъ и «молодцовъ» разнаго рода и вида, вплоть до «молодцовъ-фанагорійцевъ». Когда ни перспектива голода, ни перспектива тюрьмы не дѣйствовали, и рабочіе вставали на защиту своихъ попранныхъ правъ, на сцену выступали «увѣщанія» фабричной инспекціи и полицейскихъ властей, забастовщикамъ назначался «кратчайшій срокъ стать вновь на работу или получить расчетъ», а затѣмъ происходили аресты неразумныхъ, «безотлагательное удаленіе» на мѣста родины и приписки, пускались въ дѣло «молодцы-фанагорійцы», дѣла же объ оставшихся въ живыхъ получали «преимущественное направленіе въ порядкѣ положенія объ охранѣ»...

Таковъ былъ «нормальный» ходъ развитія русскихъ стачекъ, и слѣды этого порядка сохранила статистика отдѣла промышленности. Расчетъ частичный и общій (авторъ работы почему то думаетъ что lock-aut'омъ называется расчетъ, производимый *организаціями* предпринимателей), аресты и высылки, призывъ войскъ, наконецъ, привлеченіе къ суду—вотъ та административная «обстановка и условія, со-

провождавшія теченіе и разрѣшеніе стачекъ», вліяніе которыхъ мы отмѣтили выше на ихъ продолжительности. Изъ 1765 случаевъ стачекъ за десятилѣтіе 1895—1904 различные элементы этой «обстановки» имѣли мѣсто въ 786 случаяхъ, т. е. изъ двухъ стачекъ одна только проходила безъ «обстановки»!

Каждая изъ перечисленныхъ выше мѣръ воздѣйствія примѣнялась или одна, или въ совокупности съ другими, что изображено въ нижеслѣдующей табличкѣ: здѣсь первый столбецъ — случаи единичнаго примѣненія данной мѣры, второй—примѣненіе вмѣстѣ съ другими, и третій — итогъ того и другого. Итакъ, имѣли мѣсто:

Частичный расчетъ	154	36	190 разъ
Общій расчетъ	95	42	137 »
Аресты и высылки	139	130	269 »
Призывы войскъ	223	117	340 »
Привлеченіе къ суду	31	8	39 »

Такимъ образомъ, аресты, высылки и призывъ войскъ имѣли мѣсто въ 609 случаяхъ, т. е. изъ трехъ стачекъ только двѣ проходили безъ нихъ. Такъ сокращалась продолжительность русскихъ стачекъ!

«Разрушительныя дѣйствія» со стороны забастовщиковъ проявились всего только 4 раза въ голомъ, такъ сказать, видѣ и 67 разъ въ связи съ другими обстоятельствами,— всего 71 разъ за десятилѣтіе; въ 39 случаяхъ имѣло мѣсто привлеченіе къ суду, т. е. только половина «разрушительныхъ дѣйствій» заслуживала того, чтобы судъ занялся дѣломъ. Что же оправдывало призывъ войскъ въ другихъ случаяхъ? «Угрожающее настроеніе толпы», какъ это формулируютъ оффиціальные документы?—«Призывъ военной силы вовсе не обозначаетъ употребленія оружія, вообще весьма рѣдко имѣвшее мѣсто», утѣшаетъ насъ авторъ. Конечно, это все-таки большое утѣшеніе. Жаль только, что требованія «научности» не позволили автору привести точную цифру этихъ рѣдкихъ случаевъ.

В. Рыжовъ.

Побѣда кадетовъ и лѣвыя партіи.

Побѣда конституціонно-демократической партіи есть огромнѣйшей важности политическій фактъ, значеніе котораго трудно преувеличить. Съ нимъ обязаны считаться всѣ—и друзья, и противники этой партіи. И важна эта побѣда не столько съ точки зрѣнія ея непосредственнаго, чисто-парламентскаго значенія,—ибо парламентскаго режима у насъ еще нѣтъ, его еще только предстоитъ добыть,—сколько, какъ одинъ изъ этаповъ происходящей у насъ „освободительной“ борьбы, какъ крупное проявленіе сложнаго процесса формированія общественнаго мнѣнія страны.

Побѣду кадетовъ мы меньше всего склонны оцѣнивать, какъ побѣду опредѣленной политической партіи въ собственномъ смыслѣ этого слова. Она намъ прежде всего представляется выраженіемъ мнѣнія, воли, протеста разнообразныхъ слоевъ населенія, которые, при дальнѣйшемъ развитіи нашей общественно-политической жизни, разбредутся по разнымъ партіямъ, но которые сейчасъ сплотились подъ общимъ знаменемъ демократическихъ свободъ. Главнымъ образомъ, по волѣ правительства, въ гораздо меньшей степени—подъ вліяніемъ бойкотистовъ, кадеты явились во время избирательной кампаніи единственной партіей, выступавшей противъ ненавистнаго всѣмъ режима, и все, что было революціоннаго и демократическаго въ странѣ и, въ то же время, не могло мириться съ политикой недѣланія, т. е. съ бойкотомъ, голосовало за кадетовъ. И нужно удивляться, что даже при такихъ условіяхъ Дума, по-

видимому, будетъ насчитывать нѣсколько десятковъ депутатовъ „лѣвѣе кадетовъ“.

Бойкотисты, тѣмъ самымъ, что они заняли принципіально ложную позицію, достигли, противъ своей воли, того, чего, съ ихъ же точки зрѣнія, больше всего нужно было избѣгать въ первой избирательной кампаніи. Эта кампанія, въ общемъ, несомнѣнно содѣйствовала затушевыванію классовыхъ интересовъ обще-демократическимъ знаменемъ кадетовъ. Отказъ бойкотистовъ отъ участія въ выборахъ былъ не больше, какъ едва замѣтнымъ жестомъ, не оказавшимъ почти никакого вліянія на самый ходъ избирательной кампаніи. Критика половинчатости кадетской программы и нерѣшительности ихъ тактики, критика, которую привѣтствовали на избирательныхъ собраніяхъ бурными аплодисментами, могла лишь въ томъ случаѣ быть плодотворной, если бы дѣйствіямъ кадетовъ были противопоставлены другія д ѣ й с т в і я. Но когда страстная рѣчь лѣваго оратора заканчивалась призывомъ къ недѣланію во имя болѣе „рѣшительныхъ“ дѣйствій, которыя должны были наступить въ болѣе или менѣе туманномъ будущемъ, избиратель голосовалъ за кадета, который звалъ его на политическое дѣйствіе сейчасъ, когда нужно было дать хоть какой-нибудь отпоръ обнаглѣвшему режиму. А побѣда единственной, участвовавшей въ выборахъ, оппозиціонной партіи представлялась—и была на самомъ дѣлѣ—наиболѣе сильнымъ отпоромъ, какой при данныхъ условіяхъ можно было этому режиму дать.

Бойкотисты, такимъ образомъ, не только не привлекли къ себѣ новыхъ сторонниковъ во время избирательной кампаніи, но постепенно теряли прежнихъ адептовъ. Быть можетъ, наиболѣе краснорѣчивымъ осужденіемъ ихъ тактики является тотъ фактъ, что во многихъ мѣстахъ рабочіе, которые на своихъ фабрикахъ осуществляли бойкотъ, голосовали въ качествѣ квартиронанимателей за кадетовъ.

Во всякомъ случаѣ, бойкотисты, добровольно устранившись съ арены общественно-политической борьбы, къ которой прикованы были взоры всей страны, и спрятавшись у себя въ подпольѣ, ушли вмѣстѣ съ тѣмъ съ поля зрѣнія общественнаго мнѣнія страны. Съ ними не считались, ихъ программой не интересовались и лишь кое-гдѣ учитывали ихъ роль въ будущемъ на основаніи того, что они дѣлали въ прошломъ. О „дѣйствіяхъ“ подполья,—если только дискуссіи за и противъ бойкота позволительно называть дѣйствіями,—доходили до страны лишь самыя отрывочныя свѣдѣнія, и правительство Дурново-Витте со своей обычной гнусностью пользовалось этимъ и смѣшивало революціонное подполье съ разбойничьими притонами, публикуя въ правительственныхъ и продажныхъ газетахъ, подъ одной рубрикой „революціонное движеніе“, факты объ арестахъ рабочихъ с.-д., обсуждавшихъ вопросъ объ отношеніи къ думѣ или о своихъ профессіональныхъ нуждахъ, и разсказы о продѣлкахъ и „выступленіяхъ“ простыхъ воровъ и грабителей.

Отказавшись отъ дѣйствія въ то время, какъ всѣ другія формировавшіяся политическія партіи дѣйствовали, устранившись добровольно изъ числа партій, боровшихся на выборахъ, которыми интересовалась вся страна, бойкотисты, естественно, все дальше и дальше уходили отъ реальной жизни. И жизнь, въ свою очередь, постепенно уходила отъ нихъ. Кто интересовался въ это время собраніями и „дискуссіями“ подполья, тотъ могъ прослѣдить любопытный процессъ: тактика бойкота, которая вначалѣ была принята, какъ форма—чрезвычайно своеобразная — участія въ избирательной кампаніи, естественно — силою вещей—все больше отъ нея отдалялась. Каждое политическое дѣйствіе тѣмъ и важно, что оно является исходнымъ пунктомъ цѣлаго ряда другихъ политическихъ дѣйствій. Отказавшись отъ участія въ выборахъ, бойкотисты остались въ сто-

ронѣ отъ всего того политическаго процесса, который завязывался на почвѣ выборовъ. И съ каждымъ дальнѣйшимъ шагомъ этого процесса бойкотисты оказывались все дальше отъ того потока, по которому протекала главная струя политической жизни страны.

Единственная партія, которая на всемъ лѣвомъ флангѣ могла будить, разъяснять и углублять классовое самосознаніе, осталась въ сторонѣ. Кадеты могли свободно развернуть свое знамя, подъ которое они звали одинаково представителей самыхъ разнообразныхъ общественныхъ классовъ. Революціонные бойкотисты оказались, такимъ образомъ, самыми дѣятельными помощниками кадетовъ — не своей „критикой", какъ заявляетъ Тулякъ въ „Вѣстникѣ Жизни", а анархистской позиціей воздержанія.

Не менѣе дѣятельнымъ помощникомъ кадетовъ явился „Союзъ 17-го октября". Если кадетскую партію принять за основу нашей будущей радикальной партіи, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что между нею и крайними правыми элементами, не пользующимися рѣшительно никакимъ вліяніемъ въ странѣ, есть мѣсто—и довольно значительное—для теченія, которое въ европейскихъ парламентахъ принято называть то правымъ центромъ, то націоналъ-либералами, то оппортунистами (новѣйшей, мелиновской, формаціи). Г. Шиповъ явился вѣрнымъ выразителемъ этого теченія, которое, несомнѣнно, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, завоюетъ себѣ вліяніе въ странѣ. Умѣренный, но болѣе или менѣе прочно установленный конституціонализмъ, большая постепенность въ проведеніи соціальныхъ и аграрныхъ реформъ съ соблюденіемъ интересовъ крупнаго капитала и крупнаго землевладѣнія, контроль надъ государственнымъ хозяйствомъ,— вотъ программа г. Шипова, который хотѣлъ искренняго осуществленія началъ, возвѣщенныхъ въ манифестѣ 17-го октября, и который могъ сгруппировать

довольно многочисленную партію вокругъ такой программы. Если бы во главѣ нашего правительства стояли люди хоть съ нѣкоторой крупицей здраваго смысла, они бы въ созданіи такой партіи искали себѣ опоры, на ней построили бы программу своей дѣятельности. Извѣстно, что вышло въ дѣйствительности. Возвѣстивъ, подъ давленіемъ временно торжествовавшей революціи, начала 17-го октября, правительство направило всѣ свои усилія къ тому, чтобы превратить ихъ въ фикцію. Искусственно вызвавъ цѣлымъ рядомъ провокаціонныхъ дѣйствій „вооруженное возстаніе“, оно создало временное замѣшательство въ рядахъ крупной и средней буржуазіи. Союзъ 17-го октября и торгово-промышленная партія смѣшались съ явными реакціонерами. Но страхъ предъ вооруженнымъ возстаніемъ скоро разсѣялся, а военно-полицейскій произволъ, равнаго которому даже въ Россіи не видѣли, и спѣшно составлявшіеся „законодательные“ акты, явно стремившіеся отнять у страны то, что возвѣщено было 17-го октября—стояли предъ буржуазіей реальнымъ фактомъ. И значительная часть арміи, которая готова была наполнить ряды союза 17-го октября и торгово-промышленной партіи, голосовала на выборахъ за конституціоналистовъ-демократовъ.

Въ значительной степени воспользовались кадеты и плодами работы крестьянскаго союза, также высказавшагося на своемъ съѣздѣ за тактику бойкота, хотя крестьяне нигдѣ ея не примѣняли. Возлагая такія огромныя надежды на „мужицкую Россію“, правительство повело столь умную политику, что всѣхъ хоть маломальски сознательныхъ крестьянъ оно поставило прямо въ необходимость идти въ избирательной кампаніи рука объ руку съ кадетами. За исключеніемъ нѣсколькихъ губерній, гдѣ имъ удалось провести почти сплошь своихъ собственныхъ кандидатовъ, они, предоставленные самимъ себѣ, не поддержанные своимъ союзомъ,

должны были входить въ соглашеніе съ кандидатами „народной свободы“, разъ они не хотѣли голосовать за крупныхъ помѣщиковъ, открыто выставлявшихъ программу требованій для одного своего класса. Правительство не сумѣло даже въ минимальной степени использовать огромный историческій фактъ, который оно при нѣкоторой ловкости несомнѣнно могло бы использовать,—фактъ глубокой обособленности крестьянства отъ болѣе или менѣе демократически настроенной интеллигенціи.

И всѣми этими ошибками — бойкотировавшихъ выборы соціалдемократовъ и другихъ крайнихъ лѣвыхъ партій, центра и правительства — неизбѣжно должна была воспользоваться та единственная партія, которая открыто выставляла знамя требованій демократическихъ свободъ, знамя хоть какой ни на есть реальной, активной борьбы съ душившимъ всѣхъ произволомъ. И подъ это знамя стали стекаться со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ угловъ измученной страны, изъ различныхъ слоевъ населенія всѣ тѣ, кто прежде всего хотѣлъ разсѣять надвинувшійся на изстрадавшуюся родину кровавый кошмаръ и добиться хоть нѣкоторой свободы. Нужды нѣтъ, что знамя это однимъ казалось слишкомъ блѣднымъ и безцвѣтнымъ, а другихъ оно временами пугало излишней яркостью. Жизнь, реальная жизнь, которая слишкомъ тяжело давала себя чувствовать, требовала, чтобы сейчасъ былъ нанесенъ хоть какой-нибудь ударъ зазнавшейся и зарвавшейся реакціи. „Геніальный“ графъ можетъ теперь пожинать плоды своей поразительной по тупоумію политики. Давъ хотя бы нѣкоторую свободу для избирательной кампаніи, расширивъ хотя бы въ нѣкоторой степени избирательный корпусъ, онъ создалъ бы почву, на которой неминуемо столкнулись бы различные общественные классы, съ ихъ раз-

нообразными, часто противоположными требованіями и программами, и страна, политически мало воспитанная, еще не успѣвъ столковаться, послала бы въ думу рядъ партій и группъ, среди которыхъ умѣренный центръ занималъ бы не послѣднее мѣсто. Теперь, если не считать бойкотистовъ, которые уже начинаютъ понимать всю глубину совершенной ими ошибки, правительство имѣетъ передъ собою страну, почти столь же объединенную—объединенную ненавистью къ существующему режиму — какъ въ октябрьскіе дни.

Да, блестящую побѣду одержали конституціоналисты-демократы. Но можемъ ли мы назвать эту побѣду побѣдой партіи въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова? Ни въ какомъ случаѣ. И мы это говоримъ не потому, что мы противники кадетовъ. Да, мы принципіальные, непримиримые противники кадетовъ, но, быть можетъ, не меньше, чѣмъ они сами, мы желали бы, чтобы у насъ создалась крѣпкая и вѣрная себѣ буржуазно-демократическая партія. Возникновеніе такой партіи оздоровило бы нашу политическую атмосферу, создавъ объективную почву, которая въ гораздо меньшей степени благопріятствовала бы совершеннымъ различными партіями ошибкамъ, которыми такъ богато было время, протекшее съ 17-го октября. Если бы у насъ была хоть сколько-нибудь организованная и рѣшительная буржуазная демократія, ни рабочіе и ихъ соціалдемократическіе вожди не ставили бы себѣ нѣкоторыхъ изъ выдвинутыхъ въ ноябрѣ и декабрѣ задачъ, ибо ихъ политика покоилась бы на болѣе реальномъ фундаментѣ болѣе выясненныхъ общественно-политическихъ отношеній, ни Дурново не дерзнулъ бы такъ открыто вступить на путь провокаціи и, затѣмъ, жестокихъ репрессій, потому что при первой же попыткѣ получилъ бы рѣшительный и объединенный отпоръ отъ рабочаго класса и буржуазной демократіи. Это

взаимоотношеніе между буржуазной и соціальной демократіей вполнѣ сознавалось значительной частью послѣдней въ періодъ до 17-го октября (формула „врозь идти, но *вмѣстѣ* бить"). Условія побѣды, одержанной въ октябрѣ, привели соціалдемократовъ къ переоцѣнкѣ и своихъ собственныхъ силъ, и силъ буржуазной демократіи, а это, въ свою очередь, привело къ тому, что въ ноябрѣ и, въ особенности, въ декабрѣ рабочій классъ оказался изолированнымъ и потерпѣлъ пораженіе. Теперь соціалдемократія должна вернуться къ построенію своей политики, по крайней мѣрѣ, вплоть до торжества демократическихъ началъ, на реальномъ фундаментѣ взаимоотношеній между буржуазной и соціальной демократіей. „Врозь идти, но вмѣстѣ бить», т. е. организаціонно оставаться вполнѣ обособленными и самостоятельными, но выдвигать такіе боевые лозунги и прибѣгать къ такимъ пріемамъ борьбы, которые не изолировали бы рабочій классъ отъ общенаціональной борьбы съ одряхлѣвшимъ режимомъ,—вотъ основаніе, которое одно только можетъ обезпечить плодотворность борьбы на весь тотъ періодъ, пока не будутъ осуществлены демократическія свободы. Само собою разумѣется, что общіе методы дѣятельности могутъ и даже должны отличаться,—слишкомъ глубокая принципіальная пропасть отдѣляетъ эти два общественные класса,—но только одновременный натискъ обѣихъ этихъ силъ можетъ обезпечить полную побѣду. Если болѣе рѣшительная соціальная демократія „подталкиваетъ" демократію буржуазную, вливаетъ въ нее „душу живу", склоняетъ ее на болѣе энергичныя дѣйствія, удерживаетъ ее въ критическіе моменты отъ соблазняющихъ ее компромиссовъ, то самый фактъ существованія организованной буржуазной демократіи, въ свою очередь, удерживаетъ демократію соціальную отъ излишнихъ увлеченій, постоянно заставляя ее считаться съ реальными общественно-политическими отношеніями. И такое взаимо-

отношеніе между этими двумя общественными классами неизбѣжно до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ, соціальная демократія, достаточно окрѣпнувъ организаціонно, добившись благопріятныхъ условій для борьбы за свой конечный идеалъ, можетъ уже на свой страхъ и рискъ, однѣми собственными силами, ставить себѣ самостоятельныя задачи и одинъ идти къ ихъ осуществленію. Кто внимательно слѣдилъ за общественно-политической жизнью въ Бельгіи, Франціи и Италіи въ теченіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій, тотъ знаетъ, какъ гибельно отражалось въ критическіе моменты отсутствіе сильной и организованной буржуазной демократіи на интересахъ всей демократіи, въ томъ числѣ и соціальной *).

Изъ этихъ краткихъ и бѣглыхъ замѣчаній видно, какое важное значеніе мы придаемъ созданію у насъ организованной буржуазно-демократической партіи. Слѣдовательно, когда мы констатируемъ, что избирательная побѣда кадетовъ не есть побѣда опредѣленной политической партіи въ собственномъ смыслѣ слова, мы дѣлаемъ это не изъ нежеланія открыто признать успѣхъ противниковъ, а для того, чтобы вѣрно оцѣ-

---

*) Разумѣется, такое взаимоотношеніе становится невозможнымъ тамъ, гдѣ, какъ въ Германіи, существуетъ сильная, организованная соціальная демократія, въ значительной степени поглотившая и переварившая въ котлѣ классового самосознанія буржуазно-демократическіе элементы. Да и вообще, въ виду успѣшнаго стремленія со стороны соціалдемократіи поглощать буржуазно-демократическіе элементы, послѣдніе фактически не могутъ доразвиться до той идеальной степени, которую мы намѣтили выше. Западно-европейскій опытъ не даетъ намъ, по крайней мѣрѣ, ни одного примѣра развитой въ такой идеальной степени буржуазной демократіи. Но у насъ, въ Россіи, въ теченіе еще продолжительнаго времени будутъ оставаться много, численные буржуазно-демократическіе элементы которыхъ соціалдемократія не въ состояніи будетъ поглотить и которые могутъ существовать въ качествѣ самостоятельной политической партіи.

нить данное политическое положеніе и на этой реальной основѣ построить соотвѣтствующій планъ дѣйствій, соотвѣтствующую политику.

Уже самыя, набросанныя выше, условія побѣды кадетовъ въ значительной степени выясняютъ ея характеръ. Рабочій, иногда сознательный соціалдемократъ, иногда стоящій на пути къ соціалдемократіи, во всякомъ случаѣ стремящійся къ широкимъ соціальнымъ реформамъ; крестьянинъ, требующій отчужденія помѣщичьихъ земель и перехода ихъ, въ той или другой формѣ, въ его руки, но доразвившійся до сознанія, что безъ политическихъ „правовъ“ ему земли не добиться; разночинецъ-интеллигентъ, то народникъ, то соціалистъ, часто крайне демократически настроенный, ни въ какомъ случаѣ не могущій мириться съ режимомъ произвола и репрессій; націоналистъ, къ какимъ бы различнымъ общественнымъ классамъ онъ ни принадлежалъ, понимающій, что только торжество демократическихъ началъ освободитъ его отъ давящаго его гнета; мелкій торговецъ и буржуа, который понялъ, что свобода выгодна для торговаго класса, и думаетъ, что она дастъ ему возможность измѣнить къ своей выгодѣ экономическую политику государства, которая, впрочемъ, часто только въ теоріи, считается лишь съ интересами крупной буржуазіи; крупный буржуа, достаточно развитой, чтобы понимать, что свобода дастъ небывалый толчекъ расцвѣту нашей промышленности; земецъ-помѣщикъ, достаточно разумный, чтобы видѣть, что глупая политика правительства неизбѣжно ведетъ къ кровавой катастрофѣ и что лишь „разумное“ рѣшеніе аграрнаго вопроса можетъ спасти помѣщичій классъ; буржуазные идеологи всѣхъ ранговъ и классовъ, стремящіеся къ свободѣ, — вотъ та пестрая, разношерстная армія, которая обезпечила своими вотумами побѣду кадетовъ. Не нужно, конечно, быть пророкомъ, чтобы предсказать, что постановка любого

пункта кадетской „программы“ на конкретную почву послужитъ сигналомъ къ расчлененію этой разношерстной арміи. Сами кадеты совершили бы огромную, прямо роковую для своей партіи ошибку, еслибы стремились сохранить въ своихъ рядахъ весь этотъ случайный „блокъ“, сплотившійся лишь на почвѣ протеста и общей ненависти къ существующему режиму. Такая зыбкая почва можетъ еще удержать случайную коалицію, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ послужить фундаментомъ для какого-нибудь партійнаго строительства. Только Струве, этотъ мятущійся диллетантъ въ политикѣ, можетъ думать, что къ рабочимъ можно обращаться съ фарисейской формулой: „либерализмъ охватываетъ соціализмъ, какъ частность“. Реальная политика завтра же, при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью, будетъ властно требовать „отвѣтовъ прямыхъ“ на „проклятые вопросы“. И на почвѣ именно этихъ „проклятыхъ вопросовъ“ и „прямыхъ отвѣтовъ“ пойдетъ у насъ настоящее партійное строительство.

Противъ „16-го мая“ и послѣднихъ попытокъ реакціонно-монархическаго coup d' État во Франціи пошли тѣсно-сплоченной арміей всѣ республиканцы. На слѣдующій же день послѣ побѣды, эта армія раскололась на нѣсколько частей, и прошло двадцать лѣтъ, прежде чѣмъ можно было говорить во Франціи о появленіи настоящей радикально-демократической партіи, которая, въ сущности говоря, только теперь кладетъ основаніе своей организаціи.

Но если коалиція, одержавшая побѣду во Франціи въ концѣ 70-хъ годовъ, не представляла собою опредѣленной партіи, то она являлась коалиціей республиканской демократіи (самыхъ различныхъ оттѣнковъ и классовыхъ стремленій), коалиціей, сумѣвшей обезпечить пораженіе реакціи. Если наши кадеты не представляютъ собою опредѣленной общественно-политической партіи, то они являются коалиціей буржуазной

демократіи разныхъ оттѣнковъ и классовыхъ стремленій, коалиціей, которая можетъ, при благопріятныхъ условіяхъ, сыграть крупную роль въ ликвидаціи стараго режима и начальномъ построеніи новаго.

И именно какъ побѣду слагающейся демократіи надъ старымъ режимомъ мы регистрируемъ побѣду кадетовъ. Мы видимъ въ этой побѣдѣ новое проявленіе нарожденія у насъ демократіи, которая изъ избирательной кампаніи выходитъ усилившейся, а, стало быть, и болѣе увѣренной въ себѣ, быть можетъ — болѣе способной къ рѣшительной борьбѣ за свободу.

Кто знакомъ съ исторіей буржуазной демократической партіи въ Европѣ, тотъ знаетъ, что ея революціонность и рѣшительность въ дѣйствіяхъ всегда зависѣла отъ того, „подталкивали“ ли, поддерживали-ли ее слѣва народныя массы, главнымъ образомъ—рабочій классъ. „Подталкиваніе“ и поддержка выражались преимущественно въ критикѣ половинчатости и нерѣшительности ея политики, но не въ словесной критикѣ, а въ противопоставленіи одной тактики другой тактикѣ, однихъ политическихъ дѣйствій другимъ политическимъ дѣйствіямъ. Словесная критика, которая не воплощается въ дѣйствіяхъ, превращается въ простую болѣе или менѣе сентиментальную фразеологію, лишенную всякаго практическаго значенія. Между тѣмъ какъ критика, которая воплощается въ политическихъ дѣйствіяхъ, даетъ въ результатѣ новыя группировки общественныхъ силъ, оказывающія свое вліяніе на весь ходъ общественно-политической борьбы.

На языкѣ практической политики это можно выразить слѣдующимъ образомъ. Буржуазная демократія, какъ политическая партія, сама по себѣ безсильна въ борьбѣ со старымъ режимомъ. Дѣйствительную силу свою она черпаетъ въ поддержкѣ народныхъ массъ, главнымъ образомъ, рабочаго класса. Когда эти массы

совершенно не организованы, онѣ идутъ въ буксирѣ буржуазно-демократической партіи, являясь въ ея рукахъ слѣпымъ орудіемъ. Когда же въ ихъ рядахъ появляется организованная сила, своя самостоятельная политическая партія, послѣдняя, противопоставляя буржуазной демократіи свою программу, свою тактику, свои дѣйствія, привлекаетъ къ себѣ народныя массы. Буржуазная демократическая партія тогда вынуждена идти на встрѣчу ясно выраженнымъ требованіямъ народныхъ массъ, расширять свою программу, чтобы не утерять вліянія на нихъ, приспособлять къ нимъ свои дѣйствія, въ то же время черпая въ силѣ и рѣшительности народныхъ массъ новыя силы для борьбы. Нѣтъ такого именно подталкиванія и поддержки слѣва — буржуазно-демократическая партія теряетъ увѣренность и вступаетъ на скользкій путь компромиссовъ со старымъ режимомъ; имѣется въ наличности подталкиваніе и поддержка—и буржуазно-демократическая партія становится воинственной и рѣшительной.

Ясно, слѣдовательно, что для того, чтобы критика буржуазно-демократической политики имѣла практическое значеніе, она ни въ какомъ случаѣ не должна быть только теоретической, а должна состоять въ противопоставленіи однихъ политическихъ программъ и дѣйствій другимъ программамъ и дѣйствіямъ.

Почему анархисты не имѣютъ никакого успѣха? Критикуютъ, вѣдь, они много, страстно, горячо не только буржуазную, но и соціальную демократію. Только потому, что ихъ критика не увѣнчивается предложеніемъ такихъ политическихъ дѣйствій, на почвѣ которыхъ они могли бы организовать народныя массы. Критика ихъ можетъ имѣть колоссальный успѣхъ, но такъ какъ никакихъ практическихъ дѣйствій она не предлагаетъ, то никакого практическаго результата она не даетъ. Критикъ критикуетъ, а читатель или слушатель почитываетъ или послушиваетъ. Тѣ же анархисты имѣли,

однако, довольно значительный успѣхъ, когда они, даже въ противорѣчіи со своей программой, приступили къ организаціи рабочихъ синдикатовъ, среди которыхъ стали проповѣдывать теорію „action directe“ и всеобщей стачки. Практическій результатъ не замедлилъ сказаться. Кто слѣдилъ за развитіемъ воззрѣній международной соціалдемократіи на всеобщую стачку, тотъ не станетъ отрицать, что, при всей своей теоретической несостоятельности, анархисты сыграли нѣкоторую роль въ измѣненіи отношенія соціалдемократіи къ теоріи и практикѣ всеобщей стачки.

Все это, конечно, для соціалдемократа азбучныя истины. Но если это такъ, то въ чемъ должна выразиться соціалдемократическая „критика“ кадетской партіи въ думѣ, какова должна быть тактика соціалдемократіи по отношенію къ самой думѣ?

Въ № 1 „Вѣстника Жизни“ Тулякъ, возражая Плеханову, говоритъ: „Поэтому мнѣ кажется, что—по крайней мѣрѣ въ данномъ случаѣ—соціалдемократы поступили совершенно правильно, *поддерживая* (курсивъ автора) гг. кадетовъ рѣзкой критикой ихъ политическихъ иллюзій“ *). Посмотримъ же, какой результатъ могла бы дать такая „поддержка“ кадетовъ въ думѣ.

Мы видѣли выше, что подъ флагомъ кадетовъ избраны были въ думу самые разнородные элементы—начиная съ такихъ, которые при болѣе нормальныхъ условіяхъ должны бы были остаться въ рядахъ Союза 17-го октября, и кончая рабочими и такими интеллигентами, которые, не будь принята тактика бойкота, быть можетъ, пошли бы рука объ руку съ соціалдемократіей и другими лѣвыми партіями. И вотъ, если соціалдемократія и другія партіи крайней лѣвой ограничатся по отношенію къ кадетамъ ролью безпощаднаго и рѣзкаго критика на словахъ, сами въ то же

*) *Прим.* См. „Реальная“ политика и „Утопизмъ“, стр. 28.

время „подготовляя“ въ подпольѣ болѣе или менѣе проблематическія рѣшительныя дѣйствія въ болѣе или менѣе туманномъ будущемъ, то заранѣе, нисколько не рискуя ошибиться, можно сказать, что кадеты, въ лучшемъ случаѣ, окажутся способными на совершенно безсильную демонстрацію, которую правительство безъ малѣйшаго труда задавитъ, а въ худшемъ, гораздо болѣе вѣроятномъ, случаѣ войдутъ въ соглашеніе съ правительствомъ, даже рискуя лишиться при этомъ нѣкоторыхъ элементовъ на своемъ лѣвомъ флангѣ. Окрѣпшее правительство, добившись, наконецъ, расчлененія „оппозиціи“ цѣною небольшихъ уступокъ, на довольно продолжительное время отсрочитъ торжество демократическихъ началъ. Тулякъ будетъ метать громы и молніи противъ кадетовъ, клеймя измѣнницею и предательницею партію, которая, несмотря на столь дѣятельную „поддержку“ въ видѣ безпощадной и рѣзкой критики... со стороны, такъ позорно предала дѣло народной свободы. Но всѣ его филиппики, какъ бы основательны онѣ ни были, будутъ тогда имѣть значеніе простыхъ ламентацій, лишенныхъ всякаго практическаго смысла фразъ. Онъ обязанъ былъ, какъ политикъ, предвидѣть подобный результатъ и, считаясь съ этимъ, такъ построить свою политику, чтобы изолировать правительство, а не оказаться изолированнымъ самому.

Приметъ ли соціалдемократія подобную позицію? Несмотря на всѣ ошибки, совершенныя лѣвыми партіями, въ томъ числѣ и соціалдемократіей, въ послѣдніе мѣсяцы, трудно, прямо невозможно допустить, чтобы въ рядахъ соціалдемократіи восторжествовала такая самоубійственная политика.

На какихъ бы основаніяхъ ни была избрана наша первая дума, какъ бы вопіюще-возмутительна ни была примѣненная на нашихъ первыхъ законодательныхъ выборахъ избирательная система, какъ бы неправильно ни было имѣющееся на лицо „народное“ представительство,

какія бы вопіющія нарушенія самимъ правительствомъ введенной избирательной системы ни были допущены администраціей,—именно въ думѣ и около думы, по крайней мѣрѣ, въ теченіе нѣкотораго времени, будетъ центръ борьбы рвущейся къ свободѣ новой Россіи со старымъ режимомъ. Отказъ отъ участія именно въ этой борьбѣ, за которой будутъ слѣдить, которою будутъ интересоваться всѣ, кто такъ или иначе пробудился уже къ сознательной жизни въ Россіи, такой отказъ былъ бы, собственно говоря, отказомъ отъ того, что составляетъ наиболѣе жизненную задачу, raison d'être соціалдемократіи въ данный историческій моментъ.

Какъ партія, которая до сихъ поръ больше всѣхъ другихъ боролась за достиженіе политической свободы, которая всегда стремилась использовать малѣйшую легальную возможность, чтобы давленіемъ массъ раздвигать рамки легальности и дѣлать ее операціоннымъ базисомъ для дальнѣйшей борьбы, партія, главнымъ методомъ дѣятельности которой было будить самосознаніе массъ путемъ вмѣшательства въ окружающую жизнь, въ ту общественную борьбу, которая въ данное время разыгрывается,—эта партія повернется спиною къ думѣ въ критическій моментъ борьбы со старымъ режимомъ только потому, что эта дума собрана не такъ, какъ она того требовала? Неужели же марксистамъ нужно напоминать, что поле и форма борьбы не ими выбираются, [а даются исторіей, и что ихъ дѣло состоитъ именно въ томъ, чтобы пользоваться исторически-данными ситуаціями къ выгодѣ рабочаго класса, т. е. къ возможному улучшенію условій классовой борьбы, къ углубленію классового сомосознанія и организаціи массъ на почвѣ борьбы?

Но—говорятъ бойкотисты—принять выборы и думу, каковы они есть, значитъ сразу сузить размахъ движенія, принизить его къ уровню парламентской борьбы, убить стремленіе къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Вздоръ! Вѣдь, сказать это—значитъ отрицать самую сущность занятой всей международной соціалдемократіей позиціи по отношенію къ парламентаризму. Развѣ участіе въ парламентской жизни помѣшало бельгійскимъ соціалдемократамъ развить поразительное по интенсивности движеніе массъ въ нужные моменты? Напоминать-ли аналогичные факты изъ исторіи Италіи и, отчасти, Австріи? Нѣтъ, не только не мѣшало, но чрезвычайно сильно помогало. Борьба въ парламентѣ, которая отражала въ себѣ движеніе въ странѣ, въ свою очередь, укрѣпляла и обостряла внѣ-парламентское давленіе. Въ теченіе мѣсяцевъ это взаимоотношеніе двухъ силъ поднимало настроеніе борющихся классовъ, и массовое внѣпарламентское движеніе являлось естественнымъ результатомъ постепенно сгущавшейся общественной атмосферы. Вся страна знала, въ чемъ предметъ спора, знала, каковы методы борьбы, и на сторонѣ массоваго движенія было огромнѣйшее большинство тѣхъ элементовъ, на поддержку и сочувствіе которыхъ оно могло расчитывать.

Представляетъ ли хотя бы въ отдаленной степени столь благопріяную арену подполье, добровольно устранившееся отъ жизни, подготовляющее свои „рѣшительныя“ дѣйствія безъ связи съ той общественно-политической борьбой, которая интересуетъ страну, ставшими совершенно непригодными, при наличности публично дѣйствующихъ политическихъ партій, методами заговорщическихъ кружковъ?

Необходимо, слѣдовательно, принять думу, какъ фактъ, а предстоящую въ ней борьбу сдѣлать исходнымъ пунктомъ новой политической кампаніи. Необходимо направить всѣ усилія къ тому, чтобы оказать свое вліяніе на ходъ борьбы внутри парламента; необходимо фиксировать вниманіе широкихъ народныхъ массъ на этой борьбѣ, чтобы онѣ могли въ нужные моменты оказать свое давленіе извнѣ.

Подобная перемѣна позиціи, разумѣется, предполагаетъ необходимость легалигаціи соціалдемократической и другихъ „крайнихъ партій“. Такая попытка встрѣтитъ препятствія со стороны правительства, которому какъ нельзя болѣе выгодно, чтобы соціалдемократія оставалась въ подпольѣ. Поэтому осуществить легализацію партіи можно будетъ лишь постепенно, частями, пользуясь благопріятными моментами, стараясь использовать всѣ легальныя возможности, чтобы массовымъ давленіемъ расширять рамки установленной легальности. Приспособляется, вѣдь, теперь соціалдемократическая печать,—будутъ постепенно приспособляться и всѣ другія проявленія соціалдемократической дѣятельности. Тѣмъ болѣе, что, какъ ни какъ, а это переходное время не долго будетъ длиться.,..

Какъ же могла бы выразиться дѣятельность соціалдемократіи въ думѣ и, въ связи съ этимъ, внѣ думы?

При чрезвычайной запутанности политическаго положенія невозможно, разумѣется, даже пытаться намѣтить конкретный планъ дѣятельности. Но можно и должно, думается, намѣтить основные принципы той тактики, которой крайнія лѣвыя партіи, въ томъ числѣ и соціалдемократія (предварительные подсчеты позволяютъ думать, что три группы крайней лѣвой—крестьянскій союзъ, с.-д. и с.-р.—будутъ вмѣстѣ насчитывать не меньше пятидесяти членовъ), должны придерживаться, въ случаѣ, если думѣ, вопреки ожиданіямъ, суждено просуществовать нѣкоторое время.

Намъ кажется, что для взаимнаго усиленія другъ друга и для возможнаго объединенія, хотя бы на первыхъ шагахъ парламентской дѣятельности, крайней демократіи, всѣ три группы крайней лѣвой должны, оставаясь вполнѣ самостоятельными, со своими различными программами и различными методами дѣятельности, создать такой аппаратъ (хотя бы постоянную делегацію этихъ группъ), который давалъ бы имъ возможность

согласовать, въ соотвѣтствующіе моменты, свои тактическіе шаги. *)

Такія соглашенія по опредѣленнымъ вопросамъ тактики облегчили бы возможность выполнить, внутри думы, двѣ, почти одинаковой важности для даннаго момента, задачи:

1) Оказывать постоянное давленіе на кадетовъ черезъ ихъ лѣвый флангъ, тѣмъ затрудняя возможность опасныхъ компромиссовъ между правительствомъ и кадетами, и привлекать рѣшительностью своей позиціи на свою сторону колеблющіеся элементы изъ „внѣпартійныхъ“, преимущественно крестьянскихъ депутатовъ...

2) Направить всѣ усилія къ тому, чтобы конфликтъ, который правительство, встрѣтивъ нѣкоторое упорство со стороны кадетовъ, вѣроятно, во что бы то ни стало постарается вызвать, носилъ явный, несомнѣнный характеръ столкновенія между всей демократіей и старымъ режимомъ, и тѣмъ подготовить благопріятную почву для окончательнаго пораженія реакціи на будущихъ ли выборахъ или всякими другими средствами.

Могутъ возразить, что эти двѣ задачи какъ бы противорѣчатъ другъ другу. Если первая изъ нихъ рекомендуетъ противопоставлять свое міровоззрѣніе, свою программу, свою болѣе рѣшительную тактику колеблющимся и „половинчатымъ“ кадетамъ, то вторая предполагаетъ желательность, по мѣрѣ возможности, считаться съ дѣйствіями кадетовъ, само собою разумѣется, до тѣхъ

---

*) Само собою разумѣется, что мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ согласиться съ предложеніемъ Прокоповича о созданіи блока между партіями крайней лѣвой. Блокъ предполагаетъ общее соглашеніе между договаривающимися партіями, компромиссъ на почвѣ программы и методовъ дѣятельности. Соціалдемократія на такой компромиссъ не можетъ согласиться; не согласятся на него, вѣроятно, и другія партіи крайней лѣвой. Мы предлагаемъ лишь чтобы лѣвыя партіи вступали между собою въ соглашенія по опредѣленнымъ поводамъ текущей борьбы каждый разъ, когда такое соглашеніе между ними будетъ необходимо въ интересахъ за демократическія начала. Постоянная делегація этихъ группъ вполнѣ достаточна для такой цѣли.

поръ, пока кадеты не измѣняютъ демократіи и не переходятъ avecarmes et bagages, за чечевичную похлебку, на сторону правительства Витте-Дурново.

Да, мы этого не отрицаемъ: нѣкоторое противорѣчіе есть. Но оно диктуется положеніемъ. До болѣе или менѣе полнаго торжества демократическихъ началъ крайнія лѣвыя партіи, въ томъ числѣ и соціалдемократія, должны будутъ, какъ мы выяснили выше, ставить себѣ такіе боевые лозунги и прибѣгать къ такимъ пріемамъ борьбы, которые ни въ какомъ случаѣ ихъ не изолировали бы.

При данномъ соотношеніи силъ, по крайней мѣрѣ, на первыхъ шагахъ дѣятельности думы, необходимо во что бы то ни стало избѣгать такого положенія, при которомъ, вмѣсто конфликта между народнымъ представительствомъ (какъ бы неправильно, повторяемъ, оно ни было избрано) и реакціей, получился бы конфликтъ между крайней демократіей и либерально-демократическими кадетами. Болѣе существенной услуги, какъ такое перемѣщеніе центра тяжести борьбы, реакціи теперь оказать нельзя. Вотъ почему такой ситуаціи необходимо избѣгать всѣми силами. При нѣкоторой доброй волѣ эту задачу выполнить можно, нисколько не отказываясь отъ выполненія первой задачи: правительство со своею тупоумной реакціей—съ одной стороны, крайняя лѣвая своимъ постояннымъ давленіемъ на кадетовъ черезъ ихъ лѣвый флангъ—съ другой, заставятъ кадетовъ оставаться вѣрными хотя бы главнымъ пунктамъ своей политической программы, даже съ рискомъ утерять нѣкоторую часть сторонниковъ на своемъ правомъ флангѣ.

Но, разумѣется, самая раціональная тактика въ парламентѣ не будетъ имѣть никакого значенія, если народныя массы, ослѣпленныя пропагандою бойкотистовъ, останутся индифферентными къ тому, что будетъ происходить въ думѣ. Крайнія лѣвыя партіи и, главнымъ образомъ, соціалдемократія должны въ эту сторону направить всѣ свои усилія. Нужно, чтобы народныя массы,

которыя, какъ ни какъ, хотя бы и контрабаднымъ путемъ, хотя бы противъ партійныхъ лозунговъ, будутъ имѣть небольшую часть своихъ представителей въ думѣ. знали, что борьба въ думѣ идетъ на почвѣ такихъ вопросовъ, которые являются для нихъ жизненными вопросами. Нужно, чтобы онѣ изо-дня въ день слѣдили за тѣмъ, что тамъ происходитъ, обсуждали эти вопросы, голосовали соотвѣтствующія резолюціи и силою своей сознательности, силою своей рѣшительности оказывали постоянное, неослабѣвающее давленіе на думу. Нужно, чтобы депутаты въ думѣ чувствовали и сознавали это постоянное давленіе, которое однимъ будетъ внушать страхъ, другимъ будетъ служить поддержкой.

Необходимо, съ другой стороны, чтобы на почвѣ растущаго интереса къ общественно-политической жизни страны, растущаго самосознанія, растущей самодѣятельности рабочихъ массъ начала, наконецъ, слагаться настоящая рабочая соціалдемократическая партія. Профессіональные союзы, политическіе клубы, просвѣтительныя общества, рабочая печать—всѣ эти легальныя возможности и полувозможности необходимо использовать въ самой широкой мѣрѣ, чтобъ добиться, наконецъ, легализаціи рабочей партіи.

Необходимо, наконецъ, чтобы, до достиженія демократическихъ свободъ, слагающаяся рабочая партія ни въ какомъ случаѣ не прибѣгала къ такимъ дѣйствіямъ, которыя изолировали бы ее отъ общенаціональной борьбы за освобожденіе. Въ предѣлахъ четырехчленной формулы свободъ, которая, въ области демократическихъ свободъ, охватываетъ наиболѣе насущныя требованія рабочаго класса въ данный историческій моментъ, она можетъ и должна обезпечить себѣ умѣлой и рѣшительной политикой поддержку значительной части нарождающейся демократіи. А это самое важное. Она обезпечитъ себѣ тогда соотвѣтствующія условія для дальнѣйшей борьбы за свой идеалъ. **Е. С.**

Неотложная задача.

„Бывали хуже времена“ для русской соціалдемократіи, но, кажется, что „не было подлѣе“. Никогда еще не стоялъ передъ нею такъ угрожающе-близко тупикъ ея кружкового развитія, никогда еще цѣли,—ближайшія задачи, очередные планы, не расходились въ такой мѣрѣ со средствами, и средства такъ мало достигали поставленныхъ цѣлей, какъ въ переживаемый нынѣ моментъ. Соціалдемократіи приходилось и прежде, конечно, задыхаться въ подпольѣ, и прежде событія заставали ее обычно врасплохъ, неготовой, но въ ней постоянно присутствовала увѣренность въ томъ, что — неготовая — она вскорѣ приготовится, что къ завтрашнему дню она зачинитъ прорѣхи своей практической работы и, поднявъ технику дѣла на должную высоту, подвинется настолько впередъ по проложенному и далѣе намѣчаемому ею пути, чтобы добиться искомаго эффекта. Недостатки количества—не есть еще органическій порокъ въ самомъ качествѣ. Но не такъ обстоитъ дѣло сейчасъ.

Разумѣется, и по нынѣшній день можно встрѣтить не мало охотниковъ до оправданія недавняго прошлаго, до изображенія въ немъ всѣхъ дѣйствій соціалдемократіи, какъ необходимыхъ ступеней въ восходящемъ ходѣ революціи. Достаточно раскрыть, напр., страницы московскаго „Текущаго Момента“, прочесть статьи „большевика“ въ „Партійныхъ Извѣстіяхъ“, заглянуть въ 1-й номеръ петербургскаго „Вѣстника Жизни“, чтобы убѣдиться въ живучести традиціонныхъ, партійныхъ реляцій: все обстоитъ благополучно, все идетъ къ лучшему въ этомъ наихудшемъ изъ міровъ, де-

кабрьскій разгромъ только „формально“ пораженіе, а на дѣлѣ — „великая побѣда революціоннаго народа“, пресловутый бойкотъ—избави богъ!—не ошибка, а разумная форма—risum teneatis amici—поддержки либераловъ, той, очевидно, поддержки, которую предписываетъ соціалдемократіи программа, ибо — „рѣзкой критикой“ разоблачать политическія иллюзіи либераловъ и значитъ ихъ „поддерживать“ — гласитъ аѳоризмъ тактической мудрости. Поистинѣ, живъ еще курилка! и здравствуетъ духъ—безсмертный духъ незабвеннаго Кузьмы Пруткова! Но Прутковъ—Прутковымъ, несомнѣнно, тѣмъ не менѣе, одно, что широкіе круги соціалдемократіи начинаетъ за послѣднее время охватывать жуткое ощущеніе неладнаго: что-то неладное есть въ самомъ типѣ, въ самомъ направленіи партійной работы.

Когда кругомъ было тихо, когда внѣпартійная среда была средой аморфнаго общества, гдѣ въ лучшемъ случаѣ творилось культурное дѣло, но не происходило совершенно серьезнаго партійнаго строительства, замѣтныхъ политическихъ группировокъ, когда существовали направленія, но не было подлинныхъ партій, тогда еще мыслимо было, пожалуй, предаваться самогипнозу и думать, что слагающаяся въ развѣтвленную систему кружковъ интеллигенція продѣлываетъ процессъ, равноцѣнный процессу организаціоннаго сліянія пролетаріата. Теперь же самообольщеніе [illegible] дальше, то меньше было мѣста: партійно-кружковый обиходъ все больше становился похожимъ на какую-то запруду, мимо которой несется стремительный потокъ революціонныхъ событій, запруду, которая, чѣмъ сильнѣе отдаетъ своей тиной застоя, тѣмъ легче культивируетъ авантюристскія затѣи, безбрежныя мечты, фразеологію, лишенную содержанія. Изъ партійныхъ круговъ—многими до сихъ поръ игнорируется это симптоматическое явленіе—начиналось бѣгство испытанныхъ

старыхъ работниковъ; безсильные помочь реформированію практики, люди уходили, совсѣмъ отстраняясь отъ дѣла, иногда находя себѣ пріютъ въ профессіональныхъ союзахъ, а если quand-même оставались, то для того лишь, чтобы тянуть черезъ силу лямку работы, въ живительное значеніе которой они перестали уже вѣрить. Страна приходила въ движеніе, новыя политическія комбинаціи и партійныя новообразованія опредѣляли собою физіономію оппозиціонной Россіи, а внутри партіи между тѣмъ все смотрѣло по старому, въ наличности не оказывалось творческихъ силъ, не было пониманія необходимости идти вровень съ ходомъ событій, на запросы дня реагируя активнымъ участіемъ, ловя жадною рукою каждый моментъ, маломальски удобный къ использованію, на всякую мобилизацію общественныхъ силъ реплицируя съ удвоенной энергіей мобилизаціей силъ пролетаріата, при каждой перекличкѣ отвѣчая неизмѣннымъ „здѣсь"!

Природа не терпитъ пустоты! Такъ же точно и природа общественнаго организма, тѣмъ болѣе революціонно-возбужденнаго, не выноситъ отсутствія, автоматически замѣщая отсутствующихъ болѣе подвижными общественными элементами. Русской соціалдемократіи довольно было сдѣлать одну крупную тактическую ошибку, не участвуя въ знаменательномъ политическомъ актѣ первыхъ всероссійскихъ парламентскихъ выборовъ, чтобы оказаться на время за бортомъ политическаго корабля, внѣ процесса общественной жизни. Потому что прошли безвозвратно времена, когда соціалдемократія—монополистка политической сцены, могла позволять себѣ роскошь ошибокъ и удобства абсентеизма. Въ свирѣпой свалкѣ разнородныхъ интересовъ, среди ожесточенной борьбы конкуррентовъ за вліяніе и власть, преуспѣваетъ только тотъ, кто умѣетъ при всякихъ конъюнктурахъ находить подходящую дѣйственную и организующую связь между собой и массами, кто

во-время постигъ механизмъ образованія массовыхъ партій въ процессѣ участія во всѣхъ перепитіяхъ политической жизни. Русская общественность явственно вступала въ критическій фазисъ перелома, когда старыя псевдо-партійныя образованія временъ кружкового подполья и имъ отвѣчающаго общественнаго конгломерата не связанныхъ другъ съ другомъ обывателей—обывательской пыли — окончательно уступали и вынуждены были уступить иного типа партійнымъ формаціямъ.

Конституціонные демократы поняли первые то, чего не хотѣли понять старозавѣтныя организаціи крайней лѣвой: чего не понимали ни соціалъ-революціонеры, ни радикальная интеллигенція союза союзовъ, ни даже соціалдемократы—несмотря на отдѣльные голоса предостереженія. И потому то они сложились съ чрезвычайной быстротой въ большую всероссійскую силу, какъ разъ однимъ изъ тѣхъ методовъ, какимъ бы должна была сложиться настоящая соціалдемократическая рабочая партія. Еще въ докладѣ январьскому делегатскому съѣзду к. д. партіи г. Милюковъ говорилъ: «избирательная кампанія послужитъ для партіи незамѣнимымъ организаціоннымъ средствомъ. Изъ избирательной борьбы партія выйдетъ съ окрѣпшими мѣстными комитетами, съ яснымъ понятіемъ о партійной дисциплинѣ, съ прочной сѣтью связей, съ увеличеннымъ и подсчитаннымъ на выборахъ составомъ членовъ, съ испытанными на дѣлѣ кадрами организаторовъ и пропагандистовъ». И ка-детская партія дѣйствительно вышла настолько окрѣпшей изъ выборовъ, въ ореолѣ всенародности, что теперь могла уже—небывалое явленіе въ исторіи россійскаго либерализма—дерзнуть двинуться походомъ на рабочую массу, попытаться—потихоньку-полегоньку подчинить своему идейному вліянію эту ранѣе либераламъ недоступную область. Подчинить—какъ бы невзначай, при помощи реальныхъ фактическихъ связей, при помощи услугъ, оказываемыхъ

пролетаріату либеральной партіей, остающейся въ то же самое время будто въ сторонѣ и выкидывающей лозунгъ самоорганизаціи рабочаго класса.

„Рабочій классъ—говорится въ 1-мъ номерѣ негласной кадетской газеты „Рабочее Слово"—долженъ организоваться изъ себя, снизу, не подъ диктовку тѣхъ или другихъ интеллигентныхъ группъ, а въ упорной работѣ самодѣятельности и самовоспитанія."

Разумѣется, это кадетское покушеніе на пролетаріатъ, этотъ замаскированный ударъ соціалдемократіи не имѣли бы мѣста безъ предшествующей имъ всероссійской побѣды кадетовъ на выборахъ, но они были также невозможны, тѣмъ менѣе возможны въ данной формѣ поощренія рабочей самодѣятельности—безъ тѣхъ преобладающихъ наличныхъ тенденцій интеллигентской соціалдемократіи, которыя привели ее къ состоянію, подобному какой-то летаргіи.

Интеллигентская соціалдемократія изжила свое развитіе, какъ партія: въ этомъ корень всѣхъ бѣдъ—и дезорганизаціи либераловъ, и безсилія соціалдемократовъ.

Невозможно дѣйствовать долѣе на авансценѣ политической жизни—тѣмъ болѣе въ незавершенный періодъ революціи, когда развернулись хляби и приходятъ въ движеніе соціальныя силы,—располагая аппаратомъ, взросшимъ въ подпольѣ. Невозможно бороться съ политическимъ соперничествомъ, не вырывая у противника его же оружія, и, значитъ, оставаясь въ положеніи дикаря, вооруженнаго булыжникомъ передъ лицомъ „цивилизаторовъ" со скорострѣльными винтовками. Невозможно продолжать выполнять свою старую функцію—суррогата политической организаціи рабочаго класса, когда взбудораженная жизнь взваливаетъ на плечи партійнаго представительства задачи, которыя въ состояніи съ успѣхомъ выполнять только партія съ широкимъ основаніемъ въ массахъ, и не въ силахъ, конечно, интеллигентскій коллективъ, пригодный

для подготовительныхъ цѣлей пропаганды и агитаціи, но совершенно не имѣющій соотвѣтственнаго приспособленія для проведенія въ жизнь серьезныхъ политическихъ дѣйствій

А если, дѣйствительно, невозможно, если, дѣйствительно, справедливы приведенныя только что положенія, то праздными и вреднымъ—потому что отвлекающимъ отъ насущныхъ задачъ—пустословіемъ представляются разговоры о подготовкѣ вооруженнаго возстанія, о диктатурѣ пролетаріата и крестьянства, объ участіи во временномъ правительствѣ и прочихъ высокомудрыхъ матеріяхъ, пустословіемъ—независимо отъ теоретической правильности и практической возможности этихъ умозрительныхъ комбинацій, пустословіемъ до тѣхъ поръ, пока не сдѣланы первые шаги для того, чтобы соціалдемократія изъ партіи на прежній революціонно-интеллигентскій масштабъ, вродѣ партій старыхъ народниковъ и народовольцевъ или нынѣшнихъ соціалистовъ-революціонеровъ, стала дѣйствительной соціалдемократической партіей массъ—достойной этого названія.

Но что нужно для этого? Какія мѣры предпринять?—не въ смыслѣ, конечно, какого нибудь единоспасающаго рецепта, а въ смыслѣ правильно избраннаго направленія усилій, которыя должны быть сдѣланы коллективнымъ умомъ и коллективной волей соціалдемократіи, чтобы выбраться изъ тупика на дорогу?

Передъ нами двѣ неотдѣлимыхъ другъ отъ друга задачи или, вѣрнѣе, одна, но въ двухъ видахъ: пробить стѣны подполья, чего бы это ни стоило, захватнымъ ли порядкомъ, или путемъ такъ называемой легализаціи, и изъ самодовлѣющаго партійнаго организма превратиться въ пропагандистско-агитаціонно-техническій аппаратъ, обслуживающій организаціи пролетаріата, надъ возникновеніемъ которыхъ должно быть сконцентрировано все вниманіе соціалдемократіи. Или точнѣе говоря:

попытаться пробудить въ самомъ рабочемъ классѣ массовое движеніе строительства, заразить его, такъ сказать, эпидеміей организаціоннаго грюндерства — профессіональныхъ союзовъ, обществъ самообразованія, клубовъ, всѣхъ формъ пролетарскаго движенія, какія только можно измыслить.

А для этого прежде всего необходима наличность въ умахъ россійской соціалдемократіи одной предпосылки: надо уразумѣть, наконецъ, и имѣть это обстоятельство непрестанно предъ глазами,—что соціалдемократія, какъ я уже выше говорилъ, не есть партія въ собственномъ смыслѣ этого слова, а только предтеча будущей партіи; что центръ тяжести, стало быть, лежитъ не въ комплексѣ старыхъ партійныхъ ячеекъ, а во-внѣ, за предѣлами его, въ еще имѣющихъ создаться новыхъ— въ пролетарской средѣ и съ пролетарской иниціативой; надо произвести въ своихъ собственныхъ представленіяхъ—выражаясь языкомъ финансистовъ—девальвацію интеллигентской партіи, потому что, только произведя эту умственную операцію, можно очистить головы отъ накопившагося сора партійно-кружковыхъ предразсудковъ и дѣйствительно предпринять коренную реформу въ самомъ типѣ, въ самомъ направленіи работы соціалдемократической интеллигенціи.

У русскихъ соціалдемократовъ еще нѣтъ настоящей, подлинной партіи. Она могла возникнуть вчера, подъ шумъ выборной агитаціи, она, можетъ быть, явится завтра—въ процессѣ той или другой всероссійской политической кампаніи, которая, вовлекая въ сферу своего дѣйствія массы, дастъ имъ возможность откристаллизовать подходящія формы, первичные элементы будущей партіи; она явится завтра и используетъ тогда, какъ свои опорные пункты, какъ основу, какъ скелетъ, подлежащій облеченію въ плоть и кровь, тѣ рабочія организаціи, которыя успѣютъ къ тому времени сложиться. Но сейчасъ есть скорѣе общество соціалдемократиче-

скихъ пропагандистовъ и агитаторовъ, преимущественно изъ интеллигенціи, общество, вся трудность и противорѣчивость положенія котораго и заключается въ томъ, что оно хочетъ играть роль, принадлежащую по праву только органическому продукту самого пролетарскаго движенія.

Хочетъ играть—тогда какъ соціалдемократамъ надлежало помнить, что ихъ партія, уже въ силу характера задачъ, стоящихъ передъ нею, должна бы быть связана съ массами безконечно тѣснѣйшими связями, чѣмъ любая изъ партійныхъ категорій буржуазіи. Буржуазія тамъ, гдѣ она консервативна и не имѣетъ другихъ существенныхъ политическихъ задачъ, кромѣ задачи охраненія statu quo отъ посягательствъ пролетаріата, можетъ обходиться—примѣръ тому Франція—почти совершенно безъ партій или съ жалкими подобіями партій, въ видѣ парламентскихъ фракцій. Но уже другое буржуазія въ моментъ буржуазной революціи, буржуазія наканунѣ своего активнаго выступленія, когда непосредственная близость ея къ массамъ диктуется повелительными условіями ея положенія; образецъ буржуазіи подобнаго рода, буржуазіи, идущей въ народъ, вездѣ плетущей свои партійныя сѣти, всюду запускающей свои организаціонныя щупальцы, являетъ собой конституціонно-демократическая партія. Болѣе ограниченный кругъ очерченныхъ задачъ, тотъ минимумъ, на которомъ она концентрируетъ вниманіе, массъ, идущихъ за него, дѣлаетъ безъ сравненія болѣе легкой задачу буржуазной демократіи, чѣмъ того коллектива, который носитъ названіе соціалдемократической партіи. Соціальная же демократія, какъ партійный организмъ, можетъ дѣйствовать только въ томъ случаѣ, только тогда, когда она сама является результатомъ не отраженнаго дѣйствія рабочаго движенія въ сознаніи интеллигенціи, а непрестаннаго выдѣленія изъ среды самого пролетаріата необходимыхъ единицъ организаціи. А

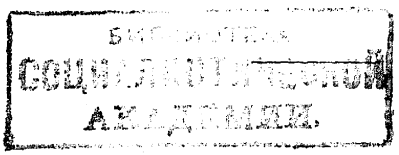
между тѣмъ посмотрите на организаціонную работу конституціонно-демократической партіи: для того, чтобы дѣйствовать въ массахъ, она взяла уроки на западѣ не у буржуазныхъ, а у рабочихъ соціалдемократическихъ рабочихъ партій, уроки тому, какъ организовывать партію. Идя въ парламентъ, она на очередь ставитъ вопросъ объ организаціи избирателя, она пользуется, какъ опорными пунктами коллегіями выборщиковъ, она стремится повсемѣстно создать свои клубы, она—въ своихъ буржуазныхъ цѣляхъ—дѣлаетъ все то, что должна была бы—въ своихъ дѣлать россійская соціалдемократія.

Но потому же самому интеллигентская соціалдемократія—или соціалдемократическая интеллигенція—стоитъ на распутьѣ. Одно изъ двухъ: или она будетъ снесена съ арены исторіи водоворотомъ событій, какъ воплощенный архаизмъ, какъ вымирающій историческій типъ, или она совершитъ свою необходимую девальвацію, направивъ запасъ своихъ накопленныхъ силъ на новую огромную и многообѣщающую работу—обслуживанія пролетарскихъ организацій. Какъ союзъ современныхъ коммунистовъ, какъ общество пропаганды и агитаціи, она поставитъ весь свой наличный персоналъ на службу слагающемуся классу, держа въ памяти твердо, что она можетъ и должна помогать пролетаріату усваивать опытъ международной соціалдемократіи, но что только самъ пролетаріатъ можетъ воздвигнуть коллективными усиліями свою партійную постройку. Она еще не рабочая партія, она только предшествуетъ ей, она старается расчистить путь и облегчить пролетаріату появленіе партіи на свѣтъ. Она, конечно, не убоится своей партійной „девальвації“ точно умаленія, она не отречется отъ своихъ прямыхъ соціалдемократическихъ обязательствъ, какъ нѣкогда отреклись во имя того, что партіи нѣтъ — ревизіонисты

русскаго марксизма, уходя изъ стана трудящихся въ станъ либерализма.

Она не уйдетъ, а, наоборотъ, воскреснетъ для новой работы, она вложитъ весь революціонный пылъ, весь запасъ своего умѣнья въ то дѣло, которое только она въ состояніи совершить безъ ущерба для пролетаріата!

А. П.



Отъ редакціи.

Помѣщая статью Маслова въ защиту его взглядовъ, мы предполагали въ этомъ же номерѣ помѣстить редакціонную статью по тому же вопросу. Къ сожалѣнію, это намъ не удалось, и мы, откладывая помѣщеніе этой статьи, считаемъ нужнымъ оговориться, что редакція продолжаетъ стоять въ аграрномъ вопросѣ на почвѣ резолюціи „меньшевикской“ конференціи.

Редакторъ-издатель *А. В. Малышевъ.*

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ:
Николаевская ул. 29.
въ С.-Петербургѣ.

ЦѢНА ВЪ ГОДЪ
5 руб.